

Владимир Силантьев

Ровесник СССР

Владимир Силантьев

РОВЕСНИК СССР

Владимир
СИЛАНТЬЕВ

РОВЕСНИК СССР

Всюду Вселенную я объехал...

АСПЕНТ ПРЕСС

Москва

2020

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)
С36

Силантьев В. И.

С36 Ровесник СССР: Всюду Вселенную я объехал... / В. И. Силантьев. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 309 с.

ISBN 978–5–7567–1110–3

В книге ветерана-фронтовика рассказывается о событиях современности с точки зрения журналиста-международника, объехавшего много стран Западного полушария: от маленькой Никарагуа до могучей, развивающейся Бразилии. Автор делится с читателями впечатлениями и размышлениями о судьбе СССР, перестроечных реформ, а также рассказывает о событиях военного и послевоенного времени, в которых лично принимал участие. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного альбома автора.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978–5–7567–1110–3

© Силантьев В. И., 2012, 2014

© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2020

Литературно-художественное издание

Силантьев Владимир Иванович

РОВЕСНИК СССР

Всюду Вселенную я объехал...

Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,5.

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

ПОСВЯЩАЮ
любимой супруге Елене Андреевне
и прекрасному сыну Андрею

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. ВОТ ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Дед землю пахал	6
Одноклассники	11
Наивные и провокационные	16
Безработный король	20
Моя любовь	22
Осколок Британской империи	27
Костер войны	29
Откуда начинался Байрес	31
Пампа, Каса Росада, Лолита, Менотти	34
Золотые студенческие годы	38
Вопросы ленинизма	45

Часть 2. ГЛАВНОЕ — СУДЬБА ДЕРЖАВЫ

Чужой среди своих	51
Приводные ремни	55
Канадские прерии	60
Даешь конвергенцию	63
Народный капитализм	66
Из семейного архива	68
Символы сталинской Москвы	70
Гибнет страна	73
Заговорщики	77
Расстрел Белого дома	79
Все так и не так!	83
Итоги доктрины ЦРУ	87
Цена примирения	90
Кислые ягоды перестройки	93
Покаяние профессора	98

Часть 3. НАПЕРЕКОР СТИХИИ И УГНЕТЕНИЮ

Даю «кругаля»	101
Колокол свободы	106
На одном континенте	108
Из волн выплывает солнце	110
Время тяжелых испытаний	112
Гимн воде	114
Прогулка по Москве... в Мехико	115
Патрия о Муэрте	117

Часть 4. ВОЙНА, ВОЙНА...

Зловещая фигура	127
Разведчики	132
Кто прошляпил начало войны	136
Война моторов	139
Люблю тебя, Россия	141
Где увидеть пролетариат?	143

Ностальгия по-советски.	144
Прозрел.	145
Историческая справедливость.	145
Современники о И. В. Сталине.	148
Шарль де Голль (Франция)	148
Антони Иден (Великобритания)	148
Уинстон Черчилль (Великобритания)	148
Кульг личности.	149
Не дай Бог воскреснет!	150

Часть 5. ПОД ЮЖНЫМ СОЗВЕЗДИЕМ

Визовый вопрос	174
Цена изумрудов и кофе.	175
Вдохновение мастера.	178
Водопады Игуасу	180
Рио-де-Жанейро	182
Город-юбиляр	186
Столица каучукового края	188
Несущие свет	190
Там, где начинается Амазонка.	192
Уругвай на важном повороте	193
Вива Никарагуита!	196

Часть 6. ФИНАЛ

Глобальный кризис	202
Финишная кривая «Известий»	205
Поминания по-русски	207
Атомный реквием	210
Хромая лошадь Россия	213

Часть 7. МОЯ СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

(главы написанные и отредактированные в 2013–2014 гг.)

Юбиляр	219
Уроки начала войны	220
Дальновидный вождь	225
Первые шаги в «Комсомолке»	231
На берегах Темзы	240
Игра в поддавки	247
Алексей Аджубей	254
Известинцы	259
Советская элита: так жить нельзя!	265
Пять лет в «Неделе»	269
Вокруг Мехико	273
Воспоминания курортника	281
Послание потомкам	289
Зачехляю пишущую машинку	297

ЭПИЛОГ	304
-------------------------	-----

Библиография	308
------------------------	-----

Об авторе	309
---------------------	-----

ЧАСТЬ

ВОТ ТАК СЛУЧИЛОСЬ

ДЕД ЗЕМЛЮ ПАХАЛ

Когда едешь от Владимира в сторону Суздаля, то видишь вокруг весьма однообразную равнину. Ни овражка, ни рошцы... Разве лишь кое-где виднеется хилый кустарник. Давным-давно обжита тут русская земля, обильно политая потом и кровью. Справа, на востоке, не видно, где кончается суздальская равнина, а вот слева, на западе, отчетливо выделяется темно-зеленая полоса лесов. В них-то и спряталась наша деревенька со странным названием Чувашиха. Рядом находятся деревни и села с исконно русскими именами, а наша почему-то окрещена «иностранкой». Сколько помню, не жило в ней ни одного инородца. Население состояло главным образом из четырех семейств и их ветвей: Силантьевы, Фокины, Придорогины и Захаровы. Все говорили по-владимирски на «о». Моя фамилия произносилась «Силонтьев», с ударением на «о». В детстве нас с братом по фамилии прозвали «Сила мать носила».

Мой брат Анатолий родился в холодный ноябрьский день в голодном 1919 году. Появился на свет в деревенской баньке, что стояла в огороде нашего крестьянского подворья. Баня была крохотная, без окошек. Шагнув внутрь, взрослый человек был вынужден пригнуться, дабы не удариться головой о притолоку двери. Топили баню «по-черному»: дым от печки из-за отсутствия трубы уходил через дверь. Стены внутри были покрыты толстым слоем сажи. И часто мы с братом, уже вымытые матерью, ненароком касались стены и получали нахлобучку. Нас снова приходилось обливать водой, а ее таскали ведрами из глубокого колодца. В бане рожали все женщины из рода Силантьевых. Сколько ребятишек появилось в ней на свет, не знаю. Всего же у моего деда Матвея было четырнадцать детей. Две мои тети с семьями жили на южной стороне Чувашихи. Дядя Александр, старший из детей деда, — на северной. На престольные праздники одна тетя приходила с гостинцами из Владимира, дру-

гая — с Собинки, ближайшей станции, где работала на текстильной фабрике Саввы Морозова. А многие Силантьевы, как и мой отец, уехали искать счастья в больших городах.

Путешествие из Москвы в деревню всегда было связано с невротрепкой и приключениями. Мы жили у Даниловской площади, до Курского вокзала добирались на извозчике. Везли в деревню крупы, сахар, одежонку в подарок... Часть продуктов мать отдавала деду Матвею, часть обменивала у соседки на молоко, остальное — нам на пропитание. Выезжали месяца на три, на время школьных каникул. Повозка извозчика едва вмещала все узлы, мешки и чемоданы. Я с братом восседал на узлах, рядом покоилась старинная корзина размером с чехол швейной машинки. В нее мы запихивали непослушного кота, прозванного матушкой весьма «оригинально» — Моська. Рыжий, с белыми поперечными полосами, он смахивал на тигренка и выглядел весьма грозно. Но отличался простодушным характером. В отличие от других котов он не убегал от преследователя, а ложился на спину, поднимал лапки кверху, приготовившись играть. С Моськой приходилось гулять, как с собакой. Пробовали приспособить ему ошейник, но он ухитрялся из него вылезать. Лишь фабричного изготовления корзина с плотной крышкой и замком умирляла его нрав. Однако не проходило и минуты, как мать кричала нам: «Откройте крышку! Задохнется кот!»

Как-то на Таганской горе нас стал обгонять трамвай. Увидевшие кота пассажиры — мальчишки засвистели, пытаясь напугать Моську. Мать встревожилась, но не подала виду, крикнула: «Не свистите, дурачье! Кот ученый, из цирка, не убежит!» Гора кончилась, трамвай притормозил возле остановки, а мы благополучно доехали до вокзала. Теперь надо было ждать час, а то и более, ибо матушка требовала приезжать загодя. Также загодя она готовилась к выходу из вагона по прибытии поезда на нашу станцию Ундола. Поезд почему-то всегда прибывал рано утром, когда все нормальные люди спят и трудно разомкнуть глаза. До Ундола еще две остановки, а вещи уже перенесены в тамбур. Там в холоде дежурит Анатолий. А я с котом пока сижу и дремлю в теплом накуренном вагоне. Наконец остановка. Мать суетится, вытаскивает вещи и пересчитывает узлы и мешки. Теперь их надо перетаскать через рельсы к старому станционному зданию. Тут на помощь приходит дед Матвей. О встрече они с матерью списались по почте за месяц до нашего отъезда. Не было случая, чтобы нас не приехали встречать. Проходило не менее часа, пока грузились, запрягали лошадь, проверяли, хорошо ли затянут хомут, не трет ли шею коню, привязаны ли веревкой сумки и узлы.

Нас, маленьких, усаживали в центре телеги, накрывали тяжелым тулупом и приказывали спать до села Ставрова.

Село находилось на полпути до Чувашихи. Там нас будили, лошадей привязывали, рассупонивали и давали ей сена, иногда овса из торбы. Все поднимались на второй этаж чайной и долго отдыхали. Пили чай с сахаром вприкуску из больших чашек с блюдцами. Дед Матвей обычно задавал два-три вопроса о московской жизни: как, мол, живете-можете, как отец Иван, как растут детки-внучатки?

Когда мы подросли, сначала купили велосипед Анатолию, позже — мне. Путь на подводе от станции матушка проделывала одна с Моськой. Мы же укатывали на великах по тропинкам в Чувашиху. Однажды возница приехал с вещами, но без матушки и кота. Что случилось? Оказалось, Моська вылез из корзины и потерялся. Мать вернулась к вечеру, огорченная, в слезах. Утром она разбудила Анатолия, накормила яичницей и послала искать Моську. Он проехал по дорогам до Ставрова, но вернулся один. На другое утро пришла моя очередь искать кота. Я честно проехал все деревни, где, по рассказу матери, мог сбежать наш тигренок, но кричать дурацкое имя Моська стеснялся. Раза два крикнул и увидел странно взиравших на меня парней. Еще побьют, подумал. На третий день матушка сказала:

— В печке я оставила шей и каши на два дня. Напекла пирогов. Ухожу от вас искать Моську. Когда вернусь, не знаю.

К вечеру она вернулась, и надо же! — с Моськой. Кот жил долго и умер у меня в ногах, когда я читал стихи Лермонтова. Вскоре мать завела собачку — белоснежного шпица. Возникла новая любовь. В октябре 41-го матери пришлось покинуть Москву, отправиться в эвакуацию в Казань, где служил брат Анатолий. О путешествии с собакой в поезде не могло быть и речи. И бросить ее на произвол судьбы мать, конечно, тоже не могла. Чтобы собачка не мучилась, умирая с голоду, мать ее удавила. Вот такой был характер!

Но я забежал далеко вперед. С деревней связаны милые детские и отроческие годы — пора безмятежной жизни и приключений. В ту пору заветной детской игрушкой был деревянный конь на колесиках. Его можно было без усталости катать и самим на нем кататься. Любимую игрушку брали в деревню. Мой двоюродный брат Санька смастерил мне игрушечную телегу с миниатюрными оглоблями, осями и колесами. Санька же сшил игрушечный хомут для коня, изготовил дуги, обучал меня, как запрягать лошадь. В пору сенокоса мы с ним косили траву, сушили и укладывали в копны, а потом перевозили на игрушечной телеге в сарай. Я никогда не видел брата больным. Но он страдал эпилепсией и зимой в припадке умер.

Любовь к лошадям чуть не кончилась для меня трагедией. У деда Матвея был мерин по кличке Матрос. После коллективизации он стал колхозным, но закрепленным за дедом. Однажды дед разрешил мне прокатиться на телеге, запряженной Матросом, до картофельного поля. Мать возражала: холодно, а одет парень в обновку-матроску и новые башмаки. «Пушай прокатится, — увещевал ее дед. — Матрос — смирный конь, не зашибет!» Поле находилось за школой, возле дома дяди Александра. Старший сын деда был отделен одним из первых, но богатства не нажил. Ни вишни, ни яблонь в саду, даже перед домом не были посажены липы или березы. Семья считалась самой бедной в деревне. Мои многочисленные братья щеголяли в рваных штанах с заплатами, вечно босые. Помню, однако, что один из них позже стал актером, играл «социальных героев» в драмтеатре в Москве и был похож на популярного тогда актера Стоярова, героя фильма «Цирк».

Матрос без труда тянул телегу с мешками, набитыми картофелем. Он должен был остановиться перед домом, стоявшим на склоне горы. Управлявшая Матросом женщина не смогла удержать лошадь. Тяжелый груз давил на оглобли, на хомут. Мерин отступил на шаг-другой, и телега покатилась под гору. Внизу — речка Яхрома. Неглубокая, неширокая — повсюду ее можно было перепрыгнуть. Но тут, возле коровника, ее запрудили под водопой. Возвращавшиеся с речки парни крикнули мне: «Крепче держись!» А мне надо было, напротив, выпрыгнуть из телеги. Поверни Матрос чуть вправо, он свалился бы в овраг — самое страшное место в деревне, куда нам, ребятам, запрещали даже близко подходить. Мерин бежал прямо по тропке, приняв ее за проторенную дорогу. Он с ходу перемахнул через речку, распластался на берегу, а телега со мной оказалась на середине Яхромы и стала тонуть. К счастью, дно заросло камышом, и, цепляясь за стебли, я выкарабкался на берег.

Когда я подрост, возникли проблемы в отношениях с матушкой. Она наказывала меня за поздние гулянья на «кругу», где танцевали и пели частушки деревенские парни и девчата. Я объяснял матери, что люблю музыку. Не действовало. «Купи мне гармонь, — попросил мать. — Буду сидеть дома и играть». Мое предложение и понравилось ей, и напугало. Где взять деньги? Вместо денег отдали будущий урожай антоновки из нашего сада. Тогда на деревенских гуляньях звучали владимирские «страдания», «Светит месяц», «Барыня» и другие нехитрые мелодии. Мне удалось одолеть премудрости двухрядки и выучить несколько песен. Их оказалось достаточно, чтобы прослыть деревенским гармонистом. Для матери начались

новые испытания, хотя она и гордилась мной. Теперь я еще дольше пропадал на «кругу».

В июле жители Чувашихи по традиции отмечали престольный праздник Космы и Дамиана. На него приходили родственники и знакомые из соседних сел и деревень. В полдень на главной улице начинался парад девичьих обновок. Девчата демонстрировали свое приданое потенциальным женихам и будущим свекровям и зловкам. Обновки каждый год менялись в зависимости от количества приданого невесты. Потом наступал черед застоля. Уличный шум перемещался в избы и продолжался до вечера, когда молодежь и взрослые снова высыпали на улицу, а на «кругу» кружились пары танцующих.

Парни пришли поздравить мать и меня с праздником еще в полдень. Они хвалили меня как хорошего гармониста и пригласили прогуляться. Однако на главную улицу не пошли, свернули в огород и остановились перед грядкой с огурцами и зеленым луком. Один достал из карманов чашки, другой — бутылку водки, ловко откупорил ее зубами и разлил всем поровну. Я отказался: мол, никогда не пил. Меня уговаривали, чтобы пригубил. Говорили, что рано или поздно, а начинать придется. Я пригубил и сразу поперхнулся, хотел выплюнуть горькую жижу. «Не выплевывай — хуже будет, стошнит!» — крикнул кто-то из ребят. Проглотил и не почувствовал опьянения. Спустя час меня «повело». Мать заметила неладное и догадалась, что случилось, заперла меня в клетки. Когда под вечер парни пришли за своим гармонистом, она их встретила ухватом. Престольный праздник был испорчен. Всю ночь у меня кружилась голова, тошнило. Это происшествие с печальным концом отучило меня пить водку на много лет.

Под новый 1939 год мне купили баян. И уже летом я отправился работать баянистом в пионерский лагерь. Вернулся из лагеря и вручил матери первую в жизни получку — что-то около 370 рублей. Она было расплакалась, но деньги вернула и сказала: «Купи себе, что душа желает». Я мечтал о патефоне и настоящем фотоаппарате. Денег хватило лишь на патефон и пластинки Вадима Козина и Клавдии Шульженко.

Наступил 1940 год — срок моего призыва в армию. Медкомиссия Москворецкого военкомата не увидела во мне богатыря и определила в пехоту — в полковую школу, где готовили командиров отделений. Лежал бы я где-нибудь под березкой на Смоленщине или в Подмосковье. Но судьба распорядилась иначе. Брат Анатолий окончил спецшколу и учился в артучилище в Ленинграде. Мне тоже захотелось

поступить в военное училище. Подал заявление в военкомат. Шли недели — ответа не было. Пошел на футбол посмотреть матч любимого «Торпедо» со «Спартаком». До войны на стадион «Динамо» добирались на трамвае, а я пользовался личным транспортом — велосипедом. У северной трибуны сдавал велик сторожу и получал от него жетон с номером. После матча быстро получал свой тяжелый дорожный велосипед и с ветерком через пол-Москвы возвращался домой.

Однажды приехал часа за два до начала матча, прогуливался по парку, читал объявления. Одно из них предлагало: «Молодые москвичи! Крепите ряды славной Красной Армии, поступайте в наше авиационное училище...» Сообщался адрес. Оказалось: училище рядом, за восточной трибуной «Динамо». Пошел разузнать. Дежурный сержант встретил радушно: «Паспорт с собой?.. Заходи, принесешь завтра. Заполняй анкету». Сержант послал меня на медосмотр. И вдруг в кабинете врача-ларинголога я узнаю, что, оказывается, училище готовит авиационных радистов. Женщина в белом халате, под которым скрывалась военная гимнастерка, долго изучала мое левое ухо и наконец сказала: «Не годитесь! У вас проколота барабанная перепонка».

Конечно, я расстроился, случайно узнав про свою болячку, и уехал в пионерлагерь баянистом. Возвратился — дома лежала повестка из военкомата. Приказ: срочно ехать в Ленинград — сдавать экзамены в авиатехническое училище. Я никогда не был в прекрасном городе на Неве, где, кстати, жил мой дядя Никита. И я подумал: хоть денек-другой побуду там, пока не попаду на медкомиссию к ушнику. А получилось так, что мы сначала сдавали экзамены, а медосмотр был формальным. Мои уши оказались в норме. Меня зачислили в училище, готовившее ... авиационных механиков. Им не нужен тонкий слух. Их музыка — рев авиамоторов.

ОДНОКЛАССНИКИ

На встрече одноклассников собралось чуть больше полудюжины выпускников 1940 года, в большинстве своем выпускниц. У всех были слезы радости на глазах. Столько лет не виделись! За столом в тесной небольшой квартире Нины Лобановой на Шаболовке стоял гвалт говорливых, как прежде, девушек, а теперь — бабушек. Мужчин было всего несколько человек. Имена многих выпускников значились на мемориальной доске, вывешенной на третьем этаже 540-й школы в память о погибших в Великой Отечественной войне. Там были имена не только наших товарищей

по учебе, но и фамилии учителей — физкультурника Я. Акимова и директора школы Ф. Седова. Если бы добрые ангелы не заботились обо мне, моя фамилия также значилась бы на школьной мемориальной доске.

На встречу одноклассников пришел Сергей Циринский. Имя его отца, который учился вместе с нами, было выведено на мемориальной доске. Сергей никогда не видел отца. Он родился, когда отец уже был призван в армию, а вскоре погиб. Мы были единственными, кто сохранил память о Серезином отце, кто мог поделиться своими воспоминаниями о нашем дорогом товарище и однокласснике. Сергей благодарил нас за это, а мы называли его «сыном нашего класса».

Рассказывали на встрече всякое. Оказалось, что сидящие за столом нынешние бабушки, во время войны им было 20—23 года, точили на заводских станках артснаряды. Другие ухаживали за ранеными в госпитале. Грустные рассказы прерывались воспоминаниями о любимых учителях, о веселых школьных историях. Я спрашивал бывших одноклассниц, что они думали о нас, мальчишках, в частности обо мне. «Непоседа», «Не давал прохода девчонкам», «Больно щипался»... Тамара Элкина рассмешила всех: «Володя отлично танцевал. У меня дома на вечеринке так отплясывал, что у него отлетела подошва. Выручил мой отец. Снабдил его своими ботинками, чтобы смог дойти до дому по морозу». Другие возражали: «Был серьезным, писал стихи».

Мы родились, когда горячие годы Гражданской войны, экономический хаос были позади. А впереди сияла заря новой, созидательной жизни, вселявшая уверенность в исходе гигантской битвы. Впереди, как позже оказалось, выдались почти двадцать лет мира. За это время мы выросли, успели окончить семилетку, а многие и десятилетку. Мы хорошо подготовились к труду. Но почти все со школьной парты вынуждены были пойти на фронт — воевать с фашистской Германией.

Наше поколение обвиняют в том, что мы были лишены свободы, подчинены единой идеологии, были «заорганизованы». Стараюсь вспомнить. Верно, один раз нас организованно повели в кинотеатр «Великан», что находился на Серпуховской площади, посмотреть киноленту. Нет, не о революционерах-большевиках, например, «Юность Максима», не «Ленина в Октябре», не «Человека с ружьем», а кинокомедию «Веселые ребята». Мы дружно хохотали весь сеанс — от начала до конца. Хорошо, что среди нас был пионервожатый, отлично игравший на рояле. Он запомнил песенку-

марш: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Что касается воспитания из нас патриотов, нашей беззаветной любви к Родине, то здесь «виновны» дворяне — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев и другие. Достаточно было прочитать пушкинского «Дубровского», некрасовскую поэму «Кому на Руси жить хорошо», лермонтовское стихотворение «На смерть поэта», чтобы самому, без подсказки решить, на чьи баррикады встать. Мы не только читали наших великих классиков, но и писали сочинения о героях их произведений. Вот тут начиналась «организованность», никакой свободы. Напишешь хорошо — поставят четверку, а если плохо — двойку. Запоем мы читали «Овода» Войнич, а также «Как закалялась сталь» Островского. Политической литературы не помню. Вывешивали всюду лозунги к 7 ноября и Первомаю. Помню, как однажды канючил у отца и матери купить мне кусок красной материи, чтобы написать лозунг и повесить его на балконе. Мать чуть не плакала от досады. Ткани тогда продавались по карточкам. Тонкой дешевой хлопчатобумажной материи красного цвета в магазине не было. Только дорогой сатин. Мать мечтала об отрезе на платье. Но под напором отца не устояла.

Мои любимыми учителями были математик Яков Федорович Чекмарев, преподавательница немецкого языка Нина Александровна Пигулевская и физкультурник Яков Никитович Акимов. Они были добрыми, беззаветными, красивыми людьми. Впрочем, аналогичные эпитеты я мог бы адресовать большинству наших наставников и директору школы. Ценили их не за внешность и хороший характер, а за умение преподавать, передавать знания.

Нашим учителям легко было раскрывать нам, в чем смысл жизни. Мы жили в эпоху удивительных открытий, подвигов, познания неведомого. Мы восторгались захватывающими воображение полетами чкаловцев через Северный полюс, первыми московскими троллейбусами и метро. На наших глазах преображалась Москва, вся страна.

Мы с братом с трепетом переступили порог новой школы. В ней было все, о чем мы могли только мечтать, — большой актовый зал, просторные светлые классы, огромный спортзал, и даже в подвале стояли токарные станки. Директор школы, рабочий с «Красного пролетария», показывал нам, как обрабатывают детали, сверлят металл. Тогда было важно вместе с общеобразовательным обучением прививать молодежи производственные навыки. В стране развертывалась широкомасштабная программа индустриализации, строились шахты, домны, прокатные станы, станкостроительные заводы.

Мальчишками мы бегали к высоченной ажурной башне радиостанции (тогда имени Коминтерна) и гоняли мяч по полю, кое-где поросшему репейником. Со временем поле застроили кирпичными пятиэтажками, исчезли деревянные избушки, окружавшие нашу школу. Зимой мы становились на лыжи прямо у подъезда нашего дома на Шаболовке и катили без препятствий до Нескучного сада. Там на свой страх и риск катались с крутых гор, спускаясь к Москве-реке. С годами нам стали преграждать путь то новые корпуса станкостроительного завода «Красный пролетарий», то многоэтажные дома Академии наук.

Помнится, летом мы отправлялись к Калужской заставе — ныне площадь Гагарина. Там кончалась Москва. Миновав большое село, мы спускались с Воробьевых гор к реке, переплывали на другой берег и грелись, загорали на траве Лужников. Но потом в столице началось бурное строительство мостов и обустройство земляных берегов. Там, где мы купались, набережную заковали в каменные плиты, и, переплыв реку, на берег подняться стало невозможно. Изменялся облик города, менялись и наши увлечения. Когда пустили первую линию метро, мы спешили осмотреть все станции, катались вверх и вниз на эскалаторах. Царило необычайно радостное настроение.

Наш учитель математики, грузный мужчина, едва протискивался в классную дверь — мешали его живот и толстый портфель, в котором были наши тетради, изрядное количество учебников и пособий. Автором некоторых был сам Яков Федорович. Он требовал от нас знаний «выше школьной программы». Учитель покори нас с первого урока, когда научил умножать и делить пятизначные числа. «Если будете у меня учиться на пятерку, — говаривал он, — то непременно поступите в технический вуз». Однако, как мы ни старались, почти никому поначалу не удавалось получить оценку выше «хорошо». Математик ставил «отлично» лишь способным, трудолюбивым, научившимся решать его хитроумные задачи.

Частенько урок прерывался плаксивыми голосами девочек. Они жаловались, что домашняя задачка не решается. «Ошибочка в учебнике», — заключали робко девчата. «Не может того быть! — громко восклицал математик. — Неужто ни один молодец не осилил задачки? А где же был наш умник Верховцев?» Обычно сидевшего в темной стороне класса Юрия Верховцева не было на месте. Оказывается, он заболел. И тут вдруг поднимался Юра Петров или Юра Трунов, иногда и я, и несмело говорил: «Вот у меня ответ сошелся...» «Марш к доске! — командовал учитель. — Покажи свои семь пядей во лбу!» Требуя от нас знаний «выше программы», матема-

тик воспитывал в своих учениках уверенность в своих силах. «Воля и труд все перетрут», — любил говаривать он. Порой для решения его задачки требовались и впрямь семь лбов. Решали группой любителей математики, иногда долгими часами. Когда добивались успеха, договаривались, кто пойдет к доске отвечать, чтобы наверняка получить «отлично». И так поступали по очереди.

В авиационном училище в Ленинграде я за семь месяцев до начала войны получил настоящую солдатскую подготовку и закалку. Другие, как Юрка Верховцев, не имели такой возможности. Высокий статный парень, страдавший близорукостью, записался ополченцем во время наступления немцев на Москву и в первых же сражениях погиб. Не знаю, успел ли он обучиться стрельбе из винтовки до отправки на фронт, обращаться с боевой гранатой, окапываться и прочим солдатским «премудростям». В школе многие из нас, мальчишки и девочки, сдавали нормы на значок ГТО («Готов к труду и обороне»). Нас обучали стрелять из малокалиберной винтовки, бросать гранаты, конечно без боевой начинки, ползать по-пластунски, совершать марш-броски. Юра, как «белобилетник», был от этого освобожден.

Погиб и наш преподаватель физкультуры Яков Никитич Акимов. Его фамилией открывается школьная мемориальная доска, на которой начертаны имена многих моих товарищей. Я не знаю обстоятельств гибели Якова Никитича, но уверен — он дрался самоотверженно, до последней капли крови. Коренастый, мускулистый, отличный лыжник и гимнаст, он снискал среди нас большое уважение.

Школа была для меня вторым домом. Утром — классные занятия, по вечерам — волейбол. Яков Никитич доверял нам ключи от спортзала, и мы «рубались» одни, допоздна. Одно время по вечерам в школе нас учили танцам: бальным и современным (фокстрот, танго, вальс-бостон). Дважды меня приглашала на вальс наша учительница немецкого языка Нина Александровна и похвалила мои танцевальные способности. Развлечений в школе было предостаточно. Как вспомнили одноклассники, я участвовал в драмкружке и играл роль Скалозуба в «Горе от ума». Этого я не помню. Зато на школьной фотографии увидел себя в составе школьного джаз-оркестра. Им руководил десятиклассник Иосиф Михайловский, прекрасно игравший на фортепьяно и на чудо-инструменте — ксилофоне. Тогда джаз был очень популярен. По радио звучали мелодии в исполнении Государственного джаза СССР под руководством В. Кнушевицкого. В крупных кинотеатрах столицы играли джаз-оркестры, и мы ходили слушать их, пополняя свой репертуар. Я обычно посещал кино-

театр Парка культуры и отдыха имени М. Горького, что у Крымского моста. Там в голубых костюмах с белыми лацканами выступали музыканты под управлением Фельдмана. Они играли популярные американские мелодии: блюз «Луна», быстрое фокстротное сочинение «Охота на тигра» и другие. А часто исполнялись песни из идущего в тот день нового советского кинофильма, например из картины «Волга-Волга». В фойе можно было очень дешево купить ноты этих песен, в которых так нуждались мы — школьные джазисты.

В первую бомбежку Москвы в кинотеатр попала бомба, он перестал работать. Вернувшись из армии в 1946 году, я так мечтал услышать любимый джаз — ходил в «Ударник», «Колизей», в другие кинотеатры. Но тщетно. Однажды на Крымском мосту встретил знакомого гитариста из джаза-оркестра Фельдмана. Он, конечно, не знал, кто я такой. Но я-то запомнил его веселую улыбку и голос. Он ошеломил меня своим рассказом. Все джазисты записались в ополченцы и, как Юра Верховцев, погибли под Москвой. Гитарист остался жив — заболел перед отправкой на фронт.

НАИВНЫЕ И ПРОВОКАЦИОННЫЕ

Будучи корреспондентом «Комсомольской правды», в Лондоне я встречался с английскими школьниками и студентами. Трудно удержаться от улыбки, когда слышишь такие вопросы:

— Вы действительно русский?

— Да.

— Почему же ваши глаза не такие, как у монголов? Вы выглядите европейцем.

— Почти половина всей Европы находится в Советском Союзе!

— Неужели? Но вы пишете справа налево, как все азиаты, правда?

Что можно ответить на этот вопрос?! Ведь корреспондент «Дейли миррор», вернувшись из Москвы, писал: «Моя самая большая новость из России: люди выглядят там как все люди. У них определенно нет двух голов, и говорят они на человеческом языке».

А вот еще один диалог:

— Согласитесь, это ужасно плохо, что в России нельзя открыть частный завод?

— Что правда, то правда! Для частного бизнеса Россия — очень плохая страна. Но возможность критиковать оставляю за вами, ибо Шекспир сказал однажды: «Никогда не говори о себе плохо, это делают твои друзья».

— Ого!.. — раздается всеобщий смех.

— Скажите, а русские имеют чувство юмора?

— Вы только что смеялись!

— О да, сами вы имеете чувство юмора. Но вы прожили в Англии несколько месяцев и стали наполовину англосаксом.

Снова взрыв смеха.

Немало наивных вопросов задали и молодые тори Норича. И все же осенью 1957 года чувствовались перемены в настроениях англичан. Консерваторы, воспитанные на ненависти к социализму, больше не верили в «коммунистическую агрессию».

— Если бы Россия хотела на нас напасть, — сказал один тори, — она сделала бы это сейчас. Англия и Америка беззащитны. Мы не имеем межконтинентальных ракет, какими располагают русские.

Слова о том, что нужны переговоры на высшем уровне, вызывали одобрительные выкрики из зала. Почетный секретарь организации Мэри Стивенсон заявила:

— Мы помним приезд советских лидеров в Англию. Молодые консерваторы поддерживают англо-советскую декларацию о мирном сосуществовании. Мы не верим в коммунизм, но иного выхода нет: необходимо сосуществовать...

Дискуссия продолжилась в пивном баре, куда меня пригласили будущие руководители норичского бизнеса. Юноши сняли пальто и плащи, и все предстали в темных костюмах, белоснежных рубашках и ярких галстуках. Некоторые вместо галстуков нацепили «бабочки». Девушки были в одноцветных ярких свитерах, четко обрисовывавших линии их фигур. Лишь на одной было декольтированное платье. Мы разговаривали подле остывающего камина.

— Какие привилегии у русских комсомольцев? Они получают больше, чем обыкновенные рабочие?

— В Москве есть кинотеатры?

— Ваши спортсмены — лучшие в мире. Это правда, что всех русских, как солдат, насильно заставляют заниматься спортом?

Сердиться мне не положено, хотя так и подмывает высмеять этих молодцов. Как определишь: по наивности задают они подобные вопросы или провоцируют? Говорят вежливо, извиняются, что, мол, последует неприятный вопрос.

— Вам нравятся английские сэндвичи? — спрашивает паренек, протягивая тарелку с бутербродами.

— Разве они английские? Пшеница — канадская, ветчина — датская.

Я рассказал, что, впервые попав в Лондон, зашел в магазин купить себе что-нибудь на ужин. Кроме картофеля, молока, масла,

там ничего не было английского. Но полки не пустовали: на них красовались горки ананасов, привезенных из Британской Гвианы, бананов из Африки, кофе из Колумбии, — можно перебрать все уголки колониального и полузависимого мира, чтобы закончить список. Меня перебивают:

— Старой Британской империи не существует. На ее месте создан «коммонуэлс» — содружество наций.

— Все же у Англии осталось еще немало колоний.

— Да, но все они получают самоуправление. Прежде чем уйти из колоний, англичане должны научить туземцев управлять...

— За этим, стало быть, задержка? Чем вы объясните демонстрации англичан против зверских расправ в Африке?

— Очень просто! Провокация коммунистов! — не унимался паренек, угощавший сандвичами.

— Однако против этих расправ протестуют члены парламента — лейбористы. Их не назовешь коммунистами.

Разговор грозил достичь наивысшего накала. Вмешалась девушка в декольтированном платье и перевела разговор, казалось бы, в другое русло.

— Хорошо, русские считают нас грубыми колонизаторами, беспощадными капиталистами...

— Не только русские!

— Пусть будет по-вашему. Мы плохи, но признайте честно, — у англичан высокий уровень жизни!

— Конечно, в сравнении с африканцами, арабами, индусами очень высокий.

— Почему?

— Мне не хочется быть невежливым гостем, а правда, увы, не сладкая.

— Мы вас очень просим!

— Хотите, я вам расскажу историю, как покупал портфель на базаре в Каире? Портфель понравился мне тисненными рисунками двух верблюдов, шагающих по пустыне. На любом базаре торгуются. Торговец, поняв, что я иностранец, заломил большую цену — шесть фунтов...

— Хитер! — восклицают молодые тори, знающие, что почем.

— Это было во время Суэца, — рассказывал я, — когда с огромной силой проявилась любовь египтян к Советскому Союзу. Узнав, что я русский, торговец снизил цену втрое. Мне казалось, что он, расчувствовавшись, продает портфель себе в убыток. Одна кожа, казалось, стоила дороже двух фунтов.

«Как можно себе в убыток?! — воскликнул продавец. — Выкладывайте два фунта, из них я положу себе в карман ровно половину...»

Тори громко рассмеялись: им явно нравился предприимчивый каирский торговец.

Я продолжал рассказ:

— Сколько же стоит кожа? — допытывался я у продавца.

— Кожа египетская, дешевая — четверть фунта, — последовал ответ.

— Сколько стоит труд мастера, сшившего портфель?

— Пустяки, тоже четверть фунта! — махнул рукой продавец».

Возле камина воцарилось еще большее веселье. Забыв о колониализме, о высоком уровне жизни англичан, тори от души хохотали надо мной.

— Египтянин вас надул! — торжествующе заявила декольтированная девица. — Он положил себе в карман полтора фунта, а не один. Бедный русский! Египтянин сказал, что кожа и труд стоят всего полфунта. Где другая половина?

— Милая леди, этот же вопрос задал я хозяину лавочки. Он обиделся, то ли оттого, что я подозреваю его в обмане, то ли по другой причине. Отчаянно замахал руками, что-то крича на своем языке. Потом перевернул портфель и показал коротенькую молнию, на которую тот заперся.

«Куда делись еще полфунта? — зло кричал он. — Далеко улете-ли за моря, мистер! Видите эту жестянку? Дорогая, словно серебро. Английская, сэр!»

Воцарилась тишина. Слышно было, как шипит пиво в кружках и потрескивают тлеющие угли в камине. О чем думали тори? О, они умеют считать деньги и, очевидно, поняли из моего рассказа, какова степень эксплуатации колониальных народов. И не только египтян, индусов, африканцев, — всех, добившихся свободы, но пока еще находящихся в экономической зависимости у индустриального Запада.

Тот, кто бывал в некоторых азиатских и африканских странах после освобождения их от владычества Англии, никогда не забудет нищеты, оставленной колонизаторами. Матери в оборванных платьях держат на руках грудных детей и протягивают ладони к иностранцам. За их юбки цепляются голодные малыши и тоже протягивают ручонки: «Плиз, мистер, плаз!»

На каждом углу: возле магазинов, гостиниц, кинотеатров — иностранцев подстерегают толпы чистильщиков обуви. Отцы и подростки умоляют: «Плиз, мистер, нет работы!» Турист показывает на уже начищенные до блеска ботинки, но чистильщики не отстают: «Плиз, мистер, сколько-нибудь... на хлеб детям».

Глупо было бы искать в английских магазинах египетские телевизоры, индийские пылесосы, аргентинские холодильники. Египтяне с гордостью рассказывали мне о том, что они начали индустриализацию с постройки завода по производству... обыкновенных гвоздей. А ведь раньше за них приходилось платить кипами хлопка.

Для производства туфель и свитеров тоже нужны машины, для машин — металл. Плодородны земли Нила! Но из брошенного в них гвоздя не вырастет домна.

Больше тори вопросов не задавали. Расстались вежливо.

(Силантьев В. И. Фог рассеивается. М.: Молодая гвардия, 1961.)

БЕЗРАБОТНЫЙ КОРОЛЬ

Есть у Марка Твена сказка о принце, который на время стал нищим. Это произошло с ним по недоразумению. Помните, как он был вынужден работать и что из этого получилось? Присматривал застряпней — пирожки сжег. Стал мыть посуду — едва справился. Начал чистить яблоки — совсем оплошал.

Это сказка. А в наше время с королями происходят вещи и почище. Многие бывшие монархи очень завидуют марк-твеновскому принцу, который в конце концов вернулся в королевский дворец. Завидуют, потому что народы прогнали их и назад возвращать не собираются.

Вот такая история произошла с одним из бывших королей.

В Каире была обнародована новая конституция. Триста тысяч египтян, собравшихся на митинг, выразили твердую волю не допустить возврата власти колонизаторов и внутренних деспотов. Они горячо приветствовали конституцию молодой республики. Весть эта быстро пересекла Средиземное море и достигла берегов Италии. В Риме она удручающе подействовала лишь на одного человека — лысого толстяка с черной бородкой клином. Это был недавний тиран Египта, ныне экс-король Фарук. Три с половиной года назад он поспешно удрал из Александровского дворца, испугавшись народного гнева.

Сначала Фарук поселился в фешенебельной вилле и водрузил над ней королевский флаг. Он надеялся вернуться в свои дворцы. Однако скоро богатые иностранные покровители отвернулись от Фарука. Они поняли, что ставят на битого короля, который стоит не больше шестерки. Остался Фарук без виллы и без гроша в кармане. Теперь он жалуется в журнале «Пикчур пост»: «Мы были бога-

тым сюзереном. Мы жили в чудесных, сказочных дворцах — дворцах из “Тысячи и одной ночи”. Люди, совершившие революцию, отняли у нас наши богатства. Мелочь — вот все, что осталось у нас в кармане, когда мы покинули наш дворец...»

«Фарук ищет работу, — пишет журнал и спрашивает: — Но вот беда: что умеет делать король?»

Журналисты рассказывают, что, будучи у власти, Фарук больше всего любил есть, причем ел всегда на золоте. Он был крупнейшим египетским землевладельцем, которому принадлежало пятьдесят тысяч гектаров. Прокутив ночь, он отправлялся охотиться в пустыню. Когда ему стукнуло тридцать лет, Фарук, как и многие деспоты, потерял интерес ко всему, и только унижение подданных доставляло ему удовольствие.

«На что же годен Фарук?» — рассуждает «Пикчур пост» и предлагает ему стать... ювелиром. Ведь король должен понимать в драгоценностях!

Стал Фарук наниматься на работу к ювелиру.

— А вы, уважаемый, сможете отличить топаз от изумруда? — спрашивал его хозяин ювелирной лавочки, не зная, что говорит с бывшим королем.

— Ты смеешь смеяться, надо мной старик! — разгневался Фарук. — В моих руках побывало столько бриллиантов, жемчуга, серебра и золота, сколько не собрать во всех ювелирных лавках Европы.

— А вы сможете определить цену вот этой бриллиантовой броши? — допытывался хозяин.

— Я раздавал подобные безделушки направо и налево и еще больше получал их сам в подарок. Мне не было дела до того, сколько они стоят.

— Жаль, молодой человек! — ответил старик и показал королю на дверь.

Обратился Фарук в контору по найму текстильной фирмы.

— У нас нет работы, — отвечал ему агент. — Обратитесь в другие фирмы. Может быть, повезет... Какая у вас профессия?

— Я король Египта, — ответил Фарук самым серьезным тоном.

Раздался хохот служащих конторы. Уж очень забавной показалась им эта шутка.

— Негодяи! — закричал Фарук. — Я прикажу избить вас плетьюми.

Это вызвало еще большее веселье. Когда все вдоволь насмеялись, агент, решив, что имеет дело с сумасшедшим, поспешил наконец от него избавиться.

— Ваше величество, — говорил он, еле сдерживая улыбку, — наши дела идут очень плохо. В бедной Италии два миллиона безра-

ботных. Устроиться трудно, ваше величество. Но королевская воля — закон. Мы подыщем место, достойное короля, и сообщим вам.

Фарук ушел, но обещанной весточки не дождался. И хотя агент текстильной фирмы позже из журналов узнал, что перед ним был действительно король, он справедливо рассудил: ну кому нужна эта ходячая заваль? Какая от него польза?

Вот какие казусы приключились с королем, лишенным трона и власти! И не в сказке, а наяву.

(Силантьев В. И. // Комсомольская правда. 1956. 19 января.)

МОЯ ЛЮБОВЬ

На третий день войны мне исполнилось девятнадцать лет. В суматохе я и не вспомнил о своем дне рождения. Дома остались мать и отец, школьные друзья... Среди них не было девушки, которая бы мне нравилась, которой я мог бы писать нежные письма с фронта. Не скажу, что в школе не замечал добрых симпатичных девочек. Но ни одна из них не затронула моего сердца. Почему? Не настал срок? Возможно. Но мне кажется, в человеке есть особые амурные токи, которые дремлют до поры до времени и, лишь встретив взаимно притягивающий ток, начинают энергично реагировать. Начитавшись кавказских поэм Лермонтова, проштудировав и его роман «Герой нашего времени», я отчетливо представлял себе удивительной красоты «черкешенку», первую любовь Печорина. Мне снился ее тонкий и гордый стан, слышался нежный голос...

Мою первую любовь звали Катей. Мы встретились на фронте. Она была родом из Серпухова, дочерью рабочего Андриана Каталкина, отца большого семейства. Как говорится, я влюбился в Катю с первого взгляда. Лишь недавно я понял, почему так случилось. По телевидению показали старый-престарый фильм «Большой вальс» о жизни и творчестве Иоганна Штрауса. Я его видел до войны много-много раз. Ведь я считал себя музыкантом, в моем репертуаре были модные тогда вальсы. Героиня фильма очень похожа на Катю. Тот же овал лица, те же губы, улыбка, ровные белоснежные зубы. И щедрые брызги симпатии и радости. Мои чувства и память были запрограммированы принять в сердце только этот образ. Остальное «доделала» молодость. Она была у обоих целомудренной, безоглядной. Кате было двадцать, мне на три года больше. Мы встретились впервые в польской крепости Модлин, что стояла на берегу Вислы, затем наш полк и приданный ему батальон аэродромного обслуживания, в котором Катя была вольнонаемной работницей, переба-

зировались в Торн. Там мы отметили День Победы. Судьба свела нас как страстных влюбленных. Мы сняли в городе комнату, представившись хозяйке-польке супругами. Однако вскоре кончилась «вольница» военного времени. Мы, сержанты и ефрейторы, должны были ходить строем, да еще под песню, как безусые курсанты в училище. Словно и не прошли с боями от Москвы до Берлина, будто не сверкали на наших гимнастерках ордена и медали. Нас обязали жить и спать в казарме с положенными в одиннадцать вечера отбоем и ранним подъемом. Нашлись командиры-чинуши, обожавшие муштру. С грустными лицами мы попрощались с полькой, что сдавала нам комнату, и недоумевали, что делать дальше. Моя казарма находилась в одном конце города, а общежитие Кати — в другом. Встречались все реже и реже.

В ту пору в моей душе поднимался мятеж против солдатской муштры, против несправедливости, против офицеров-приспособленцев... Бунт выражался в стихах, которые я читал близким мне товарищам. Мне требовалось общение с людьми, которым бы я доверял. Но короткие встречи с Катей открыли мне простую истину: мужчине мало сладострастной любви к женщине. Человек нуждается в друге, собеседнике, который понимает тебя с полуслова. Мучительно было сознавать, что после долгих целований у нас не получалось разговора на тревожащие меня темы, более того — вообще никакого разговора. Катя молчала, тушевалась, не зная, что сказать.

Минули десятилетия. На последней встрече уже престарелых ветеранов-фронтовиков Катя болтала больше всех, сыпала шутку за шуткой. Это была другая Катя. Она прожила сложную и трудную жизнь. Нить нашей любви она порвала сама. После окончания войны я еще оставался служить в армии. Катя уволилась, вернулась в Серпухов и вскоре написала, что поддалась уговорам сестер и вышла замуж за летчика. Она уверяла, что он хороший. Просила не писать. Я был сражен таким неожиданным концом наших отношений. От нервного потрясения обострилась язва желудка, о которой я и не подозревал. Меня комиссовали, признав негодным к строевой службе, и демобилизовали.

Напряженная учеба в институте, казалось, должна была отвлечь от тягостных дум о разрыве с Катей. Среди студенток иняза было много симпатичных девушек и даже красавиц. Но никто не тревожил мою душу. Почти все студенческие годы Катя держала мое сердце в своих руках и не позволяла до него кому-либо дотронуться. Хотя она была далеко-далеко, в Бухаре. Однажды я получил от нее письмо. Она сообщала, что разошлась с летчиком, осталась с сыном

и поступила в институт. Разошлась потому, что муж оказался жестоким азиатом, ревнивцем, не позволял ей учиться. Я ей ответил. Делился с ней своими мыслями, воодушевлял учиться. К сожалению, она не сохранила мои письма. Я же до сих пор храню ее послания, написанные каллиграфическим почерком. Я был счастлив, когда она закончила институт и стала учительницей. Два раза она приезжала в Москву с черноглазым парнишкой, навещала родителей в Серпухове. Но потухшие угольки бывшего чувства не вспыхнули. Она переписывалась с моей матушкой и была в курсе моей жизни. Когда я женился, переписка оборвалась. Ее письма полны благородства, дружбы, за которыми пряталась большая любовь.

Любовь — самое великое чувство, данное человеку свыше. Не всем оно доступно, и никто не может приказать себе любить. Это чувство дается в благодарность, им надо дорожить. Уже потому, что я испытал это чувство, считаю свою жизнь счастливой. Свою вторую и последнюю любовь Елену я повстречал случайно в институтском коридоре. Причем при повторных встречах, любуясь ее искрящейся молодостью, переспрашивал, как ее зовут. И наконец пригласил ее пойти на... футбол. Играли любимое «Торпедо» с командой «Динамо». Домой со стадиона возвращались пешком. Уж не помню, сколько времени мы шагали от стадиона «Динамо» до Сивцева Вражка, где жила Елена.

Возможно, не в тот раз, а позже я сказал: «Все ясно. Ты будешь моей женой!» И она стала женой, но спустя... три с половиной года. Сколько я мучился, терзался, писал ей стихи, полные горя и страданий! Но это были годы счастья. Елена твердила, что выйдет замуж не раньше, чем закончит институт (не уточняя за кого). И когда получила диплом в 1954 году, в день моего рождения, 25 июня, мы расписались в загсе на Дорогомиловской улице. И с тех пор отмечаем двойной праздник, поднимая бокал за годовщину нашей свадьбы и за мой день рождения.

Жена — визитная карточка мужа. Она должна быть красивой или симпатичной. О, как приятно мужу, когда на его жену заглядываются другие мужчины, приглашают танцевать и осыпают комплиментами... Я счастлив, — ведь испытывал гордость за Елену всю жизнь. Искренне могу сказать, что наравне с любовью, связывающей мужчину и женщину, наслаждался духовным единением. Нет, это не значит, что мы прожили жизнь тихо-мирно. Крупные разговоры на повышенных тонах происходили частенько. Но долго сердиться никто из нас двоих не мог. Хотя притирались мы друг к другу много лет и, возможно, по моей вине. Елена любит крепкие, соч-

ные образные слова. Не ведая ее доброты, можно принять эти выражения за оскорбления. Так часто было со мной, когда я ухаживал за ней. Я обижался и прерывал наши отношения. Глупец!

На самом же деле Елена, повторяюсь, — сама доброта. Иногда я ревную ее за доброе отношение к сирым людям, хотя никогда не ревновал к другим мужчинам, что ее здорово удивляло.

О доброте, порядочности, нравственности Елены можно писать много. В церковь на богослужения она не ходила, но свечи за родственников и знакомых ставила регулярно. Проводила много часов на кладбище, ухаживая за могилами матери и многих покойных родственников и знакомых. Усталая, она под вечер еще обзванивала стариков, справлялась о здоровье.

Когда я ухаживал за Еленой, цветов не дарил. Тогда они были редкостью. Зато дарил теплые чулки, чтобы невеста не простудилась зимой во время долгих встреч и прощаний. И подарки уже жене не дарил. Предлагал истратить сколько душа желает, на что хочет. Благо в доме, когда я стал журналистом, всегда водились деньги. Я считал, что обоюдный рационализм — лучшее средство, цементирующее семейные узы. Я подарил Елене дорогую английскую шубу, как обещал, если родит сына. Она ее не носила и продала. Я не обиделся, напротив, был рад. В шубе моя стройная жена выглядела дородной дамой. А мое кредо: женщина отличается от мужчины изящной фигурой, отточенными, овальными линиями. Я всем твердил, что моя Елена — самая красивая женщина в мире. В глазах некоторых видел несогласие, но вслух его сказать никто не осмелился.

Да, жена должна быть симпатичной и веселой. Как моя! В нашем доме никогда не было скучно, телефонная трубка накалялась от громкого голоса тещи и Елениных пересудов с тетками и подругами. Веселая история или свежий анекдот моментально распространялись по телефонной линии. Сам не люблю телефон, на работе он трезвонил постоянно и по делу, и по пустякам. Телефонные книжки моей тещи и жены испещрены номерами. Их число постоянно увеличивалось. Теща считала за честь навести справку для зятя, где купить запчасти для «Волги», или для дочки: где идет новый фильм. К Елене тянулись люди, с которыми она знакомилась в местах отдыха, на вечеринках. И когда в доме не слышно ее громких телефонных разговоров, я тревожусь: не заболела ли, а может, устала... Мы оба считаем себя счастливыми, прожившими жизнь в благополучии, без ссор.

С годами пылкая, страстная любовь сменяется особой привязанностью. Не сделаю открытия: гораздо ценнее, когда ты и чувством,

и умом, и особым инстинктом знаешь, что никогда — ни в радости, ни в беде — не покинешь любимого человека. Елена не признавалась мне в горячей любви. Но она подчеркивала, что уважает меня как мужа и отца ее сына. А это для нее превыше всего. И вот недавно, когда, казалось, чувства мои поутихли, мне стало ясно, что я снова начинаю смотреть на жену юношескими влюбленными глазами. Но это чувство вызвала не молодость — ее уже нет, а безотказность, с которой Елена ухаживала за мной и сыном. У меня появилось даже чувство жалости, что она так убивается ради нас. Я никогда не видел ее праздной — всегда занятая делом, жизнерадостная и веселая.

Мы оба давно пенсионеры, но говорить о заслуженном спокойном отдыхе не приходилось. Наше поколение оплевали, оболгали, душевно ограбили. И возмущали не только наглая ложь и клевета, а вседозволенность и разгул «демпрессы». Критику воспринимаешь спокойно, когда тебя критикует умный, морально чистый человек. Но когда поучают люди, загнавшие страну в тупик, опошлившие все на свете, хочется воевать.

Я редко помогал жене по хозяйству. Она это терпеть не может и обычно выгоняла меня с кухни. Но я всегда был при деле: то запаливал ее лопнувшее колечко, то чинил телефонную трубку, то склеивал разбитую тарелку, то устранял течь в водопроводе... Мужчина, я твердо уверен в этом, должен быть мастером на все руки. Чего только я не сделал для моей дорогой жены, для сына, для тещи! Ведь я умел клеить обои и писать памфлеты, регулировать клапаны и переводить на английский язык, играть на пианино, работать дрелью, электролобзиком, класть кафель...

Я часто рассказывал сыну Андрею про нашу с Еленой свадьбу. Ее сыграли в просторной четырехкомнатной квартире профессора Страментова на улице Чкалова, дом 14/16, где тогда селилась московская элита. Кроме многочисленной родни Зуевых пригласили всех Елениных подружек-студенток, а также весь иностранный отдел «Комсомольской правды», где я работал после окончания института. Чтобы всех рассадить за свадебным столом, пришлось тащить из ЖЭКа деревянные скамейки. Кроме профессора, хозяйина квартиры, присутствовали два незнакомых генерала с женами. Их пригласил тесть, откликнувшись на мою шутку: «Все хорошо, но какая же свадьба без генерала!»

То был 1954 год. Стол ломился от домашних пирогов, осетрины, икры, крабов, домашних соленых огурчиков и капусты. Шампанское, коньяк, водка разных марок, пиво, соки... И все по сходной,

доступной цене. На пятом году перестройки, когда ничего этого не стало в продаже, думал: «Неужели моя роскошная свадьба была не сказка?» Нет, не сказка. Люди со скромным достатком, экономив, играли пышные свадьбы, жили хорошо. Радовались, веселились, как умели, да и работали добросовестно. Рожали детей и не думали, что их нечем будет кормить. Не боялись, что младенца заразят СПИДом в роддоме. Не предполагали, что вскоре смертность русских превысит рождаемость. Ужас какой-то!

Помнится, в квартире Страментова мы прожили несколько дней. Убирались, относили скамейки в ЖЭК, доканчивали провизию, которую запасли с лихвой для свадебных гостей. Целовались-миловались и вспоминали, кто что подарил.

ОСКОЛОК БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1975 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о суверенитете и независимости Белиза. На торжества по случаю провозглашения независимости в сентябре 1981 года из Мехико прибыл советский посол Ростислав Александрович Сергеев в сопровождении корреспондентов «Известий» и Центрального телевидения. Гостей поселили в «резиденции» — не поверите! — в небольшом дощатом домике на высоких сваях.

Поначалу казалось, что наше путешествие не принесет никаких неожиданностей. Но вот перед нами предстал первый поселок Белиза. Как необычно выглядят его жители и их жилища! В отличие от соседей-мексиканцев многие белизцы... чернокожие, высокие и стройные, как африканцы из племени масая. А их дома — легкие деревянные постройки на редких сваях — наводили на мысль, будто мы очутились на одном из островов... Индонезии. Позже, беседа с жителями, мы узнали, что территория Белиза, расположенная в низкой прибрежной долине, подвергается постоянным разрушительным наводнениям. Их приносят ураганы, бушующие в Карибах. Один такой ураган в 1931 году почти полностью смыл самый крупный город — столицу Белиз-Сити. После этого столицу решили перенести в глубь страны, за 80 километров от моря, и назвали ее Белмопан.

А Белиз-Сити вновь застроился домиками на сваях, достигающими четырехметровой высоты, а порой и того больше. Они помогают пережить пору наводнения, а также спасают от нашествий змей и других непрошенных гостей. Кроме того, продуваемые бризом деревянные полы не так быстро гниют. Большинство домов в городе выглядят убого. Видимо, их обитатели экономят средства

для самого насущного и не имеют возможности хотя бы покрасить черные, потрескавшиеся от времени доски. Из окон выглядывают сгорбленные старики и старухи. По хаотически извивающимся улочкам бродят нищие. Автомашин, двигаясь по немощеным мостовым, поднимают пыль. Мы не увидели ни одного светофора. На перекрестках у водоразборных колонок стояли с ведрами женщины. За их юбки цеплялись голые малыши, согреваемые солнцем тропиков. Лишь центральная Альберт-стрит выглядит настоящей городской улицей с асфальтированной мостовой и тротуарами. На первых этажах домов расположены мелкие лавочки, торгующие очень дорогими заморскими товарами. Своих товаров Белиз почти не производит.

Горожане переговаривались между собой на английском языке, слышна была также испанская речь и совсем непонятный местный диалект. О том, что мы попали в бывшее английское владение, напоминали вывески и названия улиц. В Белиз-Сити, как и в любом английском городе, есть свои Кинг, Куин, Черч и другие «стриты», только выглядят они гораздо беднее любой обшарпанной улицы лондонского Ист-Энда. Самым прочным и презентабельным, хотя тоже сработанным из дерева, оказался дом английского губернатора. Фасад его обращен к морю, перед парадным крыльцом возвышается мачта, на которой десятилетия развевался британский имперский флаг «Юнион Джек». Флагшток сооружен из двух стволов мощных кедров. Выше и прочнее этой мачты не было ничего в городе. Развевавшийся на ней флаг символизировал незыблемость «владычицы морей», над землями которой, как хвастали колонизаторы, «никогда не заходит солнце». И действительно, Белиз, находящийся в другом полушарии, подтверждал это изречение. Но после Второй мировой войны под ударами национально-освободительного движения угнетенных народов Британская империя рухнула. Уж и не припомнишь, в каком порядке, начиная с Индии, из британской короны выпадали одна жемчужина за другой.

Белиз, Ямайка и другие островные владения в Карибском бассейне именовались в Лондоне Вест-Индией. Это ошибочное название пошло от Христофора Колумба, который мечтал отыскать «путь в Индию».

В полночь 21 сентября с флагштока перед губернаторским дворцом в Белиз-Сити был спущен «Юнион Джек». Мы приготовили свои фотокамеры, чтобы запечатлеть этот момент. Но флаг почему-то исчез с мачты в сплошной темноте, скрытно от глаз присутствующих на церемонии. Видимо, колонизаторы хотели, чтобы ни-

кто не увидел этого позорного, с их точки зрения, момента. Когда снова зажглись прожекторы, мы увидели «Юнион Джек», мокрый, как тряпка, от прошедшего ливня, в руках английского солдата, покидавшего зеленую лужайку. Знакомый журналист из «Файнэншл таймс» цинично заметил: «Знакомый, хорошо отрепетированный и много раз повторенный спектакль. Что стало с империей!» В этот момент на флагштоке появился национальный трехцветный флаг независимости Белиза.

Колонизаторы оставили Белизу тяжелое наследие, и народ этой страны имеет полное право предъявить им крупный счет за свои страдания и отсталость. Экономика по-прежнему крепко опутана сетями иностранных монополий, и об экономической независимости приходится пока только мечтать. Страна нуждается в более совершенной конституции. Ведь в Белизе в течение неопределенного срока будет находиться контингент английских солдат, а главой государства осталась английская королева. Однако с колониализмом покончено. Белиз встал на новый путь развития. Он избрал место в ряду неприсоединившихся развивающихся государств, желающих жить в мире со всеми народами и строить жизнь по собственному усмотрению.

(Силантьев В. И. Пробужденная сельва. М.: Известия, 1983.)

КОСТЕР ВОЙНЫ

Спустя год после моей поездки в Белиз я снова вспомнил о моем жарком споре с английскими студентами о колониализме. В Южной Атлантике запылал костер настоящей войны. Он вспыхнул от углей продолжавшегося десятилетиями англо-аргентинского спора из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Чуть тлевшие угли каждый раз раскалялись докрасна, как только Аргентина начинала настойчиво требовать восстановления своего суверенитета над островами, а Лондон отвечал отказом. Еще в 1965 году ООН приняла подавляющим числом голосов документ, призвавший конфликтующие стороны найти мирное решение спора. Позже Генеральная Ассамблея ООН еще несколько раз обращалась с аналогичным призывом к Англии и Аргентине. Увы, безрезультатно.

Конфликт резко обострился после 2 апреля 1983 года, когда на рассвете группа водолазов-десантников аргентинской армии высадилась на одном из островов архипелага. В ответ правительство консерваторов в Лондоне послало в Южную Атлантику мощную карательную военную эскадру с целью снова поднять над островами британский флаг «Юнион Джек». Лондон сделал ставку на воору-

женную силу и отверг все компромиссные предложения Аргентины о мирном урегулировании конфликта. Подошедшая к Фолклендам английская армада приступила к штурму административного центра Порт-Стэнли, переименованного аргентинцами в Пуэрто-Архентино. Начались кровопролитные тяжелые бои.

Неспокойное время пришло в дома аргентинцев. Из коротких тревожных сводок они узнавали о потопленных кораблях, сбитых самолетах, о человеческих жертвах... В семьях одних уже оплакивали невосполнимую потерю, у других сердце сжималось при мысли о возможной трагической судьбе близких — солдат и офицеров аргентинской армии.

Напряженной жизнью жила столица Аргентины. Давно уже Буэнос-Айрес не видел таких массовых и бурных демонстраций, какие проходили на центральной площади перед президентским дворцом Каса Росада. На митингах ораторы клеймили позором Англию, ступившую на тропу колониальной войны, призывали народ к сплочению и защите национального суверенитета.

Война в собственном доме известна аргентинцам лишь по учебникам истории да музейным реликвиям. В столичном музее истории до сих пор показывают как вещественные доказательства разбоя и позорного бегства англичан полинявшие знамена, штандарты, сабли горе-гренадеров 71-го полка Хайлендерс.

Позже, в 1807 году, собрав более крупные силы, англичане снова напали на Буэнос-Айрес и снова встретили героическое сопротивление населения. Три года спустя, в 1810-м, аргентинцы успешно вершили войну за освобождение от испанского господства и теперь каждый год 25 мая отмечают юбилей учреждения первого самостоятельного правительства Аргентины. Среди его создателей был и генерал Бельграно, в честь которого, кстати, был назван крейсер, пиратски потопленный англичанами уже в ходе нынешнего конфликта.

Конфликт из-за островов не был неожиданностью для аргентинцев. Во-первых, потому, что насчитывает полуторавековую историю, являясь важной частью прошлого, которое изучают с детства в школе; во-вторых, политические деятели страны и ее печать никогда не упускали из поля зрения англо-аргентинский спор. Посещая Буэнос-Айрес, я каждый раз становился свидетелем большого интереса к этому вопросу. Довелось мне побывать и на промышленной выставке, где конфигурация цветочной клумбы, разбитой перед одним из павильонов, повторяла очертания Фолклендских (Мальвинских) островов. Соответствующая надпись вводила непосвященного в курс дела, разъясняя, что высадившиеся на островах в 1833 году

моряки с британского корвета «Клио» арестовали представителей аргентинских властей, а жителей-аргентинцев выдворили.

На островах постоянно проживало около двух тысяч человек, в основном британских подданных. Их главное занятие — овцеводство. Жили они в отрыве от всего мира. В аргентинских официальных брошюрах, изданных в связи с конфликтом, говорится, что лишь в 1972 году Лондон позволил жителям вступить в контакт с континентальной Аргентиной, получать оттуда срочную медицинскую помощь. Аргентинские компании помогли установить на островах телефонную связь, построили там аэродром. Как признал американский еженедельник «Ньюсуик», жители островов, находясь под британской опекой, отнюдь не процветали, их «доходы из расчета на душу населения — одни из самых низких в мире». Их британские паспорта не дают им права по прибытии в Лондон ступить дальше иммиграционной конторы, где надо получить разрешение на въезд, а деньги, имеющие хождение на Фолклендах, не принимают лондонские банки.

Лондон, пригрозивший проучить аргентинцев, действительно преподавал один «урок», причем не только аргентинцам, но и всем народам развивающихся стран: объединенный фронт империалистических государств — союзников по НАТО выступил против одной, хотя и немаленькой страны. Силы оказались неравными.

На Аргентину фактически обрушился удар мощного натовского (читай — американского) кулака в английской перчатке. Без широкой военно-технической помощи США, которые снабжали англичан горючим, боеприпасами, транспортной авиацией, а также разведывательными данными, штурм Порт-Стэнли, по мнению западной печати, затянется бы надолго.

(Силантьев В. И. Пробужденная сельва. М.: Известия, 1983.)

ОТКУДА НАЧИНАЛСЯ БАЙРЕС

Почти в каждой латиноамериканской столице есть свой «старый город» — место, откуда она начиналась в давние времена, а затем разрасталась вширь. В Буэнос-Айресе это портовый район Ла-Бока.

Со знакомым аргентинским журналистом на стареньком «форде» мы направляемся на городскую окраину, в то место, где, как говорится, зародилась столица республики.

Свернув с широкой, обрамленной монументами авениды Пасео Колон, мы проезжаем мимо огромного пустыря. Морской бриз

гонит по нему облачко пыли и бумажного мусора в сторону одиноко возвышающейся чаши футбольного стадиона, прозванного местными болельщиками «бомбонера» — «корзинка с конфетами». Он принадлежит одному из популярнейших спортивных клубов «Бока Хуниорс». Машина въезжает в «старый город», имеющий богатую историю.

Основатель аргентинской столицы испанец Педро де Мендоса прибыл из Европы на берега Ла-Платы четыре с половиной века назад и облюбывал тихую бухту для швартовки своего парусника. Ее называли Ла-Бока, что в переводе с испанского значит «устье». Это случилось в 1536 году.

А лет двадцать спустя после основания аргентинской столицы на берегах реки Ла-Платы высадилась группа испанских авантюристов, прибывших сюда в поисках золота и серебра. Из-за океана они привезли с собой семь коров и одного быка. Их заветная мечта найти здесь драгоценные металлы оказалась иллюзией, а вот от первых нескольких коров пошла стада, которые принесли Аргентине настоящее богатство.

Минули столетия, появились огромные океанские суда. С одного из них, доставившего эмигрантов-итальянцев, сошел малоизвестный в то время писатель Эдмондо Д'Амичис. Он поистине влюбился в Ла-Боку и так проникновенно описал далекую заморскую деревушку в своей новелле «Сердце», назвав ее «маленькой Генуей», что вскоре в Аргентину приехало более миллиона итальянцев. Теперь, как утверждает статистика, примерно половину населения страны составляют выходцы из Италии или их потомки, а другую половину — потомки испанцев.

Ла-Бока и сейчас манит иностранных моряков и туристов. И в этом немалую роль играет присущий ей итальянский колорит. В многочисленных харчевнях по-прежнему широк выбор спагетти, традиционных итальянских рыбных блюд и доброго виноградного вина. И, конечно, уже у берега турист встретит ищущего заработка гитариста, исполняющего душещипательное танго.

Когда въезжаешь в этот старый портовый район, то теряешься в узких улочках среди низких, порой просто-напросто убогих строений, и кажется, что ты попал совсем в другой город. Ведь в центре и прилегающих к нему кварталах тебя немного раздражали чопорность и роскошь особняков богачей, начищенные до блеска медные таблички у парадного входа. Там город во многом копировал архитектуру и стиль западноевропейских столиц, и думалось порой: стоило ли ехать за тысячу километров, чтобы увидеть тут, на краю

света, нечто похожее на Лондон или Копенгаген? Ла-Бока же самобытна: она как бы сама по себе — плоть от плоти аргентинская.

Недаром здесь черпали вдохновение художники и поэты, музыканты и артисты. Иные приезжали в пропитанный морской солью и потом квартал во фраках, покинув богатые салоны и званые приемы; большинство же, стремясь добиться признания, упорно трудились здесь, предлагая по бросовой цене свои картины случайным посетителям или зарабатывая на хлеб сочинением и исполнением танго. Один из них, Хуан Филиберто, композитор и поэт, прославился знаменитым танго «Каминито». В честь этой мелодии даже названа одна из улиц Ла-Боки.

У причалов не видно сверкающих белизной фешенебельных яхт, здесь лишь забрызганные грязью рыбацкие шаланды да старые посудины, доживающие свой век. А современный порт с бесчисленными доками и лесом портовых кранов-гигантов, с огромными пакгаузами и элеватором расположился севернее — туда и разворачивается наш «форд».

Суда — под флагами разных стран — принимают в трюмы товары традиционного аргентинского экспорта: мороженое мясо, пшеницу, кукурузу. На пристани я увидел и нечто совсем неожиданное — высыпавшиеся из разбитого ящика сочные красные яблоки. Аргентинские фрукты тоже везут за океан. Румяные яблоки, отливающие золотом груши охотно покупают Франция и другие страны Западной Европы. И хотя европейские порты отделены добрым десятком тысяч километров, аргентинские фрукты пользуются хорошим спросом. Ведь их урожай приходится в пору, когда в страны северных широт только приходит весна.

Неподалеку от нового порта начинается сегодняшний центр Буэнос-Айреса. За Розовым дворцом, резиденцией президента республики, расположились кварталы банков, министерств и закрытая для движения автотранспорта богатая торговая улица Флорида.

Аргентинская столица — город прямых и длинных улиц. Обычно считают, что самая длинная улица в мире находится в Мехико. Это 28-километровая Инсурхентес. В Байресе подобных улиц множество. Одни из них тянутся с востока на запад, а другие перпендикулярны им. Самая длинная — 37 километров — носит имя политического деятеля прошлого века Ривадавия. Она пересекает более ста городских кварталов и насчитывает около десяти тысяч домов.

Невольно думаешь, что жителям Байреса, должно быть, трудно ориентироваться из-за многозначной нумерации домов. Оказывается, нет. Город состоит из одинаковых по числу строений кварта-

лов, в каждом не более ста домов. Поэтому второй квартал по улице имеет нумерацию домов 200–299, третий — 300–399 и так далее. Таким образом, дом под номером, скажем, 1545 будет обязательно находиться в 15-м квартале. Нумерация домов, как правило, начинается от берега реки Ла-Платы, откуда рос город.

Ветры с широченной, как море, реки Ла-Платы одинаково дуют как на севере, так и на юге столицы. Но на своем пути к обитателям северных кварталов эти ветры проходят сквозь строй каштанов, пальм и редкостных тропических деревьев, которыми засажены парки, и несут живительный озон. А на юге те же ветры встречают барьер портовых кранов, рыболовных и нефтеналивных судов и, достигая рабочих кварталов, пахнут морской солью, рыбой и керосином.

Контрасты двух столичных районов этим не ограничиваются. Они проявляются в одежде людей, темах их разговоров, даже в памятниках. Чем старше городской квартал или чем он богаче, тем больше в нем памятников.

Аргентинцы отдают дань уважения участникам движения за освобождение страны от испанского колониального владычества, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в центре города и богатом районе Палермо то и дело видишь фигуры бронзовых и мраморных всадников.

Самый почитаемый из них сооружен герою освободительной войны Сан-Мартину. Восседающий на вздыбленном коне генерал окружен бронзовыми статуями своих солдат, а по всему гранитному постаменту — барельефы, отражающие памятные баталии и военные походы.

Рядом с памятником Сан-Мартину расположены три вокзала и привокзальная площадь Британия. На ней еще издалека замечаешь высокое сооружение, похожее на каланчу. На самом же деле это совсем не каланча, а тоже монумент, правда, несколько необычный. Своими очертаниями и гигантскими часами он напоминает знаменитый лондонский Биг-Бен. Это дар Англии, а точнее, как значится на монументе, «британских посланцев в Аргентине» по случаю столетия независимости республики, которое отмечалось 25 мая 1910 года.

ПАМПА, КАСА РОСАДА, ЛОЛИТА, МЕНОТТИ

От аргентинской столицы до города Санта-Фе, где намечено соорудить гигантскую плотину электростанции «Парана медиа», полтысячи километров пути. Конечно, быстрее всего туда можно было бы добраться на самолете местных авиалиний.

Но соблазн увидеть раскинувшуюся на сотни километров пампу — гигантские естественные пастбища, принесшие Аргентине богатство и мировую славу скотоводческой страны, — берет верх, и мы выбираем наземный транспорт.

Пампа! Бескрайняя равнина без холмов и лесных массивов, с миллионами гектаров плодороднейших земель. Тучные коровы круглый год разгуливают по лугам, отгороженным от шоссе едва видимым забором из колючей проволоки. Пастухов — гаучо — не видно. Они появляются лишь иногда, чтобы перегнать стадо на другое пастбище.

Мало кто помнит, что до прихода в Аргентину испанцев проживавшие там племена индейцев не знали домашнего крупного рогатого скота. Любопытно, что испанские конкистадоры, давшие имя стране от латинского слова «аргентум» — серебро, не нашли в Аргентине драгоценных металлов, за которыми охотились по всему континенту. Они и реку Ла-Плату (в переводе с испанского — серебро) окрестили так, полагая, что плывут по ней в сказочную страну Эльдорадо. Река привела их к другой широкой водной магистрали — Паране, по берегам которой и раскинулась пампа. Если бы конкистадоры могли подняться в воздух, то с высоты птичьего полета увидели бы внизу тысячи и тысячи серебряных зеркал самых фантастических конфигураций. Это бесчисленные озера, заросшие кустарником речные заводи, ручейки и полноводные реки, дающие пампе влагу, а значит, и жизнь. Отражая лучи солнца и белые облака, вода в часы заката и восхода солнца заставляет переливаться пампу цветами золота и серебра.

Но это — зрительное восприятие. Экономически же пампа источает настоящее золото. Значительная доля ее богатств экспортируется, принося стране необходимую валюту для импорта машин, оборудования, горнорудного сырья и прочих товаров.

Мой первый визит в Аргентину начался в столице. Коммерсант, с которым я познакомился в Буэнос-Айресе, посетовал:

— Не успеваю завести знакомства в правительственных учреждениях, как там снова меняются руководители!

За восемь лет, что он прожил в столице, в Каса Росада — Розовом доме, резиденции главы аргентинского государства, сменилось семь президентов. Возможно, столь короткие сроки пребывания у власти привели к тому, что ни один из них не успевал позаботиться о капитальном ремонте Розового дома. Старинный дворец выглядел несколько запущенным, а на фоне новых высотных зданий центральных кварталов — просто невзрачным. После ремонта его неизменно красят в розовый цвет. Это традиция. Она берет начало

с 1868 года, со времени президента Доминго Фаустино Сармьенто, который первым избрал это здание для постоянной резиденции главы государства и при котором были осуществлены реформы, направленные на развитие экономики и культуры, ускорившие формирование аргентинской нации.

По сравнению с президентскими дворцами в других странах Латинской Америки Розовый дом не может не удивить скромностью и неприязательностью. Ничто не говорит о роскоши и внутри дворца. Там нет ни помпезных мраморных колонн, ни отделанных позолотой резных дверей, ни парадных лестниц. Единственным признаком экзотики может служить бьющий во внутреннем дворе — патио — фонтан, около которого возвышаются две пальмы.

Двое дворцовых служащих выписали мне пропуск, «действительный лишь на день выдачи», попросили приколоть к лацкану пиджака круглый жетон с номером 85, и я пошел следом за посыльным холодными мрачноватыми коридорами.

Принимавший меня директор Департамента печати выглядел усталым. Из скурых ответов на мои вопросы можно было сделать вывод, что Аргентина переживает сложный период в своем внутриполитическом развитии.

С марта 1976 года после государственного переворота власть находилась в руках военных. В стране не действовал распущенный парламент, многие посты в правительстве занимали военные, они же назначали из числа генералов президента страны. Деятельность партий была приостановлена, а в отдельных случаях запрещена. Отстраненная от власти последний гражданский президент Мария Эстела Мартинес де Перон долгое время содержалась под стражей, — ее обвинили в незаконных операциях с государственными и частными фондами. И лишь летом 1981 года ей разрешили покинуть страну.

...Побывав в Розовом доме, я отправился пешком на встречу к популярной у нас аргентинской актрисе Лолите Торрес. Ее дом находится рядом с центральной авенидой 9 Июля, где в районе знаменитого обелиска расположились многочисленные театры Буэнос-Айреса. В одном из них — театре «Авенида» — Лолита дебютировала, когда ей было всего 11 лет. Девочка с успехом выступала на сцене и в конце концов оставила мечту посвятить свою жизнь медицине.

И вот я в гостях у популярной артистки. Более чем в 30 фильмах снялась Лолита Торрес, объездила с гастролями Южную и Северную Америку, многие страны Европы. Сыграв в одном из своих

ранних фильмов — «Возраст любви», она покорила миллионы советских кинозрителей, и певицу назвали «идеальной невестой всех русских юношей».

Все это я прочитал на обложке одного из любимых дисков Лолиты Торрес, который она мне подарила во время встречи. Эту долгоиграющую пластинку выпустила испанская фирма «Испавос». Фирма отметила, что диск выпущен в 1975 году, вскоре после первого концерта Лолиты в знаменитом мадридском «Театро де ла Комедиа».

Успех был феноменален. Наконец-то сбылась мечта актрисы выступить на родине. Ведь Лолита — испанка. И поет главным образом испанские песни. Но всю жизнь прожила в Аргентине.

О чем мечтает актриса теперь?

— Я мечтаю о том, чтобы сохранить любовь русской публики. О, я знаю, как трудно артистке поддерживать любовь, которую однажды она пробудила у зрителей. Ведь мне до сих пор шлют письма и подарки мои далекие советские почитатели. А когда я приезжаю к вам на гастроли, то ваши мамы показывают дочек, которых они в честь меня называли Лолитой. Как это мило и трогательно! Я, естественно, волнуюсь, готовясь к каждой новой встрече. Конечно, я включаю в репертуар две-три песни из фильма «Возраст любви», столь любимых в России, но в целом моя программа совершенно новая. Есть в ней и русские мелодии...

Гостиная, где мы разговаривали, была заполнена всевозможными статуэтками, картинками, сувенирами, полученными Лолитой Торрес от благодарных зрителей. Немало было здесь и подарков из Советского Союза, сувениров с изображением Московского Кремля.

А в 1978 году, во время чемпионата мира по футболу в Аргентине, я беседовал с тренером Сесаром Луисом Менотти, который привел свою национальную сборную к футбольной короне мира. «Говорят, Менотти родился в сорочке и прямо на футбольном поле, это верно?» — спросил я.

— Насчет сорочки — выдумка, но дом в городе Росарио, где я родился, действительно стоял на краю тренировочного поля клуба «Унион американа». Моя колыбель располагалась у окна, выходившего на травяной газон с футбольными воротами. Сначала я увлекался баскетболом и плаванием, но все-таки пересилила страсть к футбольному мячу. Его наши мальчишки могут гонять даже между рельсами железной дороги. Когда мне было 15 лет, умер отец, и со средствами в семье стало трудно. Тогда и начал думать о профессиональном футболе. В то время многие мои сверстники эмигрировали в страны Латинской Америки и Европы в поисках работы.

Я спросил Менотти, что для него футбол: профессия, работа, жизнь? Тренер ответил так:

— Футбол — прежде всего праздник. Можно улучшать зеленый ковер, мяч, экипировку игрока, но суть футбола не изменится. Эта игра бессмертна. Как народная мелодия: ее можно по-разному аранжировать, но главная тема остается без изменений. Тренер, каждый футболист должны отвечать требованиям этого спектакля, слиться с настроением публики. Плох игрок, который механически выполняет футбольные приемы. Ведь, к примеру, Бетховен писал музыку не ради написания нот. Он жил музыкой! То была его манера познания мира. Футбол — тоже способ познания мира...

Я до сих пор храню книгу «Футбол», которую мне подарил великий тренер и подписал: «С чувством симпатии, Менотти».

ЗОЛОТЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Когда на счету последние годы жизни, страшно подумать, сколько же времени ушло зря, впустую. Сколько выброшено минут и часов ради глупого времяпрепровождения, капризов сердца, молодецких забав. Но спросишь себя: хотел бы жизнь прожить иначе? О нет, нет! Хотел бы повторить все сначала? О да, да! Особенно милые золотые студенческие годы!

Удивляюсь до сих пор. Откуда брались неутомимость, выдумка, энергия, бесшабашность? Ведь вернулся с войны возмужавшим юношей. Усталым. Жирок, накопленный беззаботной солдатской жизнью, когда ты худо-бедно сыт, одет, снабжен махоркой, быстро растаял. Испарилась как дым выданная в тройном размере за годы войны зарплата. Этому помог товарищ Сталин, обнародовав денежную реформу. Он просил народ принести «последнюю военную жертву» на алтарь Отечества, растолковал, что в ходе войны естественно происходил процесс эмиссии денег, упало до минимума производство товаров, а зарплату выплачивали как прежде, в мирное время. Деньги обменивались по курсу одна тысяча старых рублей на один новый рубль. Продал шинель. Потом расстался с кирзовыми сапогами и гимнастеркой. Благо жил на Зацепе, рядом с рынком. Недалеко было ходить, чтобы обменять солдатские шмотки на буханку хлеба. Не продал лишь унты как память о любимой авиации. Щеголял в них все студенческие зимы, притягивая взоры девушек.

Выручал трофейный аккордеон. Выезжал работать массовиком-баянистом в пионерлагеря, дома отдыха. Прельщала не столько зарплата, сколько бесплатное питание и свежий воздух. Три раза в году

веселил какой-нибудь коллектив служащих, отмечавших советские праздники и, по обычаю, после доклада предававшихся застолью и танцам с песнями. Однажды мамаша трех дочек наняла меня обучать старшую игре на аккордеоне за десять целковых в час. Уроки вскоре прекратились, ибо мамаша рассчитывала поскорее выдать дочь замуж, а я оказался непонятливым строгим учителем. Разглядываешь свои студенческие фотографии, ужас берет! До чего же был худ. Кожа да кости. Золотые студенческие годы не в ладах с расчетом, с выгодой и сытостью. Молодость трехжильная, бездумная, увлекающаяся всем заоблачным, блестящим, как звезды.

С 1951 года иняз стал издавать свою многотиражку «Советский студент». Подобрался коллектив талантливых и энергичных студентов, пишущих очерки, стихи, фельетоны. Меня пригласили заведовать литературным отделом. Мы сами себе были цензорами. К сожалению, согласно стереотипам того времени первая страница многотиражки отводилась под официальные материалы — партийные и комсомольские обращения с призывами укреплять мир, участвовать в выборах, публикации о работе институтского партбюро и комитета ВЛКСМ, другие документы. Зато вторая страница почти целиком заполнялась заметками, фельетонами, сатирическими стихами и карикатурами о студенческой жизни. Однажды наши шуточки и шаржи в новогоднем номере послужили темой разговора на партбюро. Нас критиковали за перехлест, излишнюю лихость в показе негативного.

Каждый год с осени до весны «стукал» в волейбол. Настоящий волейболист не скажет «играл», профессиональнее звучит «стукал». Сейчас думаешь, какой же глупый был — на что тратил время и силы? А тогда... Разве можно было отказать тренеру Михаилу Крылову, легендарному мастеру волейбола? Ведь он привел меня в институт. Чисто случайно. В 46-м после демобилизации я шел по Крымскому мосту до метро, любовался набережной. И вдруг навстречу Мишка Крылов, с которым до войны играли в «Спартак». Он — за команду мастеров, я — за юношескую. «А на фронте стучать приходилось? — спросил. — Послушай, — предложил он, — тут рядом, на Метро-строевской, 38, есть институт иностранных языков. Я там работаю на полставки тренером. Приходи в воскресенье. Предстоит календарная игра, а мужиков в институте раз-два и обчелся». Я пришел и надолго остался. Мне импонировало, что многие гуманитарные дисциплины в институте преподавались на иностранном языке.

Волейбол — захватывающая игра, воспитывающая волю, смекалку, точность в движениях. Ох, сколько же часов отдано кожаной

му мячу! Но кто подсчитает, сколько минут вдохновения и радости принесли ответственные игры! Выигранный матч у сильного противника порождал необыкновенный душевный подъем. Михаил Крылов с друзьями «обмывал» его стаканом водки. Приглашал меня, но я отнекивался. Помнил, как меня, подростка-гармониста, споили деревенские. С тех пор высчитал свою норму — 300 грамм. И то — если в компании и понемножку. В первый День Победы в полку всем выдали за ужином три раза «по сто». Я тогда свою норму слил во фляжку. А если проиграешь матч? Михаил опять выпивал. «Надо расслабить мускулатуру», — приговаривал.

Это в наше время скрючился от боли волейболист, а чаще футболист — сразу бежит врач с баллончиком, заморозит место травмы, и спортсмен побежал как ни в чем не бывало. Я ходил на матчи «Торпедо», когда его стадион с одной трибуной в три ряда находился перед входом в парк Горького. Видел, как футболисты «лечились» от полученных ушибов, растяжения связок, вывихов. По современному говоря, принимали допинг. Злоупотреблял «зеленым змием» мой любимец Эдуард Стрельцов. Он долго не прожил, как и Михаил Крылов. Но я, слабак по части выпить, все равно их уважаю как крепких мужиков и прекрасных спортсменов.

Написал это и подумал, каким был Ельцин, студент строительного института. Здоровяк, при росте выше 180 сантиметров он был отличным нападающим в команде. Разъезжал со сборной на соревнования по всей стране. А ведь он играл без двух пальцев на одной руке. В детстве стащил у военных боевую гранату и с друзьями попробовал ее разобрать. Взорвался, видимо, лишь детонатор, который он ударил молотком. Если бы сработала сама граната, представляете, что бы случилось? Вот такая штука: бесшабашное ухарство или неосознанный самострел. Как знать, кроме природных наклонностей, может, волейбол тоже приучал его к «зеленому змию»? Но неполная кисть — а руки самое главное в волейболе — вызывала у него особое чувство превосходства над другими, полноценными товарищами. А страсть к победе? Разве она не порождала в Ельцине, уже большом политике, целеустремленность, пробивную силу, волю драться до конца? Вот что такое волейбол!

А с каким огромным трудом мне давались первые шаги в познании английского языка! В институте преподавала целая плеяда лингвистов. Английскому нас обучала чистокровная англичанка Тодт, плохо говорившая по-русски. С нами она разговаривала только на своем родном языке. В институте был заведен строгий порядок — языковым преподавателям запрещалось разговаривать

со студентами по-русски даже на переменах. И правильно поступали — студенты быстрее осваивали языки. Переводу с русского на английский нас обучал доцент Мюллер, известный составитель толстого англо-русского словаря. Тяжеловатый, стареющий, он не любил нас распекать за невыученный урок. Восхищала нас своей эрудицией замечательная переводчица «Саги о Форсайтах» Голсуорси Ольга Холмская. Сухонькая, в толстых очках, она тоже была равнодушна к лодырям: не хочешь — не учи. Однажды она в шутку сказала, что нам, институтским стихотворцам, пора бы заняться настоящим делом. И предложила мне перевести на русский знаменитое стихотворение Байрона «Прометей». Пояснила, что «весь Байрон переведен в середине прошлого века незадачливым... аптекарем, которому надоело готовить лекарства, и он занялся переводом». И еще добавила, что байроновского «Прометей» переводили «все, кому не лень», даже Блок, но все переводы далеки от оригинала и не совпадают по числу строк. Спустя месяц я принес ей мою версию и похвастал, что число строк у меня совпадает с оригиналом. (Для непосвященных замечу в скобках, что английские слова значительно короче русских, да и слог и синтаксис компактнее.) Затем я перевел для Холмской стихотворный эпиграф к роману африканского писателя Абрахамса о расовой сегрегации в Южной Африке, над которым она работала. Мой перевод ей понравился, более того — одна строка послужила заглавием для книги «Тропюю грома». Под этим заглавием по мотивам романа был поставлен балет.

На пятом курсе я уже пробовал сочинять стихи на английском языке и даже испанском. Тогда нам ввели как обязательный второй язык. Преподавала чистокровная испанка Кончита Фернандес, милая, симпатичная женщина. Часто на уроках мы просили ее спеть испанские песни. Она думала, что, если просят, значит, не выучили урок. Но мы действительно любили ее пение. Да и она сама с первых звуков преображалась, забывала про занятия.

О счастливые студенческие годы! Мы были благодарны товарищу Сталину за его труд «Основы ленинизма». Пусть питающие к нему животную ненависть перестройщики доказывают, будто сталинские труды не им писаны. Уж мы-то, языковеды, можем точно различить присущий только Сталину стиль речи. Многие первые работы Сталина посвящены популяризации основополагающих ленинских статей. Институтский курс марксизма-ленинизма требовал от нас изучения первоисточников. Ленинские работы принимались с трудом, тогда как сталинские на аналогичную тему бы-

ли лаконичными, в них все было разложено по полочкам и легко конспектировалось.

Напрасно перестройщики уличают «Краткий курс» в узости мыслей. Есть в нем вполне философские страницы, написанные лично Сталиным. А в целом эта книга писалась в расчете на полуграмотного рабочего и крестьянина, вступивших в партию. Надо обладать особым талантом популяризатора, чтобы просто и доходчиво изложить сложные явления и события. Уверен, никто из перестройщиков не сможет написать такую книгу. Хотя бы потому, что они страдают графоманией и космополитизмом, не могут обойтись без чуждых русскому иностранных слов «новация», «генерация», «легитимность», «консенсус», «презентация», «инаугурация» и прочих.

Принес в многотиражку стихотворение «Мечта». В нем ни разу не упоминалось имя вождя, но с первых строк было ясно, о ком идет речь. Я мечтал о том, как, покинув бесшумный ЗИС, в двери института «пройдет в простой шинели человек», свернет в раздевалку, где каждый уступит ему очередь. Далее он войдет в аудиторию и спросит: «Если вы не против, то, разрешите, лекцию я прочитаю вам». Стихотворение кончалось так:

Окинет взглядом нас, младое поколение,
Кумач, чуть сбившийся, поправит на столе
И в зал шагнет; и вот через мгновенье
Услышим первого лингвиста на земле!
Четвертый час куранты выбивают,
Там где-то в комнате горят еще огни, —
Мы знаем, он и нас не забывает,
А у него мы в думах не одни.
Но все равно я каждую минуту
Мечтаю, как затормозит свой бег
Бесшумный ЗИС и в двери института
Пройдет в простой шинели человек.

Читателю, очевидно, нужны объяснения, почему студент инязя мечтает видеть Сталина у себя на лекции. В 50-х годах на страницах газет развернулась дискуссия по вопросам языкознания. В ней принимали участие ведущие языковеды страны. И вдруг свою лепту в дискуссию решил внести Сталин. Он писал, что как марксист считает своим долгом сказать свое слово о значении языкознания. И сказал. В результате, как писалось в многотиражке «Советский студент», «основополагающие указания гениального труда Сталина» стали во главе угла «перестройки учебного процесса» в нашем институте. За невнимание к сталинскому труду подвергся критике

наш Мюллер, заведующий кафедрой перевода, и другие преподаватели. Судя по публикациям многотиражки, весь коллектив с небывалой энергией и восторгом занялся анализом «гениального труда», уже переделывались готовые диссертации в свете «указаний».

Думаю, однако, что эта «перестройка» шла лишь на словах, для галочки. Мы, старшекурсники, не услышали ни одной лекции по работе Сталина, а на партсобрании даже раздавались голоса против «перестройки» в лингвистике: это, мол, дело кафедры марксизма-ленинизма. Спустя год в «Советском студенте» значительно реже появлялись материалы на эту тему, хотя Сталин был еще жив. Недальновидный Хрущев высмеял сталинское участие в дискуссии и ее проведение как якобы политический маневр с неблаговидной целью — отвлечь внимание народа от острых хозяйственных проблем. Увы, не зрил в корень. Сталин умер, не успев довести до конца затеянную им «перестройку» в науке. По большому счету в ходе дискуссии речь шла не о синтаксисе, словообразовании, лексике и других премудростях лингвистики. Сталин заострил вопрос о развитии науки, о необходимости разных точек зрения, о борьбе мнений, о вреде формализма и администрирования. Вот как ставилась задача: «Применяя марксизм в языкознании, — писал в «Советском студенте» замдиректора по научной части Л. Базилевич, — товарищ Сталин нанес уничтожающий удар по вульгаризаторам, талмудистам, начетчикам. Он разоблачил тот режим в науке, при котором споры, критика, столкновение мнений подменялись администрированием. Он обосновал закон развития советской науки через борьбу мнений, свободу критики».

Удивительно, не правда ли?! Точь-в-точь лозунги и программа горбачевцев — свобода и плюрализм, многопартийность. Честно говоря, вместо того чтобы осуждать Сталина, следовало бы взять его в свои союзники и цитировать при каждом случае. Оказывается, Сталин мечтал о той же самой свободе мнений, что и диссиденты академик Сахаров и Солженицын и самый заурядный демократ. Более того, Сталин провозгласил свободу критики законом развития научной мысли. Так отчего наши демократы не воспользовались готовыми рецептами? Будущие потомки будут удивляться, как ученые мужи смогли отвергнуть весь накопленный положительный опыт за семьдесят с лишним лет советской власти и решили все начать с начала! Поучились бы у Сталина — он критиковал наших маршалов и генералов за то, что плохо перенимают опыт... гитлеровских полководцев. Кстати, Сталин весьма высоко отзывался об американской нации, о деловитости американцев, призывал поучиться

у них. А ведь с точки зрения классовой борьбы американский империализм был нашим врагом номер один. Сталин, выходит, умел проводить грань между политикой и здравым смыслом. Перед самой войной, когда я поступил в авиаучилище, Сталин приказал осуществить перестройку наших военно-воздушных сил, взяв за основу структуру гитлеровских ВВС.

Дискуссия о языкознании проходила в пору широкой кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом, с космополитизмом. То было время разгара холодной войны. За антисоветизм и антикоммунизм мы платили той же монетой — антиамериканизмом.

В 50-х годах иняз слыл «институтом благородных девиц». В нем учились отпрыски тогдашней элиты советского общества — дочери министров, генералов, партаппаратчиков, деятелей искусств, ученых. Почти все как на подбор — статные, пышущие здоровьем, несмотря на послевоенные трудности. Немало было представительниц среднего класса, но тон в моде, одежде и прическах задавали первые. В институте велась беспощадная борьба против «стиляг» и поклонниц буги-вуги.

В один прекрасный момент я мог бросить институт и стать музыкантом. Мои песни показали профессиональным композиторам, и они не отговаривали меня от музыкальной стези. Но я сомневался в своих способностях. Понимал, что не имею главного за плечами — сколько-нибудь приличного музыкального образования. И потом... Еще в детстве, слушая по радио джаз-оркестры Цфасмана, Фельдмана, Коралли, Рознера, я подумал, что музыка — удел евреев. Талант, мол, способности у них к этому. Ничего не поделаешь! Кстати, в институтской художественной самодеятельности, в активе редакции многотиражки, в комсомольском комитете большинство были студенты-евреи.

В один прекрасный день у ветеранов — сотрудников «Советского студента» родилась идея отметить 50-летие нашей многотиражки. Собрались на квартире у бывшей студентки Гали Беляевой на Кутузовском проспекте. Стол был накрыт по-генеральски. Первый тост взялся сказать Гелий Чернов, много лет работавший переводчиком-синхронистом в ООН в Нью-Йорке. Очень уважаемый товарищ, в институтские годы замещал главного редактора «Советского студента». Он сказал:

— Не смущайтесь. Я предлагаю первый тост выпить за Иосифа Виссарионовича Сталина.

Раздались выкрики. Забыл, в какое время мы живем! Сталина в конце 90-х уже по которому кругу потрошили, громили. Даже ком-

мунисты на своих демонстрациях боялись пронести портрет вождя. Когда шумные негодующие выкрики стихли, Гелий продолжал:

— Я бы сказал спасибо товарищу Сталину за то, что он включил-ся в дискуссию о языкознании и осудил талмудистов в лингвистике. После этого наш райком партии разрешил институту издавать многотиражку, чего наше учебное заведение добивалось много лет. Не вмешайся Сталин в дискуссию, не было бы «Советского студента», мы не собрались бы здесь на юбилей.

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

Перестройщики в конце 80-х задумали вернуть то, что свергла Октябрьская революция. Ее лидеры Ленин, Сталин и другие хотели самого элементарного — имущественного и духовного равенства между людьми. Возразят: уравниловку насаждали, философию нищих. Нет, в действительности Ленин и особенно Сталин воевали против обезлички и уравниловки. Они разъясняли коммунистам и народу, что в социалистическом обществе распределение осуществляется по результатам труда. Сталин называл уравниловку не иначе как «злом».

Подняв на щит тезис «Только богатые сделают страну богатой», перестройщики обвинили КПСС в пренебрежении к азам экономики — рентабельности, денежному обращению и так далее. На самом деле Сталин в речи в 1931 году журил хозяйственников за пренебрежение «принципами хозрасчета». «Это факт, — сказал он, — что в ряде предприятий и хозяйственных организаций уже давно перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций “режим экономии”, “сокращение непроизводительных расходов”, “рационализация производства” — давно уже вышли из моды». Сталин высмеивал тех коммунистов, которые полагали, что при социализме деньги не нужны.

Можно без конца упрекать перевертышей в невежестве, показать на фактах, что первые советские пятилетки преследовали вечные проблемы развития индустриальной страны. Они существовали при Сталине, Брежневе, Горбачеве, Ельцине и будут стоять перед другими руководителями после них. И разумнее было бы не заниматься изобретением велосипеда, а проанализировать, каким образом недоучившемуся семинаристу Сталину, слесарям Хрущеву и Ворошилову удалось решить эти проблемы, а перестройщикам, напротив, уже на пятый год пребывания Горбачева у власти развалить экономику.

Скажут: сталинская индустриализация стоила больших человеческих жертв. Верно. Но за прогресс надо платить, и здорово платить. Вспомним, как ставил вопрос Сталин: отсталых бьют, все били Россию за отсталость, а отстали на 50 лет. «Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — говорил он в речи «О задачах хозяйственников» в 1931 году. Он напомнил, что точно так же думал Ленин еще в канун Октября, когда писал: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Это был вопрос жизни и смерти. В этом один из секретов, почему народ поверил в Сталина, в большевиков. «Говорят, что трудно овладеть техникой, — развивал мысль Сталин. — Неверно! Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять». И взяли-таки! Перестройщикам трудно понять, почему тогда ставились конкретные задачи по выплавке стали, добыче угля и нефти. Они опошлили послевоенную сталинскую перспективу в экономическом развитии.

Кричали: Сталин, мол, думал лишь о тоннах проката и киловаттах электроэнергии. Люди для него ничего не значили. Чепуха! И клевета одновременно! Тонны, кубометры, киловатт-часы в любом обществе — в США ли, в Англии — являлись и являются измерениями процветания, благополучия и более того — свободного и независимого существования. И песни наши пелись про тонны, и сообщения о производственных рекордах воспринимались как большая семейная радость, поднимая людей на труд.

Да, Сталин не был безгрешен, он честно признавался: «Лес рубят — щепки летят». И еще он говорил: «Тот, кто ничего не делает, никогда не ошибается». Ведя страну от победы к победе, большевики и лично Сталин совершали ошибки, и не маленькие. Они же запатентовали в нашем языке термины «перегибать палку» или «левацкий уклон». В своей работе «Вопросы ленинизма» Сталин подробно разбирает вопрос о политике партии по исправлению допущенных ошибок. «Если она (партия) хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку», — говорил он.

Красный том в 650 страниц озаглавлен: И. Сталин «Вопросы ленинизма». Одиннадцатое и последнее издание 1952 года. Он чудом сохранился среди книг, хранившихся в моем гараже. Там же я нашел пожелтевший «Краткий курс Истории ВКП(б)». В течение всей перестройки ни одно издание не выходило без скандальных «разоблачений» сталинского руководства страной. Предвоенная часть «Вопросов ленинизма» заканчивается докладом на XVIII съезде

партии, произнесенном 10 марта 1939 года. Что последовало потом, в течение 15 лет оставшейся жизни Сталина? Подготовка к войне, война с ее невосполнимыми жертвами, восстановление страны. В книге напечатаны речи Сталина времен войны, по случаю годовщин Великого Октября, приказы, отданные в качестве Верховного главнокомандующего, речь-тост на приеме в честь Дня Победы, статьи по вопросам экономики и языкознания, несколько абзацев выступления на XIX съезде КПСС.

Конечно, включи в книгу выступления Сталина на закрытых пленумах ЦК, на других совещаниях, информацию о встречах с хозяйственниками и зарубежными деятелями, как это стали делать со времен Хрущева, не хватило бы и тысячи страниц. Но при Сталине не баловали протокольной информацией ни советских людей, ни зарубежье. Анри Барбюсу удалось интервьюировать Иосифа Виссарионовича для книги «Сталин». На вопрос писателя «Считаете ли вы себя философом?» Сталин ответил, что он скорее деловой человек. И показал кучу бумаг по экономическим вопросам, которые ему надо было рассмотреть и подписать.

И право, если внимательно проштудировать «Вопросы ленинизма», обнаружишь, что ранние теоретико-философские работы Сталина сменяются его выступлениями по различным хозяйственным проблемам. Слог и стиль автора теряют черты научности и сбиваются на рассуждения директора предприятия перед своими подчиненными. Хотя, как всегда, речь Сталина не лишена ясности, железной логики, типично сталинской манеры говорить. Однако его выступления явно перенасыщены цифрами, таблицами. Теоретическое мышление Сталина слабеет. Возможно, от возраста, а скорее от отсутствия сильных политических противников, с которыми в былые времена остро дискутировал, ведя аргументированную полемику.

Прочитал я заново «Краткий курс» (изучал в школе, в военном училище, перелистывал в институте). Книгу перестройщики обвиняют в примитивизме. А мне показалось, что стиль и интеллигентность речи, особенно в первоначальных теоретических разделах, не ниже, чем в последних речах Сталина. Если бы ленинско-сталинские нормы строительства партии проводились в жизнь, она не превратилась бы в организацию, терпевшую в своих рядах карьеристов, взяточников, приспособленцев, начетчиков, потенциальных ренегатов и перевертышей.

О чистках в партии мы знаем весьма смутно. Вспомним, как настойчиво требовали делегаты провести чистку на первом горбачев-

ском XXVII съезде и как Горбачев «теоретически» обосновал ее нецелесообразность. А ведь история КПСС — это прежде всего упорная борьба за ее чистоту и принципиальность. Какой видел Сталин партию? При Сталине коммунист имел одну привилегию — работать столько, сколько нужно, и там, где прикажут. В этом отношении партия мало чем отличалась от армии, где офицера не спрашивают, желает ли он служить в Заполярье или в Крыму. Пожалуй, лозунгом «Коммунисты, вперед!», рожденным на фронтах Отечественной, точно и ясно выражена роль партии. А ведь это значило первым идти под пули врага. Высоким моральным чертам коммунистов посвящены великолепные произведения советской литературы, которые сформировали многомиллионное поколение моих сверстников, считавших своим святым долгом умереть за Родину, за Сталина. Это поколение во многом предопределило нашу победу над фашизмом.

Перестройщики фальшиво лукавят, когда утверждают, будто коммунисты перечеркнули тысячелетнюю историю России, ее культурное наследие, надругались над общечеловеческими ценностями, накопленными за многие века. Это грубая и неумная ложь! Ленин учил, и мы это заучивали как аксиому: «Коммунистом можно стать тогда, когда овладеешь всеми знаниями, которые выработало человечество». Марксисты-ленинцы считали свое учение о социализме сплавом всех высоких идеалов человечества, в том числе выработанных христианством. При Сталине мы учились жить и думать по Пушкину и Некрасову, по Гончарову и Толстому. Мысли о свободе, о борьбе за справедливость мы черпали из творчества Шиллера, Гете, Байрона, Диккенса, Дюма. Всех не упомянуть здесь. Книги советских писателей и музыка наших композиторов несли оптимизм, безграничную веру в новое общество, которое строилось на наших глазах.

Любопытно, что Сталин был весьма осторожен в похвалах, видел в успехах и сверхоптимизме, по его словам, «теневую сторону». Он предупреждал: «Есть опасность, что кое-кто из наших товарищей, опьянев от успехов, зазнается вконец и начнет убаюкивать себя хвастливыми песенками вроде того, что “нам море по колено”, что “можем хоть кого шапками закидать”». И напомнил о том, что подобное уже случалось в делах партии. А вот Хрущев подзабыл сталинское наизидание. У него голова закружилась от наших успехов в космосе, решил, что ему и океан по колено. Он заявил на весь мир, что обгонит Америку и «похоронит капитализм».

Сталин подвергал уничтожающей критике вельмож-бюрократов, бичевал сурово чинуш с партийным билетом в кармане, тре-

бывал снятия их с постов, невзирая на прошлые заслуги. В ходе реабилитации в журнале «Известия ЦК КПСС» я внимательно читал имена якобы невинно репрессированных и их прежние должности. В списках значились одни начальники и бюрократы! Редко когда попадался репрессированный рабочий, и, наверное, оказывался в этой компании по глупости. В перестроечное время, пользуясь безвластием и «гуманизмом» правоохранительных органов, развелось столько вельмож-казнокрадов, чиновников-взяточников, что был издан указ российского президента о борьбе с коррупцией. Если бы схватить всех за руку и судить, наверняка не хватило бы места в бывшем ГУЛАГе. Но никто никого не трогал — лишь бы не подумали, будто копируется сталинский порядок и дисциплина.

Сталин обладал чувством юмора, шутил порой публично, но в меру. На I съезде колхозников-ударников он рассказывал делегатам о том, как на собрании колхозников одна крестьянка решила остаться вне колхоза, подняла подол и сказала: «Нате, получите колхоз». Под веселый смех делегатов Сталин добавил, что позже она передумала, искренне раскаялась и ее приняли. «И что же? Оказалось, что она теперь работает в колхозе не в последних, а первых рядах», — закончил Сталин под бурные аплодисменты.

Сталин говорил: «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств решаются не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся». А перестройщики нас убеждали: «тиран», «деспот», называл народ «винтиками». Нет, это «псы перестройки» обозвали народ быдлом, скотом за то, что наши отцы и деды якобы проглядели Октябрьский переворот, а затем не восстали против тирании. Сталин же считал народ «самым бесценным кладом» и фанатично мечтал выпестовать «нового человека», для которого труд был бы не тяжелой обязанностью, а «делом чести и геройства». Как фанатик он сметал с пути все, что мешало осуществить эту цель.

До сих пор удивляюсь, как сын сапожника, неученый, изгнанный из духовной семинарии, плохо, с сильным грузинским акцентом говоривший по-русски, неудачник в семейной жизни, смог победить сильнейших соперников из «ленинской гвардии»? В первую очередь он одолел Троцкого, энергичного еврея, отличного оратора, возглавлявшего вооруженные силы в ходе Гражданской войны. Как удалось Сталину заменить на высших постах троцкистов и поставить на их место своих сторонников, полуграмотных рабочих

и крестьян? Каким оружием Сталин пользовался, чтобы разгромить троцкистско-зиновьевскую оппозицию и других врагов народа? Разгромил в дискуссиях, логикой коммунистических идей и планов построения социализма.

Недруги Советского Союза вынуждены признать, что Сталин был «выдающимся государственным деятелем». Мало этого, Сталин был прозорливым руководителем. Стратегом! Он как бы с вершины видел далеко вперед. Весьма показательны его суждения о намерениях врагов социализма. Еще до войны, в 1938 году, на пленуме ЦК Сталин предупреждал, что враги страны намеревались прежде всего отказаться от социалистической собственности, под предлогом нерентабельности ликвидировать совхозы и распустить колхозы, закабалить страну путем получения иностранных займов и отдать в концессию наши промышленные предприятия. Сегодня после произошедших в 90-х годах перемен мы можем твердо сказать: Сталин как в воду глядел!

ЧАСТЬ

ГЛАВНОЕ — СУДЬБА ДЕРЖАВЫ

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Критики Горбачева утверждали, что он не имел четкого и ясного плана действий. Да неужели? Чепуха, имел! Только боялся его обнародовать, был вынужден напускать туман, маневрировать, притворяться, будто не желает «загонять жизнь в кабинетные схемы». И, только оказавшись не у дел, лишившись президентства, Горбачев признал, что перестройка преследовала цель изменить существовавший строй. Скажи он об этом раньше, его сразу выгнали бы из Политбюро ЦК и судили за измену Родине по 64-й статье Уголовного кодекса, предусматривающей высшую меру наказания. К сожалению, в партии и государстве слишком поздно разглядели в действиях Горбачева подвох и предательство.

Едва вступив в должность генсека, Горбачев произнес доклад по случаю 40-летия Великой Победы над Германией. На удивление всем, докладчик упомянул о большом вкладе в разгром гитлеровцев Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Зал разразился бурными аплодисментами. Горбачев, видимо, сам испугался просталинских чувств аудитории — ведь впервые за долгие годы официально, с самой высокой трибуны Сталин был упомянут с положительной стороны. Кстати, в докладе упоминались еще две фамилии — маршала Жукова и солдата-героя Матросова, закрывшего своим телом вражескую амбразуру. Внимательные наблюдатели, однако, заметили, что уже в докладе на XXVII съезде КПСС Горбачев мимоходом упомянул о продвижении рыночных отношений в экономику. Весьма отчетливо контрреволюционная программа Горбачева раскрылась в докладе по случаю 70-летия Октябрьской революции. В нем содержались тезисы для атак «демократов» на социалистический строй.

Как же так получилось, что наша интеллектуальная элита с энтузиазмом откликнулась на горбачевские призывы? К началу перестройки советская общественная наука, писатели, деятели культуры

и искусства переживали глубокий «застой», их невестребованная энергия искала выхода. Хоть какого-нибудь! Главному идеологу брежневского ЦК Суслову, конечно, спасибо за то, что он держал в ежовых рукавицах идеологические порывы наших философов и их коллег в братских странах, пресекал малейшие попытки «обновить социализм». Может быть, ему больше, чем всем генсекам, мы обязаны за единство, монолитность и сплоченность соцлагеря. Однако работа наших идеологов часто характеризовалась бездельем и апатией. И вполне естественно, что когда горбачевщина бросила им сталинские кости, они бросились их рвать, как голодные собаки. Сколько же умов, высокообразованных и не очень, участвовало в пустопорожней дискуссии о «белых пятнах» истории! Ведь предстояло переосмыслить и переоценить все семьдесят с лишним лет после Октября. А как обрадовались эстрадные шутники и конференсье свежей пище, хотя она пахла мертвечиной! Интеллектуалы оказались при деле и были довольны. Когда прозрели, то поняли, что лишились государственных дотаций на науку, музеи, театры, кинематограф, на газеты с их соблазнительной гласностью. Наиболее жесткая критика в адрес Горбачева прозвучала на пленумах ЦК, затем на XXVIII съезде КПСС и на I учредительном съезде Компартии России. Раздавалась критика и раньше, но было видно, что партийные и государственные лидеры не реагируют на нее, а только хвастают гласностью и демократией, существовавшими в разрешенных рамках. Дарованный сверху плюрализм оказался для генсека весьма удобной штукой. Во-первых, он позволял беспрепятственно создавать «неформалов» вплоть до антикоммунистических «народных фронтов». Во-вторых, игнорировать любую критику в адрес вождя партии. Критикуй, кричи на всю ивановскую, ты выражаешь свою точку зрения, а я — свою. Стенограммы последних пленумов ЦК и съездов КПСС убедительно свидетельствуют о том, что генсек Горбачев не отвечал ни на одно конкретное критическое замечание, упражнялся в пространных выступлениях, часто на абстрактную тему.

Терпение коммунистов лопнуло на втором этапе учредительного съезда Компартии России. Он проходил в сентябре 1990 года. В президиуме сидел хмурый и неулыбчивый генсек. Он не выдавил из себя даже пары приветственных слов по торжественному случаю — а ведь впервые была создана партийная структура РСФСР. Все республики Союза имели свои самостоятельные компартии, а Россия — нет. После того как съезд закончился, Горбачев попытался взять реванш: пригласил на встречу-беседу с ним всех

желающих участников съезда. Он рассчитывал, что придут только его сторонники, и он сможет дать волю чувствам. Но несогласные с его курсом свистели, сыпались оскорбительные выкрики. В конце концов генсек заявил участникам встречи, что он дистанцируется от «вашего» съезда и что политика перехода к рыночным отношениям будет проводиться, несмотря ни на какое противодействие.

Не сумев воспрепятствовать возрождению Компартии России, генсек шантажировал ее руководителей, отказывая в финансовых средствах и помещениях для работы. Из-за его противодействия газета «Советская Россия» долго не получала статуса органа Компартии РСФСР, не могла пропагандировать решения учредительного съезда. Вот что, например, говорил один из делегатов съезда, фрезеровщик станкостроительного завода города Тюмени о рыночных отношениях: «Противоречивое мнение вызывает эта идея. Если раньше все дороги вели к коммунизму, то сейчас — к рынку. Коли на одном полюсе рай, а на другом — нищета, такой рынок нам не нужен. Есть товарищи среди наших знакомых, которые за год сколачивают тысячное состояние и гордятся этим. Среди тех людей, которые под эгидой ЦК комсомола зарабатывают такое состояние, считается плохим тоном, если владелец видеотеки за год не скопил 100 тысяч рублей... Должен заметить, что в рабочих коллективах все чаще звучит призыв: “Вернуть страну к 1985 году!” Люди помнят, что было, и видят, что творится сейчас».

О необходимости кадровой работы в партии говорил секретарь райкома из Мордовской АССР. Он резко осуждал злопыхательство журналистской братии из стана «демпрессы»: «По части клеветы на партию и пройденный ею путь они перещеголяли даже зарубежные “голоса”... Очень хотелось бы, чтобы в состав партийных органов не проникали демагоги, крикуны, болтуны, карьеристы всех мастей, которые сумеют, прикрываясь партбилетом (а они ставят такую цель), развалить партию изнутри. Таких надо выявлять и гнать из рядов нашей партии. Кстати, они же проводят работу, направленную на ликвидацию партийных комитетов в производственных коллективах».

На мой взгляд, самую большую вину нужно вменить Сталину и самую суровую кару он должен нести вот за что. Он создал могучее государство, победил немцев и японцев, на чем споткнулись цари, а создать систему, гарантирующую избрание преемника-коммуниста, не смог. Ведь на посту генсека ЦК, главы нашего государства должен быть человек, не на словах, а на деле преданный социализму. Похоже, Сталин думал об этом, но не хватило времени. На последнем

при его жизни XIX съезде партии он ликвидировал узкое Политбюро, создал расширенный Президиум, но не успел довести идею до конца. Результат — у руля государства встал Никита Хрущев, растоптавший в борьбе за власть имя Сталина и многие его добрые дела.

Брежневско-сусловское руководство также не придумало системы селекции лидера. Горбачев избирался генсеком по старинке — сначала узким кругом членов Политбюро, затем получил автоматическое одобрение нескольких сотен членов ЦК, которые собрались в спешке и на пленуме безмолвствовали. От этого выбора, как покажет время, зависело очень многое: сохранится ли социализм в нашей стране или произойдет его ревизия, возрождение буржуазного строя и капиталистической экономики. Вопрос стоял, пожалуй, гораздо шире: неужели человечество с избранием Горбачева теряло последний шанс пойти по пути установления в мире общественного строя, где царствовала бы социальная справедливость, где не было бы места животным страстям выживания сильных за счет слабых?

Кто подбросил нам антисоветский выбор? Среди голосовавших за горбачевский курс на апрельском пленуме ЦК 1985 года были скрытые перевертыши, в душе диссиденты, но с партбилетом в кармане, потомки раскулаченных и репрессированных. И снова можно предъявить претензии Сталину. Не слишком ли самоуверенным был «великий вождь», не просчитался ли, когда уверенно говорил, что «сын за отца не ответчик», и думал перековать всех юношей и девушек в верных коммунистов? Самодовольство, головокружение от успехов затмило ему ум, когда он стыдил коммунистов за тревожные мысли при принятии Конституции 1936 года. Они предлагали не торопиться, не предоставлять пока избирательные права «лишенцам», бывшим белогвардейцам и священникам. Дорогой товарищ Сталин, спустя тридцать лет после твоей смерти «перестроился» всевидящий КГБ, и в первую очередь его руководство. Никто не удосужился заглянуть в автобиографию Михаила Сергеевича. Никто не догадался заставить кандидата в генсеки заполнить анкету как положено при поступлении на новую работу.

Он обманул нас, прикинувшись кристально чистым большевиком, до мозга костей преданным идеалам коммунизма. Уверял, что его жизнь прозрачна как стеклышко. И лишь на шестом году перестройки, в ноябре 1990 года, он разоткровенничался и признал, что рос в семье «врага народа». Оба его деда до революции были крестьянами-середняками. При советской власти один дед был репрессирован и сослан на лесозаготовки за невыполнение плана посева. Другой — организатор колхозов — тоже проштрафился и угодил

в тюрьму. Разумеется, Горбачев попытался изобразить их невинно пострадавшими. Но разве не известно, что страна тогда жила по строгим законам и карала за малейшие нарушения: за украденный сноп ржи, за увиливание от лесозаготовок, за клевету на руководителей государства.

Выходит, отнюдь не в силу высших теоретических предпосылок Горбачев воспылал ненавистью к Сталину и коллективизации. Получается, что он сводил счеты за дедов. Его примеру последовали многие. Даже убежденный коммунист Егор Лигачев на знаменитой XIX партконференции (он тогда был вторым лицом в государстве) публично с трибуны вспомнил о своих репрессированных родственниках. Что уж говорить о генерале Волкогонове, журналисте Лацисе, писателе Солоухине и многих других «демократах», которые писали злобные пасквилы на советскую власть, на коммунистов и в особенности на Сталина, отмечая, что сами они происходят из семей, которые пострадали от прежнего режима. Но где гарантия их беспристрастности, того, что ими не движет чувство мести и желание свести счеты?

Итогом политики Горбачева стали не только изменение сути нашего бытия, не только успешная тайная операция, о подробностях которой узнают наши правнуки. Мы теперь дорого расплачиваемся за нашу беспечность, за привычку жить и поступать на авось, за обывательство и разгильдяйство. Это результат элементарной потери бдительности.

ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ

Нынешнее поколение едва ли видело токарные станки, приводимые в движение с помощью широких кожаных ремней. А мы, школьники 30-х годов, проходили «производственное обучение» на таких станках. Их установили в подвальном помещении благодаря шефству над школой завода «Красный пролетарий». Директор школы Пролыгин, бывший рабочий этого завода, лично вел уроки, запускал станок, переключал шкивы, вставлял патрон, резец и обтачивал деталь. Он не разрешал нам подходить к станку ближе чем на метр. Говорил, что приводные ремни старые, могут порваться и ненароком поранить. И хотя современные станки оборудованы автоматами пуска и переключения скоростей, приводные ремни не исчезли из нашей жизни. Они лишь называются иначе — скажем, ремень водяной помпы у мотора, ремень кинопроектора, ремень стиральной машины и так далее. Интересно, что средства массовой информации называли «приводными ремнями партии»

и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. В журналистике, как, впрочем, и в других творческих профессиях, сохранялась функция передачи идей и мыслей от ведущей силы к ведомой.

Всем народам, а нам в особенности, нужен плюрализм мнений. Не ради показухи, а ради дела. Ради трезвого и глубокого сопоставления разных точек зрения, отсеивания малоэффективных предложений, выбора оптимальной идеи. К этому призывал даже Сталин во время дискуссии о языкознании. Но перестроечная пресса времен Горбачева не допускала инакомыслия. О том, что существуют несогласные, возмущенные ходом перестройки, из публикаций «демпрессы» можно было догадаться в редких случаях. Мне возразят: разве известное письмо Нины Андреевой, напечатанное в «Советской России», не свидетельствует о плюрализме? Никоим образом. Как раз подтверждает мою мысль. Оно появилось в одной, пусть и популярной газете, но зато вся «демпресса» и, что особенно странно, орган ЦК «Правда» 3 апреля 1987 года по указке Горбачева развернули широкую кампанию травли ленинградской преподавательницы. Сам «серый кардинал» Суслов наверняка позавидовал бы настырности и изощренности, с какими проводилась эта кампания, или, напротив, гордился воспитанными им самим кадрами пропагандистов. Как бы там ни было, но Андреева была использована как пугало, а ее имя стало нарицательным. Перестройщики первыми приклеили ей оскорбительный ярлык «догматика», «врага перестройки», хотя сами кричали оппонентам: «Не приклеивайте ярлыки!»

Руководящий перст перестроечного ЦК легко прослеживался в действиях прессы и, разумеется, радио и телевидения. Внимательный наблюдатель мог легко прийти к выводу, что прессой по-прежнему руководят из одного центра, раскрыв только две газеты — «Правду» и «Известия» за 1 января 1988 года. Обе ведущие газеты напечатали резкие статьи с осуждением «казарменного социализма». Статьи были написаны зло, в духе разгромного фельетона. Ничего себе развлекательное чтиво преподнесли они на Новый год! В эти праздничные дни во всем мире и у нас тоже печатаются веселые святочные рассказы, сказки, оптимистические стихи, сопровождаемые радостными картинками. На этот раз в духе добрых сусловских традиций обе центральные газеты обозначили свой курс на новый год. Сами придумали? Как бы не так. Перестройщики руководствовались антисталинским докладом, произнесенным Горбачевым по случаю 70-летия Октября в ноябре 1987 года. Коротичи и адамовичи моментально отреагировали на сигнал и стали разрабатывать тему «белых пятен» нашей истории, заливая их грязью.

Роли были строго распределены. Одни в стиле желтой бульварной прессы оплеывали коммунизм, другие, как «Известия», терпеливо, из дня в день обкатывали сначала идею «терпимости к чужому мнению» (считай — диссидентскому), затем проблему «плюрализма», а в конце концов — философию «конструктивной оппозиции». «Правда» сосредоточилась на публикации целых полос, посвященных советскому периоду. Она приглашала ведущих «марксистов» показать, каким плохим был Сталин, отступник от ленинского «завещания». В некоторых соцстранах быстро разглядели, какие из московских изданий идут в русле антикоммунизма: в ГДР и на Кубе запретили распространение «Московских новостей» и «Нового времени», печатавшихся на иностранных языках.

Большинство рядовых журналистов поверили в столь привлекательные лозунги, как свобода слова, свобода печати и плюрализм. В армии журналистов есть совсем немного генералов-полит-обозревателей, глядящих в рот главнокомандующему, редактору газеты. Остальная масса — солдатская, вечно на побегушках. Недаром говорят: журналиста ноги кормят. Посылают брать интервью у прохожих на площади или в кабинетах у видных людей. Словоохотливые перестройщики Собчак, Шахрай, Бунич, Старовойтова, Якунин и К°. всегда соглашались дать интервью.

Напрасно думают, что журналист — человек семи пядей во лбу. На самом деле он ловкий верхогляд и дилетант. Он обязан писать на любую тему, ибо редакция не в состоянии держать огромный штат, иметь специалистов-знатоков на все случаи жизни. Но журналист должен обладать особой интуицией: уметь выхватить из потока информации важную крупницу. И еще его специфическое качество — это умение вообразить, домыслить в пределах правдоподобия. Это умение достигается с годами. Однако большинство журналистов молоды и неопытны. Этим объясняется поверхностное освещение событий в газетах.

В моей «Комсомолке» трудилось всего шесть сотрудников, писавших о международном положении. Приходилось быть «мастером на все руки». Помню, меня вызвал Аджубей и сказал:

— Садись и срочно в номер пиши о провокации в Лондоне. Слышал о рекордсменке Нине Пономаревой? Ее обвинили в ерунде: будто бы она украла шляпку в магазине. Есть шанс повозмущаться рыцарями холодной войны. Давай, действуй!

— Бегу!

К счастью, мне, по образованию «англосаксу», были хорошо знакомы политика Англии, нравы и обычаи англичан, а также

Оксфорд-стрит в Лондоне, где случилось происшествие. Писалось поэтому легко. Но в другой раз Аджубей распоряжился:

— В Венгрии контрреволюционеры подняли мятеж. Не слышал? Конечно нет. Пока об этом в редакции знают я и ты. Садись, пиши строк двести. В твоём распоряжении два часа. Возможно, за это время что-то передаст ТАСС. Я приказал сразу принести тебе. Действуй!

Вскоре мне пришлось писать передовую о новой конституции... Народного Китая. Мне думалось, что с переходом в «Известия» я смогу сконцентрировать внимание на английских проблемах. Газета имела два полнокровных международных отдела, солидный штат сотрудников.

Увы, мне, только что вернувшемуся из Англии корреспонденту, поручили писать о предстоящих выборах в... Бразилии, затем о... западноберлинском урегулировании. Стоит ли ругать журналистов за отсутствие компетентности и профессионализма при такой системе работы.

Правда, нас выручал МИД. Мы регулярно посылали в его отдел печати свои материалы для консультации и страховки от политических и фактических ошибок. Очень часто товарищи-дипломаты помогали нам избежать обыкновенных глупостей, допущенных в спешке, неточных названий. «Известия» считались правительственным официозом, и каждая строчка в этой газете внимательно прочитывалась во всех посольствах в Москве. Перестройщики же объявили, что отдел печати МИД является жесткой тоталитарной цензурой. Могу заверить, что подобного рода консультации осуществляются и в западных странах. Они отличаются лишь каналами связи, уровнем консультантов. Любой журналист без компетентных консультаций и проверенной информации обречен на неудачу и на поверхностное толкование событий.

Увы, перестроечные международники игнорировали эти элементарные правила и часто попадали впросак. Им вскружила голову эйфория свободы и независимости. Как ни горько в этом признаться, но абсолютной свободы не существует в природе. Даже диктатор из диктаторов Иосиф Сталин не был свободным и независимым в своих действиях. То отступал под напором крестьян, не желавших вступать в колхоз, то подписывал договор о дружбе с заклятым врагом Гитлером. Хитрецы английские политики, дабы подсластить горький вкус понятия «зависимость», выдумали весьма приятный термин «взаимозависимость». Получилось довольно забавно: зависят друг от друга редактор и рядовой журна-

лист, метрополия и провинция, империя и колония. В самом деле, разве нет взаимозависимости между львом и антилопой? Но это шутки. А в жизни есть «ведущие» и «ведомые». У стаи журавлей, улетающих на юг, у эскадрильи бомбардировщиков, у «восьмерки» гребцов на лодочных соревнованиях, у политических партий, у государства. Важно, чтобы ведомые доверяли своему рулевому, считали его курс правильным.

Первые шаги рыночной экономики показали, что газеты, которые наиболее рьяно ратовали за нее, стали ее первыми жертвами. Неудивительно, ибо там, «за бугром», нет независимых газет. Мы же отлично знаем и восхищаемся, что капиталист зря денег не тратит. Если газета не приносит дохода, зачем она нужна капиталисту? «За бугром» подсчитано, что до 60 процентов доходов газеты составляют поступления от публикуемых рекламных объявлений. Естественно, что капиталист, которого коммунисты призывают ликвидировать как класс, не поместит свою рекламу в коммунистической газете. Я часто видел в разных странах тонкие многотиражки, издаваемые коммунистами. Их продавали не в киосках, а на углах улиц бойкие парнишки, видимо, отпрыски коммунистов или симпатизирующих им. Незавидная судьба ждала центральную «Правду», которая сама себе вырыла могилу, способствуя ликвидации КПСС, «Комсомолку», с ухмылкой радовавшуюся роспуску ВЛКСМ, да и «независимую народную» газету «Известия», лишившуюся опоры в лице Верховного Совета СССР. Правительство «демократов» не скрывало намерений поддерживать «свою прессу», щедро выделяя ей дотации. Пожалуйста, господа «независимые» журналисты, служите на задних лапках и получите лакомый кусочек. Нисколько не циничное умозаключение. Это логика и реальность рыночных отношений.

Такие, как Коротич или Егор Яковлев, сделали большую карьеру благодаря перестройке. Они «приближали, как могли» победу «революции сверху». Дети XX съезда пожали обильные плоды. Правда, мне непонятно, прочему они не открыли свои объятия Алексею Аджубею. Возможно, потому, что он в своих публикациях слишком восторженно защищал и оправдывал деяния Никиты Хрущева на международной арене.

На его взгляд, непредсказуемость действий Хрущева в определенной степени пугала Запад. Печально, что никто из перестройщиков не вспомнил об открытии Хрущевым третьего мира и установлении сотрудничества с освободившимися от колониализма государствами Азии и Африки. Привлечение стран с многомиллионным на-

селением на нашу сторону усиливало позиции СССР на мировой арене. Ради призрачных сиюминутных выгод перестройщики отказались от этого политического багажа. В этом отношении они сомкнулись со Сталиным, который тоже не признавал ни Дели, ни Каир. Лидеры нарождавшихся независимых государств казались ему колониальными марионетками. А может, он лукавил, не желая тратить на них ни копейки, в отличие от Хрущева, отвалившего не один миллиард долларов то на стадион в Джакарте, то на Асуанскую плотину в Египте.

В условиях холодной войны международники не всегда находили эффективные методы, чтобы противостоять идеологическим противникам, но свою миссию выполняли честно и энергично. Иногда по праздникам я прикалываю на пиджак значок, купленный на толкучке в Измайловском парке. На нем написано: «Ветеран холодной войны». Эта война была начата не нами, велась с обеих сторон как всякая война, и были в ней свои рыцари и гвардейцы.

КАНАДСКИЕ ПРЕРИИ

Комната чуть больше десяти квадратных метров, низкий потолок, небольшой письменный стол прижат так близко к стене, что непонятно, как может за ним разместиться в кресле человек. Лицо человека не выражает эмоций. Говорит он хрипловатым басистым голосом, полупшепотом, чувствуется, что разговаривает с тобой нехотя. Такое впечатление на меня произвел хозяин тесного кабинета, бывший высокопоставленный сотрудник ЦК, а сейчас ссыльный посол в Канаде Александр Николаевич Яковлев.

Мне приходилось беседовать со многими советскими послами. Все, как правило, были вежливы и словоохотливы. И внимательно выслушивали любого гостя. Служебная задача посла — аккумуляровать информацию и обобщать ее смысл. Информация может быть уже известной, но повторенная из другого источника становится подтвержденной и важной. Я проехал всю Канаду, от Монреаля до Ванкувера, встречался с видными людьми, чиновниками министерств, бывал в смешанных советско-канадских компаниях, у фермеров. Нет, чрезвычайного и полномочного посла СССР в Оттаве А. Яковлева мои наблюдения не заинтересовали.

— Канадские власти отказали «Известиям» открыть корпункт, — доложил я послу. — Мне отказали в дальнейшем пребывании. Уезжаю домой, самолет летит завтра.

— И сколько же вы пробыли здесь?

— Два месяца.

— И то хорошо, — сказал А. Яковлев и встал из-за стола, чтобы попрощаться.

Почти всю жизнь я испытывал внутри какое-то чувство уверенности, что наша огромная страна должна быть и есть самая богатейшая и самая могучая. И мало кто из нас задумывался о том, что «шестая часть суши» — необъятный океан тундры, тайги, пустынь и гор.

Меня всегда мучил вопрос: неужели эта истина неведома нашим вождям? И Хрущеву, и Горбачеву, любившим колесить по миру? Правда, все они видели природу сквозь затемненные окна лимузинов. То были официальные визиты. Но Горбачев бывал в Англии и Канаде, когда еще не был облечен рангами генсека и президента. В сопровождении посла Яковлева он объехал канадские прерии — пшеничный пояс шириной 300 километров, простирающийся с востока на запад у границы с США. Посол наверняка говорил ему о могучем стимуле частной собственности, указывая на богатые фермерские постройки, округлые лица их хозяев, на силосные башни и широкий набор сельхозтехники. Воздух, просторы — все напоминало Горбачеву родное Ставрополье. Он, потомственный хлебороб, сравнивал: есть нечто схожее между «пшеничным поясом» Канады и раздольем Ставрополья. В самом деле, в моей родной деревне Чувашихе поля еще покрыты снегом, а в Ставропольском крае и в соседнем Кубанском уже начинают сеять. Собирают там богатые урожаи, строят прочные кирпичные дома, живут богато. Но, к сожалению, на «одной шестой» нет больше подобных райских уголков. На языке специалистов в основном наша земля называется «зоной рискованного земледелия». А случается, что и совсем не родит земля из-за засухи или морозов.

Увы, вместо того чтобы заняться практицизмом, посоветоваться с природой, мы сваливаем невзгоды на якобы порочную политическую систему. Вместо того чтобы провести в деревню хорошие дороги, подключить газ, мы объявляем войну колхозному строю (только потому, что его выдумал «вождь народов») и силой внедряем фермерство, оно-де преобладает в сельском хозяйстве на Западе. Но ведь легко понять, что и колхознику и фермеру одинаково нужны и техника, и газ, и электричество. Вместо того чтобы вылизывать, как канадцы, земли, расположенные в благоприятных климатических условиях, мы хотели удивить мир, внедряя кукурузу аж в Заполярье. Пора же понять, что слепое копирование западного — вреднейшая затея! Совершенно очевидно, что агро-

дело в США, Канаде, Англии и всей Западной Европе процветает в климатических условиях, резко отличающихся от наших. Не помню, в каком месяце Горбачев побывал в Англии в ранге секретаря ЦК, пусть зимой, все равно он должен был заметить, что лондонские дома не имеют двойных рам, люди одеты легко, а коровы пасутся круглый год. Не заметил! Почему-то там всегда теплее, а во многих южных районах никогда не выпадает снега. Теплое течение Гольфстрим, рождающееся в Мексиканском заливе, в тропиках, уходит на север все дальше и дальше. Сначала его самые горячие воды согревают Восточное побережье Соединенных Штатов, затем берега Канады. Течение греет Исландию, Англию, Скандинавию, даже оказывает благотворное влияние на климат Прибалтики и... Мурманска, самого северного нашего незамерзающего порта. Западное побережье США согревается другим теплым течением. Оно рождается в Тихом океане, напротив Мексики, и продолжается вплоть до Аляски с незамерзающим портом и административным центром Анкоридж. Для сравнения: перуанская столица Лима, находящаяся недалеко от экватора, омывается холодным течением Антарктики, и на песочном побережье Перу даже летом редко увидишь купающихся — холодно.

А какое, скажите, теплое течение обогревает нашу страну? Нет такого! Нас крепко сжимает в объятиях Северный Ледовитый океан. Такого эпитета больше не знают географы. И этим сказано все. Никто, кроме нас, не строит атомных ледоколов и не носит валенки...

Я много думал, почему бы нам в Москве, как в Лондоне в Гайд-парке, не создать свой «угол спикеров», где можно было бы ругать правительство с утра до ночи и, выпустив пар, прийти домой и крепко заснуть. Увы, в Москве зимой даже стопроцентного «демократа» сдует с подобного угла лютым морозом. Что-то не припомню, чтобы Попов и Афанасьев собирали по зиме свою демократическую рать на Манежной. В Москве, говорят, зима длится двенадцать месяцев, остальное — лето.

Горькая шутка, но в ней — правда жизни. Исколесив многие жаркие страны, я проникся особым уважением к жителям северных широт, и в первую очередь к своим соотечественникам. За то, что они наловчились строить помещения и машины, которые не промерзают в суровые морозы. За то, что у нас в страшную стужу не лопаются водопроводные трубы, а смельчаки-моржи купаются в прорубях заледеневшей реки. Просто за то, что они согласились жить в таких суровых климатических условиях.

ДАЕШЬ КОНВЕРГЕНЦИЮ

Не знаю, может быть, Александр Яковлев был не в духе — и такое бывает с послами, но приятного впечатления про- извести он не хотел. Возможно, еще не «отошел» от московской нервноотрепки, когда за крамольную статью был уволен из Агитпропа ЦК.

Не стоит пересказывать резкую критику, прозвучавшую в его адрес на XXVII съезде КПСС за «развал идеологии». В результате его не переизбрали в члены Политбюро и даже в ЦК. Со Старой площади Яковлев перебрался в Кремль, став членом Президентского совета. От партийной критики ему удалось укрыться под крылом Горбачева. Нетрудно догадаться, какого рода советы давал Яковлев своему шефу. В канун съезда он признался в интервью «Правде», что еще с 60-х годов начал пересматривать свои взгляды на социализм и стал исповедовать... конвергенцию капитализма и социализма. А мы-то мучились-гадали: куда нас ведут-толкают? Оказывается, к капитализму, заменив его обветшалую вывеску на новую под названием «рыночные отношения».

Многие люди уже в первые годы перестройки забили тревогу, завалили газеты письмами, выражая возмущение насаждением в нашем обществе капиталистических порядков и морали. Большинство «прорабов перестройки» отметили обвинения, говорили об обновлении социализма. Другие, подобно известинцу Александру Васинскому, явно по команде сверху проталкивали идею «терпимости» к чужому мнению, то есть к пробуржуазному сознанию. Когда с 1992 года стало ясно, что рынок — это грабительский взлет цен, не стало слышно голосов проповедников буржуазного «светлого будущего». Словно потеряли они голоса. А ведь какими медовыми трелями заливались, воспевая этот самый рынок. Он, мол, судьбоносный этап в нашей истории, определит будущее не на год-два, а на десятилетия. Он — панацея от всех бед, ему нет альтернативы. Вдумайтесь, вспомните, какие звучали красивые слова и речи: рынок — свобода выбора, раскрытие талантов, самореализация человеческих способностей.

Давайте разберемся. Кроме СССР, Китая, Кубы и некоторых стран Восточной Европы и Азии, подавляющее большинство государств мира давно жило и живет по законам рыночной экономики. Но будем честны, только «семерка» высокоразвитых относится к числу процветающих, хотя и в этих странах есть миллионы безработных, нищих, бедняков, дискриминируемых, о чем «прорабы» умалчивают.

Сужу по личному опыту и впечатлениям. Самая процветающая и перспективная страна — Канада. Об этом говорят ухоженность ее городов и фермерских хозяйств, роскошь небоскребов Монреалья и Торонто, обильная и вкусная франко-украинская кухня, пышущие здоровьем люди, относительно небольшое число безработных, получающих достаточное пособие на содержание семьи. Канада богаче США ценнейшими ресурсами — никелем, нефтью, газом, лесом, бумагой и пресной водой, которой не будет хватать человечеству. А на другой части Западного полушария есть богатейшая природными ресурсами страна — Бразилия. У нее не менее талантливые инженеры и архитекторы, но она страдает от массовой нищеты и безработицы, от болезней и неграмотности населения. И в Канаде, и в Бразилии господствует капиталистический рынок, но условия жизни населения совсем разные. Из таких контрастов состоит весь наш мир. Происхождение контрастов объясняется историей и современным развитием государств.

Известно, что Канада и США два столетия не знали войн на своей территории, подобно Швеции и Швейцарии. Во Вторую мировую войну их «фабриканты оружия» нажили многие миллиарды долларов, пополнив за счет налогов и государственную казну. Канадцы и американцы могут себе позволить поддерживать безработных. Причем они вывели своеобразный закон безработицы: нехорошо, если слишком много безработных, тогда обстановка чревата социальным взрывом, но так же нехорошо, если слишком мало безработных, — рабочие становятся несговорчивыми, упорно торгуются при заключении коллективных договоров с предпринимателями.

А мы чем можем похвастать? Большевички восприняли лозунги Французской революции — свобода, равенство и братство. Они взвалили на себя и на страну тяжелый груз, стремясь уравнять всех. Не секрет, что велась «борьба с туеядством», при которой ставилась задача трудоустроить и лентяев, и уголовников — часто в ущерб интересам честных и скромных тружеников. Что-то, а равенство и братство, «дружбу народов» в лучшем смысле мы создали. Благодаря «казарменному социализму» страна превратилась в мощнейшую индустриально развитую державу. А вот подлинного и массового духа коллективизма, социалистического сознания не хватало. Мечта о создании «нового человека» с трудом продвигалась в реальную жизнь.

Прекрасная и вечная мечта! Академик Абалкин утверждал (не он один, но он — один из первых), что социализм — это прежде

всего высокий уровень жизни. В конечном счете — да, но не в первую очередь. Главное при социализме — достичь социальной справедливости. И мне понравились первые речи Горбачева, в которых он упоминал об этой цели. Но впоследствии о социальной справедливости он перестал говорить. И понятно почему. При рыночной экономике не может быть справедливости в распределении доходов, их делит богатый собственник, а работник обречен на получение щедрот с барского стола. Чингиз Айтматов перед отъездом в Люксембург на должность посла поучал нас, что нет лучшего хозяина, чем собственник. Получается: наилучший работник тот, кто работает на себя, гребет под себя. Какой уж тут социализм, нечего его приукрашивать словами «гуманный, демократический». Это стопроцентный капитализм, умеющий выжимать все соки из работника. Он играет на струнах частнособственнической психологии, которая, увы, жива в каждом человеке.

Не знаю, какая может получиться конвергенция, если социализм ценит коллективизм, чувство локтя, взаимную выручку, а капитализм исповедует индивидуализм, эгоизм, мораль «своя рубашка ближе к телу». Конвергенция, вероятно, возможна в голове и душе академика Яковлева. Но это — его личное дело, беда, однако, в том, что он потребовал от каждого из нас перестроить свое сознание.

Каждая эпоха рождает своего героя. Ему внимают, подражают, за ним следует. К сожалению, за годы перестройки прорабы преуспели лишь в снятии с пьедесталов старых героев и не создали кумира конвергенции. Почему, в самом деле? Разве не известны его черты, душевные порывы? Уж если наша творческая интеллигенция не имела смелости нарисовать портрет рвача и спекулянта, то можно переосмыслить и по-новому прочесть пьесы Островского, Чехова, романы Достоевского и Толстого, в которых много подходящих персонажей. Уместно обратиться и к классикам западной литературы, осудившим торгашество, рыночные, меркантильные отношения в любви и браке, буржуазную мораль.

Капитальный ремонт государства проводят постепенно, начиная с крыши или стен, не трогая фундамента. А перестройщики принялись рушить все, будто могли переселиться в чужой соседний дом. Нет его, и не скоро он будет. Провести конвергенцию в умах советских людей — задача архисложная, если вообще возможная. Павел Бунин, пожалуй, откровеннее всех раскрыл суть горбачевщины. Она предполагает свободу конкуренции, предпринимательства, свободу обойти соседа и помахать ему ручкой. «Пусть неудачник плачет,

кляня свою судьбу» — девиз Павла Бунича. Однажды на страницах «Московской правды» он вконец разоткровенничался: «Пугают, что будет кому-то худо. Не исключая. Рынок — беспощадное занятие. Вообразим, что у нас как в Америке. Всем там хорошо? Нет. Есть и бездомные — любимая тема нашей пропаганды, есть неудачники. И ничего — все, что называется, плывут. Один быстрее — мировой рекордсмен, другой медленнее. Но утонувших — немного, хотя даже в идеальном рынке они есть. Сегодня фортуна прошла мимо, завтра — улыбнулась. Жизнь не прямая линия, в ней много зигзагов. У американцев бытует поговорка — не носи все яйца в одной корзине. Занимайся несколькими делами, вкладывай акции в разный бизнес!»

Какой цинизм! Уж если и судить страшным судом большевиков и «застойщиков», то прежде всего за выращивание в стенах социалистических академий таких членкоров, как Бунич!

Нет, господин Бунич, бывший член ЦК КПСС, ваша мораль не конвергируется с гуманным и негуманным социализмом. Ваши свободы — изобранный обман народа, пенсионеров и инвалидов, ветеранов войны и труда, всех советских людей, у которых при первых шагах насильно внедренного рынка корзина для продуктов оказалась совсем пустой. Ваш зигзаг перевертыша — прямая дорога к свободе господства богатых над бедными!

НАРОДНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Вот так было 50 лет назад в Англии:
«Какие бы экономические трудности и политические потрясения ни испытывала Англия, прибыли крупных компаний из года в год растут. Есть другое постоянно действующее явление в “уэлфейр стейт” — рост стоимости жизни. Чтобы свести концы с концами, у рабочего остается один выход — вести ожесточенную стачечную борьбу. Только таким путем иногда удается вырвать у предпринимателей прибавку к зарплате.

“Равные возможности”, “благосостояние для всех”! Сколько изводится чернил, а забастовки не прекращаются. Не зря ли едят хлеб буржуазные философы? Они учат, что можно якобы найти “золотую середину” между требованиями рабочих и устремлениями “необузданного индивидуализма”. Они пропагандируют затухание классовой борьбы, некий “мир” между рабочими и капиталистами — так называемую буржуазную философию “народного капитализма”.

Эта философия не только пропагандируется, она подкрепляется финансовыми операциями. За последние годы в Англии были созданы компании “Бритиш шерхолдерз”, “Юникорн” и другие, занимающиеся распространением мелких акций среди населения. Как пишет профсоюзный журнал “Джорнел”, цель этих финансовых операций состоит в том, чтобы “заинтересовать рабочих в капитализме, ослабить борьбу профсоюзов за повышение зарплаты”. Каким образом? Пожалуй, стоит рассказать о том, как в городах Стоктоне и Хартлупе рабочих задумали превратить в... капиталистов. Не двух, не трех, а сто сорок тысяч рабочих компании “Империзл кемикэл индастриз”.

Компания решила выдать заработную плату не деньгами, а акциями, ценными бумагами, которые ежегодно приносят определенный процент прибыли. Хозяева приходили в умиление от этой затеи. Осуществись она, забастовки прекратились бы, ибо рабочие бастовали бы в ущерб самим себе, думали монополисты. Не выйдут рабочие на работу — пострадают доходы компании, а значит, владельцы акций, то есть самих рабочих.

Не рискованное ли дело задумала “Империзл кемикэл индастриз”? Отнюдь нет! Газеты писали, что рабочим хотели всего-навсего лишь привить “чувство владельцев бизнеса”. Контрольный пакет акций оставался в руках хозяев компании. Они могли безопасно распродать мелкие акции среди ста сорока тысяч рабочих. Каждому рабочему причиталось по тридцать—сорок двухфунтовых акций. Например, при пяти процентах годовых рабочий получил бы доход в полтора-два фунта. На эти деньги можно прожить два дня, а что делать остальные дни в году? Работать на хозяина-капиталиста, который, имея акций на миллион, получает доход в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Те же проценты, а какая поразительная разница!

Итак, под Рождество число акционеров “Империзл кемикэл индастриз” сразу увеличилось на сто сорок тысяч. Вероятно, по этому случаю устроили бы пышные торжества, произнесли восторженные речи, объявив, что рабочие перестают быть рабочими, будут впредь именоваться “народными капиталистами”, заложили бы в честь такого сенсационного события памятник. Но не успели.

Получив акции, рабочие бросились их продавать. Такого столпотворения никогда не видели на бирже. У касс выстроились предлинные очереди, брокеры сбились с ног, работали сверхурочно. Столпотворение продолжалось и на следующий день. “Какое невежество! Они не знают цену акциям!” — шептались биржевые клерки. А капиталисты негодовали: “Они презирают нас, а мы пригласили их за свой стол”.

Рабочие спешили отделаться от акций, потому что на эти ценные бумаги много не купишь в магазине. А покупки предстояли солидные: приближалось Рождество».

(Силантьев В. И. Фог рассеивается. М.: Молодая гвардия, 1961.)

А вот так стало в России:

«Мой муж Амарханов Иван Ефимович работал на ТЭЦ ВАЗа в г.Тольятти. И в 1995 году ему предложили приобрести акции РАО «ЕЭС». Так как 500 руб. за каждого рабочего вносило предприятие, то и муж мой, как и все, еще своих отдал 500 руб. Акции он не получил, но вроде считался акционером. И вот с 2009 года ему стали присылать приглашения приехать на отчетно-перевыборное собрание.

Приглашения для нас как насмешка — мы оба инвалиды. Муж — 1-й группы, полностью парализован. А я — инвалид 2-й группы. Затем мы стали получать чубайсовские дивиденды — такие, что все люди смеются. Чтобы не быть голословной, сохранила квитанции. Ну как не стыдно Чубайсу присылать такие деньги! Вот последнее извещение: на наши 628 акций причитается дивидендов 31 копейка. Чтобы получить 31 копейку, мне надо потратить 30 рублей на дорогу до почты и обратно. Тариф проезда на автобусе у нас — 15 руб. в один конец. Терпеть такое издевательство нет сил!

А. Чубайс развалил всю энергетику и у трудяг последний рубль отнял.

Господи, что же это за руководство такое у нас в стране?! Да еще чернят СССР, когда все сами развалили».

(Амарханова Л. С. // Советская Россия. 2011. 24 сентября.)

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Мой тесть, известный инженер-строитель Андрей Евгеньевич Страментов, родился в 1902 году и унаследовал таланты и способности своего отца, Евгения Федоровича. Из семейного альбома Страментовых мне запомнилось несколько фотографий. Вот Андрей Евгеньевич в фуражке на студенческой практике среди инженеров и прорабов на стройке. А вот он совсем еще молодой специалист, но уже с тремя орденами на пиджаке: Красная Звезда, «Трудовик» и «Знак Почета». А тут он снят на Крещатике в Киеве — что-то объясняет Хрущеву, показывая на послевоенные развалины. А вот он сфотографирован в Ницце, в Лондоне и в Будапеште.

Андрей Евгеньевич любил элегантно одеться, курил дорогие папиросы. Он был человеком, знающим себе цену, способным творить, учить, командовать. Он начал карьеру с реконструкции московских набережных, облицовывая их гранитом. Орден Трудового Красного Знамени получил за работу, от которой все открещивались, — за несколько ночей сумел булыжное покрытие Красной площади заменить брусчаткой. Дальше — больше: профессорская кафедра, институтские учебники, один из них был переведен на немецкий язык в Германии.

У себя дома он принимал видных архитекторов, ведущих театральных актеров, идеологических работников, журналистов-международников. Андрей Евгеньевич был интеллигент с большой буквы.

Тесть принимал друзей в гостиной, где на стол подавалась изысканная еда — черная и красная икра, копчености, фрукты. И всегда присутствовала бутылка марочного коньяка. Я уважал изысканный вкус хозяина, но однажды пошутил, что после трудного дня в редакции хорошо бы съесть тарелочку щей. Намек был понят.

Меня поражало, что тесть искренне и с большим любопытством интересовался международным положением. Задавал столько вопросов, что приходилось отбиваться шуткой: мол, не так вы, профессор, прожили жизнь, у вас же талант задавать вопросы, брать интервью. Тесть страдал гипертонией, но таблеткам предпочитал рюмочку хорошего коньяка.

Профессор Страментов тогда содержал няню для детей и повариху, личную машину и водителя. Под Новым Иерусалимом в Истринском районе он построил дачу. По западным меркам он жил на уровне среднего буржуа, зарабатывая лекциями и переизданиями учебников. Он получал достаточно для того, чтобы иметь чуть больше, чем можно при социализме.

Андрея Евгеньевича хоронили с большими почестями на Новодевичьем кладбище. Был выделен правительственный катафалк и эскорт мотоциклистов. На Зубовской площади было приостановлено движение транспорта в сторону кладбища. «Будто члена Политбюро хоронят», — поделился я впечатлениями с главным архитектором Москвы Посохиним, давним другом моего тестя. Тот не удивился: «Андрей Евгеньевич строил Москву, работал совместно со строителями, Моссоветом, ГАИ, прокладывал мосты, дороги. Его уважают тысячи москвичей — от рабочих до ученых».

Мне довелось видеть десятки больших городов мира. Москва не уступит им по масштабности и оригинальной архитектуре. Еще до войны Москва обзавелась широкими магистралями под стать

нью-йоркским, красавцами-мостами. Послевоенные высотные здания с острыми шпилями войдут в историю столицы как образцы сталинской архитектуры. Они будут стоять века. Пустые хлопоты тех, кто оплевывает соцреализм, с усмешкой взирая на настенные панно станций Московского метрополитена. Они будут вечно повествовать о новой поре нашей истории, о всеобщем энтузиазме советских людей — выходцев из крестьян, рабочих, купцов и интеллигентов-инженеров. Потомки не забудут их труд, их имена.

В 1939 году молодой профессор А. Страментов предложил через газету «Известия» идею сооружения Кольцевой дороги вокруг Москвы. Он привел точные расчеты стройки. Протяженность Кольцевой — 100—120 километров. объехать столицу по Кольцевой можно будет за час, так как полотно и обустройства позволят развивать скорость 120—150 километров в час. Намечено было достаточное число мостов, туннелей, развязок. От центра до Кольцевой 10—15 километров. Проезжая часть в одну сторону — 9 метров. Вполне широко.

К сожалению, война сорвала стройку. Объявленный конкурс, в котором были задействованы лучшие архитекторы и инженеры, пришлось надолго отложить. Лишь в 1962 году состоялось открытие Московской кольцевой автодороги.

СИМВОЛЫ СТАЛИНСКОЙ МОСКВЫ

Мне, деревенскому парню с Владимирщины, повезло: представилась возможность перебраться с родителями в Москву и начать жизнь в столице. Мы жили на улице Шаболовка, на которой в 30-х годах стояли почти сплошь деревянные избы. Стаей ребят мы бегали в расположенный неподалеку Донской монастырь. Внутри мы видели памятники с надписями не на русском языке, а глядя через бойницы, вооруженные самодельными луками, воображали, что отбиваем нашествие татаро-монголов. Тогда еще ребята не играли в войну против фашистов.

За долгую жизнь мне довелось жить и в блочных трущобах времен Н. Хрущева, и в брежневском панельном 9-этажном доме, и в приличном кирпичном доме, как принято говорить, со всеми удобствами. Но в памяти часто мелькает деревянная Москва. Помню, как в августе 41-го мои командиры летчик Мелак и штурман Яшук, спасаясь от погони «мессершмиттов», нырнули в облако. От погони ушли, но сбились с курса. Решили лететь куда глаза глядят, на Восток, домой. Летят, летят и видят: внизу село переходит

в село, деревня в деревню. Им повезло — впереди оказался аэродром. Приземлились. К ним подкатил патрульный капитан. Мелак его спрашивает: «Капитан, скажи, что за деревню мы пролетели?» Патрульный зло ответил: «Сам ты деревня! Это же Москва!» Да, столица относительно недавно рассталась с деревенским укладом, а на ее карте появились вместе с пролетарскими и революционными названиями районы с традиционными именами бывших деревень, но уже застроенные современными многоэтажными домами.

В чрезвычайно познавательной книге «Символы сталинской Москвы» автор О.А. Зиновьева подробно рассказывает, как строилась современная столица, начиная с 1935 года, когда был принят Генплан реконструкции Москвы. Автор монографии занималась изучением истории Москвы со студенческой семьи, защитила диссертацию в МГУ, и я благодарен ей за радость воспоминаний и возвращения в юношеские годы. Будто в песне Валентины Толкуновой: «Поговори со мною, мама... Мне детство снова подари».

Дело в том, что я со школьных лет пристрастился к путешествиям по Москве. Мать отпускала меня в поездки, выдавая на билет пятак. И приговаривала: «Ты бы, сынок, сидел лучше дома, а на пятак купил бы любимых ирисок». Я отвечал: «Парнишки-оборванцы торгуют конфетами с лотков. Попросят за одну ириску пятак. Уж лучше я прокачусь до Пушкинской площади».

...На Пушкинской автобус «Лейланд» (своих мы тогда не производили) делал круг и ехал в обратную сторону. Я рассматривал корпус «Известий», отвесную стену серого монастыря и думал: «А вдруг “Лейланд” забарахлит, будет ремонтироваться? Домой до Даниловской площади пешком не дойду...» Хотя однажды попробовал спуститься с Пушкинской площади вниз пешком. Увидел, как готовят передвинуть вглубь старое здание Моссовета. Затем толпу людей, стоявших в очереди на посещение Мавзолея, памятник Минину и Пожарскому, храм Василия Блаженного. А дальше, перейдя мост возле Дома правительства и кинотеатра «Ударник», присел на остановке «Лейланда», ожидая автобуса. Не знал, какая улица идет до Серпуховки: то ли Полянка, то ли Пятницкая...

Когда мне купили велик, уже расширили Садовое кольцо и по нему проводились спортивные эстафеты. Я стал им подражать — делал кружок на велике и разглядывал, как идет строительство семи высоток, прозванных позднее «сталинками». И. Сталин, автор Генплана реконструкции Москвы, поощрял строительство рабочих клубов, поселков для работников здравоохранения, ЦАГИ и других, а также стадионов, домов Коммуны, фабрик готовой пищи. И конечно,

метрополитена, который вначале назывался именем Л. Кагановича, министра путей сообщения. Генплан исполняли сотни архитекторов и инженеров, не говоря о каменщиках, облицовщиках и прочих рабочих. И сталинский наказ — архитектура должна служить новому социалистическому обществу — стал основой для строительства Москвы.

Сейчас, проживая в Сокольниках, я не устаю удивляться разнообразию архитектуры сталинского периода. Недалеко от площади Трех вокзалов стоят две «сталинки». Одна из них — гостиница «Ленинградская». Под ней в туннеле пробегают поезда первой линии метро. Как пел Утесов: «Что же это получается... запрягать савраску еду от Сокольников до парка на метро». Другая «сталинка» на станции «Лермонтовская» (теперь снова станция «Красные ворота») выходит фасадом на Садовое кольцо. В двух трамвайных остановках от моего дома в Сокольниках стоит необычный Дом культуры на Русаковской улице. Однажды мы, студенты иныа, отмечали там встречу Нового года. Дом культуры имени И. Русакова похож на два зубца огромной шестеренки. В каждом «зубце» — кресла для зрителей. Автор столь причудливого архитектурного творения — К. Мельников, лауреат декоративного искусства в Париже в 1925 году. Новатора Мельникова отмечали архитектурные издания за рубежом. Он автор четырех оригинальных московских гаражей и трех заводских клубов. Весьма интересен архитектурный стиль его Дворца культуры при кожевенной фабрике «Буревестник» возле парка Сокольники. Туда мы с супругой часто ходили смотреть заграничные кинофильмы. Концертный зал в «Буревестнике» К. Мельников сработал оригинально — наподобие стадиона с боковыми трибунами. В центре — ряды просторных кресел.

Если бы не книга Зиновьевой «Символы сталинской Москвы», я бы не вспомнил пору моих юношеских увлечений и радостей. В книге упоминаются имена архитекторов и инженеров, которые создали на Шаболовке дорогой для меня жилой комплекс из 17 корпусов. Отцу-бригадиру в виде премии выделили там двухкомнатную квартиру. Просторную, с коридором, где стоял огромный деревянный сундук. Мы с братом натягивали поперек веревку и через нее играли тряпичным мячом. Окна одной комнаты с балконом выходили в сторону сквера и административного корпуса. На его первом этаже располагался детский сад, на втором — библиотека, где я взял первую свою прочитанную книгу. Третий этаж — кинозал с роялем. Там мы смотрели «Чапаева» и устраивали шум, топая ногами, когда в финале появлялась наша конница и мчалась громить белогвардейцев.

ГИБНЕТ СТРАНА

Из всех почти семи лет правления Горбачева 1990 и 1991 годы войдут в историю как самые драматические. Они отмечены всплеском критики перестройки — как справа, так и слева. Кроме того, Горбачев вступил в противостояние со своим недавним коллегой по работе в ЦК — Ельциным. Несмотря на противодействие Михаила Сергеевича, его «друг-враг» не только был избран депутатом, но и председателем Верховного Совета РСФСР. Главный удар Горбачеву он нанес принятием закона о суверенитете республики.

Выпущенный Ельциным из бутылки джинн «суверенизации» опьянил многих удельных князей, которые также поспешили объявить о своей независимости от центра. Позже Ельцин призвал их брать столько суверенитета, сколько они могут «проглотить». Политический язык страны обогатился новым термином — «война законов». Дело в том, что вопреки логике и здравому смыслу республики Советского Союза провозгласили вслед за РСФСР верховенство своих законов над союзными. Ельцин не скрывал своих намерений. Он раздвигал руки в стороны, показывая, каких широких размеров должен быть суверенитет республик, их участие в делах государства. Затем сдвигал ладони, оставляя между ними узкую щель — вот такой, говорил, будет власть президента Горбачева.

Разваливая партию, Горбачев лишил ее руководящей роли в экономике, перетряс кадры, назначая на важные посты своих людей. Но вот демократы захватили Моссовет и Ленсовет, стали задавать тон в российском парламенте и правительстве, оседлали ведущие органы печати и телевидение, начали требовать покаяния от коммунистов и суда над ними. Сопротивлявшихся перестройке одергивал «главный прораб» А. Яковлев. Этот номенклатурщик и парт-аппаратчик внес в публицистику такие выражения, как «ведьмы перестройки», «кликушество», «мерзопакостные формы», «холопы застоя», «злые духи»... Или такие перлы: «обреченные жить в пещерах», «мелкая суетность», «топтание неугодных».

Горбачев, однако, не ожидал, что окажется уязвимой и его внешняя политика. Уж что-что, а она преподносилась как величайшее достижение новой эры человечества. Доказательство? Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира. В действительности лишь на Западе прославляли генсека: за развал социалистического содружества, ликвидацию Варшавского договора, за допуск иностранного капитала на советский рынок, за эмиграцию евреев. Никогда за все 70 лет советской власти Запад не снимал такого урожая, который пожал за годы перестройки. Полковник Алкснис, его колле-

га Петрушенко и другие союзные депутаты с выкладками в руках доказывали, что к падению коммунистических режимов в Польше и Венгрии приложили руку западные спецслужбы, которые также натаскивают наших межрегионалов и народные фронты в Прибалтике, как захватить власть. Что первое соглашение между Горбачевым и Рейганом о сокращении ракет средней дальности выгодно американцам, и только им. Что мы поторопились вывести войска из Чехословакии и Венгрии. Что мы просчитались на переговорах о сокращении обычных вооружений в Европе. Что мы оказались втянутыми в американскую авантюру в Персидском заливе.

Горбачев отмахивался от этих обвинений. Он полагал, что совершил триумфальный вояж в Рим и Париж, где сорвал аплодисменты в качестве защитника прав человека. Всюду он выпрашивал милостыню, так как экономическое положение СССР только ухудшалось. И правда, кое-кто плюс Саудовская Аравия подкинули Горбачеву несколько миллиардов долларов в качестве кредита для закупки продовольствия. Не велика заслуга! Нам редко отказывали в подобного рода торговых кредитах, а вот продажам нам технологий, пусть и не первоклассных, препятствовали все 70 лет.

Самой большой сенсацией 1990 года стало открытие IV съезда народных депутатов СССР. Едва председательствующий Анатолий Иванович Лукьянов зачитал повестку дня, как на трибуну поднялась молодая женщина, коммунистка Сажи Умалатова и первой же фразой ошеломила зал:

«Дорогие товарищи! Я вношу предложение включить в повестку дня вопрос о недоверии президенту СССР *(поднялся шум в зале)*... Я вас очень прошу меня не перебивать. Я буду говорить неприятные вещи, отдаю себе отчет в этом. Руководить дальше страной Горбачев просто не имеет морального права... Развалив страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой. Не знаю, дорогие товарищи, может быть, вам импонируют эти подаяния, но меня они глубоко оскорбляют и унижают.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Народ поверил вам и пошел за вами, но он оказался жестоко обманутым. Вы несете разруху, развал, голод, холод, кровь, слезы, гибель невинных людей. Люди не уверены в завтрашнем дне — их просто некому защитить. Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны.

Я знаю: мой голос может быть не услышан. Данный съезд — это последняя вера и надежда народа. Все наши решения могут повиснуть в воздухе, как это было до сих пор. В стране нет хозяина, а раз нет хозяина, то и выполнять решения некому. Каких только полномочий мы не давали президенту! Их невозможно перечесть,

но результатов нет, да их и не может быть... Мы живем по принципу: нам бы день простоять да ночь продержаться. Оглушенный аплодисментами Запада, Горбачев забыл, чей он президент, и абсолютно не чувствует пульса страны... На протяжении шести лет люди отдаляются друг от друга. Страну захлестнула безнравственность, злость, ненависть, преступность. Гибнет страна (*шум в зале*)... Многие здесь кричат. Это их право. Я это чувствовала. Сохранив Горбачева, они хотели бы сохранить себя (*шум в зале*)... Да и я бы так хотела, но это глупая ошибка. Волна смоем всех, никого не оставит на своем пути — ни правых, ни левых».

Бедная женщина! Она была бледна, голос ее дрожал. Сколько же нервных сил она потратила, чтобы выстрадать и произнести это обвинение. Кто она, откуда, каково ее полное имя? Никто не поинтересовался этим — все находились в шоковом состоянии. Она сказала правду. Ее мысли — думы народа. Да, творец перестройки развалил страну, столкнул народы. Да, пустил великую державу по миру с протянутой рукой. Да, жестоко обманул народ. Да, несет разруху, голод, холод, кровь. Да, авторитет главы государства начинается с порога собственного дома, а не с аплодисментов Запада.

Вы слышали подобные обвинения главе страны? Такие обвинения предъявляют лишь ненавистным врагам отечества. Никто из выступавших депутатов не осмелился опровергнуть сокрушительную критику женщины. Но предложение Умалатовой не прошло. Горбачев удержался у власти. Ему, видите ли, не оказалось альтернативы. Она, конечно, была в лице... Бориса Ельцина. Но он еще хуже, думали депутаты, он окончательно завел бы страну в пропасть.

В обвинении женщины в нескольких фразах сказано — весомо, зримо — все самое главное. Мне больше всего импонировало хлесткое и точное — «в стране нет хозяина». Да, прорабы-разрушители не выдвинули никаких стоящих идей, все их основные постулаты сводились к одному — социализм уничтожил в человеке чувство хозяина. Хозяина земли, фабрик, всех богатств. И стоит только возродить единоличника, купца, заводчика, всякого рода частновладельца, как жизнь сама собой образуется, все проблемы разрешатся. Но оказалось, в стране нет самого главного — хозяина государства. А без этого все принятые законы, идеи, предписания оставались пустым звуком.

Не знаю, как выглядел президент-генсек, когда Умалатова произносила свой приговор. Телекамеры его не показывали. Надо полагать, что Горбачев побледнел от стыда. Он запросил себе новые полномочия авторитарного характера, перешерстил структуру верховной власти и остался без ближайших соратников. Одним

из первых с капитанского мостика тонущего корабля перестройки исчез идеолог Яковлев — он поспешил застраховаться от политики, спешно пролез в академики. Бежал за границу еще один проповедник частнособственнической психологии, член президентского совета Чингиз Айтматов, облюбовавший себе укрытие в резиденции сопосла в Люксембурге.

Горбачев лишился своего многолетнего товарища по Политбюро, второго лица в государстве Николая Ивановича Рыжкова. Он сошел со сцены, получив инфаркт после резкого выступления на съезде. Рыжков признал, что перестройка, как она задумывалась вначале, не состоялась. Причина — политическая нестабильность, которую не мог устранить президент. Еще год назад Рыжков предложил программу стабилизации экономики и подчеркивал необходимость нормализации обстановки в стране — прекращение забастовок, межнациональных конфликтов, провокационных кампаний неповиновения. Покидая пост председателя Совмина, Рыжков призывал к наведению порядка, дисциплины, восстановлению нарушенных экономических связей.

Эта мысль прошла красной нитью через выступление на съезде председателя КГБ Н. А. Крючкова. «Нам не избежать, — сказал он, — восстановления по старой схеме утраченных связей в экономической жизни страны. Это временная, но неизбежная мера». Он напомнил, что демократия ничего не стоит, если проявляется вседозволенность, а насилие и жестокость пытаются остановить лишь проповедями, когда нет твердости и дисциплины. Председатель КГБ впервые за годы перестройки заговорил о причастности спецслужб Запада к деструктивным акциям в СССР, о планах антисоветской организации НТС, о многом другом негативном, о чем мы хорошо знали в годы холодной войны. Это выступление прозвучало диссонансом политике «нового мышления», с которой носился по свету министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, часто забывший о национальных интересах нашей страны.

Однажды он приехал с визитом в Мехико. Не желая походить на своих «застойных» предшественников, Шеварднадзе ввел новый порядок: остановился вместе с женой в здании нашего посольства. Обычно высоких гостей размещают в отведенных для этих целей правительственных резиденциях, кормят и обихаживают за счет хозяев. За каприз Шеварднадзе пришлось раскошелиться нашему посольству. Некоторые из нас рассуждали: возможно, останавливаться в посольстве безопаснее. Но ведь Мексика-то мирная страна, террористы там не проявляют себя. Словом, новшество ми-

нистра мало кто одобрил. Наши дипломаты, изгнанные из своих рабочих кабинетов помощниками министра, все время его пребывания в Мехико смущенно улыбались.

Дважды я встречался лицом к лицу с Шеварднадзе — на приеме в посольстве и на церемонии перед Памятником независимости, но представиться — мол, я корреспондент официальных «Известий» — не захотел, даже не кивнул в знак приветствия. Министр не вызвал у меня симпатии как человек и как проповедник «нового мышления». Произносимые им речи казались мне вычурными, малопонятными даже дипломатам. Они явно были с претензией на ученость. О придуманной политике «общечеловеческих ценностей» в международных делах можно говорить долго. Факт, что она не принесла нам дивидендов, а только один ущерб и потерю авторитета.

По требованию депутатов Шеварднадзе должен был, как Рыжков и Крючков, выступить на съезде с отчетом о своей деятельности. Помощники министра, конечно, постарались, подготовили отчет. Обидчивый грузин сунул бумагу в президиум Горбачеву, а с трибуны произнес: «Я ухожу в отставку!» Он оправдывал свой поступок якобы протестом против наступления реакции, против угрозы диктатуры. А на деле науськивал к активным действиям «демократов в широком смысле этого слова», которые, мол, «разбежались, реформаторы ушли в кусты». Министр возмущался черной неблагодарностью критиковавших его полковников и общества «Память», хвастал, что они с Горбачевым «делали великие дела на международной арене».

ЗАГОВОРЩИКИ

Горбачев использовал Ельцина как таран для сокрушения командно-административной системы. Были ликвидированы отраслевые отделы ЦК в местных комитетах партии, сокращены штаты, заменены на ключевых постах брежневцы на горбачевцев. Новые выборы по западным рецептам изменили социальный состав народных депутатов. Среди них почти не оказалось рабочих и крестьян. Что касается партийной элиты, то она была застрахована от поражения на выборах. Депутаты от КПСС избирались на съезд по спискам, утвержденным на пленуме ЦК по предложению Политбюро. Горбачев протолкнул в депутаты своих людей и от общественных организаций, предварительно сменив там руководителей. Он не забыл «своих» даже в ассоциации филателистов, не говоря уж о союзах кинематографистов, артистов, худож-

ников. Дальше — проще. Горбачев практически сам себя выдвигал на посты председателя Верховного Совета СССР и позже президента страны. «Свои» голосовали за. В этой ситуации логично было полагать, что Горбачев, остававшийся генсеком, мобилизует все силы и предложит достойного кандидата от КПСС на пост российского президента в июне 1991 года. Ведь коммунисты пока оставались единственной действительно мощной партией. Каково же было изумление коммунистов, когда КПСС и образовавшаяся уже к тому времени компартия РСФСР не выдвинули своего кандидата, а вяло поддержали Н. Рыжкова, который выдвинулся самостоятельно. Дорога к власти Ельцину была открыта.

Почти целый год Горбачев сопротивлялся, а Ельцин отчаянно скандалил, требуя открытия своего, российского телеканала. И вдруг сразу после назначения даты выборов президента РСФСР ельцинское телевидение получило несколько часов трансляций ежедневно. Еще раньше по второй программе Всесоюзного радио заговорило «Радио России». Как из рога изобилия посыпалась клевета на коммунистов и на кандидатов, противостоявших Ельцину.

Ни Горбачев, ни «Правда», ни кто-либо из партаппаратчиков не дали отпор, не возмутились тем, что на предвыборную кампанию отвели меньше месяца. Соперники Ельцина сумели два-три раза выступить по телевидению, посетить два-три города. Зато Ельцин целый год агитировал за себя, занимая пост председателя Верховного Совета РСФСР и внушая всем мысль, что он будет достойным президентом-реформатором.

Однако по-прежнему на пути стояла КПСС. Попытка удержать коммунистов в окопах провалилась. В новом руководстве партии нашлись люди, обеспокоенные ходом событий и наконец прозревшие. За ренегатство Шеварднадзе и Яковлев были исключены из партии. Этот факт подсказывал Горбачеву мысль о том, что секретариат ЦК ему больше не подконтролен. В конце 91-го предстоял очередной съезд КПСС. Оставался шанс навязать партии реформаторскую социал-демократическую платформу. Но ее проект, обсуждавшийся на июльском пленуме ЦК 1991 года, был подвергнут разгромной критике. Горбачеву грозило снятие с постов генсека ЦК и президента СССР.

И вдруг в 20-х числах августа 1991 года происходит так называемый «путч» ГКЧП. Горбачев открыто встал на сторону победившего Ельцина и предал партию. КПСС прекратила свою деятельность, а ее руководитель публично отказался от полномочий Генерального секретаря и призвал членов ЦК «самораспуститься». Ельцин

не замедлил издать указ о запрете партии и изъятии ее имущества. Он решил разделаться с ненавистной КПСС раз и навсегда. Она, мол, причастна к «путчу» и была его вдохновителем.

Возник логичный вопрос: зачем и кому нужен был переворот, если его организаторы обладали всей полнотой власти? В их руках находились все ключевые посты — вице-президента (Янаев), министра внутренних дел (Пуго), министра обороны (Язов), председателя КГБ (Крючков) и премьер-министра (Павлов). И весь кабинет министров был с ними! И Генеральный штаб! И спикер парламента Лукьянов!

Мне, специалисту по Латинской Америке, приходилось не раз писать о том, как генералы брали власть в свои руки, свержали законных президента и правительство. Настоящие путчисты штурмуют резиденции президента и министров еще до того, как захватят телевидение и объявят о своей программе. А наши «путчисты» устроили короткую пресс-конференцию, где растолковывали спешно сочиненное ими «заявление советского руководства», в котором не найдешь ни одного предложения, ни одной мысли, противоречащих указам Горбачева и принятым законам. Даже про уборку урожая и подготовку к зиме упомянули. Затем они стали ждать, когда соберут российских депутатов, которые, возможно, узаконят их действия.

Ельцинцы праздновали победу под звон церковных колоколов. Как в октябре 17-го, победа досталась им почти без крови. Трое погибших со стороны победителей, якобы раздавленных гусеницами танков. И трое покончивших жизнь самоубийством со стороны «путчистов» — министр Пуго, бывший начальник Генштаба маршал Ахромеев и управляющий делами ЦК Кручина. В результате страна пошла назад — к буржуазной республике с сильнейшим влиянием ортодоксальной православной церкви.

РАССТРЕЛ БЕЛОГО ДОМА

В годы Великой Отечественной войны мне довелось проехать через несколько крупных городов, разрушенных авиабомбами и артснарядами. Смоленск, Витебск, Варшава, Данциг... Леденящие душу остовы сгоревших домов, расколотые пополам здания, черные глазницы выбитых окон... То были следы «работы» сначала штурмовавших города гитлеровских захватчиков, а потом советских воинов-освободителей. Многие города переходили в жестоких боях из рук в руки, как, например, Ржев, где после освобождения я не увидел ни одного целого строения. Впрочем, каким образом стираются с лица земли города и поселки, нынешнее по-

коление имело блестящую возможность наблюдать по телевидению из репортажей о методичном уничтожении Грозного и о зачистке чеченских сел. То была первая чеченская война! Однако подготовка к ней началась раньше, 4 октября 1993 года.

В этот день я проснулся от знакомого по войне буханья снарядов и стрекота пулеметов. Мой дом в Сокольниках находился в 6-7 километрах от Красной Пресни. Включил телевизор. На экране в клубах черного дыма Белый дом — в ту пору здание Верховного Совета Российской Федерации. Впрочем, не только я, а весь мир увидел по телевидению, как посланный Ельциным танк из крупнокалиберной пушки расстреливал сидевших в Белом доме депутатов. Уже более недели они были окружены подразделениями омоновцев, милиции и солдат. Обнесли здание кордоном из проволоки Брюно, короче, сделали все возможное, чтобы ни одна мышь не смогла проникнуть в здание или выйти оттуда. Депутатов лишили воды, отопления, телефонной связи. Сколько сотен людей погибло в те дни — тайна! Ибо на помощь депутатам в здание прорвалась огромная масса демонстрантов, ведомая с Октябрьской площади неустрашимым Анпиловым. Я был в числе демонстрантов, но люди шли так быстро, что у Крымского моста остановился — зашалило сердце. Отдышался и свернул в метро. Добровольных защитников Белого дома позже спровоцировали на «штурм» мэрии и «Останкино». У телецентра манифестанты попали в ловушку — их откровенно начали расстреливать из автоматов омоновцы.

Ельцин ликовал, одержав победу над вчерашними друзьями и соратниками, с которыми выпил не одну бутылку водки, — над вице-президентом Руцким, спикером парламента Хасбулатовым и другими. Короче, над теми, кто еще недавно помог ему взойти на вершину власти, помогал громить коммунистов в августе 91-го и распустить Советский Союз.

Казалось, все. Вопрос «кто — кого» был решен окончательно и бесповоротно в пользу «царя Бориса». Ельцин закрыл неудобные партии, в первую очередь коммунистическую, запретил газеты «Правда», «Советская Россия» и «День». Распущен был Верховный Совет и запрещены все Советы — областные, районные, городские. Взамен советского герба с серпом и молотом Ельцин учредил «новый» герб — двуглавого царского орла. Наконец, он приказал сатрапам сочинить новую Конституцию и вынес ее на референдум. Даже специалисты не смогли успеть изучить проект Конституции. Одновременно Ельцин назначил проведение выборов в новый парламент — Государственную думу.

Когда до выборов оставалось две недели, под давлением зарубежных правозащитных организаций, в том числе «Амнисти интернэшнл», Ельцин решил снять запреты с компартии и ее печатных органов. Он рассчитывал, что за считанные дни коммунисты не успеют собрать достаточно подписей для своих кандидатов. Заказные «опросы» общественного мнения предсказывали победу проельцинскому демблоку «Выбор России», руководимому Гайдаром. Заокеанские радиоголоса, вещающие с московских радиостанций, предрекали тот же исход.

На западный манер в полночь 13 декабря «Останкино» приготовило грандиозное телешоу с шампанским и черной икрой. Приглашенных лидеров различных партий усадили за столы с яствами перед огромной светящейся картой России. На ней по мере поступления информации об итогах голосования должны были вспыхивать огни победы демократов. Казалось бы... Но первые же сводки из Приморья и Дальнего Востока показали, что победу одерживают отнюдь не сатрапы Ельцина. Легкое замешательство гайдаровцев перешло в панику. Сидевший за одним столом с Жириновским лидер правых Чубайс обозвал того фашистом, и чуть было не началась кулачная драка. Телешоу быстро свернули. Оно завершилось скандальным конфузом. На выборах первенствовали заклятые враги демократов: жириновцы, коммунисты и аграрии.

Злоба охватила кремлевских вельмож. Ведь они инвестировали в Ельцина миллионы долларов и скомпрометировали себя, поддержав расстрел Белого дома. Под напором стачек, антиправительственных митингов зашаталась почва под ногами ельцинского правительства. Чтобы потрафить оппозиции, из правительства «ушли» Гайдара, Федорова, Панфилову. Рьяному проводнику «все регулирующего» рынка Ельцину пришлось признать необходимость корректировки курса и введения в рыночные отношения... государственного регулирования. Вот тебе на! Что же пятимся назад к командно-административной системе? Сколько ядовитых слов было выпущено против нее, когда крушили социалистическую экономику!

Но самый сокрушительный удар нанесла Дума своим первым постановлением об амнистии. То был настоящий шок для «царя Бориса» и его челяди. Из тюрем выпускались злейшие враги — Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Анпилов и другие участники событий октября 93-го, а также заточенные с августа 91-го гэкачеписты — Янаев, Язов, Крючков, Павлов, Лукьянов и прочие. Причем их освобождение происходило в считанные часы после оглашения амни-

стии Госдумой. За это Ельцин отправил в отставку генпрокурора Казанника. Того самого «кореша», что когда-то уступил место Ельцину в составе Верховного Совета СССР.

В Думе, однако, не было большинства у коммунистов и левых депутатов. Избранный спикером от аграриев Иван Рыбкин повел соглашательскую политику с режимом, а под конец открыто перешел в лагерь Ельцина. Решения Думы оказались половинчатыми. Выдвигаемые предложения об импичменте президенту и недоверии правительству не проходили. Вовлеченные в избирательную борьбу коммунисты не сумели воспрепятствовать принятию ельцинской авторитарной Конституции. Она, кстати, как подсчитали эксперты, была одобрена с подтасовкой нескольких миллионов голосов. Согласно Конституции, Дума не обладала большими полномочиями. Все рычаги власти оказались в руках Ельцина.

Чудовищным фарсом обернулась чубайсовская приватизация. Ее резко критиковал даже мэр Москвы Лужков. За то, что госсобственность за бесценку передавалась в руки нуворишей. Так, завод-гигант ЗИЛ был продан за несколько миллионов долларов. Норильский комбинат, производящий 40 процентов мировой добычи никеля и кобальта, был продан за сотню с небольшим миллионов долларов, — примерно столько же стоит один «небоскреб» на Новом Арбате в Москве. Всенародная «ваучеризация» по Чубайсу приняла скандальный характер. В конце концов Ельцин вынужден был выгнать Чубайса, заявив, что, сделай он это раньше, проельцинский блок «Наш дом Россия» получил бы на выборах вдвое больше голосов.

Перетасовка козырей в правительственной колоде проводилась не однажды. Летели головы наиболее приближенных людей, с которыми Ельцин был тесно связан с первых лет царствования. Причем отправляли в отставку не только лиц, ответственных за экономику (Шохина, Федорова), но и силовых министров, например, Ерина — жандарма, отличившегося во время кровавого разгона Первомайской демонстрации левых сил в 1993 году.

Хватило двух-трех лет, чтобы прозрел и народ, то есть избиратель. Страшным шоком обернулись для власть имущих думские выборы 1995 года, на которых большую победу одержали коммунисты и сформировали совместно с левыми фракциями парламентское большинство. Это позволило избрать спикером коммуниста Селезнева, бывшего главного редактора «Правды». Одним из первых актов новой Думы было принятие постановления о денонсации Беловежского соглашения о роспуске СССР и подтверждении итогов референдума 17 марта 1991 года. Тогда около 70 процентов населе-

ния всех республик высказалось за сохранение Союза. Ельцин был взбешен, развязал оголтелую антикоммунистическую кампанию. Несколько дней он сам угрожал коммунистам, потом ему на помощь поспешили те, кто тоже сел в кресла «царьков». На экранах появились бывшие «пущисты»: украинский экс-президент Кравчук и белорусский экс-голова Шушкевич. Из их уст лилось: «провокация», «провокация»...

Ни антикоммунистическая истерия, ни площадные ругательства не помогли «пущистам». В течение многих лет коммунисты (КПРФ) регулярно занимали второе место на выборах в Думу. Шушкевич и Кравчук давно сошли с дистанции, и о них мало кто вспоминает добром.

ВСЕ ТАК И НЕ ТАК!

Главные празднества 60-летия Дня Победы состоялись в Москве. Строители установили огромный щит, закрывший ленинский мавзолей на Красной площади, соорудили перед фасадом дополнительную трибуну для размещения высоких зарубежных гостей. Ширак, Берлускони и другие мировые лидеры смотрели военный парад. Во время предыдущего юбилейного Дня Победы ветераны, участники войны, прошли перед мавзолеем стройными рядами. Но годы взяли свое, и теперь тех же ветеранов посадили в бывшие военные грузовики «ЗИСы». Под вечер Красная площадь гремела музыкой фронтовых маршей. Красочное зрелище увенчалось замечательным салютом — разноцветным дождем тысяч огненных звездочек. Победа — всенародный праздник!

В феврале 2006 года Ельцин решил пышно отметить свое 75-летие. Ему предоставили золоченые палаты Кремля для приема 250 гостей. Телевизионщики, газетчики стремились взять у Ельцина интервью. «Известия» посвятили целую страницу обычно мало разговорчивому «законно избранному». Главный редактор «Известий» предложил назвать пять самых значимых политиков прошлого. Ельцин ответил, что не любит рейтинги. Но добавил, что в его списке не было бы ни Ленина, ни Сталина, которых народ продолжает обожать: «Для меня это загадка. Сталин по-прежнему в рейтингах, а Ленин в мавзолее».

Ларчик открывается просто. Информация с мест красноречива: жители ряда регионов — от Якутии до Кавказа по-прежнему сохраняют чувство глубокого уважения и любви к Владимиру Ильичу и взялись за реанимацию светлой памяти Сталина. В начале 2006 го-

да, в день разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, в Волгограде на средства местного предпринимателя открылся музей Сталина. Владелец турфирмы в Туруханском крае объявил о создании пантеона «Сталиниада» на месте, где был в ссылке Сталин. В Якутске мэр города установил бюст Сталина также на собранные средства. В Махачкале открыли музей генералиссимуса. В Северной Осетии в один день открыли два памятника. Один — в городе Дигоре, другой — в Беслане. Автором обоих памятников стал скульптор Михаил Дзобоев. По данным опроса ВЦИОМа (Всероссийского центра изучения общественного мнения), положительно роль Сталина в истории России оценили 52 процента опрошенных. На вопрос «Как вы расцениваете деятельность Ельцина — хорошо либо плохо?» 70 процентов ответили: «Плохо».

А как иначе? Ельцин начал атаку на КПСС с ликвидации партийцев на производстве, вместе с Горбачевым прикрыл КПСС, инициировал над ней позорный суд. Он предоставил полную свободу «новым русским» растащить накопленное народом богатство. Как же не стыдно было вам, господин Ельцин, клясться, что в России с коммунизмом покончено! Под красными знаменами живут и трудятся ныне десятки миллионов коммунистов, начиная от острова Свободы в Западном полушарии до Китайской Народной Республики на крайнем азиатском Востоке!

Вы, господин президент, предоставили свободу меньшинству населения страны, а беднейших россиян обрекли на страдания. Вы дали свободу шахтерам бесполезно стучать касками на Горбатом мосту перед домом правительства, требуя неуплаченной за полгода зарплаты, голодать учителям, а самых несчастных превратили в бомжей. О, они свободны рыться на свалках и в мусорных канистрах, в поисках остатков выброшенной еды и поношенной одежды. В советские времена не знали такого слова «бомж», инвалидов помещали в больницы, а слонявшимся без дела предлагали работу, называли «тунеядцами».

Как ветеран газеты, я регулярно получал родные «Известия». Обозреватель Сергей Лесков писал в преддверии нового 2006 года: «Что нового мы создали за 20 лет? Без толку сбросили коммунистическое иго. Ничего не построили, а то, что было, почти доломали. Ни одного завода не возвели, ни одного месторождения не открыли, ни ракеты, ни самолета, ни автомобиля не выдумали. Даже ни одной политической партии... Но не мы виноваты, это ему понятно: нас задушила власть. Сначала был виноват велеречивый Горбачев. Потом — разгульный Ельцин. Теперь — авторитарный

Путин». И далее Лесков восклицает: «Французская революция разбудила народ. Начался бурный расцвет промышленности, науки, культуры. Всплеск был и после Октябрьской революции. Почему перестройка обрушила нас в болото?... Вместо свободы создали пародию на выборы... По части неравенства мы побили все рекорды, а по числу миллиардеров уступаем только Америке».

По иронии судьбы через месяц после ельцинского юбилея пришло 75-летие Горбачева. Только два телеканала осветили это событие. И не в пользу юбиляра: отмечались провалы нашей дипломатии, пустые прилавки магазинов. В роли защитников Горбачева выступили известный антикоммунист, тогда президент Польши Лех Валенса, хитроватый канцлер Гельмут Коль, наши «перевертыши». Они заступились за горбачевскую перестройку, поскольку, мол, она дала свободу и гласность.

Бывший спикер союзного парламента, бывший узник «Матросской тишины» А. И. Лукьянов, выпущенный на свободу по амнистии, попытался поднять вопрос о роли американских спецслужб в свержении коммунизма и развале Советского Союза. Он цитировал на этот счет документ влиятельного и авторитетного американского деятеля. Но телережиссеры нарочито прерывали голос Лукьянова выкриками двух американских политологов: «Чепуха!», «Ерунда», «США не вмешивались в дела России», «Ложь! Американцы никогда не помышляли об этом».

А как обстояло дело на самом деле? Уместно вспомнить скандальную директиву Алена Даллеса, известного шефа ЦРУ, изданную сразу после окончания Второй мировой войны в 1945 году. Директива воспроизведена в «Известиях» 26 февраля 2006 года. Аллен Даллес мечтал: «Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить... Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посме-

пище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем всегда делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее... Вот так мы это и сделаем».

Опубликованная в «Известиях» доктрина Даллеса имеет существенные сокращения. Полностью она приведена в книге Николая Рыжкова, бывшего предсовмина России «Трагедия великой страны». А. Даллес выступил в присутствии президента Трумэна на заседании Совета по международным отношениям. Он сформулировал цели, задачи и методы разрушения СССР: «Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Мы будем выбрасывать духовные корни большевизма, опоплять и уничтожить основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, вытравлять этот ленинский фанатизм».

Какой провидец Ален Даллес, — глядел далеко вперед! Шеф ЦРУ не виноват, что в 1945 году советское присутствие распространилось от Северного моря через Германию и Югославию до Адриатики. Наши танки стояли на Эльбе, а американские газетчики подсчитывали, что «Т-34» могут с одной дозаправкой сделать марш-бросок до Парижа. На Дальнем Востоке народно-освободительная армия Китая очищала свою землю от японских захватчиков. Вскоре родится Китайская Народная Республика — коммунистическая держава.

У страха глаза велики. Но мы не собирались на кого-либо нападать. Некоторые летчики моего полка с уважением относились к американским коллегам. Они перегоняли с Аляски через Чукотку и Якутию американские истребители и бомбардировщики до Транссибирской железнодорожной магистрали, и далее оружие доставлялось на фронт. Была дружба союзников. Конечно, как русские говорят: дружба — дружбой, а табачок врозь. Советский солдат рвался вперед к логову Гитлера, пока американцы с англичанами примеривались к высадке в Нормандии. Мы взяли Берлин первыми. Но сочтемся славой. Мы любили американские кинофильмы: «Большой вальс» о композиторе Штраусе, «Серенада Солнечной долины», «Новые времена» Чарли Чаплина и другие. Мы любили трубача-негра Луиса Армстронга, бархатный голос Синатры, бешеные ритмы Элвиса Пресли.

Прости, известинец Сергей Лесков, но ты не прав, будто за двадцать лет с начала перестройки ничего не построили. Появились

десятки казино в одной Первопрестольной, забегаловки с игральными автоматами, гимнастические залы с тренажерами для накачивания мускулов, сеть ресторанов японской, китайской и прочей кухни — на все вкусы. Случалось, для этого приватизировали опустевший заводской Дворец культуры либо фабричный клуб. Строили, дорогой коллега Сергей, туннели и эстакады, чтобы «мерседесы» и «лексусы» с затемненными окнами мчались за МКАД, к рублевским особнякам, к боулингам, к бильярдным, к зеленым полям для игры в гольф.

23 февраля позвонил однокласснице Нине Лобановой, в квартире которой на Шаболовке мы не раз собирались. Поздравил с Днем защитника Отечества. Она в войну обтачивала снаряды на заводе «Красный пролетарий». Нина с грустью сказала, что завод — гордость советской индустрии, где работал ее отец — акционирован, занимается разделкой... курятины. Огромные площади знаменитого московского автозавода ЗИЛ сдаются под торговые центры и автостоянки.

Советские пятилетки! Об их успехах одни говорили с радостью и восторгом, другие, наши недруги, со злобой и завистью одновременно. Еще бы! За двадцать лет перед войной советские люди превратили отсталую крестьянскую Россию в индустриально развитую страну. Мы опередили Англию и Германию по производству чугуна, стали, угля. Две эпохи в двадцать лет, уважаемый известинец, а какие разительные результаты! А после войны стал Советский Союз великой ядерной державой. Так называемый паритет двух ядерных держав спас человечество от новой мировой войны.

ИТОГИ ДОКТРИНЫ ЦРУ

Мистер Даллес, ваша доктрина, признаемся, сработала в постсоветской России. Идеологическая зараза хлынула сплошным потоком к нам, когда распустили Советский Союз, когда оклеветали советскую социалистическую мораль. Появились у нас «тусовки» с участием доморощенных эстрадных «звезд», выступавших перед многочисленной аудиторией чумных фанатов поп-групп.

Валерий Леонтьев начинал карьеру исполнителем мелодичных песен Давида Тухманова, а потом стал гарцевать на эстрадных подмостках то в одеянии индейца со шлемом и перьями на голове, то в серебристых латах инопланетянина, то в матросской тельняшке. Во время его исполнения песенки «Кончайте, девочки, со

мной» на заднем плане в такт музыке пританцовывали полуголые девицы в бикини и с повязками на груди. Леонтьева перестали приглашать на концерты по случаю торжественных государственных праздников, и он нашел себе многотысячную армию «трясунов» на ралли «Авторадио». После него металась по сцене, размахивая широким балахоном, Алла Борисовна. Пугачева обворожила нас когда-то чистым, прекрасным голосом. Теперь такие голоса не в моде. Нужно петь с хрипотцой. Маша Распутина прославилась мелодичной: «Была страна, дорогая моя Россия». Ее репертуар тоже изменился: «Отпустите меня в Гималаи. Отпустите, а иначе я завою как волк...» — выкрикивала она, сидя на багажнике «лимузина», который медленно двигался по гаревой дорожке стадиона, забитого неистовыми фанатами.

Картины художников-передвижников в Третьяковской галерее в Москве тоже потеснились. Галерея приютила некоего «художника»-космополита. О его творчестве в анонсе телепрограммы для канала ТВ-Центр говорилось: «Олег Цветков, живописец, один из лидеров московских художников нонконформистов, автор масштабных гротескных сюрреалистических полотен, отличающихся интенсивным, как бы светящимся колоритом. Сорок лет в живописи разрабатывает один-единственный сюжет — образы деформированного человеческого лица и фигуры, напоминающие зловещие маски или человекоподобного мутанта».

Первыми помощниками и служивыми прародителя подстрекательской доктрины были тысячи «рыцарей» начавшейся в 1947 году холодной войны. Издатели, публицисты и простые журналисты поставляли пропагандистскую продукцию в американские журналы «Лайф», «Лук», «Тайм» и даже «Плейбой». В условиях «железного занавеса», созданного Западом, доступ к советской аудитории был ограничен. Но неограниченным потоком антисоветская стряпня лилась в эфире «Голоса Америки», вещавшего на Советский Союз и на его зарубежных друзей. То был экспорт идеологических пилюль, отравленных антисоветчиной. Западные радиоголоса питались фактурой из уст наших перебежчиков, диссидентов, писателей вроде Солженицына и других. Они отравляли атмосферу дома и продолжали это делать, оказавшись за границей.

Изучая методику западных «рыцарей» холодной войны, я написал книгу «Ядовитые пилюли на экспорт». Она состоит из глав, посвященных «полуправде» экспансионистской политики США во Вьетнаме, Латинской Америке, вопросам мошенничества богачей, скрывающих доходы, влияния упаднической музыки и живо-

писи, а главное — засилью голливудского кино: детективов, фильмов-ужасов, эротики.

В период поздней перестройки и особенно в новой России на нашем телевидении стали показывать голливудские «шедевры» о супермене, «Агенте 007», героях карате. Как-то я посмотрел телепрограмму кино на две недели. Почти все фильмы были американские. Их названия говорят сами за себя: «Девушка для развратника», «Поцелуй на удачу», «Мой любимый любовник», «Рогоносец», «Вампир», «Секс-салон», «След оборотня», «Возмездие за грехи»... Порой под безобидным названием скрывались ужасы в стиле Хичкока. Их суть раскрывали рекламные аннотации: «Жених напился и вывалился из окна. Узнав об этом, невеста решает покончить с собой». Или: «Тела гостей найдены с признаками насильственной смерти». А вот для детей: «Ребята боялись страшилок про убийц с лезвиями на пальцах».

Особое беспокойство общественности стало вызывать проявление низменных чувств у детей. Культ жестокости, насилия, порнографии, пропагандируемых в средствах массовой информации, ведет к неосознанному желанию подростков подражать этому, способствует закреплению таких стереотипов поведения в их собственных привычках. Прокуратура также отмечала увеличение количества выявленных нарушений закона в отношении малолетних. Дети подвергаются преступным посягательствам, в том числе и со стороны родителей, становятся объектами сексуального домогательства, физического насилия, вовлекаются в преступные группировки, их похищают и используют в преступных целях.

Есть еще одна очень серьезная проблема: охаивание собственной истории и появление целого поколения, которое не гордится своей Родиной. Кумир советского киноэкрана Никита Михалков поставил махрово антисоветский фильм «Утомленные солнцем». За это он получил американскую премию «Оскар». Через много лет он прогорел со второй и третьей серией «Утомленных солнцем». Народ начал прозревать. Последний фильм из трилогии — «Цитадель», на который были истрачены несколько десятков миллионов долларов государственных денег, вообще не был воспринят российской аудиторией ввиду явной политической предвзятости авторов и стремления к шокирующему натурализму, так любимому голливудскими продюсерами.

В Доме культуры железнодорожников, что рядом с Казанским вокзалом, решили показать этот фильм. Некий пенсионер Григорий Качура купил билет, но администратор огорошила его: «Кина

не будет!» Кроме пенсионера в зале сидело еще три зрителя. Администратор добавила: «Надо хотя бы семь зрителей». Качура доплатил «за трех парней» 900 рублей, и экран зажегся.

Вернувшись домой в Новосибирск, пенсионер узнал, что по закону правительства от 1994 года фильмы должны показываться независимо от количества зрителей в зале. Леонид Григорьевич подал в суд, требуя вернуть 900 рублей и еще взыскать миллион рублей за моральный и физический ущерб. Дом культуры вернул 900 рублей, а вот ущерб оценил в тысячу рублей. Об этой саркастической истории написала «Советская Россия» 30 декабря 2010 года. А я вспомнил, как бывал в Доме железнодорожника в советское время. Там организовались концерты известных исполнителей. Длинный узкий зал. Вместо кресел для зрителей — жесткие стулья. Помню, сидел на последнем ряду. Шел концерт Клавдии Шульженко. Девушка с тонкой фигурой. Издалека не мог разглядеть ни цвета глаз, ни прически. Зато слышал песни, ставшие потом самыми любимыми.

ЦЕНА ПРИМИРЕНИЯ

Наступил 1997 год — год 80-летия Великого Октября. Ельцин, переизбранный на второй срок, объявил его годом «согласия и примирения». Правда, объявил он об этом больной, после операции на сердце с последующим воспалением легких. Считай, что целый год он не работал как президент. А до этого активно вел предвыборную кампанию. Имея в начале рейтинг 6 процентов, на финише обскакал всех. Коммунист Геннадий Зюганов намеревался нанести Ельцину решающий удар в ходе подготовки ко второму туру выборов, но ему не дали выступить по телевидению, хотя выступление было оплачено. Все месяцы избирательной кампании на экранах телевизоров мелькал Ельцин и его приспешники. «Царь» не утруждал себя изложением своей программы, лишь обещал, обещал и страшил избирателей «пустыми прилавками» и «арестами, расстрелами», если они проголосуют за кандидата-коммуниста.

Ельцин проиграл бы выборы, если бы не сделал ловкий ход. Он вступил в сделку с генералом Лебедем. Тот завоевал «бронзу» в первом туре голосования с 15 процентами избирателей. Он привлек их резкой критикой Ельцина и правительства. Но, прельстившись обещанным постом секретаря Совета безопасности при президенте, Лебедь призвал своих сторонников голосовать за... Ельцина. Такая вот у нас, русских, спецназовская демократия.

Не было у Ельцина согласия и со своими сатрапами. Давно ли он расстался с друзьями по работе на Урале — Петровым и Скоковым? Теперь выгнал из царских хором «дядьку» — охранника Коржакова, который служил ему верой и правдой со времен горбачевской опалы. Но главное: не было у Ельцина согласия и понимания с самим народом. Страну сотрясали забастовки, шествия, пикеты почти всех слоев населения, кроме «новых русских». В знак протеста против власти покончил жизнь самоубийством ученый-ядерщик, директор института, где люди месяцами не получали зарплату. Десять тысяч жителей города на Неве собрались на Дворцовой площади и угрожали администрации неповиновением, если она не отменит решение о повышении квартплаты вдвое. Бастовали строители атомных подлодок, рабочие Челябинского тракторного завода.

Оказалось, что Россия в результате последних реформ лишилась мощи великой державы. У нее не стало крепкого тыла, чтобы противостоять натиску Запада. Ее индустриальный и научный потенциал был подорван. Россия лишилась даже продовольственной безопасности. Большинство продуктов на ее прилавках стало зарубежного происхождения. Свое сельское хозяйство было разорено и не в состоянии прокормить население. Страна еще получала миллиардные кредиты от проамериканского МВФ и других западных источников, но стоило России заартачиться, как этот долларовый ручеек мог быть перекрыт. Россия лишь говорила о присоединении к «цивилизованному миру». На самом деле она стала сырьевым придатком США и главных стран НАТО.

К таким печальным выводам пришли даже верноподданные ельциноиды, их печать и телевидение. Что случилось? Боязнь всеобщего краха? Открылись глаза на то, что коррупция господствует не где-нибудь, а в высших эшелонах власти? А может быть, это всего лишь погоня за сенсацией, правительственными скандалами? Все возможно. Кстати, слухи, компроматы, муссирование разговоров о больном президенте, как, впрочем, и подробное описание авиакатастроф, землетрясений, убийств, отвлекают народ от горьких раздумий.

Что поделаешь, «царь Борис». Приходится подчиняться воле новоявленных хозяев Руси или, точнее, ханам американского ига. Пожелай Ельцин вдруг сбросить его, ничего не выйдет. Вашингтон задушит голодом, объявив экономические санкции. Так американцы поступают с любым неугодным режимом в любой точке земного шара. Откажись вдруг Ельцин от власти и передай ее коммунистам, не устоят коммунисты. Во-первых, нынче они не те, не большевики,

во-вторых, и американцы не те, плюют на международные нормы, открыто вмешиваются во внутренние дела других стран (пример — Афганистан и Ирак). В случае чего американцы, не колеблясь, пошлют в Россию свои «миротворческие силы». Короче, нынче время заглянуть в старинные книги и вспомнить, как ханы Золотой Орды три века измывались над русскими, драли с них три шкуры, а непорочных сажали на кол. Чернь прозябала в нищете, а князья откупались от завоевателей щедрыми податями.

Разумеется, янки не собираются уничтожать нас. Напротив, они будут поддерживать на Руси «разумно-необходимый уровень» деторождения. Им нужны послушные бюрократы, способные выкачивать наши природные ресурсы, счетоводы и бухгалтеры, умеющие подсчитывать на компьютерах американские капиталы-дивиденды. Необходимо также разумное количество «среднего класса», готового потреблять американские товары.

Раз так, то, значит, американское иго существенно отличается от татаро-монгольского. И надо полагать, русские заживут прилично. Разумеется, не все. Недаром наш ваучеризатор Чубайс страшал американцев «коммунистической угрозой», если Вашингтон откажется помогать московским властям. Да и все годы ельцинской пятилетки «царь Борис» пугал янки возможным крахом демократов, призывая Вашингтон раскошелиться. И, честно признаться, не без успеха. Из-за океана шла всевозможная помощь: гуманитарная — вроде «ножик Буша» и поношенной одежды, а то и зелеными — сотни миллионов долларов ассигновали американцы на подготовку для нас законов о приватизации, банковском деле... Да что толку перечислять, ибо все у нас американское, начиная от государственного устройства, некой демократии, до американского джаза, то бишь «рок-групп». Даже названия русских банков и компаний у нас идут с американскими словечками: «инвест», «интер», «корпорейшн», а названия в телепрограммах понятны лишь знающим английский. Одним словом, почти все важное — американское. Разве лишь большинство говорит по-русски. Но это временно и зависит от срока американского засилья. А будет ли долгим этот срок? На Куликовом поле победу добывали копьями, стрелами и палками. Брали числом, а не умением. А мы живем в век компьютеров и программистов. И возникает вопрос: сколько русским позволят учиться писать и читать новоявленные ханы?...

Моя сознательная жизнь, думается, началась с момента, когда я маленьким мальчиком разглядывал карту мира. Ее цвета были окрашены в зеленый цвет Британской империи и красный — Советского Союза. Тогда Соединенные Штаты не считались великой держа-

вой. Тон в политике и финансах задавал Лондон. Великая Германия, лишившаяся своих колоний в Африке в результате Первой мировой войны, едва поднимала голову. Никто из тогдашних провидцев не подозревал, что скоро этот поверженный колосс встанет на ноги и завоюет всю Европу и почти половину европейской части Советского Союза. Великий Наполеон выглядел карликом по сравнению с ефрейтором Гитлером. Но последнего героически раздавила Красная Армия, опиравшаяся на самоотверженный труд народа в тылу.

Перед телекамерами Ельцин как-то посетовал, что «коммунисты не могут ему простить содеянного за эти годы». Простить? Может ли народ простить человека, который ради власти пошел на уничтожение своего великого государства? Люди, случается, отказываются от богатства и славы ради чего-то еще более драгоценного и возвышенного. Но чтобы развалить великую страну и отдать ее во власть вчерашнему недругу?! Такого я не помню!

В 2007 году отмечали 90-летние годовщины двух революций — Февральской и Октябрьской. У власти уже семь лет находился премьер Ельцина — Путин. В стране еще больше расширилась брешь между богачами-олигархами и народом. В этом же году самого Ельцина похоронили по-христиански на Новодевичьем кладбище. На пышных похоронах высшие государственные деятели произнесли панегирики. Они величали усопшего неординарной личностью, изменившей курс страны. Казалось, и в дальнейшем «демократические» СМИ будут петь дифирамбы Борису Николаевичу. Но наступила длительная пауза. Затем началась критика периода Ельцина, упоминания неких «лихих» 90-х. Ведь это был период развала страны, триумфа торгашества, преступности, дележки народного богатства. О красивом ельцинском призыве к «согласию и примирению» никто и не вспоминал.

КИСЛЫЕ ЯГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

На пенсию меня отправлял И. Лаптев. Оставив пост главного редактора «Известий», он по традиции занял пост председателя Совета Союза — высшей палаты советского парламента.

Стояла жаркая политическая погода. «Известия» под руководством Лаптева были в авангарде перестройки. Вопреки конституционным нормам троица крепких мужиков выпила, закусила, обнялась, расцеловалась по случаю отпуска ими (Ельцин, Кравчук, Шушкевич) Советского Союза. Но под давлением «мирового общественного мнения» все-таки решили протащить через свои парла-

менты ратификацию беловежского заговора. И вот Иван Лаптев приглашает членов Совета Союза проголосовать за ратификацию. Как же так?! Без обсуждения?! Раз-два, подняли руки, точнее, нажали кнопки — и, как говорится, дело в шляпе. Попытались открыть дебаты Сажи Умалатова и, если не ошибаюсь, историк на все случаи Рой Медведев. Лаптев оборвал: «Бесполезно, все решено» — и закрыл заседание.

Поговорим теперь о Егоре Яковлеве. Он пришел в «Известия» из малоизвестного издания «Журналист», которое возглавлял. Его сняли с этого номенклатурного поста за какую-то оплошность. Таких, чем-то проштрафившихся, ссылали в «Известия» с понижением в должности. Тогда молодой, энергичный, талантливый Егор Яковлев отличился (странное словечко: за ним должен следовать дифирамб либо хула). Начнем с дифирамба: отличился циклом сочинений под общим броским заголовком «Лениниада». Однако на газетных летучках горячо поддерживал позицию своего соплеменника Анатолия Аграновского, ратовавшего за легализацию «шабашников», по нынешнему говоря, «рыночников». Никаких пробных шаров о введении платного здравоохранения Егор не запускал. Напротив, был замечен Агитпропом и обласкан премией. О пробных шарах, то есть о слухах, написал я в очерке о Льве Николаевиче Толкунове для книги воспоминаний «Дважды главный». Позвольте процитировать самого себя:

«Толкунову и нам было известно, что многие читатели начинали просматривать газету с четвертой полосы, где печатались короткие вести о футбольных матчах, а не с первой страницы, открывавшейся передовицей. И ничто не менялось из года в год.

Мы были уверены, что советский человек с молоком матери усваивает азы преимущества социализма. А оказалось, люди привыкли к ним, как к воздуху, которым дышат, и никому не обязаны за это благо: бесплатное образование, здравоохранение, дешевое жилье, отсутствие безработицы. Наши люди сильно удивились бы, если бы им намекнули, что всего этого может и не быть. Намекнуть должны были мы — рядовые известинцы, середнячки, “золотые перья”, редакторы. Каким образом? Очень просто, развернуть кампанию на год-два, будто Верховный Совет готовит указ, скажем, о платном образовании. Вот уж наверняка от Москвы до самых до окраин встрепенулись бы советские сердца. Завалили бы “Известия” письмами с кричащим вопросом: “Разве такое возможно?” А мы в ответ: “Возможно! И еще как!” Через год-другой, — еще кампания об отмене бесплатного лечения. И тогда “преимущества социализма”

ошутил бы каждый человек, не клюнул бы на развесистую клюкву о благах “рыночных отношений”».

О Николае Ефимове. Король немислим без свиты. Советский бюрократ высшего ранга имел команду помощников. Переходя с повышением на другую работу, он брал с собой эту команду. Вспоминаю трех моих главных редакторов. Про Алексея Аджубея злословили: «Не имей сто друзей, а женись как Аджубей». То была полуправда. Алексей имел более чем сто верных товарищей. Многих взял с собой, переходя на пост главного из «Комсомолки» в «Известия», включая автора этих строк. Все они были, как и я, увы, не комсомольского возраста — под сорок и старше. Алексеев привел из «Советской России» двух «своих», одного на должность ответственного секретаря. Толкунов во второй заход в «Известия» выбрал из многочисленного коллектива АПН одного — Николая Ефимова. Николай расстался с ответственной работой директора издательства АПН, спокойной, без газетной суеты и нервотрепки. На свободное место ответственного секретаря Толкунов пригласил второго человека в секретариате Игоря Голембиовского. События покажут, что Игорек, так звали Голембиовского его сторонники, повел борьбу против Ефимова, когда Толкунов покинул «Известия» и перешел на работу в Верховный Совет СССР. Николай остался без твердой поддержки.

Мы с Ефимовыми дружили семьями. Лет двадцать с гаком жили рядышком в Сокольниках возле Русаковской улицы. Наши дети ходили в одну школу. А познакомились еще в Лондоне. Николай, тогда самый молодой из посольских товарищей, слыл энергичным, безотказным редактором советского издания на английском языке. Он отмечался как примерный работник в докладах на посольских совещаниях. Николай — русский, мой земляк, родом с Владимирщины. Не знаю, пахал ли его дед землю, но все отпуска Николай проводил в родной деревне. Она находилась в нескольких километрах от старинного города Покрова. Обычно персональная «Чайка» довозила Николая по шоссе до болотистого леса. Там Николай с супругой и дочкой выгружались и шагали до деревни, где постоянно в деревянной избе проживала его мать. Сын то чинил крышу, то поправлял покосившееся крыльцо, то ухаживал за огородом. Николай говорил мне, что лучшего отдыха не знает. По путевкам в престижные санатории Сочи он никогда не выезжал.

Жарким августовским летом 91-го Николай копошился на огороде в родной деревне. Там его застала весть о создании ГКЧП. Он поспешил в редакцию. К счастью, на станции Покрова его жда-

ла служебная машина. По дороге вспоминал последние события в «Известиях».

До августа 1991 года газета по-прежнему формально была органом Верховного Совета. От его руководства, естественно, поступали рекомендации и советы, о чем писать, недовольство отдельными публикациями. В руководстве, среди депутатов, не было единства. Его не было и среди журналистов-известинцев. Небольшая, но весьма активная группа сотрудников во главе с их негласным лидером Голембиовским явно протаскивала на страницы газеты идеи и предложения оппозиционной «межрегиональной группы» депутатов академика Сахарова, Ельцина и других. В конце концов возник острый конфликт в руководстве. В таких случаях принято разводить «дерущихся» начальников. Спикер Верховного Совета СССР А. Лукьянов вполне демократично решил вынести спор на суд руководства, где первое слово об обстановке в редакции должен был сказать Ефимов. Бледным, явно больным он явился на заседание. Вполне понятно, что обсуждение конфликтной ситуации было отложено, как говорится, до лучших времен. Но они так и не наступили.

Войдя в свой кабинет, Николай узнал от дежурного помощника, что единомышленники Голембиовского требовали от Ефимова наряду с документами ГКЧП напечатать контробращение Ельцина. Николай решительно воспротивился, даже выбросил из верстки краткую информацию об этом обращении. Однако в спор вмешались наборщики и верстальщики типографии, которые по наущению журналистов-демократов отказались подготовить номер газеты без ельцинского обращения. Николай отступил. И жестоко поплатился. В ту пору было модно выбирать директоров и других руководителей на собраниях коллектива рабочих. 22 августа журналисты-известинцы не только избрали главным редактором газеты Голембиовского, но и провозгласили газету независимой, то есть объявили себя учредителями «Известий».

Спикер Лукьянов потерял в лице Ефимова своего человека. Но если бы удалось «повернуть» газету против горбачевщины, ее постигла бы участь «Правды» и «Советской России». Их не продавали в киосках. На их сенсационные разоблачения демократы не реагировали. Оппозиционные газеты были словно мертвецы, хотя регулярно выходили в свет.

А как процветали независимые «Известия», учрежденные коллективом журналистов?

Судите сами! Передо мной стенограмма известинской летучки от 18 декабря 1991 года. Докладывает Голембиовский. Все газеты

пишут о предстоящей «либерализации» цен. Сколько будет стоить бумага, типографские расходы, распространение газеты по Москве и всем городам и весям? Голембиовский сообщает страшную цифру — убытки составят «порядка трех сотен миллионов» рублей. По тем временам огромные деньги. Но журналисты еще не знают, что в результате гайдаровской «либерализации» цены подскочат в разы и число подписчиков резко сократится. При советской власти люди подписывались на многие газеты, стоившие каждая по 3 копейки, и на любимые журналы. С января 92-го люди лишатся накопленного на сберкнижках, а пенсий и зарплаток хватит лишь на еду.

У «Известий», рассуждал Голембиовский перед коллегами, единственный выход: «Первое — это реклама... Второе — искать, как ныне называется, спонсоров». Хорошо бы еще получить от государства «льготы». Голембиовский строил из себя девственницу, убеждая, что газета не может принять от спонсоров недостающие 300 миллионов, «иначе она потеряет свою независимость». Но, «чувствуя кожей свою незащищенность, мы готовы искать какую-то спину, к которой можно прислониться». Увы, у газеты «нет того, что можно было бы назвать программой». До этого момента «Известия» стояли в оппозиции к советской власти, к социализму. Теперь власть другая. Что нам делать? Ее критиковать, чтобы быть независимыми? Голембиовский сообщил, что редколлегия рассматривала статью «группы депутата Г. Явлинского», в которой резко критиковался экономический курс Ельцина, и решили статью не печатать.

В зале воцарилось гробовое молчание, на что Голембиовский заметил: «Я понимаю всеобщее молчание как согласие с тем, что было положено». Но раздались голоса против закрытия летучки. Выступления, однако, как никогда были беспомощными, растерянными. Многие говорили, что надо найти «честных спонсоров», а экономический обозреватель М. Бергер (приглашенный Голембиовским на работу в «Известия» из Одессы) предостерег против того, чтобы «газета не пошла по рукам». Как всегда словоблудливая, еврейка Евгения Манучарова воскликнула: «Деньги не пахнут! И брать деньги у предпринимателей непредусудительно. Мы — газета капиталистическая, мы принадлежим будущему — капитализму». Она — молодец, сказала то, что не говорят при покойниках.

Независимость «Известий» началась с сокращения штатов (увольнения неугодных) и ликвидации отдела писем. Вместо обычных охранников у входа в редакцию появились милиционеры. Они не пускали обездоленных беженцев, бомжей, нищих, безработных, решивших найти защиту в условиях демократии у газеты. Но,

увы, «Известия» отгородились от народа. При советском строе отдел писем служил строгой системой связи народа с партией и Советами. Десятки тысяч писем приходили в «Известия» со всех уголков Советского Союза. Из этой огромной почты журналисты черпали темы для своих очерков, статей, фельетонов. Не будь этой почты — не состоялись бы как «золотое перо» Татьяна Тэсс, Евгений Кригер, Егор Яковлев и другие наши очеркисты.

В книге «Дважды главный», обращаясь к похороненному на Новодевичьем кладбище Толкунову, я писал: «Дорогой Лев Николаевич! Если бы вы могли узнать, как ваш протеже Игорек превратил красавец-корабль “Известия” в разбитую посудину. Он оставил коллектив без винта и ветрил — без своей типографии, без комбината, без автогаража, без домов отдыха и поликлиники. Он судился с директором издательства. Отсудил лишь часть нового здания. “Известия” стали печататься в типографии на улице Правды, где вы когда-то работали. Словом, у черта на куличках. Тираж газеты при вас, Лев Николаевич, превышал 10 миллионов, а сейчас — стыдно признаться — упал до 300 тысяч. Зарубежных корреспондентов у “Известий” практически не осталось. Сотрудники ютятся в тесных комнатах, ибо многие этажи нового здания редакции, которое стоило вам столько сил и нервов, сданы в аренду под офисы различных фирм».

И Голембиовский лукавил, когда говорил, будто у «независимых “Известий”» нет программы. Вранье! Пока «независимые известинцы» искали, к кому прислониться, они по-прежнему изрыгали потоки лютой ненависти к Сталину, социализму, всем 70 с лишним годам советской власти. С пеной у рта они восхваляли шаги Ельцина по ликвидации партячеек на производстве, требовали разгона и суда над коммунистами, аплодировали московским властям, которые с помощью дубинок и водометов рассеивали многотысячные демонстрации по случаю праздника Октябрьской революции, Дня Советской Армии, Первомая. Особая тема — охаивание нашей великой победы над гитлеровской Германией.

ПОКАЯНИЕ ПРОФЕССОРА

Голембиовский врал, когда утверждал, что у «Известий» нет спонсора. Был! И очень солидный. Его имя — Верховный Совет РСФСР, возглавлявшийся тогда видной политической фигурой Русланом Хасбулатовым. Соратник и друг Ельцина, в дни жаркого августа Хасбулатов подпирал плечом Ельцина, ми-

тинговавшего у Белого дома. Но когда начались гайдаровские реформы, вызвавшие взрыв недовольства народа, когда депутатское большинство резко протестовало против этих реформ и в конце концов добилось отставки Гайдара, Голембиовский и К° встали на сторону Ельцина. На сторону сильного. Острота известинских перьев была направлена против прокоммунистических депутатов, а больше всего клеветы и оскорблений вылилось на Хасбулатова. Тот отбивался как мог с помощью Российского телеканала, но безуспешно. Хасбулатов, в жилах которого текла чеченская кровь, решил прибрать к рукам «Известия». Однако чеченского мужества у него не оказалось. Связанный своими же идеями о правовом государстве, он действовал «в рамках закона»: создал парламентскую комиссию с целью разобраться в самостийном захвате журналистами «Известий», потом начал многомесячную борьбу за включение вопроса об «Известиях» в повестку дня заседаний Верховного Совета РСФСР, натолкнувшись на яростное сопротивление депутатов-ельциноидов.

Несмотря на шумную кампанию в прессе, несмотря на решительное вмешательство Ельцина, парламент принял постановление о возврате «Известий» под свое покровительство. Хасбулатов поручил довести дело до конца своему первому заместителю Сергею Филатову. Тому самому, который спустя некоторое время порвет со спикером, перебежит в команду Ельцина на высокую должность руководителя президентской администрации. Он заявил, что не собирается посылать в редакцию милицию, считает решение парламента не вполне обоснованным, дело надо передать в арбитражный суд.

Руслан Хасбулатов покался в книге «Полураспад СССР. Как разваливали сверхдержаву». Хасбулатов был не только свидетелем, но и участником драматических событий начала 90-х годов. Отдадим должное: с первых страниц монографии он говорит о сделанных им лично ошибках и винит себя за произошедшую трагедию. Книга написана языком ученого-экономиста, каким и был Хасбулатов. В ней много философских рассуждений о глобализации, преимуществах и недостатках капитализма, рыночных отношениях. Автор опирается на свои теоретические произведения прошлых лет, известных западных историков, публикует свой проект Союзного договора. Но больше всего страниц, треть книги, посвящена заговору ГКЧП. Эти страницы написаны языком маститого журналиста-публициста.

Когда-то Хасбулатов стоял стеной за Ельцина, спасал его от импичмента. За это Ельцин воскликнул: «Я вам, Руслан, эту помощь

никогда не забуду. Вы спасли меня!» Но потом их дороги разошлись. Хасбулатов так написал об октябре 1993 года: «Ельцин со своими холуями расстрелял через два года Верховный Совет России, который привел его к власти, защищал его у этой власти и вручил ему еще большую власть, разгромив ГКЧП... Как следствие такого, по сути, чисто фашистского расстрела и установления авторитарно-полицейского режима надежды народа попросту умерли».

В своем глубоком исследовании «Трагедия великой страны» Николай Рыжков разоблачает преступления Ельцина, которому «нужна была власть, и только власть, во имя которой он расстрелял Верховный Совет РСФСР, уничтожил Советы народных депутатов». Ельцинские реформы в России — это вместе с тем и определенный этап реализации стратегических целей внешней политики США. Автор книги приводит высказывание американского президента Б. Клинтона на закрытом совещании начальников штабов 25 октября 1995 года: «...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирався сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы... Правда, мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое нелегко было бы воссоздать».

Пока суд да дело, нефтяная компания «Лукойл» уже владела 41 процентом акций «Известий». Комментарии к этой истории большинства газет таковы: наконец-то газеты и телевидение обретают своих настоящих хозяев. Французы по такому случаю употребляют пословицу: «Коза щиплет траву там, где ее привяжут». Голембиовского отправили в отставку, после того как коллектив не переизбрал его главным редактором.

ЧАСТЬ

НАПЕРЕКОР СТИХИИ И УГНЕТЕНИЮ

ДАЮ «КРУГАЛЯ»

Ирония судьбы! В день, когда пленум Центрального Комитета освободил Н. Хрущева со всех постов, кто-то в Агитпропе спокойно работал и подписал документы о моем назначении собкором «Известий» в Гаване и Мехико. Советским людям получить мексиканскую визу было затруднительно. Мне повезло. Я воспользовался поводом — инаугурацией нового мексиканского президента. С загранпаспортом поспешил в посольство Мексики в Москве. Дипломат был доволен, что представитель правительственной газеты желает освещать инаугурацию. Поставил в паспорте въездную визу сроком на месяц. Оставалось заказать в кассах «Аэрофлота» толстый авиабилет по маршруту Москва—Париж—Монреаль—Мехико—Гавана—Москва.

В Париже меня встретил наш корреспондент Лев Володин. Он засыпал вопросами о пленуме, о судьбе Аджубея, с которым был хорошо знаком, когда работал в «Комсомолке», а Алексей был главным редактором. Лев вел холостяцкий образ жизни — ужинал бутербродами, запивал стаканом виски. Мы проехали по Елисейским Полям, побродили по «чреву Парижа», описанному классиком. Утром поспешили в аэропорт. Приехали с опозданием. Шла посадка на авиалайнер, вылетающий в Монреаль. Таможенник в аэропорту раскрыл мой паспорт. «А где же канадская виза?» — спросил. «Для транзитников не требуется», — ответил Лев. «Месье русский, если вашего пассажира завернут, то вы оплатите обратный билет в Париж. Вот в документе распишитесь, что согласны». Лев сказал мне, что рискнем, и поставил подпись.

Полет через океан был долгим, утомительным, хотя стюардессы «Эйр Франс» угостили пассажиров плотным завтраком, снабдив бутылочкой бургундского. Казалось бы, засыпай! Но не спалось. Сквозь дремоту я воскрешал в памяти последний разговор со Львом.

Была уже ночь. Мы повернули на площадь Конкордия. Обычно стоящий в ней знаменитый египетский обелиск освещают прожекторы, а украшает ожерелье фонтанов. Но они были выключены. Я спросил Льва, когда установили обелиск. Он сказал, что после революции, когда свергли короля Людовика. Его конная статуя украшала площадь. Лев сказал, что у него в корпункте есть путеводитель по Парижу, там подробно рассказывается история обелиска. «Возьми в дорогу», — заключил он.

В полете над океаном я раскрыл путеводитель. В нем говорилось, что обелиск установили в 1836 году в пору строительства французами Суэцкого канала. Видимо, по этой причине тогдашний вице-король Египта подарил Египту обелиск, доставленный из храма Карнака древней столицы Луксора. Тут моя дремота совсем исчезла. Прочитанное в путеводителе не стыковалось с моими личными наблюдениями. Ибо счастливая судьба журналиста однажды дала мне шанс побывать в Луксоре, увидеть храм и каменоломню, пощупать, так сказать, «производство» обелисков.

Надо сказать, что на календаре был 1957 год. Тяжелое для египтян время тройственной агрессии из-за национализации Суэцкого канала. Москва послала в Египет группу журналистов из «Известий», «Комсомолки» (то есть меня), «Нового времени», со Всесоюзного радио. В период перемирия нам устроили поездку к пирамиде Хеопса, а также в далекую древнюю египетскую столицу Луксор. Там нашим экскурсоводом был историк Ахмед Амин...

И вот мы внимательно слушаем его рассказ, как древние египтяне обтачивали обелиски, затем выкапывали яму возле основания одного из кинжалообразного тяжеловеса, а к его концу привязывали канаты. С холма несколько тысяч рабов тянули канаты до тех пор, пока обелиск не принимал вертикальное положение. Наш провожатый оговаривается, что так было тысячу и более лет назад. И ученые выдвинули такую версию.

Но факт есть факт. Мы поглаживаем один хорошо отполированный обелиск и спрашиваем, а где доказательство — сам холм. Амин поясняет, что его не видно из-за земляной насыпи вокруг священного озера, возле которого мы, корреспонденты, толпимся. Насыпь испещрена голубиными гнездами. И это нехитрое изобретение природы создает эффект удивительного эхо. Амин предлагает кому-либо громко крикнуть. И что же, сказанная фраза возвращается к нам без искажений. Все пожелали попробовать свое обратное эхо. Нашлись и те, кто испытывали эхо на предмет возврата крепкого словечка.

Обелиск можно измерить — 23 метра в длину. А его вес? Увы, все сооружения храма Луксора неподъемные и поражают масштабами человеческого воображение. Толщина колонн измеряется так: восемь человек охватывают ее, взявшись за руки. А венец в форме лотоса примет до полусотни человек.

К храму ведет аллея из двух рядов львов, правда, головы у них бараньи. Несколько скульптур обезглавлены. «Чья это “работа”?» — спросили мы историка. «Наполеоновских моряков-пушкарей», — ответил он. Они приплыли из устьев Нила, из Александрии, где в 1798 году флотилия под командованием генерала Наполеона Бонапарта начала оккупацию Египта. Цель — отрезать пути англичанам в Индию. Но Наполеон потерпел поражение.

Два года французы хозяйничали в Египте. Они оставили плохую память о себе. Сегодня каждый турист, посещая пирамиды Хеопса под Каиром, с сожалением видит величественного сфинкса с отбитым пушечным снарядом носом. Это след забавы французских пушкарей.

В Монреале лайнер остановился в центре рулежной полосы возле входа в подземный переход к аэропорту. Меня в нем задержал шеф погранслужбы: «Впервые вижу москвича! Придется установить вашу личность. Знаете, русский, пора кончать с холодной войной». В этот момент явился агент «Эйр Франс». Он получил из Парижа радиogramму помочь московскому пассажиру. Повел меня к выходу из аэропорта, посадил в бесплатный автобус, курсировавший до центра города. Я поселился в дешевом, но приличном отеле. Сквозь окно был виден автовокзал. Я проходил мимо него, когда отправился осматривать Монреаль. Был поражен: на доске объявлений значились маршруты автобусов по городам Канады, США и до Мехико.

Я еще побываю в Канаде в командировке, затем на Олимпийских играх. И конечно, каждый раз я поднимался на крутую гору Монреаль. С нее открывался чудесный вид на небоскребы, широченную реку Святого Лаврентия. Вспомнил легенду о названии страны. То было в пору, когда испанские парусники плыли в глубь реки, надеясь найти страну «Эльдорадо», полную золота. Им встречались мореходы, что возвращались домой в Испанию. Они кричали соотечественникам: «Ака нада!» По-испански «Там ничего нет!».

Еще в Москве «Известия» телеграфировали о дне моего прибытия нашему посольству в Мехико. Прошел час, еще полчаса, но встречающих посольских товарищей не видно. Меня уговорил таксист-левак подвести в центр столицы и поселить в дешевой го-

стинице «Ромфель». Заснул мертвецким сном. Утром в вестибюле отеля увидел газету на английском. На ней план — центра, адреса некоторых посольств, в том числе советского. Решил пешком отправиться в сторону посольств, а заодно увидеть примечательные места. Вот памятник последнему индейскому императору Куаутемоку с копьем в руке, Колонна независимости, увенчанная золотой богиней, изящный, лучший в столице памятник Диане-охотнице — с натянутым луком и стрелой.

Наконец, усталый, разморенный полуденным солнцем, стучусь в железные ворота посольства. Из будки показался охранник. Спросил, зачем я пожаловал. Ясно, ему надо доложить послу о моем прибытии. Он объяснил, что сегодня воскресенье и в посольстве никого из дипломатов нет. Пришлось прийти на следующий день.

Рядом с «Ромфелем» находился автотерминал. Две автобусные компании предлагали услуги. У одной — автобус с изображенными на борту тремя звездами, у другой — с яркими желтыми стрелами. Судя по расписанию, они отправлялись на юг и север страны. Сначала я избрал более короткий путь — в знаменитый курорт Акапулько. Там восхищался бесстрашием прыгунов с высоченной отвесной скалы Кебрада, многокилометровыми золотыми пляжами.

Затем решил совершить путешествие до второго по величине города Мексики — Гвадалахары. «Пульман» три звезды отправлялся рано утром. Я успел к полудню осмотреть Гвадалахару, ее оперный театр, великолепный храм. В торговом центре увидел огромную мураль знаменитого художника Ороско, а также ряды лавочек, торгующих сувенирами, широкополыми шляпами, страшными индейскими масками. Несколько рядов — лотки с плодами щедрой долины Гвадалахары.

«Пульман» три звезды задерживался в обратный путь. Я сел в автобус с желтыми стрелами. Он дешевле, так как останавливался в каждом городе. Когда подъехали к автотерминалу города Ирапуато, мой сосед, ехавший в Мехико, посоветовал мне переночевать здесь и утром на местном автобусе доехать до «города-сказки» Гуанахуато.

Я довольно много путешествовал по континентам, но ничего подобного не видел. Судите сами. Город обосновался в огромной воронке — кратере вулкана. Его дома лепились друг к другу на склонах гор. А внизу красовались роскошные здания университета, облицованного мрамором, два храма, оперный театр имени Хуареса. В нем регулярно проводились фестивали «Сервантино» с участием зарубежных исполнителей. В основании города — о чудо! — по рус-

лу высохшей речки проложена асфальтовая дорога. На высокой горе — огромный монумент герою войны с испанскими колонизаторами Пипиле. Прикрывшись плитой, он бесстрашно приблизился к вражеской траншее с горящим факелом в руке. Облил редут смолой, поджег, и враг бежал от пожара...

Моя месячная мексиканская виза закончилась, и я улетел в Гавану. Корпункт находился на 24-м этаже небоскреба, в просторной квартире. Ее хозяин бежал за границу. В кабинете стоял телетайп. Я выстукивал на нем клером свои репортажи и очерки, а в конце сообщал оператору гаванского телеграфа, чтобы он принял мою статью и передал на телетайп «Известий».

Наступал новый 1965 год. Я принял имущество корпункта от улетавшего в Москву известинца. Взгрустнул, так как предстояло остаться в одиночестве. В кухонных столах — пусто. Вдруг раздался звонок. Незнакомец в форме милисиано вручает мне подарок от правительства — корзину с бутылкой рома, фруктами и чем-то мягким, завернутым в целлофан. Наконец явился коллега, и не один — с мужчиной невысокого роста. Коллега заглянул в корзину, вскрикнул: «Да это лечен!» (традиционный кубинский окорок, как у англичан новогодняя индейка). Известинец удалился на кухню, а мы с незнакомцем разговорились. Это оказался историк Лаврецкий, автор книги о католицизме. Он увлекательно рассказывал о религии латиноамериканцев.

Тут подоспел коллега с поджаренным леченом и тремя стаканами. Выпили за Новый год (хотя москвичи его уже давным-давно отпраздновали из-за разницы времени между Москвой и Гаваной). На прощание Лаврецкий сказал, что это его псевдоним, а настоящая фамилия Григулевич.

Пройдет полвека, и из книги нашего выдающегося разведчика П. Судоплатова я узнаю, что мой милый гаванский собеседник был профессиональным разведчиком. Начинал агентом еще в Прибалтике. А Мексика была ему второй родиной. Судоплатов подробно описал, как из американского Лос-Аламоса, где ученые создавали первую атомную бомбу, переправлялась секретнейшая информация для Москвы. Посредником был отец Григулевича, владелец небольшой аптеки в пограничной с Мексикой местности. В получении информации участвовал его сын Иосиф и другие товарищи. Прочитав это, я очень жалел, что тогда, в гаванскую новогоднюю ночь, разговаривал о католицизме и не расспросил Иосифа о его легендарных делах. Впрочем, он вряд ли мне что-нибудь тогда рассказал.

КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

В середине сентября в Мехико празднуют День независимости. Помню, в предолимпийском 1967 году толпы ликующих мексиканцев образовали людское море на центральной площади Соколо. В полночь на балконе президентского дворца показался глава государства. Он ударил в небольшой бронзовый колокол и воскликнул «Вива (да здравствует) национальная независимость! Вива Идальго, Морелос!» — в честь руководителей восстания против испанских колонизаторов. Зазвучал гимн нации.

Тем временем внутри дворца выстроилась очередь приглашенных на банкет гостей. Покинув балкон, президент выслушивал их поздравления. Трудно журналисту не задать вопроса, тем более президенту. Но я обещал сеньорам из охраны, что ограничусь лишь приветствием, и меня пропустили.

— Фелисидадес (сердечное поздравление) от московского корреспондента «Известий»!, — сказал я президенту Диасу Ордасу.

— Мучо густо (очень приятно)! — ответил президент, пожав мне руку.

Я оставил дворец, когда на площади звенела медь оркестров, стонами гитары, а в ночном небе сверкали огни красочного фейерверка.

На импровизированной сцене разыгрывались эпизоды героической борьбы мексиканцев за свободу. Вихревые танцы артистов и любительских песенных групп — марьячис дополняли праздничную атмосферу. Вот на сцене появился рослый мужчина с плитой на спине. Да это же Пипила, который гнал врагов от Гуанахуато!

Два века назад именно этот городок был одним из первых захвачен восставшими пеонами под руководством священника Мигеля Идальго. Он был настоятелем церкви в местечке Долорес, что недалеко от Гуанахуато. В ночь на 16 сентября 1810 года священник ударил в колокол (что висит теперь на балконе президентского дворца в столице). Он призвал прихожан подняться на войну против испанских колонизаторов. Идальго собрал многотысячную армию пеонов, завоевал несколько городов, но потерпел поражение в сражении за Гвадалахару. Был схвачен и казнен. Знамя борьбы за независимость подхватил его соратник Морелос, также священник. Мне часто приходилось проезжать путем, которым победоносно шли повстанцы. Этот путь — национальная реликвия, путь независимости.

На географической карте силуэт Мексики похож на рог. Да это и есть рог изобилия. Сколько здесь природных богатств, теплый климат, маисовые плантации, «черное золото» в шельфе залива и джунглях Юкатана! Земли Мексики не раз подвергались иностранным интервенциям. Были здесь французы. Позже вторглись американцы. Мексиканцы встречали их градом пуль из винтовок и пулеметов. Легендарные командир Северной дивизии Панчо Вилья и лидер крестьянской повстанческой армии Эмильяно Сапата — национальные герои страны, которых чтут в каждом доме. Вместе с солдатами-мужьями против «гринго» воевали боевые подруги, опоясанные крест-накрест патронташами. В перерывах между боями они распевали популярные песни, пускались в пляс, лихо размахивая своими цветастыми широкими юбками. А их партнеры кружились возле них, приняв типично мексиканскую позу — слегка согнувшись, запрокинув руки за спину и притопывая каблуками.

Самое примечательное место в парке Чапультепек в Мехико — это подножие горы, где стоит французский замок. Тут всегдалюдно. Замок был последним редутом сопротивления мексиканского гарнизона против наступавших «гринго». Когда американцы начали штурм, один из кадетов не подчинился приказу генерала сдаться, а сорвал с флагштока мексиканский триколор и, обернувшись им, прыгнул со скалы. Ныне на месте, где он разбился, в углублении скалы прикреплена бронзовая дощечка с золотыми буквами: Хуан Эскутия. Так звали героя. А рядом у подножия стоит монумент из шести колонн — по числу погибших в бою кадетов.

За девять лет (два срока) соборовской работы в стране ацтеков я повидал десятки городов на юге и севере Мексики. Территория страны составляет без малого 2 миллиона квадратных километров и равна площади Англии, Франции, Испании, Италии, Бельгии и Швейцарии, вместе взятых. И еще останется место для Голландии и Финляндии. 60 тысяч километров накатал я на «форде» по мексиканским автотрассам, платным и обычным шоссе. Любил набрать приличную скорость на корпунктовском «форде». Возле нагорья у города Игуала умышленно развивал скорость до 150 километров в час, причем выдерживал ее минут пять. И не чувствовал себя не в своей тарелке, не испытывая страха, что могу разбиться. То была посадочная скорость нашего бомбардировщика, советского «Пе-2». На нем мой разведывательный авиаполк воевал все четыре года Великой Отечественной. Стал гвардейским, краснознаменным...

НА ОДНОМ КОНТИНЕНТЕ

В «Известиях» 9 октября 2009 года были опубликованы заметки «Мы с американцами живем на одном континенте».

В 60-х годах прошлого столетия в Мехико открылся великолепный музей истории и антропологии. Он удивляет современной архитектурой и поражает экспонатами-раритетами. Они отражают широкое разнообразие культуры многочисленных индейских племен, проводят посетителя через тысячелетия их происхождения, заканчивая этнографией живых потомков древних индейцев. Государство израсходовало 150 миллионов мексиканских песо (12 миллионов долларов) на сооружение музея. Огромная сумма по тем временам! В первый год музей посетил миллион туристов. На охрану, на экскурсоводов, освещение главного павильона «Зала Мехико» в сутки затрачивается 60 тысяч песо. Такого роскошного музея нет ни в одной стране Южной Америки, что я посетил, не видел ни в Нью-Йорке, ни в Торонто, втором по величине канадском городе, где есть богатый музей истории.

С первых шагов посетитель музея в Мехико видит на стене «Зала Мехико» огромное панно. На нем изображена группа индейцев. Они с копьями, в сандалиях, одетые в оленьи шкуры, уверенно шагают через сушу из Чукотки на Аляску по ровной, нелесистой местности. Как считают ученые, эти индейцы жили 10—20 тысячелетий назад. Профессор университета Филадельфии, некий Фройлих Райней, обнаружил свою гипотезу в мексиканских газетах. Он привел в доказательство археологические находки в районе реки Ребук на Аляске. Археологи нашли там кремневые орудия, посуду, подобные тем, что обнаруживали раньше на Алеутах и на побережье Японии. Профессор Райней сообщил эту новость в канун Дня Колумба, широко отмечаемого 12 декабря в Мексике и США. Мексиканские газетчики шутили: «Ни викинги, ни Колумб не имеют никакого отношения к открытию Америки. Задолго до них это сделали японцы и русские с Алеутских островов».

В «Зале Мехико» кроме красочного панно на стене в центре — квадратный колодец. В нем выставлены кости, бивни мамонта. Их нашли мексиканские археологи при раскопках в 40 километрах от столицы. Экскурсовод поясняет, что подобные находки — костей древних мамонтов обнаружены в Сибири. Под панно висит карта. На ней пунктиром, как указывают строящиеся шоссе, прослеживаются маршруты путешествий индейцев. Побродив по землям Аляски, Канады и нынешних США, индейцы спустились на юг, в благодатные края

джунглей Юкатана и Гватемалы. Индейцы были отличными охотниками, мастерами гончарного, ювелирного и ткацкого дела. Именно индейцам мы обязаны тем, что имеем такие привычные нам помидоры, кукурузу, фасоль, табак, картофель, ананасы, ваниль, земляной орех, тыкву, подсолнечник, а также цветы — георгины и орхидеи.

Экскурсовод непременно объяснит, что индейцы племени майя сооружали великолепные пирамиды и дворцы, как в городище Паленке. Майя собирали хлопок, занимались подсечным земледелием, добывали яркую красную краску из насекомых, живущих на кактусах. Их изобретения для охоты — лук и стрелы, копье, дротики, ловушки, гарпуны, сети, удочки.

Майя вели войны с соседними племенами, облагали их данью, а пленных превращали в рабов. Их использовали для ритуала жертвоприношения. Обреченным рабам вырезали сердце с помощью кремневого кинжала. Для наглядности эти кинжалы-раритеты выставлены в одном из двадцати павильонов музея.

Влияние культуры майя и их царства не ограничивалось пределами Юкатана и Гватемалы. Посетив первый раз Лиму, столицу Перу, я в национальном музее антропологии увидел карту. На ней пунктиром отмечен путь продвижения индейцев от Гватемалы до южных пределов Перу. Когда-то Перу вместе с Колумбией, ныне граничащей с Панамой (от нее рукой подать до Гватемалы), входили в огромную империю индейцев инков.

Когда испанские конкистадоры завоевали индейские земли, они обложили данью вождя инков. Обещали сохранить ему жизнь, если он заполнит свою комнату до высоты вытянутой руки золотом и серебром. Испанцы обманули вождя: золото забрали, а вождя умертвили. Я посетил город Кахамарку, постоял у злополучной «комнаты дани». Весьма просторная. Сколько же понадобилось драгоценностей, чтобы ее заполнить!

Кроме Кахамарки удалось посетить поражающее человеческое воображение знаменитое городище Мачу-Пикчу с его каменными сооружениями и террасами. Расположенные на скале высотой 2450 метров над уровнем моря, они стали визитной карточкой Перу, как развалины римского Колизея или лондонский Биг-Бен.

Мачу-Пикчу находится недалеко от древней столицы инков — Куско. Поездка туда запомнилась посещением выложенных из крупных каменных валунов крепостных стен. Удивляешься, какими инструментами пользовались индейцы для obtачивания неровных округлых глыб? Как укладывали многотонные валуны впритирку один над другим?

Словно в сказочном царстве побывал, точнее, пролетел в легком самолетике над знаменитой пустыней Наска. Гигантская, площадью свыше тысячи квадратных километров, она известна в мире своими загадочными прочерченными на песке силуэтами собаки, ящерицы игуаны, птицы с хвостом змеи, паука. Многим из этих животных индейцы Наски поклонялись. Они, должно быть, были искусными мастерами, знали геометрию. Ведь фигуры на песке гигантские, их можно увидеть лишь с высоты птичьего полета. А прямые, длинные линии породили гипотезу, будто являются полосами для посадки и взлета звездных кораблей инопланетян. Кто знает? Может, так и было...

ИЗ ВОЛН ВЫПЛЫВАЕТ СОЛНЦЕ

Столичным жителям земли Кинтана-Роо кажутся далеким и загадочным краем. Этот южный мексиканский штат, омываемый Карибским морем, расположен ближе к Кубе (в 100 километрах от нее), чем к Мехико (2000 километров), где привыкли видеть вокруг сосны и кактусы, дышать сухим и прокаленным воздухом. А в Кинтана-Роо путешественник встречает совсем иную картину: таинственную непроходимую сельву, жару и влажность. Вокруг почти нет поселений: на весь штат приходится всего один настоящий город. Это административный центр штата — Четумаль.

В последние годы бурно развивающаяся индустрия туризма начала менять лицо Кинтана-Роо. Сквозь сельву пролегли асфальтовые дороги. Некоторые из них — с отличным покрытием.

Наша автомашина мчится со скоростью, достаточной для взлета легкого самолета. Трудно представить себе, что в этих краях не так давно единственными дорогами для путешествующих были старые тропы, проложенные еще во времена древних майя.

На всем пути от Четумалья, что на крайнем юге штата, до Пуэрто-Хуареса, расположенного на севере, нас окружала плотная стена сельвы. Я старался разглядеть в ней высокие сейбы, ценящиеся своей красной древесиной. Вокруг, однако, был невысокий лес, словно подстриженный под гребенку. Лианы, веерные пальмы, незнакомые кусты. Редко встречались деревья-великаны. Порой шоссе сворачивало к побережью, и на минуту-другую открывалась панорама искрящегося голубизной Карибского моря. Волны плескались у золотистых песков пляжей; в тени кокосовых пальм притаились индейские хижины.

Мы сделали остановку и попросили разрешения у хозяина такой хижины осмотреть ее. Стены были составлены из жердей, плотно,

одна к другой, вбитых в песок. Любопытно, что жерди не были обтесаны, между ними оставались зазоры. Сквозь них в хижину легко проникал воздух и свет. Нам показалось, что соорудить стены хижины не так уж трудно.

А вот чтобы сделать крышу из пальмовых листьев, требуется время и мастерство. Как объяснил нам хозяин-индеец, листья надо сушить, обрезать черенки, надрезать каждую пластинку листа с двух сторон. После этого пальмовые листья укладывают на перекладинах так, чтобы они заходили друг на друга. В результате получается толстая и плотная крыша, способная выдержать сильные ветры.

Солнце приближалось к зениту. Воздух все больше раскалялся. Захотелось пить. Индеец вскрыл кокосовый орех, который мы купили по дороге. Он два раза ударил по верхушке ореха мачете, и в образовавшемся отверстии показался сок.

— А вы, случайно, не чиклеро? — спросил я (так в Кинтана-Роо называют сборщиков чикле — вязкого сока дерева сапотилья, идущего на изготовление жевательной резинки).

— Нет, возле моего дома не растут сапотильи. Они прячутся глубоко в сельве.

— А как из них добывают сок?

— Проще простого. Ударом мачете делают надрезы на коре. Появляется «древесное молоко». Его собирают в банку, затем выпаривают и получают вязкую массу вроде резины...

Утолив жажду, мы заспешили в Тулум — «город Рассвета». Так его называли археологи, основываясь на легендах индейцев майя, поклонявшихся богу солнца, который, как им казалось, каждое утро поднимался из волн Карибского моря. По представлениям майя, на побережье Кинтана-Роо находится самое близкое к солнцу место. Если идти по волнам, то можно приблизиться к солнечному лику, верили они.

Легенда есть легенда. Однако Тулум — древний ритуальный центр — и сегодня обращен к востоку. Это единственный из сохранившихся городов майя на берегу моря. Все другие — Паленке, Чичен-Ица, Бонампак, Ушмаль — стоят посреди сельвы. Еще одна отличительная черта Тулума — его сооружения обнесены каменной стеной. С вершины главного здания открывается чудесный вид на море. Город сооружен на отвесной скале и кажется неприступным. Во всяком случае, первые испанские конкистадоры, приплывшие к берегам Кинтана-Роо, не решились высадиться на побережье.

Об этом нам рассказывал экскурсовод Маноло Родригес, мужчина лет сорока, который подолгу задерживался возле каждого творения древних зодчих. Некоторые руины еще лежат под толстым

слоем земли, ожидая, когда к ним подступятся ученые-археологи. Их труд был очень тяжел, говорил экскурсовод.

В Тулуме обнаружено до 40 зданий. Их надо было очистить от лиан и травы, бережно освободить из-под толстого слоя грунта, рискуя каждую минуту разрушить рисунок барельефа на стенах, а то и расколоть неосторожным ударом лопаты хранившуюся в земле веками керамическую статуэтку.

Проросшие сквозь камни лианы и стволы деревьев укрепляли сооружения. Освобожденные от них пирамиды нередко разваливались прямо на глазах. В конце концов археологи научились цементировать руины. Лианы и стволы выжигали, а образовавшиеся отверстия и щели заливали цементом. Так был воскрешен древний Тулум.

С приближением вечера закрываются ворота, ведущие к руинам, расходятся гиды, город погружается во тьму тропической ночи. Так было столетиями, но сегодня на древних руинах сверкают отблески огней расположенного недалеко большого современного курорта Канкун и прилегающего курортного острова Косумель. За несколько последних лет там выросли сверкающие разноцветными стеклами отели.

Но есть на побережье Кинтана-Роо и отели средней руки, где могут провести отпуск мексиканцы со средними доходами. Конечно, добираться из Мехико в Канкун самолетом накладно. Однако путешествие того стоит. Кроме ласкового моря, подводной охоты, далекий мир Кинтана-Роо, где из волн поднимается солнце, очаровывает любознательного приезжего ландшафтом джунглей, индейскими хижинами, загадочными безмолвными руинами Тулума. А в глубине джунглей — экзотический животный мир безобидных редчайших попугаев и опасных рептилий.

(Силантьев В. И. // Известия. 1984. 16 октября.)

ВРЕМЯ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Страшное землетрясение обрушилось на Мехико в момент, когда 17-миллионный город-гигант только проснулся. Кто-то еще умывался, кто-то уже позавтракал и спешил на работу, в школу, госпиталь, магазин. Четверг, семь часов с минутами утра.

Как обычно, в корпункте «Известий», расположенном в центре столицы, в двух шагах от главной городской артерии Инсурхентес, был включен телевизор. Повторяли вечернюю информационную программу. Главное внимание обращалось в ней на обострившееся положение в Центральной Америке. Я уже передал в газету инфор-

мацию об этом. Москва была на проводе полчаса назад. Начинался рядовой рабочий день, и ничто не предвещало нависшей над городом грозной опасности. Впрочем, никогда ничто не предвещает начало землетрясения. Оно дает о себе знать лишь внезапным характерным скрипом и покачиванием зданий. За шесть лет моей работы в Мехико было два сильных землетрясения и десятки других, послабее, когда все здания вокруг скрипели и раскачивались.

На этот раз после первого же толчка стала рушиться кирпичная перегородка в квартире, посыпалась плитка со стен и потолка. Если бы посетитель в приемной сидел на диване, он оказался бы придавленным глыбой бетона, обрушившейся сверху, если бы стоял у зеркала, то был бы изрезан веером осколков, брызнувших, точно от взрыва.

9-этажное здание, как сноп, колотило о невидимый столб. Наверху «снопа» на предпоследнем этаже находится наш корпункт. Со звоном вылетали стекла. Тяжелый сервант, набитый книгами, начал движение от стены и застыл в середине приемной. Телевизор сдвинулся к стене, ударился о нее тыльной стороной, видимо, кинескопом, и разбился. Одновременно потухла настольная лампа: значит, отключилась электроэнергия. К счастью, я оказался возле несущей панели здания и массивного дубового стола, служащего, как говорится в инструкции, на случай землетрясения лучшей защитой от падающих сверху, как град, осколков и камней.

Ясное небо над Мехико вдруг стало серым. Поднялось облако цементной пыли, образовавшееся в результате разрушений тысяч домов, особенно в центральных районах. Кое-где, как карточные домики, падали мини-небоскребы, отели, банки. На фешенебельной авениде Реформа вылетели стекла из здания «Аэрофлота», обрушилась на мостовую его застекленная витрина. Пучилась мостовая. Город остался без света, из водопроводного крана текла не вода, а грязная жижа.

Толчки продолжались мучительно долго. Мы решили проехать по городу, посмотреть — целы ли здания, где находятся советские учреждения. Из телефонного разговора с советником советского посольства Тараленко узнаю, что среди советских работников и членов их семей в Мехико нет несчастных случаев, но всех в их домах «сильно трясло». На Инсурхентес — автопробка. Не работают светофоры. Добровольцы-регулирующие пытаются управлять движением. С воем сирен стараются прорвать автомобильный затор пожарные на красных грузовиках, зеленые «амбулантес» — машины «скорой помощи», полицейские мотоциклисты.

Поток машин,двигающихся к центру, ползет как черепаха. Оказывается, ко всем проблемам прибавилась еще одна — асфальт во многих местах покособился, разорвался. Мы вспомнили, что в этот момент над Мехико должен кружить рейсовый «Ил-62М», прилетающий из Москвы. Сможет ли он приземлиться? Не образовались ли разрывы на взлетно-посадочных полосах международного аэропорта? И заспешили в аэропорт. Там, на здании аэропорта, были заметны разрушения, но самолеты садились. Местная аварийная станция давала электроток. Работал телевизор. Сообщалось об эвакуации тысяч тяжелобольных из поврежденных госпиталей в госучреждения, о рухнувшем здании радицентра. К телезрителям обращались с просьбой сдавать кровь на донорских пунктах, сохранять спокойствие, оказывать помощь пострадавшим, без нужды не пользоваться телефоном, чтобы не перегружать работу сети, к тому же поврежденной.

Город остался без света, не работали телексы, компьютеры в банках. «Ил-62М» на несколько часов задержался с отлетом из-за повреждения в ходе землетрясения аэродромных служб снабжения горючим. Когда он заправился, то взмыл в небо. С ним удалось отправить этот репортаж.

(Силантьев В. И. // Известия. 1984. 21 сентября.)

ГИМН ВОДЕ

У древних индейцев — предков мексиканцев — недаром родился культ бога дождя Тлалока. В жарких районах Мексики вода всегда ценилась как золото. Да и сейчас на большей территории страны земледелие основывается на искусственном орошении.

Столь же остра проблема воды во многих городах. В отличие от разных столиц мира, основанных, как правило, на берегах крупных рек, Мехико не может похвастать даже скромной речонкой. Город-гигант снабжается водой из рек, находящихся далеко за горными хребтами, окружающими столицу.

Вполне естественно, что непреходящая ценность капли воды в жизни и процветании страны нашла отражение в мексиканском искусстве. Еще много лет назад замечательный художник Диего Ривера закончил свою фреску над входом в туннель одной из водонапорных станций в Мехико. Правда, несмотря на то что художник в создании этого гимна воде использовал самые стойкие краски, время взяло свое. Пагубное воздействие оказали городской смог и сырость, господствующая внутри станции: краски поблекли, а многие росписи и совсем исчезли.

Почитатели мексиканской монументальной живописи давно обращали внимание на то, что фреска нуждается в реставрации. И вот на холме парка Чапультепек, где находится станция, появились бригады каменщиков. Они счистили с облицовочного камня многолетнюю копоть, и теперь дело за художниками-реставраторами.

Сохранившиеся детали фрески передают глубокий замысел художника. В центре картины изображены огромные ладони, заполненные драгоценной влагой; ее капли просачиваются сквозь пальцы и стекают в бегущий по дну туннеля поток питьевой воды. В свое время художник тщательно выписал на дне удивительный мир примитивных животных — амёб, инфузорий, моллюсков, морских звезд. В течение многих лет бегущая вода стерла эти росписи. А ведь эти детали фрески раскрывали желание художника рассказать о значении воды в происхождении всего живого на земле. Жизнь человека также связана с водой. И этот факт символизирует изображение старой индейской женщины, которая прильнула губами к чаше с водой, протянутой ей натруженными мужскими руками.

Закончив фреску, Диего Ривера задался целью украсить площадку перед станцией комплексной композицией, посвященной древнеиндейскому Тлалоку. Многометровый образ бога дождя, с которым древние ацтеки связывали также плодородие, распластан художником по земле, как бы слившись с ней.

ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ... В МЕХИКО

Мексиканская столица — огромный мегаполис. В нем больше тысячи улиц, площадей, переулков. Самая роскошная и широкая авенида — Пасео де ля Реформа. Она знаменита стеклянными высотными домами, но главное — великолепными памятниками.

Я пересек широкую авениду и вышел на улицу с дорогим русскому человеку названием — Нева. Прошел еще квартал и улыбнулся: соседкой Невы оказалась Амазонка. Затем я зашагал по улице Волга. Наша воспитанная в песнях Волга-матушка «впадала» в короткий Тибр. Прогулка закончилась новым открытием: на углу Реформы меня ждала улица Льва Толстого.

Вернувшись домой, я раскрыл подробную карту города, решив проверить, упомянута ли на ней улица Толстого. Долго искал в списке с помощью лупы: было много названий на букву «Т». Взгляд скользнул вниз — и глазам не верю: *Trotsky Leon* в районе *Primero de Mayo*, по-нашему — Первомайский район.

Я спустился в гараж, завел корпунктовский «форд» и помчался на окраину города к международному аэропорту, где кончалась столица. На одном из перекрестков резко затормозил: увидел табличку на углу дома — *Jose Stalin*. Ага, значит, где-то рядом Лев Давыдович, одно время однопартиец «Хосе» Виссарионовича, а затем его заклятый враг.

Прохожий, которого я остановил, оказавшийся местным учителем, воскликнул: «Вы русский? Очень приятно! Вы должны знать: Троцкий — известный революционер-эмигрант. Когда я был школьником, о нем много писали в газетах». Я поинтересовался у учителя, кто такой Сталин. Он ответил не задумываясь: «Маршал советико» («советский маршал»).

Мы расстались друзьями. Но меня интересовал еще один факт. На карте города четко значились улицы Ленина и Жанны д'Арк. Позже, как выяснилось, они исчезли в результате частичной реконструкции квартала. Там возник торговый центр. А на задворках квартала осталась жить беднота, рабочие — среди улиц *Karl Marx* и *Siberia*.

...Так кто же и когда решил так революционно, «по-советски» назвать улицы Первомайского района? В столичной мэрии директор Департамента наименований городских улиц любезно принял меня и приказал помощникам поднять из архива карты разных лет. Мы вместе рассматривали их. Директор сказал, что в свое время район самовольно заселили обездоленные крестьяне, покинувшие деревни ради заработка в городе. Жили в лачугах, постепенно обустраивались. Сами придумали названия улицам. Такие поселения на пустующих землях появились на севере и юге.

В 1966 году разразился скандал. Власти прислали бульдозеры, уничтожившие лачуги в «колониях пролетариев» Ахуско и Санта-Урсула. Поднялась волна возмущения парламентариев, лидеров партий, общественности. Власти пошли на попятную — распорядились восстановить разрушенные жилища бедняков. Голодным людям присылали хлеб, масло. С тех пор никто не посягал на обездоленных, занимавших пустыри на окраинах Мехико.

...Мое путешествие по улицам Мехико закончилось в северных предместьях города-гиганта. Там, в районе Сьюдад-Сателите (городе-сателлите), находится улица Москва. Она застроилась солидными коттеджами с зелеными газонами. Недалеко от «Москвы» за высоким забором был расчищен земельный участок для жилого квартала. Охранник принял меня за возможного покупателя, пригласил зайти на стройплощадку, показал уже расчерченные и заасфальтированные улицы. Там тоже была запланирована улица Москва.

Две Москвы в одном Мехико — удивительно? Как знать! Разговор на стройке состоялся вскоре после XIX Олимпиады. Ее хозяйкой была Мексика. Команда СССР выступила неплохо, была среди фаворитов, на слуху у мексиканцев. Нашу замечательную гимнастку Наташу Кучинскую мексиканцы называли *novia*, в переводе на русский — невеста.

ПАТРИЯ О МУЭРТЕ

В Гаване на шестом году революции уже ощущались перебои с продуктами и почти не производились товары первой необходимости. Куба, осмелившаяся бросить вызов Вашингтону, была зажата в тиски блокады. Ничто не сулило мне ни журналистской славы, ни особого материального поощрения. Это меня не смущало. Главное — интересная работа. И в этом я не просчитался.

Прежде всего предстояло разгадывать феномен Фиделя Кастро — личности, по свидетельству многих, весьма исключительной. Хотя бы потому, что он правил Кубой больше четырех десятков лет, дольше, чем Сталин в СССР, правил без каких-либо социальных взрывов и политических коллизий. Уже пали коммунистические режимы в Восточной Европе, уже победила горбачевщина в СССР, уже исчезло слово «социалистическая» из названия Российской Федерация, а Фидель Кастро был верен своим идеалам и лозунгу: «Родина или смерть!» Назло надменному северному соседу, назло Ельцину, Собчаку, Горбачеву, назло Бушу, Валенсе и К°. Какой смешной, но логичный парадокс истории: человек, которого мы подозревали в нелюбви к социализму, стал чуть ли не единственным лидером в мире, готовым умереть за социалистический путь развития. А ведь Фидель, сражаясь в горах Сьерра-Маэстра с карателями диктатора Батисты, не думал об установлении в стране социалистических порядков. Он враждовал с кубинскими коммунистами, они в свою очередь называли его буржуазным авантюристом. Ведь Фидель и его брат были сыновьями богатого латифундиста, владельца сахарных плантаций на востоке острова. Однажды, уже после революции, Фидель грозился наказать младшего брата. За что? Рауль признался, что еще во время партизанской борьбы состоял членом компартии. «И ты, негодяй, скрывал от брата! — закричал он на Рауля. — Но скажи, почему ты не агитировал меня за коммунизм?» Рауль ответил: «Я хотел, чтобы ты сам созрел».

Я дежурил в «Известиях», когда по телетайпу ТАСС пришло сообщение о том, что Фидель провозгласил свою революцию социа-

листической. Мы ждали этого события. Как положено дежурному, к сообщению надо было придумать заголовок и по важности информации определить место публикации в газете. Я заверстал сообщение на первой полосе, сверху всех других материалов. То была сенсация, и на нее обратил внимание Аджубей. Он кому-то позвонил по «вертушке» и продиктовал мне нейтральный заголовок «Заявление Кастро». О социализме ни слова. Как я разузнал спустя некоторое время, хрущевская Москва не верила в искренность Фиделя. Но отказаться от Кубы, с которой радарам можно просматривать территорию США, мы не могли. И начали помогать строить социализм.

Мы прислали на Кубу не лучших дипломатов, журналистов, специалистов-хозяйственников. Среди них были очень честные, добросовестные люди, но были и рвачи, лентяи, зазнайки. С хрущевской «оттепелью» проснулись и наши «рыночники». Мы ратовали дома за усиление «материальной заинтересованности» в производстве. Фидель начисто отвергал этот подход и уверял наших людей на Кубе, что этим принципом руководствовались до революции, а она свершилась для того, чтобы покончить с частнособственнической психологией.

Хрущевское время породило «конфликтное кино», в котором обязательно присутствовал будничный советский негатив, а кубинцы в целях воспитания молодежи нуждались в таких фильмах, как «Чапаев», «Котовский», «Как закалялась сталь». Кубинские товарищи спрашивали меня, нет ли у нас еще подобных картин. Да нет, больше нет, не снимают наши кинодеятели, уверяют, будто «чапаевщина» — пройденный этап. Я сделал для себя открытие, что есть в мире народы с весьма короткой историей, как Куба, в которой к тому же немного национальных героев и героических страниц. И поэтому воспитание людей на примере героики прошлого ограничено. Я понял также, что Россия, напротив, с ее драматической и долгой историей пренебрегает своим героическим прошлым.

Наши отношения с Фиделем были подмочены Карибским кризисом. Не спрашивая согласия кубинцев, даже формального разрешения пограничных властей и таможенников, мы пригнали на Кубу свои суда и спешно, как требовал Вашингтон, вывезли ракеты. Такое поведение могло вызвать только шок в сознании Фиделя. Наши уверения в дружбе и готовности защитить Кубу не соответствовали реальным делам. Много лет Фидель слышал наши клятвы и обещания, а на деле никакого договора или соглашения о военной помощи или поддержке на случай агрессии не существовало. Наши

трения с Гаваной обострились в последние годы моей работы там собором в 1967—1968 годах.

Алехандро, так дружески мы звали нашего посла Александра Ивановича Алексеева, уехал в Москву, обиженный Фиделем. А ведь сам Фидель настоятельно просил назначить Алексеева послом. В 1959 году в момент победы революции в Гаване не было ни одного советского человека: отношения с Москвой были прерваны диктатором Батистой. Лишь «случайно» появился Алехандро в качестве корреспондента ТАСС. Москва поручила ему вести переговоры о восстановлении отношений. Алехандро явился к Фиделю «при галстуке», чуть ли не в смокинге, как полагалось. Фидель отказался иметь с ним дело — он счел, что ему привели буржуя, а не представителя Страны Советов. Сам Фидель одевался по-военному в гимнастерку и солдатские ботинки. При галстуке я его никогда не видел. Спустя некоторое время Алехандро снова направился к Фиделю, надев кубинскую традиционную рубашку — гуаяберу. Фидель его принял. Но в качестве посла из Москвы прислали типичного аппаратчика, хотя и неглупого человека. Посол Фиделю страшно не понравился, и он просил прислать знакомого друга Алехандро. И вот «друга» фактически изгоняли. Наши циники уверяли, что Фидель выжал Алехандро как лимон: посол, мол, имел прямые контакты с Хрущевым и, минуя министерских чиновников, выбивал для Кубы технику, сырье, запчасти. А когда Никиту «ушли», контакты Алехандро прервались.

Дело обстояло гораздо сложнее. Фидель разочаровался в политике Москвы, которая была лишена ясной и четкой концепции социалистического развития. В местном журнале «Теория и практика» были популярно изложены взгляды Фиделя Кастро по вопросам идеологии. Вот наиболее актуальные из них: развивать свой путь строительства социализма; бороться с бюрократизмом в партии и государстве; утвердить вооруженный путь борьбы как единственное средство завоевания власти; сформулировать политэкономия социализма; всесто плохих, неполных, абстрактных учебников, что существуем, создать свои; на всех уровнях развивать свои идеи; ратовать за свободу мысли революционеров.

Кубинское руководство нарочито подчеркивало свое прохладное отношение к Москве. По случаю 50-летия Великого Октября в посольской резиденции состоялся большой прием, но оставшийся за Алехандро советник-посланник Юрий Лебедев не ждал Фиделя и его соратников. В газетах слабо освещалась круглая дата нашей революции. И вдруг появились Фидель, его брат Рауль, президент

страны Дортикос. Фидель подтрунивал над нашими дипломатами, а собору «Правды» Вадиму Листову в насмешку сказал: «Смотрю, ты потолстел. Видно, мало работаешь, все на рыбалке».

Пикировались минут десять. Фидель был в курсе, что «Правда» сдержанно пишет о Кубе. На удивление всем, он в тот вечер много пил водки, хотя подчеркивал, что он непьющий.

Наконец Москва прислала нового посла Солдатова, с которым я познакомился еще в Лондоне. Встречали его мидовский чиновник, послы соцстран в Гаване. Он меня узнал. «Вы возмужали», — сказал он, приветствуя меня. Еще бы, прошло девять лет, как мы виделись последний раз в Англии. Из Лондона Солдатов вернулся на должность замминистра иностранных дел, был избран членом ЦК. Позже ему предложили пост постоянного представителя СССР в ООН. Переведенный из консультантов ЦК к нам в «Известия» Александр Бовин с улыбкой рассказывал: Солдатов ответил Суслову, что еще подумает, работать ли в ООН. Не успел: за него «подумали». Так он оказался в Гаване. Солдатов начал серию совещаний с дипломатами, журналистами. Мы информировали его о революции и революционерах, об иждивенческих настроениях руководства... Он перебил: «Точнее, жульнических, верно?» Посол был настроен решительно, заручившись мандатом Москвы сказать Фиделю: «Мы за сотрудничество и дружбу, но у русских есть пословица — насильно мил не будешь». Наверняка так и сказал Фиделю. Тот сделал все возможное, чтобы избавиться от нового посла, и добился своего. Солдатов затем был много лет нашим послом в Бейруте.

Не считал, сколько очерков, репортажей и статей о Кубе было опубликовано в «Известиях», «Неделе», «Новом времени» и «За рубежом». В них я рассказывал о трудностях Кубы намеками, полутонами. О противоречивых отношениях между Москвой и Гаваной ни слова. Зато все материалы проникнуты оптимистическим тоном. Помню, ко мне, вновь назначенному редактору международного отдела «Недели», обратились с вопросом: «Какова будет ваша линия в освещении жизни братских стран?» Мне ответить бы шуткой: партийная, мол, линия будет, но я сказал серьезно: «Интересных и жареных тем много. Сужу по многолетней работе на Кубе. И хотя сегодня наше государство с Фиделем Кастро не в ладах, критика в его адрес и критика всех братских стран не принесет пользы, лишь обострит отношения. К сожалению, мы не умеем критиковать, как, скажем, англичане поучают свои бывшие колонии. Тактично, ради дела, без оскорблений. И те не обижаются. Мы же способны только на крайности — либо белое, либо черное».

О «черном» я писал в закрытых справках в редакцию, пытаясь развеять некоторые предрассудки и неправильные взгляды о Кубе, бытовавшие в Москве. Мне хотелось, например, «протащить» на полосу «Известий» тему эмиграции кубинских диссидентов. В то время Москва клеймила позором наших беглецов на Запад, лишала гражданства тех, кто оставался за границей. Этот факт «бегства из коммунистического рая» считался нашим позором. А Фидель тем временем разрешил массовую эмиграцию кубинцев в США, не желавших жить в условиях социализма. Был организован воздушный мост Варадеро — Майами, каждый день легкий пассажирский американский самолет перевозил группу беглецов. В гавани Варадеро могли причаливать моторки и парусники из Майами и забирать уезжающих, а также высаживать кубинцев, которые хлебнули счастья в США и решили вернуться на родину.

До революции многие кубинцы выезжали во Флориду на работу, оставив семьи на острове, и вот они получили возможность воссоединиться. В то время на Кубе насчитывалось свыше 117 тысяч «лишенцев»-богачей, потерявших право вести жизнь эксплуататоров и расставшихся со своим имуществом. Они, правда, получали компенсацию от государства за национализированные фабрики и магазины. Компенсации хватало на приличную жизнь, но сердцем и душой они были там, в Майами, и ненавидели революцию. Ленин говорил, что труп капитализма невозможно похоронить, он будет долго разлагаться в обществе строящегося социализма. Так и Фидель мог сказать, что буржуазные пережитки подобны иглам морского ежа: однажды наступив на них, не вытащить их из ноги, пока они не растворятся в теле. Желающих уехать записывали в очередь, описывали их имущество, чтобы его нельзя было продать за доллары: разрешалось увозить с собой как пассажиру туристского класса 20 килограммов груза, одни часы, одно кольцо, колье, сережки и прочее. Высоких чиновников, записавшихся на выезд, увольняли как нелояльных, предлагали работу мачетеро на уборке сахарного тростника. Такое мог придумать только Фидель Кастро.

Непредсказуемость кубинского руководителя, пафос его речей вызывали недоумение не только у наших дипломатов. Многие из них с красным карандашом изучали его речи, подчеркивая пассажи-намек. Иные видели в нем бесшабашного революционера, истеричного оратора. Но эти претензии можно легко опровергнуть примерами терпимости Фиделя, его хладнокровия, умения маневрировать и даже консерватизма. Несомненно, в первые годы у власти он блуждал, не видел пути развития, открыто возмущался,

что в коммунистическом движении идут споры друг с другом разных догматиков, но Кубе от этого не легче. У нее нет рецептов построения социализма. Об этом он говорил еще в речи 13 марта 1968 года. А разве он говорил неправду? В нашей теоретической мысли — вот где был полный застой.

Никто, кроме Фиделя, не сказал так ярко и сердечно о советско-кубинской дружбе, о вечной любви и симпатии двух народов, о величии и мужестве людей, строящих новое общество. Чем мы отплатили за эти искренние чувства? Горбачевщина породила писателей-плакальщиков и журналистов — хулителей всего святого. Они оплевали и нашу дружбу с Кубой. С меркой эгоиста-толстосума они начали подсчитывать, сколько стоила нам в долларах Куба ежегодно и по дням. Поразительно: цифры точно совпали с вашингтонскими заклинаниями времен холодной войны. Будто любовь и дружба измеряются деньгами?! Да нисколько не должна нам Куба! Это мы ей должны за сахар и никель, за ром и сигары, которые, кстати, изымались из торговли на острове и шли только в Москву. Живя на Кубе, я не представлял, что из кубинских парней, простодушных и беспечных, могут вырасти смелые воины. Вспомним вклад Кубы в освободительную борьбу в Африке.

Циники от политики говорят, что чем меньше нация, тем упорнее она торгуется, чтобы подороже себя продать. Когда мы при закрытых окнах в посольстве обсуждали вопрос, с кем Фидель, я утверждал, что ни с кем. Сам с собой, он ищет свой путь, хочет быть независимым. Но это невозможно для маленькой страны. Значит, из всех зол выбирай наименьшее. Если наши идеологи не могли предложить ничего путного, то здравый смысл подсказывал Фиделю исповедовать мирное сосуществование с «северным соседом». Только Вашингтон не хотел слышать об этой идее. Он настаивал — только полная капитуляция, будто речь шла о капитуляции гитлеровской Германии. Позор перестройщикам — они взялись помочь Вашингтону осуществить его заветную цель: сокрушить режим Фиделя. Инициатор перестройки Горбачев нанес молниеносный визит в Гавану. Вел переговоры с руководством Острова свободы. Детали их мы не знаем, но итог ясен. Дружба дружбой, а табачок врозь. Наша помощь Кубе прекратилась.

Но давайте еще посчитаем, кто кому должен! Наши специалисты в области экономики были наняты кубинцами за солидную зарплату, сели в кресла советников при министрах и управляющих, а предложить концепцию возрождения и развития кубинской индустрии не смогли. Ни в силу своих знаний, ни в силу способностей. Дело

в том, что ни партократы, ни академики в Москве не имели такой концепции. Зато советские военные с курорта Варадеро могли разглядывать запуски американских космических кораблей с мыса Канаверал. Зато целая плеяда наших латиноамериканистов, годами изучавших испанский язык по книжкам, получила впервые шанс общаться с народом и коллегами, говорящими по-испански, и почерпнуть живой материал для написания диссертаций. Зато «Аэрофлот» стал экономить миллионы долларов, пользуясь льготами при обслуживании своих самолетов в Гаванском аэропорту. Перестройщики шипят: «А сколько истратили на вооружение Кубы?» Признаемся честно, мы отправляли устаревшее, вооружение.

Милые сердцу кубинцы, дорогие компаньерос! Если бы вы могли услышать хулящие вас голоса Москвы, вы бы сразу почувствовали, что это не русские голоса. В характере русского народа нет места скопидомству. И никогда не будет, хотя рыночники-демократы попытались научить нас считать деньги и внушить, что в этом счастье. Да нет же! Решительно нет.

Находились среди нас пессимисты, осуждавшие Фиделя, упрекавшие кубинцев в лени, но все восхищались красотой кубинских мужчин и женщин. На расспросы москвичей, красивы ли кубинки, я обычно отвечал полуправдой-полушуткой: «Когда, бывало, встречал на пути кубинку, то старался бегло на нее взглянуть и пройти мимо. Если долго смотришь, теряешь сознание. Так красивы! Несколько раз падал в обморок на улице. Хорошо, что в Гаване всюду скамейки — присядешь, придешь в себя и дальше идешь. А тут из-за угла снова показалась кубинка. Да еще мулатка с серебристой кожей. Цокает каблучками. А какая походка! Снова падаешь в обморок...»

А экзотика тропиков! Она повсюду. А дома Гаваны? Ни одного похожего друг на друга, ибо было запрещено строить дома по типовому проекту. Несколько недель я писал очерк «Рассвет над Гаваной». Не в переносном, а в буквальном смысле слова. О поразительных красках моря и неба в пору утренней зари. И о том, что это явление повторяется в любую погоду. Я подождал, когда на Гавану обрушится ураган и небо затянет синими тучами. Думал, что не увижу рассвета. Нет, яркий луч света пробился-таки сквозь толщу облаков. И Гавана засветилась голубым цветом. В моей душе я ощутил тепло и радость. Вспомнились многие приятные минуты жизни в райском уголке природы, встречи с добрыми людьми.

Не знаю почему, но кубинцы любят «массовки» с участием сотен тысяч людей. Возможно потому, что они живут в маленьких городах, поселках, на хуторах и массовые митинги пробуждают у них чувство

единства, сплоченности и силы. Митинги на площади Революции в центре Гаваны всегда собирали море людей. Однажды под новый 1967 год на площади состоялся массовый ужин с участием... ста тысяч кубинцев. Руководство страны, дипломаты, зарубежные журналисты и гости восседали за столиками у подножия беломраморного памятника Хосе Марти. Столы были богато сервированы: бутылки канадского виски «Сигрэм», испанского вина, виноград и яблоки — все импортное. Ужин был приготовлен по-кубински: кусочек лечена (окорока) и курочки, салат, нежный фрихоль (бобы), зелень. В конце пили шампанское. Такие же массовые ужины состоялись в крупных городах.

Однажды на площади Революции были расставлены тысячи столов с шахматами. Состоялся массовый сеанс одновременной игры участников проходившей в Гаване Шахматной олимпиады. За первым столом Фидель свел свою партию вничью с фаворитом олимпиады Борисом Спасским.

И вот настало время покидать Гавану. Усталые после многодневных сборов, невыспавшиеся, мы поднялись с рассветом. Жена расплакалась. Полагала, что больше никогда не увидит солнечного прекрасного города, его милых жителей. Она умоляла объехать все знакомые места в Гаване, прежде чем покинуть город. И всю дорогу, как маленькая девочка, рыдала. Я был потрясен, к тому же самому было невесело, щемило сердце от грусти. Вспомнил: никаких эмоций не вызвало у моей супруги Елены расставание с Лондоном. Будто не очаровали ее зеленые парки и супермаркеты, стаи голубей на Трафальгар-сквер, собачки, укутанные по зиме в теплые жилетки. Будто не побывала она в знаменитом Британском музее, в не менее знаменитом и старинном театре Ковент-гарден и на курортах Ла-Манша. А тут вдруг давно не чищенная Гавана с ее задумчивыми жителями вызвала рыдания. Она обнимала нашего долговязого сынишку Андрюшу и приговаривала: «Гляди и прощайся. Больше сюда не приедем». Андрей смутно понимал, что происходит. Он на Кубе только еще пошел в первый класс школы.

...И вот прошло сорок лет. В 2005 году новогодние каникулы длились больше десяти дней. Андрею, уже мужчине среднего возраста, захотелось побывать на Кубе, где прошли детские годы. Разыскивали старые карты острова, нашли две-три гостиницы, где останавливались, путешествуя по острову. Вот она — прибрежная центральная гостиница «Националь». В московском туристическом бюро предложили много других вариантов, где остановиться. Дух захватило, когда увидели, что по всей стране рассыпаны десятки новеньких

гостиниц, особняков, коттеджей. Их окружали бассейны, фонтаны, пальмовые аллеи, и ухоженные дорожки вели к морю. Новые курорты расположились вдоль северного побережья, где золотистые пляжи и мелководье, куда не заходят акулы и другие хищные рыбы. Стоит опустить голову с маской на глазах в воду — и увидишь сказочное царство удивительных рыбок, крутящихся вокруг кораллов и твоих ног. Таких чудесных мест почти не осталось в мире. Обаятельная, красивая страна! Внимательный обслуживающий персонал на курортах. Кубинская кухня. Безопасная рыбалка. Купание в бархатных водах изумрудного моря. Все это привлекает на Кубу тысячи туристов.

Но ни один американец, даже турист, не может ступить на землю Острова свободы. Ни продовольствие, ни медикаменты, ни одежда — ничто не должно проникнуть из США на землю Фиделя Кастро. Пусть народ живет в полукарточной системе, запертый словно в крепости, — это задача американской экономической блокады. В начале революции в 1959 году интервенты пытались в Заливе свиней вторгнуться в страну. Но потерпели сокрушительное поражение. Потом были сотни мелких наскоков. В конце концов в Вашингтоне решили не оккупировать «коммунистическую» Кубу — пусть останется полунищей, пусть будет пугалом для всех латиноамериканцев. Но...

Уже давно другом Фиделя стал президент Венесуэлы Уго Чавес. Он, негодуют американские аналитики, «одержим опасными идеями национальной независимости и социализма». Он выручил кубинцев, решив их острую проблему со снабжением нефтью. Он восхищен мужеством и стойкостью кубинского лидера. В конце 2006 года Уго Чавес с большим отрывом снова победил на президентских выборах и заявил о строительстве социализма в Венесуэле.

Появился и еще один поклонник Кастро и недруг Соединенных Штатов — Эво Моралес, коренной индеец, президент Боливии. В сентябре 2011 года он посетил Гавану, встретился с Фиделем, нашел его бодрым после тяжелой болезни, три часа беседовал с ним, восхищался его революционными идеями.

Мировую рекламу Фиделю сделал и Диего Марадона, футбольная звезда первой величины. Он объявил себя другом кубинцев и их негибаемого вождя.

Превратить Кубу в пугало не удалось. Было время, когда правители в Латинской Америке послушно поклонялись Вашингтону. Ныне руководители США испытывают головную боль от неугодных им перемен в Латинской Америке. В 2006 году бразильцы переизбрали

президентом известного левого деятеля, популярного профсоюзного лидера Лулу да Силва. А на очередных президентских выборах в 2011 году избрали его соратницу Дилемму Русев. В Никарагуа президентом стал Даниель Ортега, руководитель Сандинистского фронта, боровшегося с оружием в руках против диктатуры Сомосы.

Уж наверное, сильную головную боль вызвал в Вашингтоне визит нашей делегации на Кубу. После долгих лет разлуки Москва и Гавана договорились начать сотрудничество с чистого листа.

Фидель, которому предрекали самое худшее, оправился после сложной хирургической операции. Он регулярно стал передавать для публикации свои размышления о мировых делах. В мае 2012 года Фидель выступил с приветствием к нашей стране-победительнице по случаю парада на Красной площади. Как сообщила газета «Советская Россия», Фидель выразил восхищение мощью нашей армии. По мнению 85-летнего политика, представленная в Москве военная техника показала «впечатляющую возможность Российской Федерации дать адекватный и разнообразный ответ», а парад стал «самым организованным и бравым действием».

ЧАСТЬ

ВОЙНА, ВОЙНА...

ЗЛОВЕЩАЯ ФИГУРА

С чего бы это вдруг наше перестроечное телевидение показало документальный фильм о Троцком! Удивительно! Известинская телепрограмма анонсировала фильм как: «Лев Троцкий — одна из самых зловещих фигур в истории России XX века. С его именем связаны ключевые акты трагедии Российского государства — так называемая пролетарская революция, катастрофический Брест-Литовский мир, Гражданская война, красный террор и разграбление страны. Авторы используют уникальные материалы и зарубежные исследования».

Вот как!!! Поразительно. Фильм показали в праздничный день 23 февраля 2007 года — День защитника Отечества (ранее День Красной Армии). Кинолента начинается с событий весны 1917 года, когда был свергнут Николай II. Находящийся в эмиграции в Нью-Йорке молодой Лейба Бронштейн, взявший в качестве псевдонима фамилию начальника тюрьмы полковника Троцкого, у которого отсидживал срок, поспешил в Петербург. Он быстро получил американский паспорт и транзитные визы при содействии полковника Хауса, советника тогдашнего президента США Вудро Вильсона. Троцкий навестил русского консула и решительно потребовал у него документы на въезд в Россию. Вместе с супругой Н. Седовой и несколькими соратниками отплыл на комфортабельном пароходе из Нью-Йорка. Спрашивается, на какие средства он купил дорогостоящие билеты на длительное путешествие через Атлантику? Кстати, из каких источников он получал доллары, когда жил в приличной нью-йоркской квартире, на аренду которой явно не хватало его гонораров от статей в местной прессе?

В Галифаксе (Канада) пароход сделал остановку. Троцкого допросила полиция, обнаружила при нем 10 тысяч долларов. В Англии Троцкого сняли с парохода, продержали более месяца. А в это время в прессе муссировалась сенсация, что задержан немецкий шпион с 10 тысячами долларов.

Лев Давыдович прибыл в русскую столицу в мае 17-го. На партийной авансцене главенствовал Ленин, также вернувшийся из эмиграции. Он выступил со знаменитыми апрельскими тезисами, с призывом свергнуть Временное правительство. При посредничестве Я. Свердлова Ленин и Троцкий встретились впервые после четырнадцати лет острой полемической борьбы. Причем часто оба в обвинениях прибегали к ругательствам. Так, Ленин назвал Троцкого политической проституткой, предателем Иудушкой. Теперь же они сошлись на платформе необходимости вооруженного восстания.

Октябрь 17-го ярко описал известный американский журналист левых взглядов Джон Рид в своей небольшой книжке «Десять дней, которые потрясли мир». Рид встретился с Троцким за две недели до восстания. Троцкий увлеченно посвятил его в идею перманентной революции. Джон Рид посещал один митинг за другим — на заводах, в казармах. И всюду видел блестящего оратора Троцкого, названного Ридом героем «Десяти дней», фейерверком революции, а Ленин, руководивший восстанием в штабе в Смольном, лишь упомянут в книге Рида; остальные вожди революции и вовсе остались вне внимания автора.

В первом ленинском правительстве Троцкий занял первостепенный пост наркома по иностранным делам. Он сразу же вызвал бурю в капиталистическом мире, отдав распоряжение опубликовать тайные договоры царского правительства. Затем он выехал в Брест-Литовск во главе делегации на переговоры о мире с Германией. Известно, что он саботировал свою миссию, провозгласив лозунг «Ни мира, ни войны».

Авторы показанного фильма раскрыли две тайны, можно сказать, чудовищные. Первая — перехваченная русскими жандармами шифровка от одного из столпов Уолл-стрит миллиардера Моргана о посылке русским революционерам... миллиона долларов. Вторая сенсация: телезритель видит карту России, расчлененную на несколько частей — Сибирь, Украина, северо-восток нашей страны. Она хранится в американских госархивах. Эта карта — плод замысла президента Вудро Вильсона и его подручного полковника Хауса. Последний хвастал, что карта была разработана с президентом за несколько часов.

В конце концов Троцкого отозвали с переговоров. Был подписан прозванный позорным мирный Брестский договор, по которому Германия получила еще больше российской территории и денежной контрибуции.

В фильме представлены копии секретных документов Госдепартамента и других западных спецслужб. Их комментируют американ-

ские историки. Авторы фильма документально показали, что с именем Троцкого связано разграбление страны, утечка золотого запаса России в сейфы морганов. Так, Троцкий был по совместительству наркомом путей сообщения. Якобы под полный износ паровозного парка решено было приобрести новые паровозы в Швеции. Но она не имела соответствующего производства, хотя запросила аванс золотом. Телезритель видит, как царские золотые слитки и монеты отправляются в Швецию, там переплавляются и отсылаются в США.

Бесперывные оппозиционные атаки привели Троцкого к исключению из ЦК и партии, а затем и к высылке за границу. Ни одна из стран Запада, в том числе США, не согласилась предоставить Троцкому убежище. Он иммигрировал в Мексику, хотя путь туда был далеким — через Гавану. Кто-то оплатил дорогу и перевозку его архива. Кто-то купил ему роскошную виллу в богатом районе мексиканской столицы Койоакане.

Я девять лет находился в Мексике корреспондентом «Известий» по латиноамериканским странам. Разумеется, в мои обязанности не входило, да и не имел времени изучать жизнь Троцкого в стране ацтеков. Но волей-неволей сталкивался со следами пребывания Троцкого. Так, посетил на севере, близ границы с США, поселение наших земляков — молокан, бежавших туда от царских гонений. Я спросил стариков: «Не тянет ли на родину? Ведь царя нет. В СССР нет преследований на религиозной почве». Ответ меня озадачил: «А наша родина — кавказский город Карс. По Брестскому договору он отошел к Турции». Вспомнилось троцкистское предательское «Ни мира, ни войны».

В показанном по ТВ фильме, да и согласно исследованиям некоторых историков, известное ленинское завещание было инициировано Троцким. Ибо Ленин был при смерти, не мог диктовать, лишь стонал. Текст завещания отличается от манеры письма Ленина. Но Троцкий с этим не согласен. Он пишет в своей объемистой книге «Моя жизнь», что «бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу».

На столе в кабинете Троцкого можно видеть стопку «Бюллетеня оппозиции», издававшегося им же. Они полны хулы на Советскую страну. Некий катехизис клеветы — идейное подспорье троцкистов за рубежом. Бюллетень издавался в Нью-Йорке, на Юниверситиплейс, 116. Туда же Троцкий отсылал свои пламенные речи для митингующих троцкистов.

Троцкий энергично боролся за установление контроля в Коминтерне. На странице 305-й автор «Моей жизни» хвастает, что ни-

когда не прекращал раскольническую деятельность. Он стал серьезной угрозой коммунистическому движению. В Москве решили его убрать. Голливуд поспешил снять фильм об убийстве Троцкого, в нем играли «звезды»: Троцкого — Ричард Бартон, а его убийцу — Ален Делон. Я видел этот фильм в Мехико.

Просматривая архивы на вилле в Койоакане, я не нашел и намека, что Троцкий был связан с хозяевами банков Уолл-стрит. Для меня и миллионов наших телезрителей фильм стал сенсацией. Тайное стало явным для миллионов россиян.

Приведенные в фильме обвинительные факты из карьеры Троцкого были давно известны за рубежом. Так американский исследователь Энтони Сатон издал в 1974 году книгу с красноречивым названием «Уолл-стрит и большевистская революция». Книга Сатона в русском переводе вышла в 1998 году мизерным тиражом — две тысячи экземпляров.

Значительную часть книги занимают приложения — важные документы, а также пространное послесловие известного историка Михаила Назарова, издателя русского перевода труда американца. Назаров посвящает читателя в закулисное могущество группы финансистов Уолл-стрит Якова Шифа и других евреев. Они распространили свою деятельность далеко за пределами США, во всем мире. Философ А. Ильин окрестил их «мировой закулисой». Она финансировала спешное путешествие Троцкого из Нью-Йорка в бурлящий Петроград 1917 года. С его помощью «мировая закулиса» рассчитывала устранить господство царского самодержавия — препятствие для закабаления России. На русские богатства зарилась и Германия. Она надеялась, что социал-демократы, профессиональные революционеры выведут Россию из Первой мировой войны. Освободившиеся немецкие войска снимут с Восточного фронта и переправят на Запад против войск Франции и Англии. Германский Генштаб задумал и осуществил с помощью своих агентов проезд из европейской эмиграции через Германию большой группы революционеров. Всего было три поезда, получивших в историографии общее название «пломбированный вагон». А в собственно «ленинском вагоне» ехали сам Ленин и около тридцати его единомышленников. Завезенные в Россию революционеры, в основном еврейской национальности, и стали организующим ядром будущей Октябрьской революции.

Авторы фильма о Троцком, что показал канал «Россия», проделали серьезную и кропотливую работу, использовали важные источники из архивов Госдепартамента, американского конгресс-

са, свидетельства американских историков, исследования многих американских фондов и центров. Над подготовкой фильма работала большая группа наших специалистов, включая сценаристов, режиссеров, операторов, редакторов, переводчиков, текстовиков, дававших пояснения к сменявшим друг друга на телеэкране сюжетам, свидетельствам.

Лишь один раз они упомянули о еврейской диаспоре в Нью-Йорке в связи с приездом туда Троцкого. Зато историк М. Назаров посвятил много страниц истории еврейской миграции в России. Мы узнаем, что при Екатерине II разрешили въезд евреев, бежавших от гонений и дискриминации в европейских государствах. Однако их местожительство ограничивалось чертой оседлости в 14 российских губерниях. Им запрещалось занимать важные посты на государственной службе, в армии. Поощрялось занятие земледелием. Но охотников работать на земле среди евреев было немного. Евреям не воспрещалось учиться в университетах, быть банковскими клерками, книгоиздателями, журналистами, музыкантами, художниками. Неудивительно, что евреи, будучи просвещенными людьми, создавали марксистские партии. Мы узнали об этом из первых глав Краткого курса истории ВКП(б). Кстати, Карл Маркс, написавший работу «К еврейскому вопросу», был внуком раввина.

Короче, как пишет историк Назаров, в Советской России евреи прибрали к рукам «банки и печать». Троцкий, став вторым лицом в государстве, расставлял своих соплеменников во время Гражданской войны на посты командующих фронтами, командиров армий, дивизий, штабов, на Лубянку в ЧК.

Ленин провозгласил честный, отнюдь не популистский лозунг «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!». Надо признать, что крестьянско-рабочий люд не мог стать управляющими банками, заводами. Они были в лучшем случае полуграмотными. Моя мать, внучка крепостной, окончила четыре класса церковно-приходской школы.

Историк Назаров подчеркивает, что западные державы помогали Сталину, ставшему после смерти Ленина у руля государства, осуществлять индустриализацию. Мы расплачивались золотом за поставки машин, тракторов, оборудования для промышленных предприятий. ДнепроГЭС строился под руководством американских инженеров. Соединенные Штаты переживали тяжелые времена, глубокую экономическую депрессию. В СССР выезжали рабочие и специалисты, лишившиеся работы.

До войны с гитлеровской Германией СССР активно перевооружал свою армию, закупал за границей, в том числе в Германии,

первоклассное современное оружие. Я был свидетелем закупок у немцев боевых самолетов. В авиаполк воздушных разведчиков я прибыл летом 1941 года и увидел у взлетной полосы бомбардировщик «Доронье» и еще два бомбардировщика. Они были куплены в Германии до войны. Наши авиазаводы стали выпускать «лаги», «яки», «миги», смело вступавшие в бой с немецкими «мессерами». Гитлеровцы продавали свои лучшие боевые истребители, рассчитывая, что «лапотная» Россия не сумеет их скопировать. Видный конструктор Яковлев побывал в Германии на авиастроительном заводе, где его пытались запугать показом новейшего истребителя «Фокке-Вульф-160». Не получилось. «Фоккер» появился в нашем небе только зимой 43-го года и не показал превосходства над «яками».

Вспомним, что мы создали штурмовик «Ил-2», прозванный гитлеровцами «летающая смерть». Вспомним легендарную ракетную установку «Катюша», которую гитлеровцы не смогли скопировать. Вспомним танк «Т-34», быстроходный, маневренный, хорошо бронированный. Мой полк, в котором прослужил все четыре года войны, был вооружен скоростным пикировщиком конструкции Петлякова «Пе-2». Он не уступал в скорости «юнкерсу» и от атак «мессеров» уходил крутым пикированием, имел хорошие моторы, строившиеся по французской лицензии. Он был запущен в серийное производство в 1940 году.

РАЗВЕДЧИКИ

В октябре 1940 года старшина-приемщик в авиаучилище в Ленинграде аккуратно складывал наши чемоданы. И, выдавая новенькие гимнастерки, приговаривал, что мы вернемся за чемоданами года через два, по окончании училища, и нам будет разрешено носить гражданские костюмы. Но он едва ли верил в то, что говорил. Он, как и многие из нас, ждал войны. И все же она разразилась неожиданно.

Разведывательный авиаполк, куда я был направлен, сплошь состоял из загадочных капризных «пешек» (так потом «технари» прозвали в общем-то неплохой самолет «Пе-2»). На его освоение нам дали... одну неделю. Из этой недели один день мы тушили горящие вагоны с гречневой крупой на Белорусском вокзале, подожженные в первую бомбежку Москвы 22 июля. Другой день стояли на карауле. За оставшиеся пять дней мы успели лишь узнать, как заправлять бомбардировщики, — и... на фронт.

На вооружении полка также находился несколько измененный «Пе-3» — вариант истребителя-перехватчика. Сколько пота, обмо-

роженных пальцев, сколько нервов стоил этот «Пе-3», первая моя машина, на хвосте которой я сам вывел белым единицу. На ней сменили шесть моторов, а неисправным оказался фильтр противопожарной системы, о котором мы и не слыхивали. Обнаружили, разбирая винтик по винтику.

У наших летчиков была особая работа. Она не терпела романтики и лихачества. Вылетали днем, в хорошую погоду. В одиночку. На высоте 6—7 тысяч метров пролетали в тылу врага над аэродромами, железными дорогами, укрепленными районами и фотографировали их. Люди с плохими нервами в воздушные разведчики не годились. Еще до подхода к цели по самолету начинали бить зенитки, поднимались навстречу истребители. Бомбардировщик и тот может маневрировать, менять высоту, курс, когда попадает под зенитный огонь. Разведчик — ни-ни. Он словно по команде «смирно!» должен пролететь. Ведь легкий крен приводит к тому, что фотоаппарат оказывается смещенным в сторону. Выходит, зря залез в пекло из огня и стали. Горячая голова тоже не нужна воздушному разведчику. Ему запрещено вступать в бой с истребителем. Позорно не позорно, а его задача — при первой же опасности уходить от врага. Он обязан вернуться с разведанными. Строго наказывались те, кто вступал в бой, даже если сбивал «мессершмиттов». И наоборот, героем эскадрильи стал летчик Власов, который удрал-таки от фрицев и, раненный, привел самолет на аэродром.

Мелак и другие мои летчики, завидев «мессершмита», обычно пикировали и уходили от врага на бреющем полете. Однажды летчик по прозвищу Петюнчик тоже прошелся на бреющем. Никто об этом лихачестве не узнал бы, если бы он не прилетел без... крыла. Сказал, что гнались за ним фрицы, на выходе из пике малость саданул крылом кудрявую. Вот и все! Командир эскадрильи тут же объявил ему благодарность. А позже выяснилось, что не было никаких фрицев. От великой радости оттого, что впервые выполнил боевое задание, промчался Петюнчик над лесом и задел березу. Его должны были судить, но судьба распорядилась иначе. Вскоре он полетел на очередное задание на моем втором самолете и не вернулся. Последняя его радиограмма гласила: «Перешел линию фронта. Все в порядке».

Мой новый самолет с белой тройкой на хвосте тоже жил недолго. Кстати, последняя телеграмма, переданная с его борта, состояла из тех же самых слов: «Перешел линию фронта. Все в порядке». Передал ее Герой Советского Союза Валентин Сугрин. Если в истории с Петюнчиком совесть моя была спокойна, то на этот раз я переживал смятение в душе. Дело в том, что Валентин летел домой

над своими. Значит, подвели моторы! Поздно ночью явились Сугрин, штурман и стрелок. Забинтованные. Да, они перешли линию фронта. Да, все было в порядке. Задание выполнили на «отлично». На радостях решили дать кружок над горящим Витебском (с его освобождением началась знаменитая Белорусская операция в июне 1944 года). Сколько месяцев наши разведчики следили за этим городом, сколько потеряли экипажей, фотографируя эту крепость. И вот она пала. Как не радоваться? Только в центре Витебска еще отстреливались недобитые зенитчики. И полоснули по Сугрину. Моя третья «пешка» вспыхнула как свечка. Хорошо, что спланировали к своим.

Но я не рассказал о конце моего первого «Пе-3». На нем летали многие прославленные летчики, некоторые, как Е. Мелак и А. Попов, стали Героями Советского Союза, первыми героями в нашем полку. Когда зимой 1942/43 года после тяжелых двухмесячных полетов на разведку в эскадрилье остался один экипаж Мелаха, из главного штаба пришла телеграмма: «Боевые вылеты прекратить. Беречь опытные кадры». Весной прибыло пополнение: молоденькие младшие лейтенанты, летчики и штурманы — худенькие и низкорослые. Не чета статным опытным летчикам первого года войны. Среди них летчик Иван Голубничий и штурман Юрий Дерябичев. Во время одного из учебных полетов они, тогда неопытные птенцы, заблудились и сообщили: кончается бензин, садимся на запасной аэродром. Какой — сообщить не успели. Сутки прошли — нет ребят. Мой легендарный «Пе-3», сделавший свыше ста боевых вылетов, находился в это время вроде в отпуске, а возможно, его хранили как редкий случай самолетной живучести. Я и мои мотористы, вымотавшиеся за два месяца, заслуженно отсыпались. И вдруг приказ: «Готовь машину!» Полетел сам командир эскадрильи на розыски Голубничего. Он облетел несколько аэродромов, сел и взлетал много раз. «Пешка» — капризный самолет, особенно при посадке, скорость у него больше, чем у истребителя. И вот к вечеру пришла страшная весть: при посадке мой «Пе-3» разбит на кусочки. А командир? Цел, как в авиационной поговорке: самолет — в дым, экипаж невредим.

Я хоронил его, мой первый дорогой самолет, — сдавал по акту все его переломанные косточки на переплавку. А что стало с Голубничим? Он прилетел с запасного аэродрома, когда «Пе-3» вылетел его разыскивать. Голубничий и Дерябичев стали потом моими друзьями, летали на втором моем самолете, получили высокие награды. Звание Героя Советского Союза Валентин Сугрин получил, летая на моем четвертом самолете. Кроме белой «4» на его фюзеляже

Юрий Дерябичев, отличный художник, нарисовал орден Красного Знамени и гвардейский значок. Моя «четверка» дожила до победы. Ее сдали в учебный полк, когда наша часть перевооружалась.

Итак, четыре года войны — четыре самолета. Может быть, это прозвучит наивно, но я любил их, как любят девушку. Я писал им стихи и могу доказать, что это так, — некоторые напечатаны во фронтовой газете, где работал М. Исаковский. Я любил их за красивые, стройные фигуры и вечные капризы. Не верите? А я уверен в этом. Ведь грозное время войны совпало с моей молодостью.

В марте 2009 года вышла книга о моем родном полке. Называется очень хорошо — «Под знаменем гвардии». В ней отражен боевой путь однополчан в годы Великой Отечественной войны, а также освоение реактивных самолетов в мирное время. Книга — энциклопедия 47-го гвардейского, скрупулезное перечисление всех летчиков и других авиаторов: их фамилии, имена и отчества, воинские звания. Всех живых и... мертвых. В книге список почти 300 однополчан, которые либо погибли, либо пропали без вести за четыре года войны.

Мне приятно, что я неоднократно упомянут в книге «Под знаменем гвардии» как автор книг «Воздушные разведчики» и «Один в небе воин». Помещены отрывки из глав о Героях Советского Союза и рядовых экипажах. С улыбкой рассматривал мои фронтовые фото — с баяном, в гимнастерке с петлицами. Полностью воспроизведена моя «Песня авиационного механика». Песня предваряется неким извинением: «Немало рассказано на предыдущих страницах этой книги о подвигах славных героев-разведчиков. И совсем немного о наземных тружениках-работягах: инженерах, техниках, механиках... Расскажем о них стихами нашего однополчанина-фронтвика, гвардии старшего сержанта Владимира Силантьева».

В книге «Под знаменем гвардии» говорится, что я «впоследствии журналист-международник, автор книг и многих публикаций о славных воздушных соколах». И еще: «Силантьев — разносторонний активный комсомолец. Прекрасно звучал в его руках аккордеон. Отличный механик, был певцом, танцором, музыкантом и даже композитором». Однополчане вспомнили, что на фронте я сочинил музыку и слова к лирическим песням «Весна», «Далеко-далеко», «На перроне, на вокзале в бой любимых провожали». В песне про авиамеханика есть такой куплет:

Еще не успел я назвать никого дорогою.
Мне некогда было на фронте мечтать и любить.
Мне спать приходилось в обнимку с окопной землею,
Чтоб только наутро усталым и сонным не быть.

Уточню, что звал «дорогою» мою любимую первую «пешку». После нее обслуживал еще четыре винтомоторных самолета. А в мирное время на смену пришла реактивная авиация. Полк вооружили «мигами». Они были в строю сорок лет. Но очаровать меня, «однолюба», не могли. «Миг» — не аэроплан, а летающий ящик. Крылья срезаны, кили кривые, к фюзеляжу крепятся два ящика — сопла реактивного двигателя. В полк поступили «Су-24», прозванные механиками «сушки». У них сопла прямоугольные, туловище толстое, длиннее, а я толстых девчонок еще в школе не любил.

КТО ПРОШЛЯПИЛ НАЧАЛО ВОЙНЫ

Меня и моих однопольчан в ходе войны волновали мысли о том, по чьей вине к полудню 22 июня на наших западных аэродромах была почти полностью уничтожена советская авиация? Около полутора тысяч самолетов. Большинство из них не смогло взлететь. Командир моего разведывательного полка Трофим Тюрин назвал этот катастрофический день «воздушной мясорубкой». Ему, летчику-истребителю, удалось взлететь, вступить в бой, но он был сбит. Тюрин рассказал, что они вместе с командующим авиацией Белорусского особого округа Кравцом в канун войны наметили полевые аэродромы для рассредоточения самолетов со стационарных аэродромов. Но не успели. Прошляпили. Более того, не выполнили директиву министра обороны маршала Тимошенко, который дважды отдавал приказ рассредоточить авиацию, машины маскировать, а взлетно-посадочные полосы закрасить в цвет местности.

Прошляпили и командиры сухопутных войск. Более трети дивизий, которые, согласно стратегическому плану, должны быть выдвинуты к границе, не прибыли. Тысяча танков, сосредоточенных в пограничных районах, не сдвинулись с места, так как не были заправлены топливом. Оно должно быть доставлено из... Баку.

Вина за типичное русское разгильдяйство полностью ложится на тогдашнее военное руководство. В первую очередь на командующего Особым округом генерала армии Павлова и его штаб. В субботу, 21 июня, он провел вечер в... театре. Ему доложили, что летчик-разведчик на «небесном тихоходе» «У-2» облетел границу, делал посадки и получал от пограничников сведения о скоплении гитлеровских войск у границы. Генерал армии Павлов выслушал тревожные сообщения, но театральную ложу не покинул и указаний не дал.

А что же Сталин, на которого посыпались обвинения за то, что проморгал внезапное нападение? Ведь кто только не передавал ему донесений о сроках нападения Гитлера. Свои разведчики в Берлине, «друг» Черчилль, знаменитый Рихард Зорге — тот якобы сообщил из Токио точную дату вторжения. Из поднятых архивов Зорге, хранящихся на Лубянке, упомянутой шифрограммы, впрочем, не обнаружено.

И все же, где был Сталин? Документы свидетельствуют, что генсек доверился своим маршалам и генералам. Их профессионализму, их добросовестности, ответственности и полководческим талантам. И глубоко ошибся. Историки из числа объективных считают, что Сталин впервые столкнулся с русским разгильдяйством. Почтите его речи и приказы времен Великой Отечественной войны, и вы обязательно найдете это словечко — «разгильдяйство». К нему добавлялось «пора кончать с настроениями мирного времени».

И все же?! Не он ли ослабил бдительность солдат и командиров, строго приказывая не поддаваться на провокации гитлеровцев? Хотя они нагло нарушали наши границы, беспрепятственно летали над нашей землей. Один ас долетел до Москвы и сел на Центральном аэродроме. Он доставил «личное послание» Гитлера Сталину. В послании, однако, ничего, кроме общих фраз, не содержалось.

Сталин, возможно, поверил бы фотографиям о готовившихся к нападению гитлеровцах. Эти фотодокументы могли доставить летчики-разведчики моего родного полка. Достаточно было одному самолету пролететь от Балтики до Черного моря и заснять все траншеи, окопы, спрятанные в кустах танки, замаскированные вражеские пушки. Но этого не случилось. К 22 июня 1941 года не было у Красной Армии такого полка. Его создали лишь в августе. Дело это было новое. В первые недели войны Ставка доложила Сталину о сдаче немцам Брянска. Сталин засомневался в достоверности этой тревожной новости. Распорядился послать разведчика моего полка слетать в Брянск. Им был Александр Романов, будущий замкомандира 47-го. Вернулся, доложил: да, в Брянске немцы. Сталин попросил соединить его с летчиком и спросил: «Вы уверены, что слетали в Брянск, а не в другой город?» — «Товарищ Сталин! — отрапортовал Романов. — Я много лет жил в Брянске и знаю все его улицы. В центре я видел танки со свастикой». Сталин повесил телефонную трубку. Романов был награжден орденом. Кстати, второй раз Сталин вспомнил о нашей разведчасти, когда подписывал приказ о присвоении нам гвардейского звания.

А что мог бы предпринять Сталин, получая донесения, которые подтверждали сосредоточение гитлеровцев у наших границ нака-

нуне войны? Нанести контрудар? Ведь в Генштабе разрабатывали план превентивного удара по фашистской Германии. То была бы не просто ошибка, а катастрофический просчет. Командованию Красной Армии было ясно, что враг превосходит в вооружении, а главное — имеет многолетний опыт ведения войны, отлично оснащенную армию. В случае нашего наступления весь буржуазный мир заклеил бы Советский Союз как агрессора, а Гитлера назвал бы жертвой большевистской агрессии. Ведь все десятилетия после Великого Октября на Западе столько пугали «мировой революцией» большевиков. К счастью, в Москве были не только горячие головы, но и трезвомыслящие политики и полководцы. Американский посол в Москве Дж. Дэвис в канун начала Второй мировой войны сообщал в Вашингтон президенту Рузвельту об успешной дипломатии Кремля. Он одобрял пакт Молотова—Риббентропа как шанс отсрочить нападение гитлеровцев на СССР и получить почти два года для укрепления Красной Армии. Посол рапортовал своему президенту, что был на судебном процессе в Москве и считает суровый приговор врагам народа заблаговременной ликвидацией «пятой колонны». Рузвельт обратился к продюсерам Голливуда снять фильм на основе сообщений посла. Фильм был подготовлен. Однако консерваторы заклеили его как «красную пропаганду», и фильм не получил распространения в прокате.

Сколько бы ни ругали антисталинцы пакт Молотова—Риббентропа, но он и так называемый протокол к пакту сыграли огромную роль в расстановке главных игроков в мировой войне. Две западные державы, Англия и Франция, и позднее США объединились вместе с СССР и создали антигитлеровскую коалицию. Советский Союз, согласно секретному протоколу, восстановил свои западные границы по линии Керзона, установленной еще Версальским мирным договором.

В Москве понимали, почему Гитлер легко пошел на уступки Москве, отдав Прибалтику, Западные области Украины и Белоруссии, а также Бессарабию. Гитлер устроил нам ловушку. Его генералы уже разрабатывали план «Барбаросса» — план нападения на СССР, намечали его сроки. Разглядывая карту наших западных областей, нетрудно заметить широко разветвленную сеть шоссейных и железных дорог. Моторизованные и танковые дивизии вермахта преодолели их за считанные недели. Вышли к Ленинграду, Минску, Смоленску. Мы не успели укрепить нашу новую западную границу за отведенные полтора с лишним года «перемирия» благодаря пакту Молотова—Риббентропа. Более того, на пространстве в 300 километров, где создавался новый Северо-Западный военный округ, об-

разовалась брешь. К началу войны 22 июня 1941 года командование округа не имело связи с соседями — Ленинградским и Белорусским округами. Удалось лишь 22 июня связаться с Генштабом в Москве, причем через почтовые отделения Литвы. Не удалось укрепить 300-километровую брешь мощными крепостными орудиями, сняв их со старых укреплений в районе Минска. Снять-то сняли, но не доставили на новое место. Словом, многих можно назвать, кто прошляпил начало войны.

Сталин, конечно, был у руководства страной и несет главную ответственность за все трагическое, что произошло. Однако, по мнению объективных историков, он не виновен в разгильдяйстве высшего военного состава армии, Генштаба, Министерства обороны. Несмотря на тяжелейшие потери 1941 года, этот год значителен неимоверным трудом железнодорожников, успевших перебазировать военные заводы в глубокий тыл. Это год массового героизма монтажников, сварщиков, землекопов и станочников. Они снабдили Красную Армию оружием, что позволило разгромить фашистов под Москвой.

Известен тост Сталина в честь русского народа, произнесенный в победном 45-м. В нем были слова глубокой благодарности своему народу и одновременно извинение за трагические просчеты. Сталин признал: у правительства было немало ошибок, были моменты отчаянного положения, когда армия отступала. Иной народ мог сказать руководителям: вы не оправдали надежд, убирайтесь прочь! Но русский народ пошел на жертвы, оказав доверие советскому правительству. Это доверие стало решающей силой в обеспечении исторической победы над фашизмом. «Спасибо русскому народу за это доверие!» — закончил тост Верховный главнокомандующий.

Сказанное Сталиным, конечно, относилось и ко всем другим народам и народностям. Мои однополчане понимали это, и не были в обиде мои товарищи: штурман казах Нурписов, механик белорус Стефанович, летчик еврей Мелах, штурман украинец Яшук, стрелок-радист башкир Кашафундинов и все-все, кто добывал нашу Победу, верил, что и на нашей улице будет праздник.

ВОЙНА МОТОРОВ

Мы все нуждаемся в исторической справедливости. В связи с этим интересно высказывание В. Путина, сделанное им в конце 2009 года. Он подчеркнул, что Сталин — противоречивая фигура, эпохе его правления нельзя дать однозначную оценку.

Но самого вождя не стоит «забрасывать камнями». С 1924 по 1953 год страна, которой руководил Сталин, изменилась коренным образом. Она из аграрной превратилась в индустриальную. И далее: «Мы выиграли Великую Отечественную войну. Кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута. Даже если мы будем возвращаться к потерям, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовал и стоял во главе этой победы, потому что, если бы мы проиграли эту войну, последствия для нашей страны были бы гораздо более катастрофическими. Даже трудно себе представить».

Еще задолго до Второй мировой войны видные политики и военные эксперты за рубежом, да и наше высшее руководство считали, что будущая война будет «войной моторов». В мое юношеское время на киноэкранах появился чудесный фильм «Трактористы». Он покорила меня бодрой песенкой «Три танкиста, три веселых друга» и маршем «Броня крепка... Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...» и, конечно, содержанием — готовься к войне! По радио звучал марш авиаторов: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор». А чаще повторяли: «Если завтра война... весь советский народ как один человек за свободную родину встанет». Тем временем строились авиа-, танковые, тракторные заводы. На это нужны были большие средства.

Меня до сих пор удивляет фраза Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Купили за границей комедию Чарли Чаплина «Новые времена», а также роскошный увлекательный фильм «Большой вальс» о жизни и творчестве композитора Иоганна Штрауса. Да и своим фильмом-комедией все были довольны, смотрели по нескольку раз. Это «Веселые ребята» с Утесовым и Орловой. В школах создавались любительские джаз-оркестры. Нас учили танцевать танго и фокстроты. Мы поклонялись Вадиму Козину, тенору Виноградову, Изабелле Юрьевой.

Я думаю, руководство страны посчитало так: пусть ребята повеселятся, ведь завтра наденут солдатские шинели. Помнится, смотрел скучный фильм «Член правительства» с участием Марецкой. В коридоре кинотеатра ее героиня встретила Сталина и спросила: «Будет ли война?» Он долго молчал и сказал: «Будет...»

Наступление гитлеровцев было вероломным. Красная армия отступала в условиях превосходства гитлеровских моторизованных дивизий. Они вклинивались в нашу оборону на танках, гусеничных самоходках-пушках, а пехота — на мотоциклах. Тогда как советский пехотинец имел на вооружении винтовку старого образца, гранату, ручной пулемет.

Колонны гитлеровцев на оккупированных наших землях на северо-западе застопорились у болот Волхова, Новгорода, Старой Руссы, Осташкова. Там моторизованная военная машина забуксовала. И оставалась на этих болотистых просторах вплоть до 1944 года, когда фашистов погнали вспять. Западные военспецы да и наши генералы опасались, что мы не выдержим нового летнего наступления гитлеровцев. На Западе упорно доказывали, что Москву от захвата спас «генерал Мороз». Ранняя зима, заснеженные дороги, лютые морозы, когда не работало синтетическое топливо для «юнкерсов». Летняя компания 1942 года была повторением 41-го года. Гитлеровцы устремились к Сталинграду, и снова зима сковала их действия.

Однако следующее лето, 1943 года, оказалось для нас победным. Наши заводы, своевременно перебазированные на восток страны, наши труженики тыла оснастили Красную Армию так, что она превосходила по всем статьям врага: по числу танков, орудий, «бомберов» и истребителей. Блестяще воевали установки залпового огня «Катюши» и самолеты-штурмовики «Ил-2». Советские люди ликovali, узнав о разгроме немцев на Курской дуге. Тогда впервые небо Москвы раскрасил красочный салют в честь наших воинов. Они погнали хваленые моторизованные дивизии немцев на Запад, сотни тысяч наших солдат сложили головы за освобождение Прибалтики, Пруссии, Польши, Чехословакии и за взятие Берлина.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОССИЯ

В преддверии нового 2010 года сенсационно закончилось турне Государственного академического ансамбля песни и пляски имени Александрова в Риме. Глава католической церкви папа Бенедикт пригласил артистов в солдатской униформе под своды величественного собора Св. Петра выступить с классической программой, обязательно включив «Калинку» и «Соловьи, не тревожьте солдат!».

Коллектив Игоря Моисеева объездил многие страны со своими прекрасным репертуаром. Сегодня живет и процветает старейший хор имени Пятницкого. Подмостки лучших зарубежных сцен украшают своим искусством баритон Дмитрия Хворостовского, а также обворожительная красавица, певица мирового уровня Анна Нетребко. В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» в октябре 2009 года она поведала о своем творчестве и личной жизни:

«Меня коробит то, что о нас пишут в зарубежных газетах... Например: “В августе 2008 года Россия попыталась уничтожить свободную Грузию и мужественного демократа Саакашвили”. А вот

последние “перлы”: “СССР наравне с Германией виновен в развязывании Второй мировой войны”.

К большому сожалению, многие события в самом деле освещаются в западных СМИ однобоко, превратно. Я всегда однозначно за Россию и нападки на свою страну воспринимаю крайне негативно. Если сталкиваюсь с этим, всегда спорю, защищая наши позиции.

Несмотря на все нападки, сегодня на Западе к нашей стране уважение растет. Всегда смотрю новости. И мой папа, он живет в Краснодаре, просвещает меня по всем важным вопросам — он у меня тоже патриот. Знаю, что сейчас у нас разворачивается кампания по борьбе с алкоголизмом. Это действительно очень большая проблема. Я не политик, но думаю, что нашим людям не о вреде водки говорить нужно, а просто дать хорошую серьезную работу. Они заслуживают этого. Если народ будет работать и получать за это достойные деньги, у него появятся совершенно другие приоритеты и напиваться просто не захочется.

Каждый раз, когда приезжаю в Россию и общаюсь с русскими людьми, выдыхаю: я вернулась к чему-то родному. Этот патриотизм у меня появился тогда, когда стала жить за границей. Большую часть года нахожусь там. Часто возникают щемящие, острые чувства тоски по России, гордость за ее достижения. А когда я пою русскую музыку, вдруг что-то необъяснимое охватывает мою душу. Это трудно объяснить словами...

Я и в еде патриотка. До сих пор русская еда для меня — лучшая. Селедка, студень, вкуснящий черный хлеб. Я страшная гурманка. В прошлый раз за 3 дня в Москве набрала 3 килограмма.

Все мои подруги — русские, я жить без них не могу. Так же, как и без нашей публики. Она замечательная, очень отзывчивая и теплая. Зато петь русскую музыку в России сложнее. Потому что ее все знают, у каждого свое “непобедимое” мнение, как она должна быть исполнена. А на Западе... Если бы вы видели, как вели себя зрители на наших концертах в Германии и Австрии. Полнейшая тишина, они впитывали в себя наш русский дух. Это было очень приятно, помогало еще больше раскрыться и найти новые краски.

Поскольку мы поем одно и то же по нескольку лет, действительно можно попасть в плен повторов. Как борюсь? Во-первых, постановки разные, бывает “Травиата” классическая, бывает современная. Всегда стараюсь полностью менять облик и манеры. Во-вторых, конечно, от музыкальных штампов помогают избавляться талантливые дирижеры и партнеры. И все равно певице за этим нужно пристально следить, иначе штампами можно обрасти очень быстро.

Может, мне и завидуют. Но я этого не замечаю, так как концентрируюсь совсем на других вещах. Говорят, у меня положительная энергетика. Действительно, смотрю на жизнь позитивно. Наверное, здесь я пошла в папу. Никому не завидую, у каждого своя судьба. Зависть разрушает человека, разъедает изнутри, не дает возможности сосредоточиться на главном и продвигаться вперед.

Честно скажу: мне было не так-то просто в 37 лет становиться мамой. Я привыкла жить для себя. Мало того, что женщина, так еще и певица! Естественно, вдвойне только для себя жила. Думала лишь о том, как проснусь, как выгляжу. А тут... Появилось маленькое создание. Дети ничему не помеха. Сейчас мне предстоит тур с концертами по Скандинавии. Потом буду петь в “Метрополитен-опера” в новой постановке. Так все время и переезжаю по свету с маленьким сынишкой...»

(Аргументы и факты. 2009. Октябрь.)

Где увидеть пролетариат?

Действительно, есть он у нас еще? Премьер-министр России Владимир Путин в своем выступлении перед профсоюзными деятелями сказал: «Не булжник, а голова и мозги — главное оружие пролетариата!»

Выходит, есть он, этот пролетариат?! Включите телевизор, пощелкайте вперед-назад каналы — круглые сутки реклама и сериалы: пиф-паф (милиейские хроники), сюсю-люлю (фигурно-любовно-танцевальные эпопеи), псевдоисторические парики и не вяжущиеся с ними тексты (хоть бы раз царь Иван Грозный сказал: «Аз есмь!»). Стандартные новости по разным каналам, одинаковые-скандальные шоу, показы мод, под одну гребенку экстремалы с катанием в джинсах по лезвию бритвы, типовое лошадиное ржание над типовыми собственными шуточками пародистов, усталые рассуждения правозащитников и депутатов о свободе парадов для геев и лесбиянок, футбол, хоккей («Россия, вперед!»), интервью ночных жриц, пьяниц, наркоманов... Бывает, конечно, раз в квартал репортаж о маньяке, отбывающем пожизненный срок, раз в месяц показ спившихся теле- и кинозвезд. Разик про НЛО, и даже сюжет о службе в армии с образцовым порядком.

Но вот что напрочь исчезло с августа 1991 года с экранов ТВ — так это понятие о пролетариате. Растворился он, пропал совсем! И действительно, когда в последний раз на экране телевизора показывали токаря, склонившегося над станком, фрезеровщика, набирающего

программу для работы. Или сталевара, кузнеца, сборщика? Всех тех, кто своими руками добывает уголь (показывают только выносы тел после аварий и катастроф), сваривает трубы, регулирует технику, своим трудом создавая богатства России. Но политики и политологи твердят о «рабочей силе», о «трудовых фондах», словно речь идет о чем-то безликом и неодушевленном, а реальная ситуация еще хуже, когда всплывают факты прямо-таки рабовладельческих отношений, которые навязывает работодатель.

(Ракитский А. // Ижевск. Известия. 2009. Август.)

Ностальгия по-советски

Несмотря на то что население в целом приноровилось к жизни по-капиталистически, в стране не спадает ностальгия по «советскому образу жизни». В том числе и в сфере культуры.

Телевидение активно эксплуатирует это обстоятельство. При кризисном сокращении съемок новых фильмов и сериалов, рассчитанных на широкую аудиторию, на телевидении вовсю крутят старые советские ленты.

На днях демонстрировали «Волгу-Волгу» — один из самых талантливых образцов советского агитпропа. В фильме есть все, что соответствовало лозунгу «Искусство принадлежит народу».

Средний по возрасту и по доходам пласт населения (а это основная масса россиян) практически полностью выпал из культурной жизни. Прежде всего из-за финансовых ограничений. За последние 15 лет цены на билеты в театры и на концерты выросли в сотню раз. В Москве и областных центрах (если у местных властей хватает ума) еще поддерживаются очаги доступной культуры. Но в десятке километров от больших городов идет настоящее культурное опустынивание.

Погоня за рентабельностью и сверхдоходами привела к почти полному «сбрасыванию» не только социальной, но и культурной сферы. Закрыты тысячи рабочих клубов, где наши «старики и старушки» могли незатейливо попеть и поплясать и где «мальчишки и девчонки» могли приобщиться хотя бы к азам культуры. Ведь в первые годы дикого капитализма на месте кинотеатров, клубов и выставочных залов размещались казино, салоны игровых автоматов, бутики.

В силу бедности доступ населения к культуре сегодня ограничивается главным образом телевидением. Но именно здесь царят пошлость и культурное убожество. Такое впечатление, что суть массовой телевизионной политики сводится к двум лозунгам — «Разбуди

в себе идиота» и «Совокупляйся или умрешь от скуки». Ну и, конечно, убийства, убийства.

(Аргументы и факты. 2009. Октябрь.)

Прозрел

Даниил Гранин, известнейший прозаик, патриарх нашей литературы и... в постсоветское время активный хулигатель советского образа жизни, вдруг прозрел. В просторном интервью газете «Известия» 22 октября 2009 года признался: «У нас нет гражданского общества. Мы его поляризовали: с одной стороны — миллиардеры, а с другой — бедняки. У нас появился класс или слой богачей, которые позволяют себе жить, не считаясь с тем, как живет народ. Это аморально, нагло, вызывающе. Я не говорю о бомжах, которые выброшены из жизни в силу каких-то обстоятельств. Людям недоходных специальностей — не министрам, не бандитам, не депутатам — тем, кто хотел остаться честными, нет благополучного места в нашем обществе. В нем властвует культ денег, поэтому оно разобщено. Советское общество было куда более сплоченным».

(Известия. 2009. Август.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В конце 2009 года явно по указке сверху наша медийная братия сбавила обороты антисоветской истерии. Петербургский канал, охочий до «живых историй» про бывших членов Пэ-Бэ, советских министров и даже невысоких чинов, всех стриг под одну гребенку — «преступники», «негодяи». И вдруг показал трилогию о пролетарии с питерского завода, который стал кумиром советской публики, начиная с первой части, — «Юность Максима». А конец трилогии увенчан знаменитым историческим сюжетом — матрос из охраны депутатов Учредительного собрания вежливо просит господ разойтись, ибо «караул устал».

Первый госканал оповестил, что начнет реставрацию старых советских кинолент, они будут цветными. Первые в очереди на модернизацию «Волга-Волга» и «Веселые ребята». Тем временем другие каналы показали «Дубровского», «Чапаева» и еще многие старые советские фильмы.

Первый канал три воскресных вечера отвел под программу «Достояние республики». Мне думалось, что наше достояние — это пер-

вые гидростанции, спутники, Гагарин, луноходы, ядерные бомбы. Оказалось, достояние — это также шедевры советского песенного творчества. Передача открылась тухмановским задорным ритмом: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз». Исполнялось с задором, от души, с радостью.

Прошел месяц, и «проект» Первого канала, как эстафету, подхватил Третий канал. Он назвал свою передачу «Лучшие годы нашей жизни». И опять-таки звучали советские шлягеры 60-х, 70-х, 80-х годов. Причем в перерывах соревновались «лучшие годы» в моде, радионовинках, кумирах эстрады.

Идеологический маятник и впрямь качнулся в сторону от плохого к хорошему. Моя газета «Известия» снова вынесла на первую полосу три советских ордена: «Трудовик», орден Ленина и Октябрьской Революции. Этими государственными наградами были отмечены успехи газеты в разные годы советской власти. Под наградами написано: «Газета выходит с марта 1917 года». Своего рода гордость, факт служения нации.

Случайно или нет, но после многих месяцев на специальных автоплатформах часть за частью перевезли на старое место у ВВЦ знаменитую скульптурную экспозицию «Рабочий и колхозница». Легендарная скульптура Веры Мухиной еще до войны восхищала посетителей Всемирной парижской выставки.

Бацилла социализма будто распространяется дальше и дальше проникает всюду, где только может. Мое сердце сильно забилося, когда на телеэкране появилась как всегда улыбающаяся, с ослепительно-белыми зубами Надежда Бабкина. В окружении девчат из своего хора она запела (я ушам своим не поверил) «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». И закружился хоровод. Одетые в яркие национальные костюмы девушки как бы приглашали подключиться к их пляскам всех россиян «с южных гор до северных морей». Весело, словно играючи, они усилили темп знаменитого марша И. Дунаевского на слова Лебедева-Кумача. Того самого марша, который негласно считался вторым гимном Советского Союза.

Один куплет из государственного гимна в ходе ремонтных работ был воспроизведен на метрополитеновской станции «Курская-Кольцевая». Огромный вестибюль с высоченными колоннами, скрепленными широким цементным поясом, был открыт в 1950 году. Начальство метрополитена решило обновить вестибюль. В авгу-

сте 2009 года рабочие обнаружили несоответствие строк на потолке первоначальному тексту гимна: в оригинале советского гимна была фамилия Сталина. Решили, что подмена произошла в ходе антисталинской кампании Н. Хрущева. Он переименовал Сталинград, приказал вымарывать имя Сталина из издающихся книг о сталинском правлении в довоенное время и в годы, когда Сталин был Верховным главнокомандующим.

Кстати, на это мне жаловался Юрий Балоненко, с которым познакомился на комсомольской работе. Он вырос до главного редактора «Московской правды», получил задание издать красочный альбом к годовщине обороны Москвы в 1941 году, а в альбоме что ни строка, то упоминание о Сталине. На готовых стереотипах фамилию затирали, где-то вставляли «Верховный»...

Рабочие на «Курской-Кольцевой» вписали фамилию согласно оригинальным строкам второго куплета гимна. Тогдашний главный архитектор столицы Александр Кузьмин разъяснил следующее: реставрация ведется ради восстановления исторической справедливости. Вскоре пассажиры увидели на потолке полный текст второго куплета: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Кузьмин добавил, что он не сталинист, но кроме цитаты на потолке надо вернуть стую Сталина, стоявшую некогда рядом в нише...

Сталинское руководство упрекают в авторитаризме, принятии решений в узком кругу членов Политбюро, не советуясь со специалистами. На самом деле Сталин интересовался инженерными изобретениями, высказывал свое мнение и выслушивал собеседника. Главная забота Сталина — обороноспособность страны, создание мощной экономической базы. В этом отношении примечателен кинофильм «Укрощение огня». Фильм художественный. На одном из заседаний Сталин выслушал доводы, какую ракету запустить в производство. Многие выступали за копирование обкатанной на войне немецкой ракеты «ФУ-2», которой обстреливали Лондон. Конструктор Королев был против. Он доказывал, что надо создавать новую, более мощную ракету, с дальностью полета до космоса. Сталин поддержал Королева. Патриарх советского ракетостроения Королев сконструировал такую ракету. С ее помощью взлетели первые наши спутники, затем триумфом стал запуск в космос человека. Иосиф Виссарионович не дожид до этих великих побед. Но ясно: он благословил «на труд и на подвиги» Королева и его коллег.

Современники о И. В. Сталине

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ (Франция)

Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталина преемников обречено...

(«Военные мемуары», 1960 г.)

АНТОНИ ИДЕН (Великобритания)

Сталин произвел на меня впечатление своим дарованием, и мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и ее оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры. Я знаю, что он был безжалостен, но я уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией... Я всегда встречал в нем интересного собеседника, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждавшиеся вопросы. Я больше не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях... За всем этим, без сомнения, стояла сила.

(«Мемуары», 1962 г.)

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ (Великобритания)

Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают.

(Речь в палате общин 21 декабря 1959 года в день 80-летия Сталина.)

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

У нас, если начнут хвалить, обязательно
вознесут до небес,
А коли ругать, обязательно затопчут в грязь

Виссарион Белинский

На вершину партийного олимпа Сталин поднялся в 1924 году, когда произнес знаменитую «Клятву» — призвал коммунистов преданно выполнять заповеди умершего Ильича. С тех пор Сталин не сдавал своих высоких позиций.

Книга Ричарда Косолапова «Слово товарища Сталина» состоит из речей вождя, выступлений на съездах и пленумах ЦК. В своей неторопливой манере, с чувством, с толком, с расстановкой Сталин «разжевывал» сложные понятия и явления для малограмотных большевиков ленинского призыва. Порой прибегал к «цифири», читаемой по бумажке, но это как исключение.

В книге Косолапова приводится ответ Сталина издательству «Детиздат», издавшему книжицу «Рассказы о детстве Сталина». Иосиф Виссарионович резко ответил: «Книжку сжечь, ибо она содержит массу неточностей, искажений, незаслуженных восхвалений, а самое главное — имеет тенденцию внедрить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности, вождей, непогрешимых героев».

Мы, жившие при Сталине, познакомились с этой точкой зрения в десятом классе, в военном училище, в институте. Мы пели ее в тогдашнем «Интернационале» — гимне страны. Напомню строки: «Никто не даст нам избавленья — ни царь, ни бог и не герой». В одно

уху влетело, из другого вылетело. Мы воспринимали как праздничную бутафорию, когда на Первомайский праздник демонстранты несли портреты Сталина, когда в небе летчики-виртуозы на легких самолетах выстраивались в фигуру, изображавшую имя вождя. Тогда еще не показывали фильм «Трактористы», где поется: «...Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин». Тогда на ВДНХ еще стояла гипсовая фигура вождя в шинели с согнутой рукой.

Сталина надо изучать без патетики и злости. Что было, то было. И не стоит выдумывать небылицы. Судьба послала нам руководителя-работягу, дымящего трубкой до четырех часов ночи. К этому времени он получал шифровки из западных стран и строил свою политику. Проведение послало нам руководителя, который не спешил покинуть свой кабинет ради заграничного визита или поездки по стране. Был Сталин за границей на съезде партии в Лондоне, на встрече «тройки» в Тегеране. И достаточно, он так считал.

Мы, простолюдины, не видели Сталина на уличной прогулке в Москве. Редко мельком его фигуру показывали в кинохронике. Был снят хроникальный фильм минут на сорок о выступлении на предвыборном собрании. Он сказал, что его уговорили выступить. «Что сказать? Уже все сказано-пересказано». Говорил о том, каким не должен быть депутат: ни богу свечка, ни черту кочерга.

Известный журналист Михаил Полторанин, щедрый, как никто, на образы и сравнения, пословицы и прибаутки, был душеприказчиком и корешом Ельцина, построившим свою политическую карьеру на критике сталинизма. Но в финале своей книги воспоминаний Полторанин разочаровывается в «царе Борисе без совести» и возлагает свои надежды на... Сталина. Полторанин пишет: «Сталин — символ. Сталин — мечта о справедливом порядке. Сталин — укротитель русской разнузданности. Мода на Сталина — бескорыстного, готового идти на все ради блага Отечества». И еще здорово подмечено: «После смерти вождь оставил “пять курительных трубок, два кителя белого цвета, два кителя серого цвета... коробку нижнего белья” (из описи имущества), а для общества — мощную ядерную державу».

НЕ ДАЙ БОГ ВОСКРЕСНЕТ!

Число приезжающих в Москву иностранных гостей резко увеличилось после снятия ограничений на въезд, на провоз и обмен валюты. Туристы устремились в Москву, надеясь увидеть столицу России без коммунизма. Пожалуйста! На Лубянке

снесли памятник главному чекисту Дзержинскому. На ВДНХ уже давно убрали белую скульптуру Сталина, изваянного во весь рост, как обычно, в шинели, с согнутой рукой. Других памятников вождю в столице я не видел, хотя в президиуме многих партсобраний и в кабинетах секретарей непременно возвышался бюст вождя. Но на Театральной площади остался огромный мраморный Карл Маркс, а на углу Кропоткинской в угрожающей позе стоял Фридрих Энгельс с вытянутой в сторону восстановленного храма Христа Спасителя рукой. На Калужской площади, напротив здания МВД, не тронули скульптурную композицию с памятником Ленину.

Москва теперь могла поспорить с Парижем и Лондоном по количеству и разнообразию магазинов, по насыщенности «ночной жизни». Фасады, стены, крыши, проезжая часть улиц забиты рекламной иностранной товаров. Начиная от круглого символа немецкого «мерседеса» над бывшим зданием правительства напротив Кремля до рекламы американской зубной пасты «Колгейт» на автобусных остановках. Заглянет турист в ГУМ, чьи витрины смотрят на ленинский мавзолей, осмотрит первую секцию и повернет обратно. В ней духи «Шанель» и прочая французская косметика. Не экзотика.

А что же он найдет необычного в Москве? «Известия» опубликовали пространную статью-жалобу экскурсовода на скудость достопримечательностей в столице, об ограниченном доступе в Кремль. Статья начиналась так: «Торжество 60-летия Победы привлекло к Москве потенциальных путешественников. У московского туризма и экскурсионного дела, пребывающих в упадке, появился шанс. Нетрудно предсказать, что он будет упущен».

Кремль закрыт со стороны Красной площади, а вход в него налажен через задние ворота, исторически связанные с хозяйственными дворами. Грановитая палата и другие пустуют, по ним водят режимные экскурсии. Автор не упоминает, что при Ельцине убрали скромный кабинет и комнату с железной кроватью Владимира Ильича Ленина, что привлекало экскурсантов. Кремль до сих пор не может восстановить свое старое паломническое значение. Гробницы великих княгинь и цариц невидимы в подземелье Архангельского собора. Едва видны фасады президентской резиденции — Кремлевского сената. В ночное время соборное ядро Кремля едва подсвечено.

Нет бы автору вспомнить главную достопримечательность центра Москвы — Мавзолей Ленина, неповторимое архитектурное сокровище, зарегистрированное ЮНЕСКО. Да бог с ней — с идеологией. Западного обывателя приучают считать политику грязным

делом. А вот экзотика! И саркофаг внутри, и забальзамированный Ленин, и могилы его соратников и последователей в тылу мавзолея. А вереница ниш с укрытыми в них урнами с прахом выдающихся советских людей — прославленных фронтовых маршалов, министров, ученых, Героев Социалистического Труда и, наконец, столь чествуемых во все времена Юрия Гагарина и его коллег. Где еще есть такой сплав чести и достоинства страны, ее символов и исторического величия, породивших широкий интерес к Советской эпохе!

Ан нет! Горстка писак-антиленинцев, ненавистников советского строя, антикоммунистических кликуш обрушилась с бульварной руганью на Ленина, муссировала идейку его перезахоронения и закрытия мавзолея, ликвидации захоронений в Кремлевской стене. К этим крикливым голосам присоединился глава нашей православной церкви, призвав убрать с Красной площади «погост». Он, видите ли, мешает крестному ходу из Кремля до Казанского собора. Так сверните в сторону, обойдите ГУМ, «крестники» пройдут лишние сто—двести метров, продолжат песнопения и молитвы.

Мне вспомнился Лондон, где я работал корреспондентом более трех лет. Вспомнилось его «лобное место» — здание парламента, Вестминстерское аббатство и площадь, их соединяющая. Она раза в три меньше Красной площади в Москве. Но историческая суть обеих очень схожа. В аббатстве, подобно нашему мавзолею и захоронениям у Кремлевской стены, покоятся останки великих английских деятелей — Ньютона, Дарвина, Диккенса и других, а также находятся усыпальницы королей. Поразительно, что внутри аббатства пол центральной аллеи выложен каменными надгробиями с именами знаменитых британцев. Если в московском мавзолее посетитель спускается вниз по ступеням, обходит саркофаг с Лениным и выходит наружу — к захоронениям у стены, то в аббатстве турист ступает по плитам надгробий. Мне было не по себе, когда я шагал по надписям с именами писателей-классиков. Уж не помню, в какой очередности — то ли сначала наступил на Диккенса, то ли на Вальтера Скотта. Свернув с аллеи к выходу, я увидел вырывающийся из пола Вечный огонь в память о неизвестном британском солдате. В Москве мемориал Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата вынесен в более доступное место — к стене в Александровском саду. В обеих столицах люди стремятся посетить эти главные туристические достопримечательности.

В Лондоне возле Биг-Бена и здания парламента установлен монумент Оливеру Кромвелю. Косясь, быстрым шагом проходят мимо него в палату лордов отпрыски английской аристократии.

Кромвель — творец буржуазной революции в XVII веке. Он победил в двух гражданских войнах королевскую армию, снес не одну голову тогдашних земельных вельмож. Революционер Владимир Ильич Ленин также крушил власть помещиков и самого крупного из них — царя. Он выиграл одну Гражданскую войну, но какую тяжелую! — на территории от Бреста до Тихого океана, где мы «свой закончили поход». Так что прошлое Москвы и Лондона не только экзотика. Кстати, раз в год на открытие сессии парламента мимо статуи Кромвеля проезжает карета с английской королевой Елизаветой II. К ней с уважением относится вся страна.

А на Арбате разгуливает вразвалочку Ленин-пародист. Он картавил, давая интервью иностранному газетчику. Снимался с западными туристами за несколько долларов. Эстрадные шутники пыжались, переодеваясь под Брежнева, чмокают губами. Другой крамолы на Брежнева у них нет. Они не знают, что Брежнев подписал Хельсинкские соглашения, принял навязанную Западом «культурную корзину». Благодаря ей развязались языки у пародистов, а двойники-самозванцы Ленина смогли зашибать деньгу. Попробовали бы они паясничать, высмеивая английскую королеву Елизавету II и членов ее семьи на Трафальгар-сквер или в Гайд-парке — «углу спикеров». Их отправили бы в каталажку, если не в больницу для психопатов. Англичане берегут патриотические чувства нации.

А перестройщики горби-ельцинской выделки даже заклеямили само слово «патриотизм». Хотели вытравить из сознания людей, как ядовитый идеологический товар. Тем временем резко разрушались моральные устои общества. В армии процветала дедовщина, отмечались многие случаи дезертирства и самоубийств молодых солдат. Даже Петр I, которого воспевал А. Пушкин, а мы отмечали его вклад в развитие государства Российского, перестал «тянуть» на роль патриота. На празднование тысячелетия Казани власти переименованного города на Неве решили подарить казанцам памятник Петру I работы пресловутого Церетели. Казанцы отказались от подарка, так как с именем русского императора связаны преступления против татар. На Кубани проживающие там кавказцы-инородцы в дни праздников в Казани заклеямили Петра Великого как захватчика их земель.

И только с победой Великого Октября в 1917 году стали чествовать преданных народу патриотов. Конечно, этот список по праву открывает Владимир Ильич Ленин. Пока повсюду в крупных городах на центральных площадях возвышаются памятники ему. Ныне в любом большом и маленьком городке обязательно есть площадь

или улица его имени. Владимир Ильич — центральная фигура в портретной галерее талантливейшего художника, лауреата премии Ленинского комсомола Александра Шилова, уважаемого и почитаемого в наши дни.

Телевидение перестало рекламировать пародистов на Ленина. А предприимчивые владельцы одного из московских речных трамвайчиков решили привлечь иностранных туристов весьма оригинальным способом. Они переделали один трамвайчик под легендарную «Аврору». Все как на настоящем крейсере, что стоит перед гостиницей «Ленинградская» на Неве. Три трубы, пушка, похожая на ту, что стреляла по Зимнему дворцу в октябре 17-го. При входе на трамвайчик—подделку под «Аврору» туриста встречает матрос, требуя «мандат», то бишь оплаченный билет. Внутри официанты одеты в матросские тельняшки. Подают водку под названием «На обломках буржуазии». Звучит через громкоговорители «Варшавянка», ее сменяет «Интернационал». Организаторы стилизации «под революцию» приглашают туристов присоединиться к песням коммунистов.

Можно расценить как фарс, желание сыграть на струнах патриотизма. Только вот вопрос: удастся ли обуздать телевидение? Новое руководство Министерства культуры предложило Второму каналу начать по воскресным дням развлекательную программу «Наши песни». Она открылась любимой «Широка страна моя родная». А закончилась... «Нам нет преград ни в море, ни на суше» — «Маршем энтузиастов» из кинофильма «Светлый путь». Казалось, материала для таких передач — на многие годы. Советская песня — кладезь эстрадного искусства. Но долго эта программа не просуществовала. Целое войско молодых «трясунов» не проявило интереса к бодрым, мелодичным, любимым в народе «нашим песням». И заполонили сцену музыкой, которую популярный композитор Владимир Шаинский назвал «выдающейся бездарностью, вызывающей тошноту». Кривляющиеся лица, хриплые голоса, полуголые девицы навязали свою «моду» даже такому талантливому тенору, солисту Большого театра, как Николай Басков, покоровшему нас своей программой «Шедевры XX века», в которой звучали арии и песни выдающихся мировых певцов. Он вынужден потакать «трясунам» и запел «Мурка, ты мой котеночек».

Телевидение — динозавр, которого нелегко убить. Вспоминается военный парад на Красной площади в день 60-летия Победы. Парады возобновили после отставки Ельцина, отменившего шествия по Красной площади. Теперь испытанный десятилетиями ритуал

прохождения войск дополнен выносом Знамени Победы, водруженного в 1945 году над Рейхстагом в Берлине. Как и в советские времена, перед мавзолеем, стыдливо огороженным от публики фанерным щитом, прошли шеренги различных родов войск, а также колонны слушателей старейших военных академий. Многим из них присвоено звание гвардейских. Впереди шли знаменосцы, неся старые и новые штандарты. На старых, гвардейских, красовался портрет Владимира Ильича. Под гром маршей сводного духового оркестра ветер раздувал знамена и будто бы нарочно поворачивал их той стороной, где был изображен Ленин и надпись: «За Советскую Родину!», «Смерть фашистским захватчикам!».

Ах, какие ловкачи, какие зоркоглазые телевизионщики! Стоит ветру колыхнуть знамя так, что на экране вот-вот появится крупным планом Ильич, телережиссер нажимал кнопку. И телезритель уже видел сапоги марширующих солдат либо трибуны подле мавзолея. Телекамеры впивались в фигуры сидевших там Жака Ширака, Герхарда Шредера, Сильвио Берлускони. Еще подумают, что Россия возвращается к советским временам! Не дай бог, вдруг Ленин воскреснет! Вон, взгляните, ветер снова развернул очередное гвардейское знамя ленинской стороной!

А что? Может, и воскреснет. Сегодня миллионы гастарбайтеров, ищущих заработок в России, вкалывают от зари до зари, порой по 16 часов в день. Без выходных. С одним перерывом в сутки на еду. Спят где придется. Но возводят роскошные особняки для новых русских нуворишей. Академики нам объясняют, что история повторяется, развивается по спирали. А ведь среди лозунгов рабочих, свергнувших царя в 17-м, был и такой: «Даеть 8-часовой рабочий день».

*Силантьевы (справа налево): старший сын Анатолий,
мать Мария, отец Иван, младший сын Владимир*

*Брат Анатолий на фоне памятной баньки,
где девятнадцатилетняя Мария родила первенца*

*От баньки тропка вела к озеру, богатому рыбой.
Озеро окружали торфяники. В пору мелиорации их осушили,
а под сурдинку и огромное озеро. На горизонте была хорошо видна
деревушка Мельничная. Повинуясь хрущевской реформе укрупнения
села, деревушку снесли и «закопали»*

Подмосковный аэродром. 1937 год. Радостный Валерий Чкалов доложил о готовности лететь через Северный полюс

Москва. Большой театр. 1950 год. Торжественное заседание

Февраль 1942 года. Второй месяц Великой Отечественной войны. Приказом министра обороны И. В. Сталина наш полк воздушных разведчиков Главного командования Красной Армии переименован в Гвардейский и стал обладателем нового боевого знамени

Северо-Западный фронт. 1944 год. За выпуском эскадрильной газеты гвардейцы штурманы А. Шацкий (слева) и С. Кондюрин (справа), автор

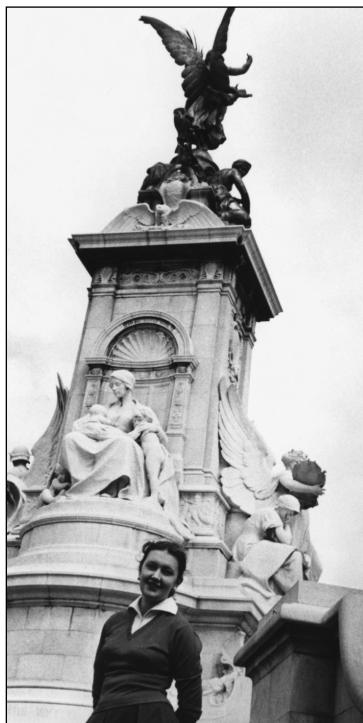
*В. Силантьев,
студент ИНЯЗА,
руководитель «Устного журнала»,
сочинитель песен*

*Снимок на память (слева направо): Е. Каталкина, Л. Дерябичева,
Ю. Дерябичев, В. Сугрин, С. Чашечников, П. Марченко, автор*

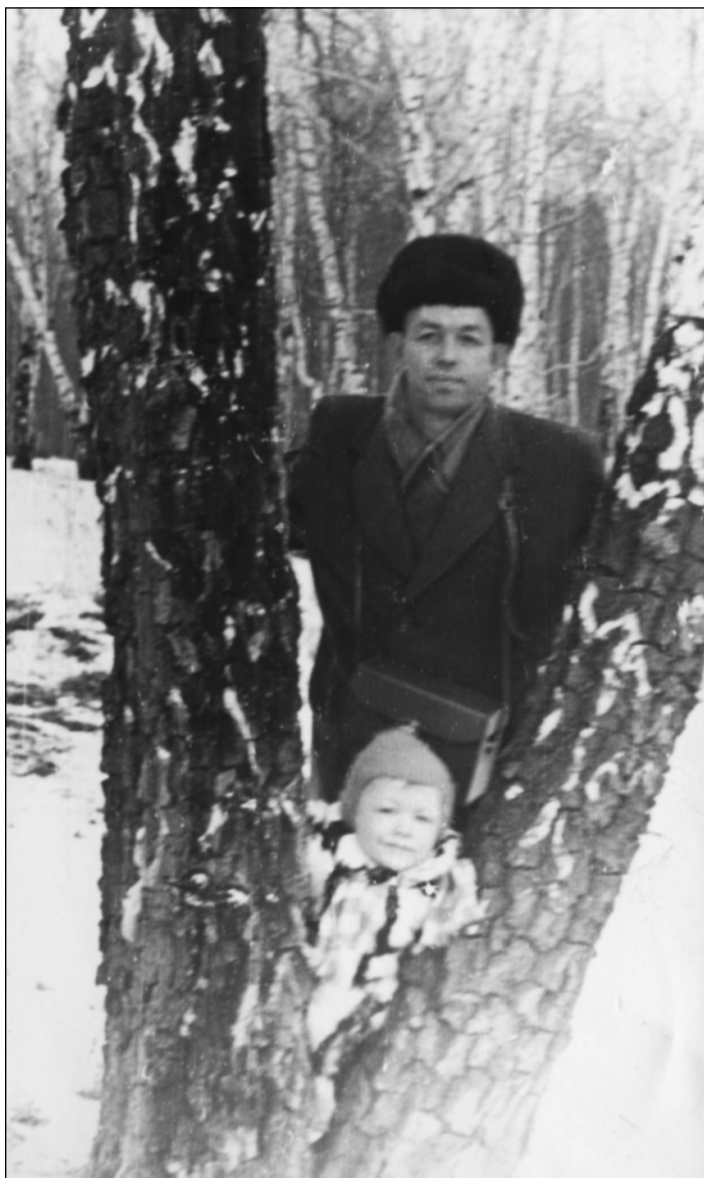
Лондон. Елена у Букингемского дворца

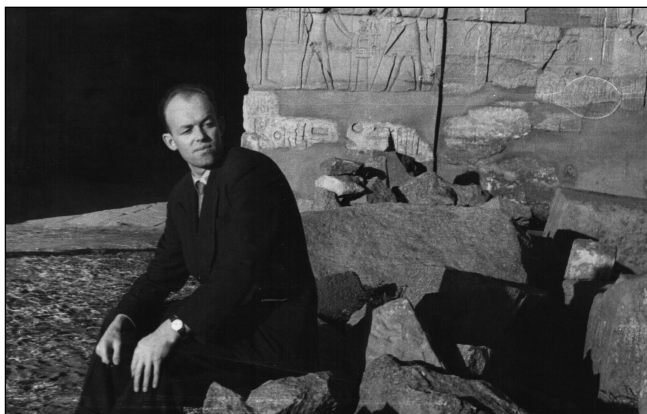
Лондон. Елена у фонтана возле королевского дворца

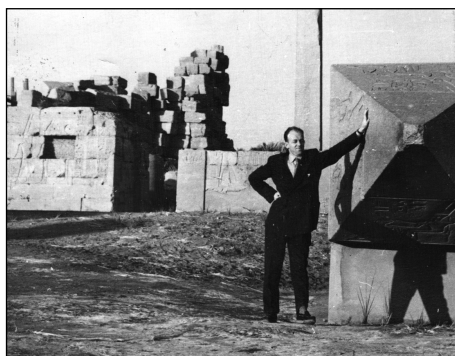
*Замечательный ирландский писатель Шон О'Кейси
с моим сынишкой Андреем*

*В известинской «Пахре» под Москвой выбираем
с Андреем место для снежного Деда Мороза*

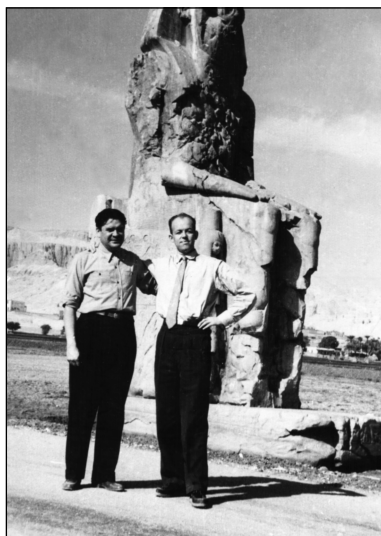

*Египет. На правом берегу Нила. Луксор — древняя столица страны.
Сохранились руины дворцов, храмов властителей фараонов.
Турист видит настенные надписи древних мастеров*

А в каменоломне вызывают восхищение обелиски. Некоторые отшлифованы, в вертикальном положении. А один еще не закончен. Можно потрогать 30-метровый кинжалообразный монумент

На левом берегу Нила таинственная Долина мертвых. В горах спрятаны усыпальницы фараонов. К ним ведут тайные ходы. Вход в Долину мертвых охраняют стражники — Колоссы Мемнона. Москвичи-журналисты спешили позировать перед загадочными колоссами

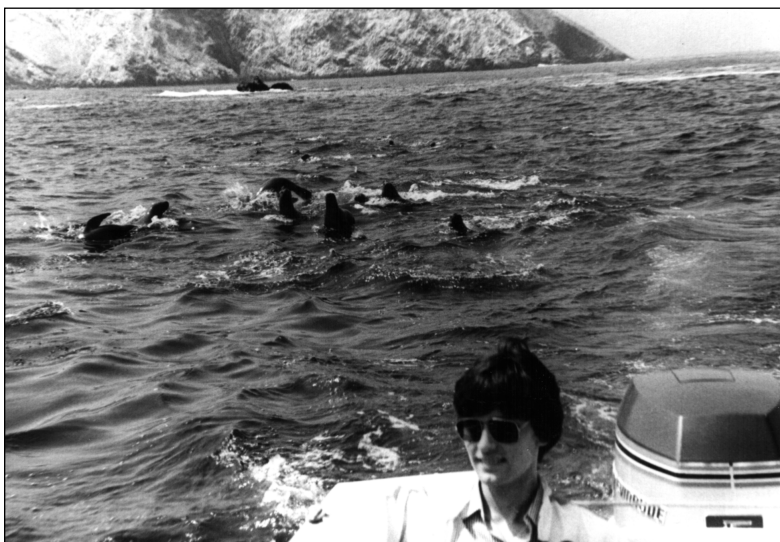
Пламенный оратор Фидель Кастро выступал на любых подмостках в столице и провинциальных городах. Он собирал миллионные аудитории

Нелегкая работа мачетеро — рубщика сахарного тростника, достигающего более 4 метров роста

Куба. Песчаный пляж. Изумрудные волны. Мелководье, куда не заходят акулы. Подводная охота всегда удачна. Вот это рыбалка! Малышня сбегалась посмотреть на улов морских рыбешек, креветок и гигантского лангуста. Среди мальчишек и мой сынишка Андрей в полосатых трусиках

Перу. После окончания МГИМО Андрей — сотрудник нашего посольства в Лиме. Мы вместе побывали на курорте в Писко, где в океане плещутся тюлени

В столичном аэропорту ловкий фотограф снял меня и вставил фото в готовую открытку перуанских достопримечательностей, где я побывал, — Куско, Мачу-Пикчу и других реликвий прошлого

Журналист — перелетная птица. Не бывал лишь на одном континенте — в Австралии.

Кения. Аэропорт Найроби, транзит на пути в Танзанию. В аэропорту дружеская встреча с нашим послом Дмитрием Петровичем Горюновым. В годы моей работы в «Комсомолке» он был главным редактором, послал меня военным корреспондентом в Египет

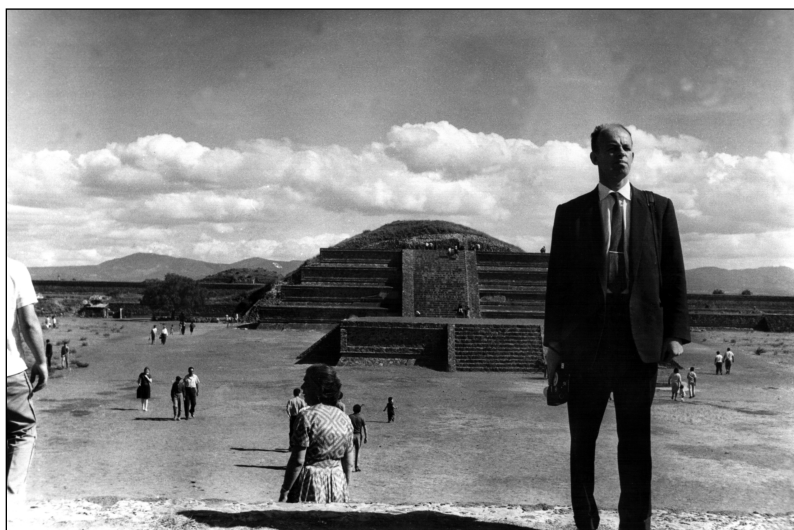
Бразилия. Сан-Паулу. Интервью в кабинете мэра (на снимке он слева). Он — глава крупнейшего города страны

Летим в Торонто

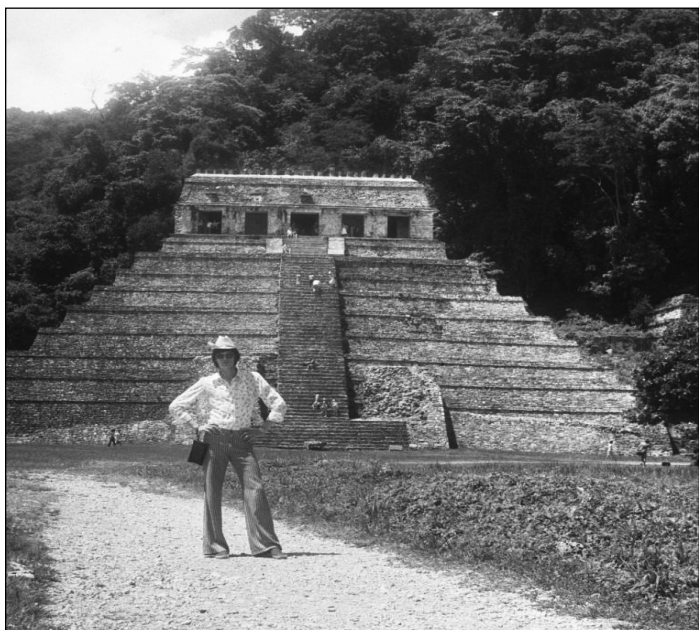
Ниагара страшнее водопада Игуасу в Южной Америке

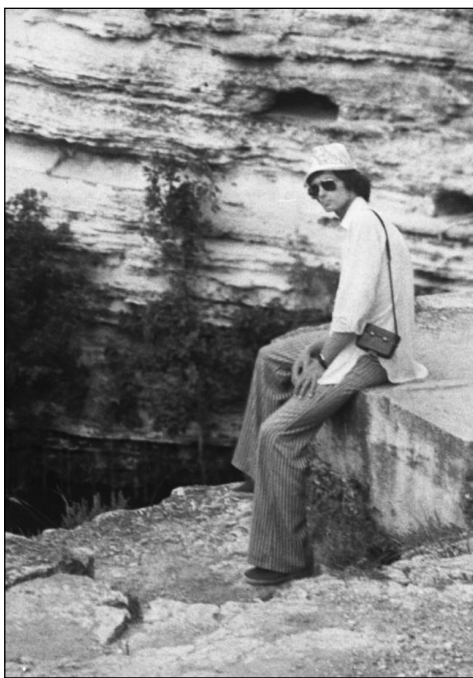
*В 40 километрах от Мехико находятся
пирамиды Солнца и Луны*

*За 1000 километров от столицы посетили с Еленой
древнеиндейские городища Паленке*

*Мексика. Сокровище древности Паленке.
Андрей возле главной пирамиды*

*Чичен-Ица.
Андрей у священного колодца Сенотэ*

*Никарагуа. 1976 год. Повстанцы-сандинисты добивают
наемников диктатора Сомосы. Девушка из отряда сандинистов
дарит на память гильзу от своего автомата московскому
журналисту*

*Легендарная команданте «Дос» Дора Мария Тельес.
После изгнания кровавого диктатора она вошла в правительство
национального освобождения Никарагуа*

ЧАСТЬ

ПОД ЮЖНЫМ СОЗВЕЗДИЕМ

ВИЗОВЫЙ ВОПРОС

Мой опыт «открытия» Аргентины, Уругвая, Бразилии, куда удавалось хитростями заполучить въездную визу, показывает, что деловое сотрудничество возможно было в пору правления в этих государствах военных. Они разгоняли левые и коммунистическую партии, на слово «коммунизм» накладывали табу.

Аргентинскую визу удалось получить легко. Там состоялся чемпионат мира по футболу, и я представился как спортивный обозреватель. После этого автоматически стал «въездным». С мексиканской визой были проблемы, хотя в паспорте значился мой заезд на инаугурацию президента. Однако мой паспорт вызвал подозрения у мексиканского посла в Гаване. Он спрашивал: «А вы верно корреспондент, а не разведчик? Как вы докажете, что много писали о Мексике?» Я отвечал: «Принесу вам вырезки из “Известий”». А посол: «Они на испанском языке?» Я обещал, что переведу их с русского и покажу ему. Хороший мексиканец — мачо! Подарил послу две бутылки «Столичной», и наконец он проштамповал мой паспорт. В аэропорту Мехико мурыжили часа два. Сверяли в черной книжечке, где записаны все нежелательные, включая террористов, уголовников. Затем нас ставили в ряд и фотографировали.

Хорошо помню, как первый раз прилетел в Рио. Пограничный офицер вертел-крутил мой паспорт. Затем включил подсветку и стал фотографировать каждую паспортную страничку. Наконец поставил штамп. В таможенном зале никого из служивых. На скамейке лежал мой чемодан с поднятой крышкой. Кто-то его перевернул.

За время моей командировки в Латинскую Америку мой заграничный паспорт потолстел. Обогащался новыми вклеенными листами с гербом, серпом и молотом. Зато я увидел чудесный край Амазонии и Параны.

Консульским отделом Бразилии в Мехико ведала бразильянка. В летах. Скучала, поглядывая из окна на авениду Реформа. Мои визы в паспорте ее не впечатлили. Я посещал ее и болтал о красотах

Рио, о бразильских карнавалах, о том, что красивее бразильских девушек нет на белом свете. Визы не просил. Визит за визитом, так, поболтать. Наконец она сказала, что, мол, все вокруг да около, вот вам виза, увидите, как красива Бразилия.

А вот с получением колумбийской визы было каждый раз одно и то же. Консул ворчал: «Где вы были? Я приглашен на обед. Где ваш паспорт?» И ставил штамп на всю страницу. Но я уже начал вспоминать мои журналистские годы, проведенные на другом полушарии. Как говорят летчики, давая газ моторам: «Поехали!»

ЦЕНА ИЗУМРУДОВ И КОФЕ

Древние индейцы, что жили на территории нынешней Колумбии, создали красивую легенду. Индианка Фура безутешно плакала о погибшем любимом. И тогда, чтобы утешить ее, люди решили сотворить девушке дорогой подарок — пронзили ее слезу ярким лучом, и она превратилась в сверкающий зеленый кристалл — изумруд.

Об изумрудном богатстве страны сразу же узнает каждый, кто приезжает сюда. В центре Боготы повсюду можно видеть витрины ювелирных лавок, играющие переливами красивых зеленых камней. Они разных размеров и, как говорится, «на любой вкус и карман». Одни уже граненые, другие — нет.

А на центральной столичной улице имени Хименеса де Кесады имеется «толкучка», где из-под полы продаются необработанные изумруды. Трудно определить, кто ими торгует — сами ли добытчики или перекупщики-спекулянты.

Как туда попадают камни? Рассказывают, что вход на разработку тщательно охраняется, а рабочие трудятся под строжайшим контролем надсмотрщиков. Добытчики выстраиваются в шеренгу и долбят гору тяжелыми длинными ломами. Сначала раскалывают твердую породу, затем повторным ударом лома отваливают отбитый кусок. С помощью струи воды смывается грязь. Надо иметь очень хорошее зрение, чтобы в кусках кристаллической породы разглядеть изумрудные жилы или горошины. Ломы изготавливают свыше 2 метров длиной, чтобы люди работали стоя во весь рост. Чуть нагнулся человек — значит, усмотрел изумруд. Надсмотрщик уже тут как тут, хватает его за руку. Но чаще бывает так, что труженики рудников месяцами долбят породу, высекая уступ за уступом, или, как говорят специалисты, ведут разработку «террасным»

способом, который изобрели еще в древности местные индейцы, и ничего не находят.

Любопытно, что в наши дни, как и в старину, изумруды обрабатывают здесь вручную. Индейцы шлифовали камни месяцами, поскольку по твердости они не уступают кварцу. Современным ювелирам Колумбии помогает создавать чудеса не очень-то сложная техника — вращающийся круг с наплавленным шлифовальным составом. Все остальное зависит от искусства ювелира, который, заботясь о красоте камня, должен точно рассчитать количество граней. Ведь недаром изумруд оценивается не только по цвету и размеру, но и по качеству граней, от которых зависит «игра» камня.

Когда в ранний час мы отправились из Боготы на кофейные плантации, над городом висела грозовая туча. Была пора дождей, и путешествие, хотя и небольшое по расстоянию — километров семьдесят, грозило затянуться из-за размытых сельских дорог. В пелене дождя скрылись стеклянный небоскреб авиакомпании «Авинка», высотный отель «Богота-Хилтон», старинное здание колумбийской федерации кофепроизводителей. Ливень одинаково поливал как изумрудные, аккуратно подстриженные газоны фешенебельных вилл северной части города, так и убогие, словно в спешке сколоченные дома-лачуги южных пролетарских районов. Там во многих проулках не было ни тротуаров, ни мостовых, зато было предостаточно фабрик, мастерских и складов.

Чем ниже мы спускались с гор, тем реже становились облака, окутывавшие горные вершины. Сосновые рощи сменялись эвкалиптами, зелеными пастбищами, а затем показались и кофейные плантации. Они нежились в тепле на крутых горных склонах. Ровные ряды кофейных кустов расположились в тени высоких деревьев гуамо с раскидистыми кронами. Кофейное дерево весьма капризное. Оно не переносит ни заморозков, ни жгучих лучей солнца. Ему необходим равномерный теплый и влажный климат, который, кстати, наблюдается далеко не во всех тропических странах.

Мой провожатый сеньор Фернандо, представитель федерации, рассказывал в пути историю появления кофе в Колумбии. Его завезли в 1732 году из Мартиники с кофейных плантаций, принадлежавших французам. А на Мартинику кофе попало из Африки, точнее, из Эфиопии, считающейся его подлинной родиной. Колумбийцы ныне выращивают прототип знаменитого африканского сорта «арабика», который по-местному называют «борбон».

Нелегко труд крестьянина, выращивающего кофейное дерево и собирающего урожай вручную. Специалист кофейного производ-

ства доктор Рикардо Авилья подчеркнул в беседе со мной, что производство кофе едва ли будет когда-либо индустриализировано. «Механизация в нашей кофейной индустрии невозможна, — категорически заявил он. — Только благодаря ручному труду мы получаем высококачественный кофе».

Мы посетили плантации «Мисьонес» — довольно крупного предприятия, если сравнить его со многими тысячами мелких ферм, производителей кофе Колумбии. Вполне понятно, мелкие производители на клочке земли, порой в 2-3 гектара, полагаются лишь на свои руки да труд членов семьи, включая детей. Однако владельцы «Мисьонес» не внедряют механизацию по другим причинам. Рабочей силы в колумбийской деревне избыток. Десятки тысяч крестьян иммигрируют в города, безуспешно надеясь найти там работу и в результате пополняя лишь армию безработных.

На плантациях трудятся около 100 рабочих — мужчин и женщин. Но только 60 из них — постоянные рабочие, а остальные нанятые временно. В любое время их могут уволить. Рабочие должны три-четыре раза в год вручную с помощью мачете пропалывать плантации, очищая их от быстрорастущих сорняков, до трех раз в год вносить удобрения и почти круглый год собирать урожай. Труд вроде бы немудреный, но утомительный: из зерен, которыми покрывается кофейный куст на четвертый-пятый год после посадки, сборщики выбирают только красноватые зрелые, а остальные оставляют дозревать. Затем они несут полные корзины зерен приемщику, который строго оценивает их труд: чем больше попадаете зеленых зерен кофе, тем ниже оплачивается работа сборщика.

Единственная подмога сборщикам — несколько десятков осликов, которые используются для перевозки мешков с кофе, собранных на отдаленных плантациях. Процесс обработки кофе, начиная от засыпки зерен в огромные чаны для ферментации и кончая сушкой, также осуществляют вручную. Лишь одна операция, лущение зерен, механизирована: установлена английская машина производства 1928 года.

Один из владельцев «Мисьонес» Педро Саенс угостил нас чашечкой кофе свежего урожая. Настой был очень крепким — такой кофе любят пить жители восточных районов страны. Его обычно подают без сахара, разливая в небольшие керамические чашки (стеклянные, тем более пластмассовые сосуды убивают аромат напитка, пояснил нам хозяин стола). «Кофе по-колумбийски» был вкусным, но каким-то особым ароматом и способом приготовления не отличался. Как это ни странно, производители лучшего в мире кофе не являются кофейными гурманами.

Понятно возмущение мелкого производителя, который бессилен противостоять спирали инфляции, захлестнувшей мир капитала. Директор отдела пропаганды федерации кофепроизводителей Педро Филипе заявил в беседе со мной: «Наш кофетеро — мелкий производитель — за месяц может стать богачом. А потом сидит без гроша в кармане, ожидая следующего урожая».

...Возвращались с земель «Мисьонес» под вечер. Небо над Боготой расчистилось от облаков. Сеньор Фернандо любопытствовал, понравилось ли путешествие на плантации. Конечно, европейцу в диковинку увидеть и склоны Кордильер, и кофейные кусты, и свисающие с них гроздья ягод, и то, как работники перебирают зернышко к зернышку уже обжаренный кофе, тот самый, что мы покупаем взвес или в молотом виде в магазине.

Колумбийцы гордятся своей страной — землей прекрасного кофе. Их лучшие поэты написали в его честь восторженные гимны. Мой провожатый заметил, что чашечка кофе вдохновила Себастьяна Баха сочинить «Кантату о кофе». Правда, то была чашечка не колумбийского кофе. Ибо Бах закончил свою кантату как раз в том году, когда первые семена кофе были еще только брошены в благодатную землю Колумбии.

(Силантьев В. И. Пробужденная сельва. М.: Известия, 1983.)

ВДОХНОВЕНИЕ МАСТЕРА

Выдающийся бразильский архитектор Оскар Нимейер трудился в своей мастерской в Рио-де-Жанейро, расположенной в красивом доме, из окон которого виден золотистый пляж знаменитой Копакабаны. Нимейер человек среднего роста, спортивного сложения. Он предложил перед беседой посмотреть небольшой фильм о его творчестве, чтобы, как он сказал, «получить кое-какое представление».

Тридцатиминутная лента оказалась как нельзя кстати. До встречи с архитектором я постарался ознакомиться с его работами, благо их много в Рио-де-Жанейро и особенно в Бразилиа. Все они поражают оригинальностью и смелостью архитектурных замыслов. Казалось бы, в наше время для успешной работы требуется концентрация всех сил в одном направлении. Нимейер же легко перешагивает через привычные каноны, собственные разработки и проектирует, например, музыкальный центр в виде громадного гриба с залами и фойе в «шляпке» или высотный отель «Насионал» в форме стеклянного цилиндра (оба находятся в Рио-де-Жанейро).

Последнее десятилетие зодчий работал главным образом над проектами, предназначенными для зарубежных стран. Нимейер так прокомментировал свое творчество этих лет:

— С помощью железобетона, простого, жесткого и холодного материала, я стремлюсь выразить свою архитектурную мысль. Для меня годятся любые линии — кривые, плавно изгибающиеся, но только не прямые. Я стараюсь сделать в архитектуре что-то необычное. Не каждому человеку, возможно, понравятся мои работы, но всякий, кто их видит, наверняка ощутит, что подобного сооружения он еще не встречал. Новая форма, непривычная для глаза, — вот где сосредоточиваются наши поиски.

Зодчий с увлечением рассказал о строительстве по его проектам трех зданий во Франции, четырех — в Италии, двух — в Алжире.

— А как вы относитесь к таким традиционным строительным материалам, как дерево, гранит? — спросил я. — Ведь они и сейчас широко используются при строительстве домов в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Подходя к вашему дому, я видел на Копакабане целые кварталы домов, облицованных дорогим мрамором...

— А если бы вы взглянули навверх, на скалы Рио, — прервал меня Нимейер, — то увидели бы фавелы бедняков, сколоченные из досок и листов фанеры.

У нас все здания и все вещи, — заключил он свою мысль, — несут на себе четкий социальный отпечаток. На своих рабочих местах мы, архитекторы, стремимся к гуманному, наиболее справедливому и демократическому в зодчестве. Но архитектор не наделен властью изменить социальную структуру общества. Если он хочет ликвидировать нищету, он должен стать активным участником общественной жизни, включиться в политическую борьбу.

В дальнейшем разговоре Нимейер почти не затрагивал тему архитектуры. Я бегло окинул взглядом убранство его кабинета и, к удивлению, не увидел ничего, что говорило бы о профессии моего собеседника. На стенах висели портреты С. Альенде, П. Неруды, Ф. Кастро. На книжных полках не было ни одной книги по архитектуре.

— Я предпочитаю иное чтение в свободное время, — сказал Нимейер. — Окружающий нас мир и люди гораздо весомее архитектуры. Еще Бальзак сказал, что жизнь важнее литературы. То же самое можно сказать и о нашем искусстве. В жизни много несправедливости, от которой надо избавляться. Во времена, не столь отдаленные, когда в Бразилии правили военные, меня вызвали в политическую полицию, усадили на стул в маленькой звуконепроницаемой комнате и после многих вопросов спросили, чего я добиваюсь, чего я хо-

чу. «Изменить общество, — ответил я, — и не только по причине его устаревшей архитектуры, а потому, что его коренным образом нужно менять».

В Бразилии, — продолжал архитектор, — многие бедняки не умеют читать и писать, им недоступна политика. Сотни лет церковь вбивала в головы людей, что один должен быть богатым, другой — бедным. Правившие с 1964 года генералы вели наступление на элементарные права человека. Но времена меняются. Те же военные сами вынуждены были начать процесс либерализации. Бразилия переживает период надежд.

На письменном столе архитектора лежал рисунок, похожий на эскиз памятника. Нимейер заметил мой заинтересованный взгляд и сказал:

— Вы видите проект монумента никарагуанскому бойцу-сандинисту, героически погибшему в борьбе с диктатурой Сомосы. Он посвящен конкретному человеку — Карлосу Фонсеке Амадору, основателю Сандинистского фронта национального освобождения.

Нимейер протянул мне лист бумаги, на котором карандашом был сделан набросок памятника: на постаменте возвышалась фигура революционера, а рядом с ним поднималась на 20-метровую высоту изогнутая в виде паруса железобетонная плита, символизирующая стремительное движение вперед.

Нимейер с увлечением взялся за новую работу.

— Народы, сбросившие оковы колониализма и диктатуры, нуждаются в помощи и солидарности, — сказал он в заключение нашей беседы. — Мне хотелось бы подчеркнуть, что величие Советского Союза состоит, кроме всего прочего, в том, что он бескорыстно, побратски помогает освободившимся народам: идет ли речь об африканских странах, о Кубе или Никарагуа, подвергающейся агрессии. СССР олицетворяет борьбу против нищеты и бесправия, царящих в мире угнетенных и униженных людей, живущих в бывших колониях. Благодаря политике Советского государства одержаны большие успехи в борьбе за мир, демократию и свободу. Позвольте мне передать советским людям мои искренние пожелания успехов и счастья!

(Силантьев В. // Известия. 1980. Апрель.)

ВОДОПАДЫ ИГУАСУ

На юге Бразилии, на пограничной с Аргентиной реке Игуасу, можно наблюдать необычайной красоты явление: широкая полноводная река вдруг обрывается, и лавина воды падает

в пропасть глубиной свыше 70 метров. Снизу поднимается белое облако. Оно рождается на месте центральной части водопада, окрещенной грозным именем «Глотка дьявола». Мириады брызг разбивающейся о скалу воды под воздействием тропического тепла мгновенно превращаются в облако. Его подхватывает ветер и уносит в небо.

Мы побывали на водопадах после сильных многомесячных ливней, когда уровень воды в Игуасу поднялся до самых высоких отметок. В это время река несет ил и красную бразильскую почву. Гигантская подкова водопада сверкала на солнце, будто золото. И ревела, и грохотала, обрушивая в бездну тысячи тонн воды.

Не в силах оторваться от этого захватывающего дух зрелища, мы любовались удивительной картиной минут пятнадцать. Но надо было спешить, посмотреть и другие водопады. А их здесь немало — около 270. И носят они самые неожиданные, порой романтические имена: «Флориано» — крупнейший на бразильской стороне; «Три мушкетера», «Адам и Ева» и даже «Два мушкетера» — на аргентинской. Облачившись в прорезиненные плащи, капюшоны и сапоги, дотошные бразильские туристы смело шагают сквозь пелену брызг по специальному мостику почти в самую «Глотку дьявола».

У туристов на аргентинской стороне нет такой возможности. Зато они могут приблизиться к большинству водопадов, путешествуя по мосткам, проложенным от островка к островку, которые созданы природой у самого края ревущей пропасти. Общая же длина этих мостков — свыше 2 километров.

Каждый островок — кусочек тропической сельвы. Увитые лианами, стоят здесь ценнейшие тропические деревья, как, например, кебрачо, древесина которого крепка, как железо. Среди обитателей заповедника — пумы, обезьяны, тапиры, около сорока видов редких птиц, бабочки сказочных цветов и необычной величины. И цветы — красочные орхидеи и гвоздики.

Когда, промокшие и усталые, мы возвращались, дорогу перешла стая обезьян — подняв вверх хвосты, они грациозно прошагали перед затормозившей машиной, совсем не боясь людей.

Неподалеку от водопадов раскинулся небольшой поселок. Шесть тысяч его жителей кормятся в основном за счет наезжающих туристов. Они работают прислужой в гостиницах, официантами в барах и ресторанах, шоферами такси, которыми пользуется приезжая публика для поездок по достопримечательным местам.

Над водопадами проходят воздушные пути, соединяющие Бразилию и Аргентину. И даже воздушные корабли делают здесь остановку. Любители острых ощущений могут пересечь с большого

лайнера на местный вертолет или легкий самолет. Единственное препятствие для тех, кто не прочь пощекотать нервы, — сумасшедшие цены. Поэтому большинство туристов предпочитает наблюдать, как тихоходный самолетик ныряет в пропасть, летит между водопадами и резко взмывает вверх из «Глотки дьявола», едва касаясь крылом падающей воды.

Но вот моя встреча с водопадами подходит к концу. Автобусы и такси увозят туристов на аэродром. У водопада становится безлюдно. Отчетливее слышно пение незнакомых птиц да завывание койотов. Опускается черная, как сажа, тропическая ночь, которая проглатывает белое облако, поднятое водопадами Игуасу.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Города как люди. Одни вызывают симпатию, другие оборотительны, как сказочные красавицы, и в них влюбляешься с первого взгляда. Третьи — смесь того и другого. А каков Рио? Большинство сходится во мнении, что Рио-де-Жанейро — единственный в своем роде город, даже похожего не сыщешь на свете. Но почему? Когда я приезжал в Рио, каждый раз пытался найти ответ на этот вопрос. В конце концов я пришел к заключению, что сами бразильцы не смогли бы построить еще один такой город. Действительно, где найти океанское побережье с гигантскими подковами золотистых пляжей, да обязательно чтобы над ними нависали огромные живописные скалы, и еще заполучить в градостроители такого выдающегося зодчего, как Оскар Нимейер?

Мне довелось проехать тысячу с лишним километров по атлантическому побережью Бразилии, но такого сочетания щедрот природы, как в Рио, не встретилось больше нигде. Сами жители называют его «бесподобным городом». Еще в начале века к вершине одной из скал, прозванной Пао де Асукар («Сахарная голова») за ее форму, решили протянуть канатную дорогу на высоте почти 400 метров. По тем временам задача оказалась сложной, и фуникулер построили двухэтапным. Путешествие длиной 1400 метров длится ныне около получаса. И все это время пассажиры восторгаются неповторимыми видами «бесподобного города».

Внизу справа — синяя кромка Атлантического океана, сливающегося на горизонте с таким же синим небом. Слева распластались гигантская бухта Гуанабара и примыкающая к ней промышленная часть Рио. А у подножия Пао де Асукар отливают золотом пляжи: слева — Ботафого с причалами для парусников и морских яхт, справа —

Копакабана. Далее отчетливо видны три полукольца этого приморского ожерелья: одно составляют припарковавшиеся вдоль пляжей разноцветные машины, другое — зеленые палисадники с пышными пальмами, и, наконец, последнее — стеклянные дворцы.

С горы Пао де Асукар открывается чудесный вид на соседний город Нитерой, административный центр штата Рио-де-Жанейро. Через бухту Гуанабара в этот город перекинут длинный красавец мост. Нитерой всегда в дымке, как и тянущиеся за ним горы и морские бухты. Эта дымка — результат коптящих небо фабричных труб.

Португальские мореплаватели здесь, у скалы «Сахарная голова», и основали город, назвав его Рио-де-Жанейро — «Январская река». Это случилось в марте 1565 года. По случаю 400-летия Рио на вершине другой скалы — Корковадо вспыхнули 44 мощных рефлектора, осветивших гигантскую каменную фигуру Христа (монумент был сооружен еще раньше, в 1931 году). Рефлекторы подарила в рекламных целях американская компания «Дженерал электрик», а зажжены они были по радиосигналу из Ватикана. С тех пор они полыхают каждую ночь, славя католичество и фирму «Дженерал электрик». Они стали одной из достопримечательностей города. Церковники в разных городах Латинской Америки стали копировать «чудо Рио», но сравниться с бразильцами им не удалось. Нелегко найти и такую скалу, как Корковадо, — высотой 700 метров, почти со всех сторон отвесную, расположенную в географическом центре города. Не по карману плагиаторам оказалось соорудить и 30-метровый монумент, весящий вместе с постаментом свыше тысячи тонн.

Поднявшись на Корковадо, видишь Рио как на ладони. Но вдруг в поле зрения попадает что-то такое, что кажется совсем несовместимым с 20-этажными зданиями, некоторые из которых отделаны мрамором. Это трущобы — фавелы, сколоченные из чего попало на склонах гор и в седловинах. В них ютится беднота. Когда один западногерманский журналист написал об обратной стороне медали — о внутреннем озере, которое отравлено настолько, что в нем не водится рыба, о вонючих фавелах, о канале для сточных вод, который пересек один из богатейших районов Леблон, о нищих и уголовниках, о бездомных и голодных, — одни не поверили ему, другие обиделись. Но на самом деле город сталкивается с острыми проблемами, которые вызывают головную боль у городских властей.

— Рио — это не только Копакабана, — говорил мне Оскар Нимейер, — я надеюсь, что когда-нибудь бедняки фавел, сколоченных из досок и фанеры, спустятся с гор вниз и примут активное участие в преобразовании своего города.

Любопытна история Копакабаны. Трудно поверить, что этот участок земли длиной 6 километров, где ныне живут и отдыхают очень состоятельные люди, в начале прошлого века был заселен бедняками. Тут была заброшенная заболоченная полоска земли да убогие негритянские хижины. Дело в том, что богачи Рио предпочитали тогда селиться на вершинах холмов, где климат более здоровый и прохладный.

С течением времени обычаи изменились. Бедный люд сооружает свои убогие фавелы на склонах гор, а богачи перебираются поближе к пляжам. Кондиционеры спасают их от изнурительной жары и влажности, которые господствуют здесь круглый год. Сейчас в районе Копакабаны проживает около четверти миллиона человек.

Копакабана в основном сохранила тот архитектурный облик, который придали ей зодчие в начале прошлого столетия; кажутся несколько старомодными фасады ее домов и застекленные террасы, среди которых теряются современные небоскребы.

— Рио производит металл, станки, медикаменты, текстиль, книги и многое другое, — рассказывали мне в городской префектуре — муниципалитете. — Через его порт уплывают за океан кофе, сахар, хлопок, кожа, ценная древесина, фрукты. Специализированные суда перевозят марганцевую и железную руду. Рио слывет в мире веселым карнавальным городом, но он еще и город-труженик.

— Что делается властями города для развития индустрии туризма, который является источником получения валюты? — спросил я работника муниципалитета Л. Денисса, отвечающего за связь с прессой.

— Каких-то особых планов на этот счет у нас нет, — ответил он после продолжительной паузы. — Строятся гостиницы, вот, пожалуй, и все. Туристы едут к нам позагорать на пляжах. Разве этого мало?

— А что можно еще посмотреть, кроме «Сахарной головы» и горы Корковадо?

— Возможно, фондовую биржу — первую в Бразилии.

Речь шла о старинном здании биржи, и визит туда, несомненно, интересен любителям старины. То, что Рио богат средневековыми церквями и соборами, памятниками архитектуры XVI—XVII веков, многие не замечают, считая, что блеск Рио — пляжи и стеклянные небоскребы. Однако в старой части города сохранились монастырь Сан-Бенто, ратуша, собор Канделария, свидетельствующие о том, что первые зодчие города также были не лишены таланта. Хорошо выглядят более поздние сооружения, как, например, Муниципальный театр с богатым вестибюлем и здание местного конгресса. Сам

муниципалитет расположился во дворце, построенном в европейской манере. Впрочем, удивляться этому не приходится: муниципалитет купил это здание у английского посольства. Прогуливаясь по старому Рио, встречаешь много особняков с колоннами и статуями, пышными украшениями в стиле барокко.

Рио — второй по величине город Бразилии и ее крупный культурный центр. Он гордится своими университетами, институтами, Бразильской академией литературы, Национальной обсерваторией, многочисленными библиотеками, кинотеатрами. Но все это есть во многих крупных городах мира. Культурные учреждения не добавляют ничего нового и весомого к славе «бесподобного города».

Так чем же еще неповторим Рио-де-Жанейро? Вероятно, стадион-гигантом «Маракана». Правда, в мире уже много стадионов, вмещающих 100 тысяч зрителей, но «Маракана» может принять вдвое больше, а смуглолицые болельщики на ее трибунах — люди особого нрава. Они играют одну из главных ролей в футбольном спектакле. То всплеском оваций, то ахами и охами они подбадривают, даже подстегивают игроков. Какой бы ни был матч — международный или местный, — трибуны содрогаются от грохота барабанов, пританцовывающих и поющих зрителей. Чтобы познать душу и характер жителя Рио, надо хоть раз посетить «Маракану».

Душа кариоки — так называют жителя Рио — раскрывается и в дни февральских карнавалов: это открытая, широкая, добрая душа. Не побоюсь сказать, что по своему размаху, продолжительности, количеству участников, по богатству костюмов, шляп и масок карнавал в Рио — самый великолепный в мире. Во многих латиноамериканских странах устраиваются карнавалы, и весьма пышные, но ни один не идет в сравнение с карнавалом в Рио.

Неповторим архитектурный образ Рио, хотя отдельные его черты стали хрестоматийными для зодчих всего мира. Жилой комплекс той же Копакабаны создавался в 40-х годах, удивляя мир своим новаторством. Естественно, за прошедшие десятилетия он не мог не оказать влияния на творческую мысль градостроителей.

Творцы «бесподобного города» не останавливаются на достигнутом. Музей современного искусства Нимейера представляет собой уникальное сооружение, похожее на перевернутую пирамиду, которая покоится на 12 изогнутых опорах. Оригинально выглядит крыша музея из бетонных козырьков — по одному на каждую опору. Посещение музея непременно включается в туристические маршруты, ибо нельзя пропустить возможность увидеть и эту прекрасную работу выдающегося мастера.

Однажды я попал в Рио в дождливый сезон. Странно было видеть здешнее небо, затянутое облаками, а здания, скалы и пляжи — тусклыми, даже серыми. Город было не узнать. Но вот появился просвет в облаках, выглянуло солнце, и Рио вновь заиграл своими яркими красками. Как идет солнце этому городу! Без него, пожалуй, не было бы настоящего «бесподобного города».

О прекрасной мечте человека в бухте Рио-де-Жанейро мы со школьных лет знаем от Остапа Бендера. Увы, его мечту оборвали пограничники на нашей границе. С той поры город на скалах рос, богател и манил к себе разноплеменные народы. Но вот какая штука. Сам Рио не торопился принять в свои объятия миллионы туристов — футбольных болельщиков. Он посылал к нам крепкие дружины «быстроногих», что уже и не припомнишь, сколько раз они завладевали титулом чемпионов мира. А Пеле?! Знаменитость, обаяшка на поле и рекламных щитах.

Да, Рио не спешил. Но согласился принять в XXI веке чемпионат мира — распахнуть входы на «Маракану», стадион города-гиганта Сан-Паулу, и настроить столько футбольных полей, сколько потребуется. Плюс гостиниц. Надо — расширят Копакабану. Бразильцы — трудяги, на загляденье. Они смогут и прославят страну в своих пенатах. Счастливого пути!

(Силантьев В. // Неделя. 1986. Ноябрь)

ГОРОД-ЮБИЛЯР

Снова довелось мне побывать в бразильской столице, поражающей оригинальностью своих дворцов и монументов, неповторимостью всей городской планировки. Ярко сверкают на солнце два белых спаренных параллелепипеда, образующие здание Национального конгресса, ставшее как бы визитной карточкой Бразилиа. А у его подножия красуются воздушно-легкие здания правительственного дворца «Планалту» и верховного суда.

Как и все творения архитектора Оскара Нимейера, «Планалту» поражает простотой и оригинальностью. Рабочий кабинет президента и салон для приема высоких гостей не отличаются ни внушительными размерами, ни богатым убранством; напротив, они выглядят даже тесноватыми по сравнению с парадным входом и просторным вестибюлем первого этажа, откуда наверх вместо привычной лестницы ведет полуспираль бетонной плиты без перил, покрытая розоватым пушистым ковром.

Из окна кабинета видна прямоугольная площадь, а на ней монумент первооткрывателям Бразилии и памятник бывшему президенту Жуселино Кубичеку, страстно желавшему переместить столицу из Рио-де-Жанейро в глубь страны, на нынешнее место. «С этого центрального плато, — высечены на камне его слова, — я смотрю в завтра моей страны и предвижу ее большое будущее».

Официальной датой рождения Бразилиа, согласно закону, подписанному Ж. Кубичеком, считается 1960 год. Строители начали создавать новый город в полупустыне, именуемой «сертан», где красная, перенасыщенная железом да еще иссушенная солнцем земля могла дать жизнь лишь убогим колючкам и сорнякам. Все материалы для стройки и продукты для строителей доставлялись издалека, иногда по воздуху. Первопроходцев вдохновляли заветы дедов и отцов, которые мечтали построить столицу внутри страны. В конституции Бразилии 1891 года был даже записан на этот счет специальный пункт.

Кроме памятника Ж. Кубичеку посвящен также большой мемориал, сооруженный по проекту О. Нимейера. В залах мемориала, похожего на усеченную ацтекскую пирамиду, хранятся архив президента, его личные вещи, исторические документы.

Рядом бросает тень один из полунербоскребов, украшенный вертикальными солнцезащитными ребрами, которые еще четверть века назад были новинкой. Теперь же, путешествуя по странам Латинской Америки, видишь такое полезное для жарких стран архитектурное убранство на зданиях во многих столицах и даже провинциальных городах. И вообще создатели новой столицы Бразилии могут гордиться тем, что многие их находки в зодчестве стали эталоном для творчества зарубежных архитекторов.

Территория Федерального округа Бразилиа простирается далеко за пределы самой столицы с ее полумиллионным населением и охватывает восемь городов-спутников. В них проживает еще около миллиона человек. «Эти города не планировались, — сказал мне ответственный чиновник из департамента Федерального округа Э. Тейшейра. — Они возникли как необходимое приложение к столице, где живут и работают только государственные чиновники и конгрессмены».

Разговор сразу же зашел об одной из самых острых проблем — транспортной, так как каждый день десятки тысяч людей из городов-спутников выезжают на работу в Бразилиа и возвращаются обратно, преодолевая в день до сотни и больше километров. Проблема обостряется не только потерей времени, но и стоимостью проезда, отсутствием общественного транспорта в черте самой столицы.

Другие вопросы, беспокоящие руководителей округа, — это медленное жилищное строительство, недостатки в медобслуживании и образовании, дороговизна жизни, которая в столице значительно выше, чем в других городах.

Творцы новой бразильской столицы, набрасывая ее контуры в форме самолета, как бы летящего к лучшему будущему, мечтали создать на голом месте город социальной справедливости, лишенный острых экономических проблем. Но оказалось, что недостаточно разместить в «носу» самолета, — иначе говоря, в пилотской кабине — высшие органы исполнительной и законодательной власти, в фюзеляже — правительственные учреждения, а в крыльях — жилые массивы. Чем старше становилась новая столица, тем больше выявлялись ее изъяны, присущие другим городам.

...В Бразилии сейчас зима — ведь страна расположена в Южном полушарии, хотя и не очень далеко от экватора. По ночам на черном, как сажа, тропическом небе выделяется Южный крест — созвездие, увы, невидимое для жителей северных широт. Но зима в столице мало чем отличается от лета. Ни один листок не пожелтел да и не пожелтеет на кудрявых низкорослых акациях и пальмах. В фиолетовых нарядах красуются цветущие бугенвиллеи.

Воздух столицы чист, сух и раскален, как в сауне. В столице и округе ни дымка, ни тени фабричной трубы. Правда, автомашин стало больше, но еще не настолько, чтобы они скапливались у светофоров.

Но те, кто привык к знойному Рио, к его песчаным пляжам, синему океану, тянутся по-прежнему в старую столицу — к ее шуму, сутолоке, неоновым огням. Их тянет туда, как провинциала в большой город. А ведь уже сейчас, спустя четверть века, Бразилия с ее спутниками насчитывает около полутора миллионов жителей. И в связи с юбилеем хочется пожелать ее жителям счастливой судьбы.

(Силантьев В. // Известия. 1985. 14 июля.)

СТОЛИЦА КАУЧУКОВОГО КРАЯ

Город Манаус раскинулся на берегу реки Рио-Негру, в самом центре бразильской Амазонии. Свое название он получил по имени одного индейского племени, которое поселилось здесь более четырех веков назад. В 1542 году жители поселения смело отбили атаку солдат испанского конкистадора, первооткрывателя Амазонии Франсиско Орельяны, пытавшихся высадиться

на берег. В течение многих десятилетий Манаус оставался малоизвестным, труднодоступным, а поэтому и немного таинственным поселком. Известность ему принесло удивительное дерево гевея, произраставшее в джунглях Амазонии. И не только известность, но и богатство, и славу «каучуковой столицы».

Во времена расцвета Манауса в городе было сооружено богатое здание в стиле раннего Ренессанса — оперный театр. Под его сводами когда-то пел Карузо и танцевала Анна Павлова. Издалека купол театра кажется золотым, на самом деле он расцвечен желто-зеленой керамической плиткой. Кресла зрительного зала обиты красным плюшем, сверкают позолотой логи и канделябры.

На фоне этого великолепия в центральном фойе режут глаз весьма скромные колонны из гипса. Служители театра рассказывают, что фойе должны были украсить дорогие мраморные колонны, заказанные в Италии. Однако корабль, который их вез в Новый Свет, затонул в море. Это случилось в 1912 году, когда уже прошла пора каучукового бума и отцы города не смогли собрать достаточно денег, чтобы заказать в Италии новые мраморные колонны. В то время Бразилия уступила пальму первенства в производстве каучука Малайе. Еще в прошлом веке, несмотря на строжайшие законы и таможенные барьеры, запрещавшие под страхом смертной казни вывоз семян гевеи, ловкий англичанин по имени Уикгэм тайно похитил эти семена и посадил их в Малайе.

Но сегодня Манаус как бы переживает второе рождение. Оно вызвано планами бразильских властей освоить гигантский район амазонских джунглей, составляющих около 56 процентов территории страны. В девственных джунглях появляются современные автотрассы. Идет освоение плодородных земель. Ведутся разработки богатых минеральных месторождений марганца, железной руды, золота и алмазов.

Манаус растет. Он обзаводится высотными зданиями банков и крупных компаний. Его бюджет значительно пополняется за счет торговли и туризма. С 1967 года Манаус объявлен «беспошлинным городом». В городе появились все атрибуты «индустрии туризма» — международный аэропорт, фешенебельные отели, торговые центры, музеи.

Подлетая к Манаусу, я увидел с борта самолета поразительное зрелище. Настоящее чудо! Мощный черный поток Рио-Негру вливается в Амазонку и какое-то время течет параллельно, не теряя своих очертаний. Амазонка выглядит двухцветной, черно-зеленоватой рекой — самой крупной в мире.

На географической карте Южной Америки я отчетливо увидел, что истоки Рио-Негру находятся далеко на севере и соседствуют с венесуэльской долиной и рекой Ориноко, с богатейшей черным золотом страной Уго Чавеса. Мне подумалось, что вполне возможно прорыть канал, соединяющий Рио-Негру с гигантской нефтяной артерией Венесуэлы. Таким образом бразильцы получили бы источники пополнения своих нефтересурсов. В крупнейшем бразильском городе Сан-Паулу деловые люди мне рассказывали, что нефть в страну импортируют из Ирака в обмен на бразильские пушки, самые лучшие в мире. Но времена меняются: Ирак оккупирован американцами и союзниками-натовцами. Теряя бывшие прочные позиции в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии (Китай, Индия), в Африке, Вашингтон ринулся в войну из-за ливийской нефти, хотя ее едва хватает традиционным потребителям — Италии и другим европейцам.

НЕСУЩИЕ СВЕТ

Быстро убеждаешься в том, что наряду со щедрыми богатствами в благодатной Бразилии немало уголков, которые очень скупко оделила природа, где на выжженной солнцем земле растут лишь редкие кактусы да низкорослые колючие кустарники.

Два дня мы ехали вот по таким пустынным просторам северо-востока, которые здесь называют «сертаном». Путь наш лежал к одной из крупнейших бразильских рек Сан-Франсиску. Для крестьян, селившихся по ее берегам, она была источником жизни: без орошения в этих краях земледелие почти невыносимо.

В дни нашего путешествия в пяти штатах северо-востока на территории около 800 тысяч квадратных километров свирепствовала засуха. Она нанесла огромный ущерб урожаю зерновых и хлопка. Свыше миллиона крестьян и сельскохозяйственных рабочих оказались в бедственном положении.

...Уже не первую сотню километров отсчитывал счетчик спидометра нашей автомашины, а на пути встретились лишь два поселка да несколько хуторов. Очень редко на длинных отрезках шоссе, специально проложенного для освоения диких пустынных районов, появлялись и бензоколонки. Природа становилась все суровее: на голой равнине не росли даже карлики-кактусы. Наконец, после долгого пути, когда мы повернули к реке, начали кое-где попадаться невзрачные пастбища.

Остановившись на ночлег у хозяина скотоводческой фермы, мы узнали, что опыт внедрения в этих краях высокопродуктивного

европейского скота не увенчался успехом. Непривередливые коровы-зебу да козы — вот все, что может разводить в этих местах фермер. Однако краснозем сертана плодороден, и после орошения земля способна щедро вознаградить человека за его труд. «Ждем не дождемся, когда вступит в строй оросительная система “Собрадинью”», — сказал в беседе с нами хозяин фермы Луис Ферейра. Он еще раз заговорил об этом, когда установленный на ферме электродвигок забарахлил и минут десять мы разговаривали в сплошной темноте.

О «Собрадинью», как о чем-то очень важном и долгожданном, говорили все наши собеседники. Многим было известно, что на станции устанавливаются советские турбины и генераторы, и поэтому при встрече с нами бразильцы стремились выразить свое одобрение участию Советского Союза в этой стройке.

Оливера Гуамайс, молодой мэр города Сеары, сказал:

— Передайте дружеский привет от наших горожан советским рабочим, которые производят машины для «Собрадинью» и несут нам свет. Мы хотим развивать экономические связи, жить с вами во взаимном уважении и дружбе.

Мэр вспомнил бразильскую легенду о том, что когда-нибудь река Сан-Франсиску пробудится, выйдет из берегов и «сертан» превратится в море, на берегах которого будут цвести фруктовые сады и наливаться кофейные плоды.

Эта легенда постепенно превращается в быль. 15-километровая плотина преградила путь реке, и возле местечка Собрадинью образовалось одно из крупнейших внутренних морей — площадью свыше 4 тысяч квадратных километров. Пока его водные ресурсы не используются для орошения, так как предстоит еще создать ирригационную систему. Но река уже вращает здесь советские турбины и генераторы.

Когда вступит в строй последний, шестой советский гидроагрегат, проект «Собрадинью» будет полностью завершен. Строителей-энергетиков ждут, однако, другие стройки на Сан-Франсиску. Руководство строительством каскада электростанций предоставило нам маленький двухмоторный самолет с надписью на борту: «Бандейрантес», что в переводе с португальского означает «Первопроходцы».

Самолет легко взмыл в небо и закружил над створом плотины «Собрадинью». С высоты станция выглядела еще внушительнее, чем на земле; величественным и бескрайним казалось разлившееся за плотинкой водохранилище. Затем «Бандейрантес» взял курс вдоль реки, которая на фоне рыжей полупустыни чем-то напоминала извивающуюся изумрудную анаконду, змею-гиганта.

От города Петролина до впадения в Атлантический океан реку отделяет 700 километров. А ниже по течению бразильские энергетики запланировали построить еще одну станцию, используя при этом исключительно благоприятные условия: не добежав всего 350 километров до океана, река вдруг срывается в узкий каньон глубиной до 120 метров. Здесь предполагается создать мощную станцию «Шинго». Сопровождавший нас представитель бразильской энергостроительной компании заметил:

— Мы рассчитываем на сотрудничество Советского Союза и в этой стройке.

Заканчивая репортаж, хотелось бы привести высказывание известного политического деятеля, первого вице-президента сената Бразилии Нило Куэлью. Говоря об отношениях между нашими странами, в беседе со мной он отметил:

— Для развития наших отношений имеются добрые перспективы. Ничто не мешает нам находить совместные пути в решении сложных проблем. Для этого необходимо желание, взаимопонимание и диалог. Если бы все государства поддерживали между собой диалог, то на земле давно укрепился бы мир и безопасность...

(Силантьев В. // Известия. 1981. 21 апреля.)

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ АМАЗОНКА

Перуанский город Икитос затерялся в джунглях Амазонии, в верховьях великой южноамериканской реки. Расположенный у экватора Икитос вечно пребывает как бы в естественной парной бане, и путешественник, собираясь в этот девственный край, заранее готовится к встрече с жарой и труднопереносимой влажностью. Но, достигнув Икитоса и оказавшись на его немногих заасфальтированных улицах, обнаруживаешь, что местные жители легко переносят жару, живут без кондиционеров и носят, как в европейских городах, ботинки — в сандалиях и прочей пляжной обуви здесь ходят лишь иностранные туристы. Иное дело — индейцы, которые приезжают в город на пирогах из джунглей. Они босые и в юбочках, сплетенных из травы.

В городке несколько туристических контор, которые предлагают путешественникам побывать в индейском селении и даже переночевать в джунглях, послушав удивительное пение редкостных птиц и вой страшных хищников. Но не менее увлекательно и само путешествие по Амазонке, которая тут, у истоков, весьма широка и полноводна.

Как и в прошлом веке, когда писались первые приключенческие рассказы и повести о путешествиях в глубь Амазонии, плавание по реке в наши дни также сопряжено с опасностями. Дело не в грозных обитателях джунглей — хищниках, змеях и прожорливой страшной рыбешке пиранье. Ныне по Амазонке плавают не только в пирогах, легких баркасах, но и на крупных морских судах. Но даже последним не устоять против вырванных с корнем могучих стволов деревьев, которые стремительно несет течение реки. Тщетны усилия рабочих лесопильни Икитоса выловить все стволы, появляющиеся в акватории города, и отправить на фабрику, где обрабатывают ценное красное дерево. С большим трудом им удастся вытащить на берег лишь некоторые деревья, в то время как другие уплывают вниз по течению.

Зорек глаз рулевого на капитанском мостике. А индейцы на пирогах, те вообще предпочитают плавать только у берега — тут безопаснее и тише течение. Но ни одному ловкому и сильному гребцу не под силу продолжительное плавание против течения. И поэтому на всем пути от Икитоса до индейского поселения мы видели много пирога и лодок, владельцы которых отдыхали в тени могучих эвкалиптов.

Наконец мы достигли индейского поселения. В нем все будто застыло в первобытном веке. Продуваемые со всех сторон хижины. Полунагие индейцы, не понимающие ни слова по-испански и живущие охотой, рыбной ловлей и собиранием съедобных ягод и растений. Однако этих индейцев больше не назовешь вольными жителями амазонской сельвы. Они не являются хозяевами здешних мест; земля принадлежит белому собственнику, который, как нам объяснили, разрешает нескольким индейским семьям жить и охотиться в его владениях только потому, что они привлекают туристов.

Икитос наводняют ныне другого рода путешественники — геологи, нефтяники и рабочие всевозможных профессий. Городок у истоков Амазонки растет. Я прилетел в Икитос из Лимы повидать советских специалистов-нефтяников.

УРУГВАЙ НА ВАЖНОМ ПОВОРОТЕ

Когда я приехал в Монтевидео, небо вдруг почернело, ветер с океана погнал на городские набережные высокие волны, по крышам домов забарабанил теплый тропический ливень.

В центре столицы, на улице Рио-Негро, носящей название одной из крупных рек страны, раздавался деловитый стук молотков и визг электрической пилы. Несмотря на непогоду, рабочие споро

ремонтировали старое, но еще крепкое здание. В нем решено оборудовать новую штаб-квартиру (прежняя была конфискована военным режимом) Коммунистической партии Уругвая, которая, невзирая на преследования и трудности работы в подполье, возглавляла борьбу трудящихся за демократию и право на счастливую жизнь.

В те дни из тюрьмы с кошунственным названием «Либертад» («Свобода») после долгих лет заключения, издевательств и пыток вышли руководители и рядовые члены компартии, патриоты из других левых организаций.

Репрессии, развязанные военным режимом, вызвали осуждение международной общественности. Как раз в дни уругвайских торжеств по другую сторону океана — в Женеве собралась Комиссия ООН по правам человека. Обсуждалось «дело Уругвая». Ответчиком по этому делу, естественно, должна была быть уругвайская военщина, правившая страной одиннадцать лет. Однако виновные в терроре бывшие правители не пожелали явиться в суд.

В Женеве по «делу Уругвая» выступил представитель Национальной партии сенатор Альберто Сумаран. «Наша страна, — сказал он в своей речи, — только что вышла из трагического периода истории, который начался государственным переворотом 27 июня 1973 года. Военный режим ликвидировал конституционное правление, разогнал парламент, запретил деятельность политических партий и профсоюзов. Пять тысяч уругвайцев в стране с населением в три миллиона человек были подвергнуты судам военных трибуналов».

Печальное наследие прежнего режима не ограничивается только памятью о годах террора. Известный деятель правящей партии «Колорадо» Рикардо Сербино, с которым мне удалось побеседовать спустя несколько часов после того, как он занял кресло министра экономики и финансов в новом правительстве, сказал: «Сумма внешнего долга Уругвая составляет около 3,5—4 миллиардов долларов. Таково наследство, которое оставили нам военные. Избавиться от него будет нелегко. Нам придется просить у иностранных банкиров отсрочки уплаты долга».

Министр отметил, что Уругваю необходимо расширять производство в различных сферах экономики, чтобы рассосать безработицу, которая составляет примерно 13 процентов трудоспособного населения, а также увеличивать объем внешней торговли, чтобы иметь возможность импортировать оборудование и нефть в обмен на вывоз уругвайского мяса, шерсти, текстиля и других традиционных экспортных продуктов.

Экономические трудности, переживаемые страной, не оставляют политикам много времени для размышлений. Сразу же после праздников поднялась волна стачек. Одними из первых забастовали текстильщики, добиваясь от нового правительства повышения зарплаты. Прекратили работу служащие местной авиакомпании «Плуна». Они требовали очищения их рядов от «военных лиц», расставленных среди персонала во время правления прежнего режима.

Конфликт продолжался несколько дней, международный аэропорт столицы был парализован. С перебоями работала уругвайская телефонная служба «Антель». Ее работники добивались не только прибавки к зарплате, но и протестовали против введенной военным режимом системы прослушивания телефонных разговоров и пустившей глубокие корни коррупции среди руководства компании.

Требования перемен касаются и политических вопросов. За одиннадцать лет своего правления генералы издали немало репрессивных декретов. Прогрессивная общественность выступает за их скорейшее аннулирование.

Мое последнее интервью в Монтевидео было с министром иностранных дел Уругвая Энрике Иглесиасом. «Поиски путей к миру, уважение международного права, принципа невмешательства, поддержка международных организаций — таковы основы нашей внешней политики», — сказал он.

...Страна сделала первые шаги, открыв новый этап своей истории. Хочется верить, что посеянные семена демократии дадут на уругвайской земле хорошие всходы.

Мои добрые пожелания уругвайцам сбывались. К концу XX века экономическое положение страны улучшилось. В 2009 году рост производства вырос на 7 процентов, экспорт увеличился в 2 раза, снизилась безработица. Политическая жизнь проходила в условиях регулярных президентских выборов. В 2009 году президентом был избран популярный борец за свободу Хосе Мухика. В 70-х годах он был активным деятелем Движения национального освобождения, партизанской группировки «Тупамарос». Она названа так в честь лидера восстания индейцев в XVIII веке Тупака Амароса. Хосе Мухика провел 14 лет в тюрьме. Его избиратели — рабочие. С его избранием заговорили, что Южная Америка «краснеет» вслед за Кубой, Венесуэлой и Боливией. К ним примыкают Эквадор и Никарагуа. 74-летний политик Мухика предпочитает ориентироваться на Бразилию, где лидером избран известный левый профсоюзный деятель Лула да Силва.

Уругвай — небольшая страна. Мировую известность ей давным-давно завоевали... футболисты. Они стали первыми чемпионами мира. Затем началась эпоха блистательных побед бразильцев. Как ни кинь, а Уругвай ближе к Бразилии. Уругвайские леса на северной границе плавно вливаются в бразильские джунгли. А чудесный курортный городок Сан-Карлос привлекает в свой порт больше бразильских яхт. Хотя Аргентина ближе, она отделена могучей Параной, вливающейся в Атлантику. Тут поток великой реки мутный, а пляж в Сан-Карлосе омывается чистыми волнами океана. Я провел там два чудесных дня, дыша прозрачным воздухом.

ВИВА НИКАРАГУИТА!

Да, это война! С пронзительным свистом бомб и снарядов, оглушительным треском пулеметных очередей и — с многочисленными жертвами. Мексиканские журналисты и мы, аккредитованные в Мехико иностранные корреспонденты, решили лететь в Манагуа — столицу Никарагуа. Туда еще пока летали лайнеры мексиканской компании «Аэромехико». Но у кассы в аэропорту нас огорчили: рейс отменен. Нам посоветовали вылететь в столицу Коста-Рики, соседней с Никарагуа страны. Там летали в Манагуа леваки. Летим туда. Нашелся один пилот, хозяин старенького «дугласа», запросил по 100 долларов с каждого из нас. А когда собрал кучу «зеленых», позвонил знакомому диспетчеру в Манагуа. Тот советовал переждать — в аэропорту идет бой между сомосовцами и повстанцами.

Таксист-левак предложил подбросить четырех журналистов по шоссе, до границы с Никарагуа, до погранпункта Сан-Карлос.

...Повстанцы-сандинисты пропустили нас. И в тот же час в небе появился легкий самолетик-разведчик «сесна». Я раскрыл фотоаппарат, но боец-сандинист схватил меня за руку и потащил к дому, затолкал в подпол и объяснил, почему сейчас надо спрятаться. За «сесной» появится сомосовский бомбардировщик «Т-33» и начнет швырять фугаски. Сквозь щель в подполе я увидел сначала промчавшийся реактивный истребитель. Он открыл отчаянный пулеметный огонь по ребятам в ярко-зеленой, под цвет местного ландшафта форме. Слившись с листвой, они плотным огнем отбивали атаку.

«Умрем здесь, но не сдадимся», — сказал мне командир отряда. Инженер-механик по профессии, он уже одиннадцать лет участвует в борьбе против тирании, дважды попадал в тюремные застенки Со-

мосы. Он сообщил свое имя — Маврин. Его отряд с боями пробивается на север по никарагуанскому перешейку, освободил города Масая, Ривас. Впереди Манагуа.

День был на исходе. Пришла пора расставаться. Крепко жмем загрубевшие руки. До свидания, мужественные повстанцы Никарагуиты! Так ласково зовут свою родину красивые и мужественные люди маленькой страны.

На попутной машине я вернулся в столицу. Там хозяин «Дугласа» все еще ждал момента вылететь в Манагуа. Утром он снова собрал с нас по 100 долларов. Мы засомневались: улетит с нашими денежками, потом ищи-свищи. Но он не обманул.

Приземлившись в Манагуа, «Дуглас» подрулил к зданию аэропорта. Пилот предусмотрительно не выключил моторы: готов был в случае чего задать стрекача. Мы прыгнули на летное поле и зашагали в сторону аэропорта. И вдруг воздух огласился оглушительной беспорядочной стрельбой из пулеметов и автоматов.

В замешательстве мы упали на летное поле, прикрыв головы кто чем мог — чемоданчиками, кинокамерами, фотоаппаратами... Кто-то из журналистов наконец осмелился поднять голову и увидел: стреляют... вверх. То были бойцы-сандинисты. Они устроили пятиминутный салют в честь нашего прибытия. Летное поле было усеяно гильзами от патронов. Я подобрал несколько еще горячих гильз на память об этом дне.

Первым делом нужно было найти телефон — передать в Москву репортаж. Но связи с центральным телеграфом нет, хотя телефонная связь внутри отеля «Камино реал», где нас разместили, работает отлично. На телефонной трубке золотом написаны служебные номера: вызов портье, служанки, такси и даже вызов телеграфа. Однако взрывом авиабомбы перебит телефонный кабель.

Обстановка в городе неясная. Тропическая ночь окутала все вокруг черной, как сажа, вуалью. Но нам необходимо добраться до центрального телеграфа, который освобожден час назад. И тут нам на помощь пришли две молодые никарагуанки, дежурные из отеля. Едва успевая регистрировать гостей и выдавать ключи от номеров, они шепнули: «Дон Родриго — тот человек, который вам нужен». Старый шофер назначил сходную цену за поездку плюс премиальные за риск.

Дон Родриго лихо двинулся в путь, но вскоре притормозил: остановил патруль сандинистов, затем — второй. Наш провожатый, молодой боец Пуэнте, выкрикивал вместо пароля: «Едем на телеграф! В машине — русские журналисты!» И нас быстро пропускали.

Дон Родриго порой вычерчивал по асфальту замысловатые фигуры, объезжая наспех засыпанные воронки, подбитые грузовики, траншеи и баррикады. Наконец мы у цели.

На полу в вестибюле здания телеграфа, сложив винтовки елочкой, первым мирным сном крепко спят победители. Спешим наверх, к пульту операторов. Бледнолицый мужчина, вероятно американец, сказал, что придется заплатить доллары нью-йоркскому оператору, который может связать с Москвой. Мы сообщили ему номера своих редакционных телефонов. Он включил один тумблер, второй. Минута, другая. Ура! На проводе — Москва, любимая стенографистка Зоя Соломина. Затем продиктовал свое сообщение на Пятницкую корреспондент Всесоюзного радио Лев Новиков.

...На следующее утро мы вновь отправились в центр города. Теперь шоссе было запружено толпами людей. Самодельные красно-черные флажки, ликующие лица, море улыбок... Десятки тысяч людей шагали в сторону центральной площади. Обычно пустынная, она была до краев заполнена людьми. Кто-то забрался на деревья, на крышу и портики собора с выбитыми после бомбежки стеклами. На площадь подъезжали в грузовичках бойцы-сандинисты. Они отчаянно палили из автоматов в воздух, скандировали: «Вива патриа libre!» («Да здравствует свободная родина!»)

...Протискиваюсь сквозь толпы сандинистов, вхожу в огромное правительственное здание «Паласио насиональ». Встречаю знакомых командантес Марвина, Борхе и других. Они напоминают мне о героической странице борьбы патриотов, разыгравшейся в стенах «Паласио». Мировая пресса писала об этом как о дерзкой сенсации, но не могла назвать ни одного имени героя. Все они значились под номерами: один, два, три и так далее. Ими командовала девушка под номером «Дос» («Два»).

В августе 1978 года двадцать пять отважных партизан, переодетых в униформу сомосовских гвардейцев, ворвались во дворец и арестовали всех прихвостней диктатора. Чтобы спасти их жизнь, тиран вынужден был согласиться вступить в переговоры с сандинистами и в конце концов выполнить почти все требования, содержащиеся в ультиматуме партизан. Первое из них гласило: передать по всем радиостанциям страны последние военные сводки об успешных боевых действиях сандинистов и полный текст (около 50 страниц!) манифеста Фронта национального освобождения имени Сандино.

Затем сандинисты представили тирану список из более восьмидесяти заключенных товарищей и потребовали их немедленного освобождения. Сомоса приказал доставить всех узников-сандини-

стов, захваченных в разное время при вооруженных стычках и облавах. Однако только 59 заключенных после перенесенных мучений и пыток в сомосовских застенках оказались живыми. Все 59 узников, в том числе лидер движения сандинистов Томас Борхе Мартинес, были освобождены.

Партизаны потребовали далее передачи сандинистам 10 миллионов долларов, которые предполагалось использовать для борьбы с диктатурой, но Сомоса отказался выдать столь большую сумму. С алчным диктатором решили не торговаться. Ведь главного партизаны добились: они вынудили Сомосу дать согласие на беспрепятственный вылет в Панаму двадцати пяти бойцов и всех освобожденных из тюрем узников.

Тиран капитулировал, но в самый последний момент мог устроить ловушку. Патриоты предусмотрели и такой вариант. Они не отпустили важных заложников — министра внутренних дел, правую руку тирана, а также племянника Сомосы, некоторых депутатов конгресса, верных слуг диктатора. В качестве «добровольных заложников» с партизанами из Никарагуа в Панаму отправились три высокопоставленных представителя католической церкви, а также два иностранных посла.

Перед тем как покинуть «Паласио насиональ», двадцать пять сандинистов собрали всех заложников. Подняв над головой автоматическую винтовку, один из партизан громко крикнул:

— Вот это оружие — единственный язык, который понимает тиран Сомоса. Долой диктатуру! Да здравствует народ Никарагуа!

Находившаяся среди бойцов девушка под номером 2, держа в руках национальный флаг Никарагуа, который висел в конгрессе и который сандинисты решили увезти с собой, выкрикнула:

— Мы вернем сюда это знамя, когда в Никарагуа у власти будет находиться демократическое и народное правительство!

Венесуэльский военно-транспортный самолет «Геркулес С-130» и четырехмоторный панамский авиалайнер благополучно доставили сандинистов в столицу Панамы. Панамские власти разместили необычных пассажиров в военной казарме. Некоторые сандинисты изъявили желание остаться в Панаме, найти там работу; другие заявили, что вернутся в Никарагуа и будут сражаться за ее светлое будущее.

Так многие из партизан и поступили. А девушку-команданте «Дос», как выяснилось позже, звали Дора Мария Тельес.

...Расхаживая по залам и гостиным «Паласио насиональ», я уже было потерял надежду увидеть ее среди победителей. Как вдруг за-

метил красивую хрупкую девушку невысокого роста. Это и была Дора. Спрашиваю ее:

— Что было самым трудным для вас в те два дня налета на «Паласио насиональ»?

Я ожидал услышать в ответ рассказ о смертельной опасности, нависшей над ней и жизнью ее товарищей, которые забаррикадировались во дворце, со всех сторон окруженном войсками.

— Вы не поверите, — сказала спокойно Дора, — самое трудное, что я пережила, — это мучительная физическая усталость. Я вела постоянные переговоры с эмиссарами Сомосы. Потом мне поручили обеспечить питание заложников. Вы не представляете, их были сотни! Конечно, мы заставили сомосовцев доставлять во дворец что-нибудь съестное. Но приходилось все время быть начеку. Солдаты могли в ходе передачи продуктов сделать попытку ворваться во дворец.

— Чем вы занимались до того момента, когда стали участвовать в партизанской борьбе? — спросил я.

— Училась в университете города Леона, на медицинском факультете. Много читала политической и другой литературы...

— Кто ваши любимые писатели?

— Лев Толстой, Достоевский, Максим Горький, некоторые классики латиноамериканской литературы.

После свержения сандинистами диктатора Сомосы я часто посещал Никарагуа в разные годы, интересовался строительством меж океанского канала. Его единственная сухопутная преграда — узкое тихоокеанское побережье Никарагуа. К югу оно сужается, что, естественно, привлекательно для строителей. Конечно, трассу канала уточняют специалисты, но и непрофессионалу понятно, какой объем земляных работ предстоит проделать для прокладки русла, чтобы пропускать суда из океана в океан...

Вдоль побережья проложено известное Панамериканское шоссе. Оно начинается в глубине Южной Америки, проходит через центральноамериканские страны, кончается на севере Мексики и ныне служит для автоперевозок.

Первый раз я проехал по нему, когда сразу после победы революции нормальная жизнь в Никарагуа только налаживалась, не было восстановлено воздушное сообщение с внешним миром. Однажды возвращался в известинский корпункт в Мехико кружным путем через старинный город Масая.

Рядом с городом — потухший вулкан. На его вершине — смотровая площадка. Когда-то в горловине кратера бурлила огнедышащая

лава. В свое время сюда с самолета сбрасывал политических противников диктатор Сомоса. Не помню, то ли о свергнутом в 1979 году голову, то ли о его отце один американский президент сказал: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын...»

С вершины вулкана через бинокль видна гладь огромного глубоководного озера, которое называется, как и страна, Никарагуа. Из него вытекает пограничная река Сан-Хуан, впадающая в Карибское море, дальше — воды Атлантического океана.

Как-то с друзьями-коллегами из АПН мы ехали по берегу озера до погранзаставы в поселке Сан-Карлос. Мы не увидели ни рыбацких лодок на озере, ни фигур рыбаков на берегу. В поселке мы выгрузили кипы литературы и оружие. Я попросил командира заставы проводить меня до устья пограничной реки. Он отговаривал: мол, опасно, через реку из Коста-Рики переправляются бандиты, грабят индейское население. Впоследствии в непроходимой сельве прятались недобитые бандиты диктатора. Там они создали сильно укрепленный редут, склад оружия.

...Все же по узкой тропе сквозь колючие кустарники и деревья мы приблизились к берегу реки. По ней могли свободно плавать речные суда. Но для прохода крупнотоннажных современных судов Сан-Хуан придется расширить и углубить. Иное дело — озеро: его глубина — до 70 метров. Напомню, что минимальная глубина Панамского канала, открытого в начале XX века, — 12,5 метра, длина — чуть более 81 километра, на нем — три пары шлюзов. Для прохода через канал тратится около суток. Никарагуанский канал сократил бы время и расстояние.

Мои поездки в Никарагуа были порой связаны с трудностями, транспортными и бытовыми, но благодаря революционным событиям я чувствовал себя словно на фронте. Мне хочется снова подышать воздухом радости и свободы, что переживал с латиноамериканскими друзьями, позать руку знакомым бойцам-сандинистам, их командирам, членам правительства, у которых брал интервью. И вместе с ними крикнуть: «Вива патрия! Вива либертад!»

ЧАСТЬ

ФИНАЛ

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

В историю 2008 год войдет как год начала глобального финансового и экономического кризиса. Чем выше колоколья, тем больше шансов, что по ней первой ударит молния. Так и произошло. Зашатались столпы Уолл-стрит — американского и мирового финансового центра. Обанкротился мировой автогигант «Дженерал моторс», производивший половину американских автомобилей. Мой коллега и наставник редактор Мэлор Стуруа, с которым я проработал в «Известиях» почти 30 лет, передавал из США: «Банкротство *GM* — не только “деталь” банкротства *USA*. Оно еще и свидетельство банкротства всей системы безудержного, бесконтрольного свободного предпринимательства, рынка. Дело не только в частичной национализации *GM*, при которой 60% концерна будет принадлежать государству. Дело в том, что бороться с мировым финансово-экономическим кризисом невозможно без обуздания его виновника — свободного рынка и его жрецов. Только государство способно защитить своих граждан от менял, захвативших храм и превративших его в свою кормушку и хлев».

На грани банкротства другие автогиганты — «Крайслер», «Форд». Десятки тысяч рабочих — автомобильных и других заводов —полнили армию безработных. Армию в 37 миллионов американцев, живущих на пособие государства, по продуктовым карточкам. Кризис больно ударил по крупным штатам, в их числе самый богатый — Калифорния.

Тем временем в Европе раскупили переизданный знаменитый труд Карла Маркса «Капитал». Рыночники ищут в нем рецепты спасения от кризиса. Но их там нет. Известно, Маркс прогнозировал: капитализм умрет своей собственной смертью.

Россия, вставшая на путь рыночных отношений, как и многие страны, оказалась в орбите глобального кризиса. Столкнулась с падением цен на нефть — главный источник доходов, ростом безра-

ботицы, сокращением бюджета. Правительство России как бы разрывалось на две части.

С одной стороны, обещало много «социальному сектору», то есть большинству россиян: повысить пенсии, регулировать рост цен на продовольствие, бензин, авиабилеты и прочее. С другой — выделяло миллиарды рублей на помощь обанкротившимся частным банкам. Что касается журналистов, то они изрядно трудились над темой — почему и кем развязан кризис? Когда он кончится и кончится ли вообще? Вторая важная задача СМИ, этих приводных ремней власти, — успокоить россиян, оставшихся без работы, еле-еле сводящих концы с концами. Прибегали к старым средствам — рассказам о ясновидящих, предсказателях, целителях и экстрасенсах.

Первые экстрасенсы появились на наших телеэкранах еще в конце 80-х, когда перестройка начала давать сбои. Кашпировский собирал в залах тысячи доверчивых людей. В продолжительных сеансах рассказывал об излечении больных. Просил телеоператоров показать женщину с ребенком, которого он излечил от энуреза. Называл еще пару имен сидящих в зале, которым помог избавиться от болезней. Сеанс заканчивал оглашением «установок» на излечение.

Второй целитель по фамилии Чумак усаживался в кресле и обращался к телезрителям: «Поставьте сосуд перед вашим телевизором, налейте воды. Расслабьтесь, забудьте про болезни. Я заряджу ваш сосуд целебным свойством». И начинал жестикулировать руками. Пойди проверь, сколько телезрителей исцелились, выпив водопроводной водички! Чумак стал посмешищем для сочинителей деревенских чашушек. Но преуспел, продавал крем под собственным именем.

Кашпировский дал много сеансов в Москве, ездил по стране, продавал видеокассеты, накопил денег и уехал в США. Он объяснил свой отъезд тем, что боится ограбления бандитов. Как бы там ни было, но наше телевидение обогатилось оригинальными видеолентами.

Жизнь стала еще хуже для простых людей в 2008 году. В январе нового года Второй канал завлекал телезрителей рассказом о великих провидцах — болгарской Ванге и нашей Матроне. О чудотворной Матроне показали часовой телефильм. Во время наступления гитлеровцев на Москву Сталин якобы получил от нее послание: «Иосиф, столицу не сдавай, прикажи обнести вокруг Москвы икону Владимирской Божьей Матери, и немец отступит». В передаче говорилось, что самолет с иконой облетел столицу.

Я всю войну прослужил в авиаполку воздушных разведчиков. Хорошо помню, как нашим летчикам приказали сфотографировать важные промышленные объекты столицы и центральные кварталы. Цель — проверить их маскировку. Не забыли предупредить наших

зенитчиков. Указали точный день и час, когда появится наш краснозвездный «Пе-2». И что же? Зенитчики открыли по нему огонь. Как говорится, заставь мужика Богу молиться, так он лоб расшибет. Слава Богу, наши летчики свернули с курса и остались целы. На «стружке» у начальства зенитчики оправдывались, что наш «Пе-2» по конфигурации похож на немецкий «Мессершмитт-110». Что верно, то верно.

Позор телевидению, допустившему глупую и безответственную выдумку о Матроне и святой иконе. Москву отстояли штыки солдатских винтовок, пехотные противотанковые ружья, авиабомбы «советских соколов», снаряды артиллерии, отряды лыжников в белых маскировочных халатах. Думаю, среди них погиб и мой любимый учитель физкультуры Яков Никитич Акимов, как и среди добровольцев — мой друг и одноклассник Юра Верховцев.

Зима 41-го была снежной, морозной, с густой облачностью. Однако наши мужественные летчики смело летали в непогоду. Самолеты обледеневали, но в песне поется: «Нам не страшны ни льды, ни облака». Летчики обнаруживали двигавшиеся на Москву колонны немецких танков, снабжали Главное командование Красной Армии ценными сведениями. Их можно было добыть только с воздуха, поскольку связь с отступившими нашими армиями была прервана. Приказом министра обороны, Верховного главнокомандующего полк был удостоен чести стать гвардейским.

Все мы в выходные дни отдыхаем, часто у телевизора. В воскресенье 24 июня 2009 года канал «РЕН-ТВ» предложил нам «День фантастических историй». Их было пять, и шли они одна за другой с 19.00 до 23.00. Первая история: «Чудесные исцеления, победившие смерть». Вторая: «Потусторонний мир. Тайные знаки». Третья: «Високосный год. Под знаком Апокалипсиса». Четвертая: «Бесмертие. Цена вечности». Пятая, последняя: «Проклятые драгоценности. Тайная власть камней».

Все сюжеты «игровые», с участием профессиональных артистов. В последней истории о тайнах камней рассказывается о девушке, которая посетила турагентство, чтобы оформить документы для поездки на отдых в Индию. Ей протянули анкету. Требовалось ответить на вопросы и подписать. Когда она начала ставить свою подпись, произошло чудо. На руке у девушки был перстень с изумрудом. Камень выпал и рассыпался на кусочки. Телеоператор по указанию режиссера запечатлел этот момент крупным планом. Напуганная случившимся девушка воскликнула: «Это знак! Если бы я улетела в Индию, то погибла». Далее показывались кадры мощного урагана, унесшего жизни десятков тысяч жителей Азии. Но это еще не все. Теледиктор повествовал о том, что древнеегипет-

ские фараоны и индийские правители верили в таинственную силу камней, поклонялись им. Да что там фараоны! Александр Пушкин не расставался с перстнем с окантованным драгоценным камнем. Он будто бы помогал поэту гениально и талантливо творить. После смерти великого поэта этот перстень носил Жуковский, затем Тургенев, Толстой. Сколько наворочено новыми телевизионными авторами!

Молодежный канал «ТНТ» в тот же воскресный день с 10 часов утра до 23 часов непрерывно, 13 часов, показывал выпуски передачи «Битва экстрасенсов». В каждой передаче, длившейся один час, своя тема, свои «герои». В битвах участвовали 16 экстрасенсов, отечественных и зарубежных, из стран СНГ. Первая передача была «безобидной». Гараж, два ряда легковушек разных марок. В багажник «Лады» спрятали красивую девушку. Экстрасенсы один за другим пытались угадать машину с девушкой. Преуспел лишь один москвич. Он прикладывал ладонь к багажникам автомашин и указал на «Ладу», поскольку якобы почувствовал тепло.

Всех волнует вопрос: когда же кончится глобальный кризис? Отвечу: понятно когда. Когда кончатся глупейшие передачи «Битва экстрасенсов» на канале «ТНТ», когда «независимый» канал «НТВ» прекратит транслировать еженедельное шоу Кашпировского, когда канал «ТВ-3» откажется показывать «чернуху» антисоветского пошиба на основе иностранных фильмов, сработанных во время холодной войны.

То будут сигналы выравнивания, реальной экономики, и даже прироста, устойчивости банков и возвращения к нормальной работе малого бизнеса. Зайдите тогда в подъезд моего дома. Там в два ряда висят 32 почтовых синих ящика. В постсоветское время они доверху заполнялись рекламными листочками. Предприниматели предлагали остеклить балкон, починить обувь, шпаклевать полы и прочие услуги. Весь подъезд тогда пропах типографской краской, удушливой и вредной для здоровья. И вот уже который год ящики пустуют. Дышится легче. Я жду, вот кончится кризис, и подъезд снова будет завален рекламными листовками, которые мы, как правило, выбрасываем из своих ящиков.

ФИНИШНАЯ КРИВАЯ «ИЗВЕСТИЙ»

Передо мной многостраничное (527 с.) издание 2009 года с несколько каламбурным названием «Неизвестные “Известия”». Это летопись популярной газеты, которая впервые

вышла в марте 1917 года. Затем она перешла из рук меньшевиков к большевикам и стала называться газетой Советов трудящихся.

Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями. Есть здесь фото Владимира Маяковского в полный рост, с устремленным в будущее взглядом. А рядом клише его удостоверения сотрудника «Известий». Тогдашний главный редактор И. Гронский, отмечая пошлые мысли врагов поэта о причинах смерти Маяковского, писал: «Он не только художник, но и борец... за победу социализма». Эта оценка была одобрена руководством Кремля.

В течение многих лет в красивом здании на Пушкинской площади Москвы создавалось творческое братство журналистов и работников типографии. Страницы книги заполнены переснятыми с документов списками метранпажей, линотипистов, рабочих печатных машин, именами профсоюзных деятелей, грамотами правительства страны как журналистам, так и типографистам. Перечислены и главные редакторы газеты. Некоторых из них увольняли, как Бухарина, за отклонение от генеральной линии партии. В конце книги назван последний главный редактор советских «Известий» — Николай Ефимов.

После того как газета перестала быть государственной, главные редакторы стали часто меняться. Но каждый из них в силу своего понимания старался сохранить традиции «Известий» как качественной газеты. И вдруг в 2011 году некая медийная компания «Ай-ньюс», словно удав кролика, проглотила ОАО «Известия», уволила главного редактора и его заместителей, редакторов отделов, обозревателей, ветеранов-журналистов. Было непонятно, кто издатель газеты, откуда появились неизвестные «писак» мелких информашек и гламурных финансовых обзоров. По уверению новых хозяев, они стали делать «современную газету».

За почти тридцать лет служения, как мы говорили, «родным» «Известиям» я познакомился с тремя директорами издательства, которые отвечали не за творческую, а хозяйственную часть. Однажды я в шутку сказал директору П. Грачеву: «Вы — миллионер. Сколько миллионов дохода получаете в неделю, когда номер стоит три копейки, а тираж только на Москву 600 тысяч?» — «Не считал, но главный наш доход — печатание праздничных цветных открыток и почетных дипломов». Такого ответа я не ожидал. Грачев же начал объяснять мне работу известинского хозяйства. Начал с гаража, расположенного у Савеловской железной дороги. Это — десятки легковушек, грузовиков, автобусов. После выхода очередного номера газеты наши «Волги» мчались в аэропорты с матрица-

ми. Рейсовые самолеты доставляли матрицы в центры республик и крупных областей и там уже печатали тираж для местных читателей. Кстати, в регионах работали до сорока собственных корреспондентов «Известий», которых тоже обслуживало издательство. В Москве издательство нанимало такси, которые развозили по почтовым отделениям все 600 тысяч экземпляров для жителей столицы. Грузовики с утра привозили рулоны бумаги с нашего склада, что находился за стадионом «Локомотив». А зачем нам автобусы? Каждую субботу один из них отвозил журналистов и работников издательства в дом отдыха «Пахра». Там издательству принадлежало огромное хозяйство. Кроме центрального корпуса со столовой, кинозалом, бильярдной и залами отдыха, два двухэтажных деревянных корпуса для отдыхающих. Несколько деревянных дач для руководства и для отдыхающих по путевкам. Через дорогу были построены два пятиэтажных панельных корпуса для обслуживающего персонала дома отдыха и загородный детский сад с большой территорией. На Черном море, возле Новороссийска, «Известиям» принадлежал санаторий, куда известинцы ездили в отпуска. В течение года свое здоровье можно было поправлять и в поликлинике «Известий», которая находилась в здании на улице Чехова. Обслуживание было бесплатным. Каждый год известинцы могли проходить диспансеризацию и получать направления в специализированные медицинские учреждения. Доходы издательства «Известий» поступали в том числе в Моссовет, что позволяло улучшать жилищные условия сотрудникам.

Не думаю, что когда-либо работники новых, современных «Известий» получают такие блага. Теперь это не уважаемые труженики своей страны, а наемные рабочие циничных предпринимателей.

ПОМИНАНИЯ ПО-РУССКИ

Когда я был собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Лондоне, то порой тушевался, не зная ответа на вопросы английских студентов: «Как выглядят советские молодежные стройки в Сибири?» Что я мог сказать? Не был я в Сибири и даже не был на стройке в Москве. Из института сразу пришел на работу в газету журналистом-международником. И вот однажды, находясь в Москве в отпуске, я попросил у начальства командировку на комсомольскую стройку в Братск. «Молодец! — похвалили. — Поезжай на стройку прокатного стана в Нижний Тагил, оттуда — в Че-

лябинск. В Нижнем Тагиле работает отряд комсомольцев. Не жалуются на комаров. Живут в пятиэтажных домах со всеми удобствами».

В Челябинске я увидел столько домен и мартеновских печей, что пешком их за день не обойдешь. Меня возили на грузовичке от одной домны к другой. Потому что одна заряжалась металлом и углем для плавки. Вторая остывала, а третья сливала сталь из гигантских ковшов.

Челябинск до войны был средним промышленным городом. Около миллиона челябинцев ушли на фронт. Из них каждый четвертый не вернулся. 262 южноуральца награждены Золотой звездой Героя Советского Союза.

Молодежь, не достигшая призывного возраста, женщины, старики и даже дети сооружали цеха для эвакуированных заводов. Порой трудились в снегопад, в дождь. Не знаю, был ли наш чудесный поэт Харитонов в Челябинске, но он здорово написал: «Дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей». Кроме того, город приютил 500 тысяч эвакуированных из областей, захваченных фашистами. Челябинск стал миллионным городом, «танкоградом». Он производил листовую броню. Уже в конце 1941 года Челябинск направил на фронт танковую роту из семи тяжелых танков «КВ».

В память о подвиге воинов города, самоотверженном труде его жителей воздвигнут мемориал Стена Памяти на Аллее славы в центре Челябинска. Длина стены — 1418 метров, по количеству дней, которые продолжалась Великая Отечественная война. На стене размещены фотографии участников войны и тружеников тыла.

После окончания Великой Отечественной войны числилось 27 миллионов погибших советских людей, воинов и мирных жителей. Страшная цифра! Ученые подсчитали: если бы человечество решило почтить память каждого из них по русскому обычаю минутой молчания, на это понадобилось бы 50 лет. Полвека!

Данные о погибших в страшной войне, конечно, до конца не выверены. Учтены ли два моих товарища-механика, которых мы похоронили в Смоленске в конце 1943 года прямо в авиагарнизоне аэродрома Северный. Более восьми месяцев мы находились в городе, который был сильно разрушен. Жили в наполовину разбомбленной казарме возле пустых четырех примыкающих к гарнизону пятиэтажных домов. Без воды, без тепла.. Аэродром Северный занимал огромную открытую ровную местность. Убегая, немцы взорвали центральные взлетные полосы строго в шахматном порядке, оставив две узкие заасфальтированные полосы, с которых улетали сами.

Смоленск — город, разделенный холмами. Между ними по довольно узкой долине проложены железнодорожные пути и течет Днепр. С нашей холмистой стороны был виден внизу вокзал, автостоянки, несколько зданий — бывший рынок и баня. Мост от фугаски согнулся дугой. На южном холме — срезанные снарядами фасады домов качались, как оторванные от стояка радиаторы отопления. Там, говорили, находился горсовет и другие учреждения.

Через Смоленск доставляли по рельсовым путям боеприпасы, шли военные эшелоны на фронт. Каждую ночь «юнкеры» обрушивали фугаски на железнодорожный узел. Не щадили и авиагарнизон. Мы спасались, прячась в щели в склоне холма. Однажды с механиком Костей Воробьевым спрятались в стальной водосточной трубе меж двух холмов. «Костя! — крикнул я. — Вылезай! Упадёт фугаска, и нас вышибет взрывной волной».

Костя служил в первой эскадрилье, а я — в третьей. Наши самолеты стояли в разных концах аэродрома. Был жаркий июнь. Вдруг я увидел, как Костя, объятый пламенем, бежит к нам на стоянку. Он горел. Я догадался почему. Костя хранил свой летный комбинезон в кабине самолета, возле бензобака. Комбинезон пропитался бензином. Костя — заядлый курильщик. Закурил, и комбинезон вспыхнул. Он с трудом сорвал его с себя. Но горела уже гимнастерка и майка. Мы догнали его, свалили, накрыли плотным моторным чехлом. Огонь погас. Но доктор в госпитале сказал, что солдат не выживет — слишком много ожогов на теле.

Мы похоронили Костю в сквере между двумя пустующими пятиэтажными домами. Прощание было коротким. Опустили гроб: «Прощай, дорогой товарищ. Пусть земля тебе будет пухом». Трошанин, техник эскадрильи, вытащил пистолет и трижды салютовал. А вскоре рядом с Костей похоронили старшину Черныша. Его нашли в густой траве метрах в десяти от хвоста самолета. Там он любил вырезать из обломков плексигласа портсигары, всякие безделушки. Сочли, что его убил из пулемета стрелок-радист, улетавший на боевое задание и решивший опробовать свое оружие. Это разрешалось. Разрешалось стрелять в сторону.

Прошли годы, десятилетия. Смоленск восстановили. Мы на юбилейные праздники родного полка приезжали в гарнизон на поезде. С вокзала на грузовичке ехали на аэродром Южный, то есть Штатовский. Однажды я предложил Павлу Александровичу, коренному смолянину, подняться в гору, найти дом-развалину, где мы жили, и положить цветы к могилам Воробьева и Черныша. Долго искали скверик с детской песочницей. Могил наших товарищей так и не нашли.

АТОМНЫЙ РЕКВИЕМ

На телеэкране было хорошо видно, что над американским городом-гигантом разверзлись небеса. Два небоскреба-близнеца были объаты огненным смерчем. Образовалось гигантское облако дыма и пыли. Небоскребы один за другим сложились как карточные домики.

Неужели это конец света? Меня охватило отчаяние. Я потянулся к листу бумаги — написать последние строки завещания близким и друзьям. Вот что получилось:

Солнце устало миллионы улыбок
Слать в ненасытный эфир,
Вдруг разлилось и ядерной глыбой
Взялось сокрушить этот мир.
Сразу улягутся жалкие страсти,
Землю за космос гоня,
Восторжествует везде самовластье
Смерча, вулканов, огня!
Разом слетят золотые короны
И демократии сеть.
Каждый — богатый и бедный — законно
Право получит на смерть.
Будут кипеть океаны от злобы,
Дыбиться горы, взрываться земля.
И как иголки проткнут небоскребы
Острые башни Кремля!

Вспомним американскую бомбежку японских городов в конце Второй мировой войны. Десятки тысяч убитых жителей Хиросимы и Нагасаки! Вспомним Карибский кризис. В середине прошлого века вашингтонские политики всерьез восприняли выдуманную ими же советскую ядерную угрозу, нервно реагируя на завезенные на Кубу советские ракеты. Оба ядерных монстра объявили боевую готовность в своих вооруженных силах. Тогда, кстати, находился на казарменном положении мой 47-й разведполк. Летчики в полном снаряжении, сменяя друг друга, круглосуточно дежурили в своих реактивных «Як-28». Слава богу, у лидеров двух сверхдержав хватило ума пойти на мировую.

Что же случилось 11 сентября 2001 года, в начале нового века? Поистине невероятное! На Нью-Йорк, да и все материковые США, не упал ни один снаряд, ни одна бомба ни в Первую, ни во Вторую мировую войну. Отделенные океанами от остального мира Соединенные Штаты чувствовали себя в безопасности, разве что совет-

ские ядерные ракетные силы вызывали серьезную озабоченность. Правда, с распадом СССР такая угроза явно спала. И вдруг горстка пилотов-самоубийц арабского происхождения овладела штурвалами тяжелых четырехмоторных авиалайнеров и врезалась в небоскребы-близнецы. Эти небоскребы, построенные в 1961 году, стали своего рода символом финансовой мощи Нью-Йорка, в них располагались несколько бирж и многочисленные офисы ведущих компаний мира. На крыше одного из небоскребов-близнецов я однажды прогуливался туристом. Открывался незабываемый вид на весь многомиллионный город и на статую Свободы, встречающую всех, прибывающих в «столицу мира» по морю.

Придя в себя после шока, президент США Буш-младший заявил о беспощадной войне с террористами, где бы они ни находились. Первой страной, которая выразила сочувствие Вашингтону, была Россия. Она сама увязла в войне против боевиков — чеченских террористов. Соболезнования Америке высказали многие страны. Но когда прошло шоковое состояние мирового сообщества, многие задумались. Где были хваленые агенты ЦРУ, службы безопасности США? Как случилось, что террористы угнали в одно утро сразу четыре авиалайнера? Где были истребители-перехватчики? С такой же легкостью террористы могли угнать ядерный стратегический бомбардировщик. Прозревшие повсюду, в том числе и в Америке, задавались вопросами: не пришел ли конец разрекламированному ореолу неуязвимости и величия Соединенных Штатов?

Не успокоилось общественное мнение и после того, как американцы обрушили свое возмездие на Афганистан, бомбя там и горы, и пустыни в попытках уничтожить боевиков террористической организации «Аль-Каида» и ее лидера Осаму бен Ладена. Вторжение американцев в Ирак вопреки резолюциям ООН породило раздоры не только в НАТО, но и во всем мировом сообществе. Однако США, расположенные за тридевять земель от Среднего Востока, сочли его регионом своих национальных интересов. Влиятельные силы в США почти не скрывали своей политики «двойных стандартов». На словах американцы оправдывали свое вторжение в Ирак намерением обезвредить запасы оружия массового поражения, свергнуть диктаторский режим Саддама Хусейна. А в уме держали цель завладеть нефтяными богатствами региона.

Уж кому-кому, а нашей стране надо было занять более активную позицию по отношению к южным соседям. Еще с царских времен, а затем в годы советской власти Россия имела добрососедские отношения с Афганистаном и Ираном, а позже с Ираком, когда он стал не-

зависимым. У нас были хорошие, деловые отношения с Египтом, Ливией, Сирией. В Триполи мы поставляли оружие. Президент Египта учился у нас на летчика, в Сирии мы использовали военную базу в Латакии, что на Средиземном море. Лидеры этих стран бывали в Москве.

В середине прошлого века, посетив Багдад в составе делегации на праздновании его 1200-летия, я видел там «советское присутствие» и снимал любительской кинокамерой «Киев», не жалея пленки. Ею меня щедро снабдило Московское телевидение, обещая показать фильм своим зрителям. Я снимал торжества, присутствовавших на них иностранных гостей и, конечно, достопримечательности столь древней земли — «колыбели цивилизации». Снимал коллегу багдадского радиоцентра, оборудованного советской аппаратурой, завод по производству железобетонных шпал, построенный с нашей помощью, рыбаков на Тигре, уличных торговцев, предлагавших «мелочовку», в том числе наши керосиновые лампы. Ходовой товар, так как негородское население Ирака жило без электричества. И это в богатейшей нефтью стране!

«Черное золото», как сказал мне тогдашний министр финансов, экспортировали в Западную Европу и перерабатывали для американских бензоколонок. Я побывал в сказочном Вавилоне, на нефтепромыслах, осмотрел знаменитые мечети в Саммаре. «Висячие сады Семирамиды» — одно из семи чудес света! Их нет в наше время, их давно уничтожили завоеватели. Право, кто только не появлялся с мечом между Тигром и Евфратом, начиная с Александра Македонского. Теперь вот пришли американцы.

При президенте Саддаме Хусейне модернизировалась иракская армия. Она, правда, не оказала большого сопротивления вторгшимся в страну американцам. Но иракские патриоты перешли к методам партизанской войны, точнее, террористической. Возле американских баз, гостиниц для иностранцев подрывались автомашины, начиненные взрывчаткой. Гибли солдаты-оккупанты и мирные жители. Но угадать, где и когда случится теракт, было невозможно, не ясно было, что противопоставить такому методу войны. Порой она возникала между шиитами и суннитами.

Не поддается подсчету количество мирных жителей, погибших в результате ведущейся США военной авантюры в Ираке. Число жертв иракской междоусобицы исчисляется многими тысячами. Совершенно очевидно, что жертв в Ираке в разы больше, чем погибло при падении двух небоскребов в Нью-Йорке.

Военные аппетиты США поистине огромны. Уже много лет на прицеле политиков и военных Вашингтона Иран. Он якобы если

не завтра, то послезавтра будет обладать атомным оружием. «Запретить! Наказать!» — таковы призывы конгрессменов на Капитолии, политиков в Белом доме, военных в Пентагоне, дипломатов в ООН. Санкции против Ирана, еще более строгие санкции. Не поможет — применение силы!

Складывающаяся обстановка чревата большой войной. В начале июля 2010 года мир облетела сенсация. Впервые после долгого лечения всемирно известный команданте Фидель Кастро выступил по Кубинскому телевидению. Он выглядел вполне здоровым человеком. Как обычно, критиковал северного соседа. Но на этот раз Фидель строго заявил: «Они играют с огнем! Нападением на Иран Соединенные Штаты и Израиль способны спровоцировать ядерную войну».

Случись подобное, ядерные грибы сметут не голые пространства Антарктиды или безлюдные льды Ледовитого океана. Они взорвут дышащий нефтяными парами огромный регион — Иран, Ирак, Кувейт, Саудовскую Аравию, Эмираты, египетские нефтепромыслы. Как раз тот регион, который снабжает «черным золотом» США, Англию, Западную Европу. То будет всемирное крушение! «Каждый — богатый и бедный — законно право получит на смерть».

ХРОМАЯ ЛОШАДЬ РОССИЯ

В детстве я очень любил лошадей. В первой главе этой книги я рассказывал, как в телеге чуть не погиб в реке. Я-то тогда чудом выкарабкался на берег, а вот дедовский мерин Матрос перемахнул через речку и распластался на другом берегу. Он задышался, придавленный оглоблями и хомутом. Хрипел. На помощь прибежали два парня — мои двоюродные братья. Рассупонили хомут, подняли коня на ноги, попытались переправить его через речку. Матрос ни с места. Сбежались деревенские. Дедушка Нил сказал парням: «Напужали хорошего коня. Он воды боится. Завяжите ему глаза. Возьмите за уздцы. Поглаживайте, ласкайте, и он вступит в воду».

Откачали конягу, запрягли и поехали на мельницу. А дорога через брод реки Колокша. Матрос остановился. Пришлось деду Матвею разуться и, как малое дитя, сопровождать коня по мелководью. То было летом. А с наступлением осени никто из колхозников не желал шагать босиком по холодной воде. Матроса забраковали. Говорили, что конь «водобоязливый», хуже хромой лошади. Та хоть ковыляет потихоньку, и то хорошо.

То, что случилось 5 декабря 2009 года в пермском клубе «Хромая лошадь», заставило переживать всю страну. Увеселительный клуб располагался в первом этаже девятиэтажного дома в центре города. Сначала помещение принадлежало военторгу, затем его то ли сдали в аренду, то ли продали частникам. Новые хозяева расширили клуб, разместили два бара, столики на 250 мест. Всего же клуб мог принять до 450 посетителей. Декорировали клуб и его ресторан под салуны Дикого Запада. В меню имелись «кальмары-кантри» и «ковбойский суп-гуляш», предлагалось «немного флирта и капля эротики». На сцене выступали музыканты и артисты. В тот злополучный вечер завсегдатаев приглашали гулять до утра «весело и с размахом». Включение «холодной пиротехники» неожиданно подожгло потолок, декорированный синтетикой. Внезапно вспыхнувший пожар вызвал панику. Произошла давка у единственной двери, задавило много человек. Еще больше задохнулось от газа тлевшего поролонa. В первые же часы число погибших перевалило за полторы сотни. Часть пострадавших самолетами МЧС были переправлены в лучшие больницы Москвы, Петербурга, других городов. По сообщению районного прокурора города, были арестованы арт-директор ресторана, исполнительный директор клуба и некий бизнесмен, поставлявший пиротехнику.

Расхлябанность и безответственность проявило начальство крупнейшей Саяно-Шушенской гидроэлектростанции, построенной в советское время в 1976 году. Требовался ремонт одного из блоков, гидроагрегат трясло. Но проморгали, и случилась страшная авария. Погибли 75 рабочих. Выход из строя ГЭС обесточил важный промышленный район.

На северо-западе случилась катастрофа поблизости от известной железнодорожной станции Бологое. В 40 километрах от нее у шоссе Ленинград—Москва находился аэродром Выползово. Там я прослужил около двух лет, однажды пережил бомбежку «Юнкерсов». Кто-то из леса пускал красную сигнальную ракету, наводя стервятников на самолетные стоянки, цистерны с горючим. Меня и моих товарищей авиаторов послали разыскивать лазутчика. Тщетно. Не пробраться — чащоба, болото, сугробы. То было 1943 года ранней весной.

И вот спустя полвека тот же лес и болото приказали прочесать спецназовцам. Они разыскивали возможного террориста, который подорвал рельсы и вызвал катастрофу скоростного поезда «Невский экспресс». Такое уже случалось два года назад. К счастью, тогда тепловоз и все вагоны проскочили место разрыва рельсов, и никто не пострадал.

Однако вечером 27 ноября 2009 года передние вагоны благополучно миновали место взрыва, а два задних снесло с рельсов. Последний перевернулся и наполз на предыдущий вагон. Погибло 27 пассажиров, 92 получили травмы. Террористов не нашли. Высказывались разные версии катастрофы. Одна из них — суперскоростной экспресс мог сам повредить рельсы. Они не приспособлены для современных заграничных скоростных поездов, которые развивают скорость до 350 километров в час.

Катастрофы просто преследуют Россию одна за другой. Провалился асфальт на автомагистрали Дон. Взорвались артиллерийские снаряды на армейском складе на Урале. То тут, то там обваливаются ветхие дома и гибнут люди. Происходят пожары в домах престарелых. На Волге, в акватории Куйбышевского водохранилища, затонул теплоход «Булгария». Судно было вдвое перегружено пассажирами. Более сотни человек утонуло. В Ярославле в Волгу упал «Як-42». Погибла команда хоккейного клуба «Локомотив». Терракты боевиков постоянно сотрясают Дагестан и Ингушетию. В мае 2012 года в Индонезии разбился наш современный лайнер «Суперджет-100». Погибших более полусотни. Уцелевшая после пожара пермского ночного клуба сочная вывеска «Хромая лошадь» прямо-таки приклеилась ярлыком к сегодняшней России.

В голливудских фильмах мы видели, как ковбои расстреливают своих захромавших лошадей, а у конокрадов за бесценое покупают новых скакунов. Продолжая аллегорию, надо признать, что главные кучера в Москве отлично знают о хромоте государства, даже грозили ужесточить наказания, вплоть до «посадки» российских конокрадов, то есть коррупционеров, мошенников, воров, рейдеров, нечестных риелторов, девелоперов и тому подобных. Правда, Владимир Путин на предложение всех посадить пошутил: «Всех пересажаем, а кто работать будет?»

Вспоминается, однако, его вмешательство в Пикалевский кризис. Он, как ковбой, с наскоку заставил трех бизнесменов возобновить производство, выплатить зарплату рабочим. Жители города остановили блокаду важной автострады. Таких моногородов в России свыше трехсот. Путин обещал, что за их судьбой будет следить специально созданная группа, а потребуется, он приедет и в Пикалево, и в другой город. «Твердости и решительности у нас достаточно», — заверил Владимир Владимирович. Короче, проявил и готов еще показать «твердую руку».

Мастером «твердой руки», конечно, был Иосиф Виссарионович. Сталин правил по поговорке: опусти вожжи, и рысак ослом

будет. Выполнил рабочий цеховскую норму — молодец. Перевыполнил — премия. Прогулял — тунеядец. Начальник цеха, директор предприятия получали строго лимитированную зарплату. Не бонусы, как игроки нынешних финансовых бирж, а крупную премию за внедрение новинки, рацпредложения. За годы первой пятилетки большевики построили свыше 900 предприятий, оснащенных передовой технологией. Этим удивили весь мир.

Увы, к началу XXI века пространство России сократилось до границ 1654 года. Такими, как пишет в своих воспоминаниях видный советский посол-американист А. Добрынин, они были до присоединения к России Украины при Богдане Хмельницком. По словам Добрынина, непродуманность и поспешность Горбачева в ходе переговоров с Западом привели к плачевным последствиям. Страна потеряла статус сверхдержавы, окруженной дружественными государствами. Советские войска были спешно выведены из Восточной Европы. Затем Б. Ельцин внес свою лепту: вместе с двумя сподвижниками росчерком пера в Беловежской пуще распустил Советский Союз.

Радует нынешних кучеров одно — сократилось пространство для лечения государственной хромоты. Мечтать о возвращении на международную арену в качестве великой державы не приходится. Хорошо, что Россию еще зачислили в «восьмерку» великих держав за ее неисчерпаемые кладовые «черного золота» и необозримые запасы природного газа, за владение ядерным щитом.

Мир продавцов-производителей уже поделен. И на нем вот-вот произойдет смена лидеров. В преддверии нового 2010 года Китай произвел автомобилей больше, чем самая автомобильная держава Соединенные Штаты. За последние 20 лет Китай провел самую успешную в мире модернизацию: ВВП вырос в 12,6 раза, промышленное производство — в 19 раз, экспорт промышленной продукции — в 28 раз. Народный Китай обходит США по многим статьям. В ближайшие 20—30 лет тон в мире будет задавать эта великая страна. Она родилась под красным пролетарским флагом и успешно развивается, руководимая Коммунистической партией.

Прошедшие в 2009 году юбилейные празднования создания КНР показали военное могущество Поднебесной. На военном параде прошли современные войска и были показаны все виды вооружения: от танков до стратегических ракетных установок, способных поражать цели на расстоянии 11 тысяч километров. Китайцы сами производят вооружения. Олимпийские игры в Пекине показали, что КНР «впереди планеты всей» в области спорта. А закрытие Игр

с участием тысяч и тысяч спортсменов, типично китайские театральные и цирковые постановки, декорации, фейерверк были величественны и неповторимы.

Меня, ветерана Великой Отечественной, зависть берет. Ведь в нашей Российской армии «хромая лошадь» у всех на виду. Продолжается масштабное сокращение армии. Генштаб уже обнаружил планы увольнения свыше тысячи генералов, десятков тысяч полковников и других офицеров. Увольняются по выслуге лет и в связи с реорганизацией полков и дивизий. Всем положено предоставить гражданские квартиры. Однако мой последний командир авиаполка полковник Лопарев несколько месяцев ждал переезда из Шаталова хотя бы в Подмосковье. Его сослуживцы смирились, что доживать свой век будут в казенных гарнизонных домах. Мои однополчане, перелетевшие из Шаталова в Воронеж, летчики и техники, арендуют квартиры у горожан-воронежцев. Даже у штаба авиабазы, куда влилась моя эскадрилья, нет своего служебного помещения. У вольнонаемных, что обслуживали большое полковое хозяйство, теперь нет работы.

Кремлевские кучера решили наконец «переподковать» экономику, то есть осуществить модернизацию производства, как гражданского, так и оборонного, на основе внедрения непонятных народу инноваций. Второе важное направление — обновление политической системы. Надо понимать, имеется в виду расстегнуть шлею на лошади, рассупонить хомут, снять шоры и дать глотнуть воздуха свободы и демократии.

Увы, в России уже нет заводчиков-патриотов, зато есть класс олигархов. В России нет и современных оборонных заводов. Их «съела» приватизация. Генштаб намерен закупать оружие за рубежом, например, французский миноносец или израильский самолет-беспилотник.

Хуже дела с лечением политической «хромоты». Власти Москвы согласились с инициативой ветеранской организации и с ее председателем В.И. Долгих, в прошлом секретарем ЦК КПСС, украсить столицу к 9 мая 2010 года плакатами времен Великой Отечественной, портретами славных маршалов, включая И. В. Сталина. Мэр Лужков заявлял, что он не поклонник Сталина, но не против вывесить в людных местах десять, не более, портретов Верховного главнокомандующего. Однако антисталинисты начали кампанию в прессе против инициативы ветеранов. «Ошибок Сталина никто не отрицает, — заявил участник войны, Герой Советского Союза Сергей Романов. — Но войну Сталин не проиграл. Стал символом

Победы. Столичные власти, надеюсь, не дрогнут. Они преодолеют давление тех, кто последние полвека организовывал клеветнические кампании против руководителя СССР».

Однако ветераны ошиблись. Ни одного плаката на 9-е Мая в столице не появилось. Хомут на «хромой лошади», намордник, шоры — все осталось на месте. Медийная братия взяла под козырек. Особенно отличился Пятый канал, наняв отпетых антисталинистов. Лишь «Московский комсомолец» поместил снимок бюста Сталина, который был установлен на кирпичном постаменте в Тамбове во владении Открытого акционерного общества. Туда не могли проникнуть власти. В Якутске попытка коммунистов установить скульптуру вождя в сквере была пресечена нарядом милиции. Уверен, по случаю Дня Победы состоялись торжества по всей нашей «необъятной Родине». Думается, патриотический настрой народа напугал кремлевских кучеров и они свернули «плакатную инициативу» ветеранов.

Парад на Красной площади не представлял открытий для москвичей. Его прогнали несколько раз по главным столичным улицам. Перед началом шествия войск и техники по Красной площади президент Дмитрий Медведев провозгласил здравицу в честь ветеранов войны — солдат и матросов, сержантов и старшин, офицеров, генералов и адмиралов. О маршалах, что покоились у него за спиной, за щитом в Кремлевской стене, не обмолвился. В конце президент воскликнул: «Слава победителям! Ура!» В их число он включил прошагавших по брусчатке «союзников» — американцев, королевских гренадеров в высоких, с полметра, медвежьих шапках, ветеранов эскадрильи «Нормандия — Неман», польских жолнежей.

Публика на трибунах и телезрители оживились, заулыбались, когда на брусчатке площади появился белый жеребец, высокий, поджарый. Его доставили в столицу из Туркмении в подарок от президента страны Бердымухамедова. Белый красавец, потомок скакуна по кличке Кумир, породы, насчитывающей пять тысяч лет. Кумир знаменит тем, что в июне 1945 года на нем появился из ворот Спасской башни принимать Парад Победы Георгий Константинович Жуков.

Белый рысак перед центральной трибуной пританцовывал, гарцевал. А чуть позже по площади прошел эскадрон на русских лошадках, бурой масти, без хромоты. Им тоже дружно аплодировали гости на трибунах.

ЧАСТЬ

МОЯ СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

(главы написанные и редактированные
в 2013–2014 гг.)

ЮБИЛЯР

Много ли человеку нужно для счастья? По большому счету — не очень. Главное — нужно любимое дело, то есть призвание, профессию, творчество. Не исключая, что частью счастливой жизни являются семья и дети. Для особо изворотливых людей любимым делом может стать работа в доходном месте и таким образом приносить им удовольствие.

Все мы — ровесники какого-либо исторического события. Их много во всемирной истории. Моя первая профессия — военная. Я служил на войне авиационным механиком, занимался сугубо рабочими специальностями — моторист, смазчик и другие. Выбрал их не по зову сердца, а в тяжелую пору — шла Великая Отечественная война. Остался жив, и как же мне пригодился опыт механика в мирное время, когда приходилось ремонтировать свои и служебные, корпунктовские автомобили.

Вторая моя профессия — журналист. Свои статьи и книги я печатал на портативной немецкой пишущей машинке «Эврика». Она служила мне долгие годы: в командировках, в редакции «Известий». Служит до сих пор, хотя все уже давно перешли на компьютеры. С сознательного возраста моим главным наставником стал Иосиф Сталин — организатор наших побед. Он мечтал о сплоченном, сильном государстве, союзе и дружбе народов. Его политические преемники не следовали ленинским заветам, начали подтачивать социалистическую систему, и в начале 90-х годов Советский Союз распался. Большинство моих сверстников не дожили до этой катастрофы, а я в 2012 году отметил 90-летие. Столько же должно было бы исполниться и СССР. По паспорту день моего рождения — 22 июня. Это дата начала Великой Отечественной войны. На самом

деле я родился на три дня позже, но после Победы паспортистка, когда выписывала новый документ, предложила мне, фронтовику, что-нибудь изменить в паспорте. Я попросил поставить датой рождения 22 июня, чтобы всегда помнить трагический день в истории нашей страны. Она сказала: «Этого мало! Я укажу в паспорте, что он «бессрочный!».

УРОКИ НАЧАЛА ВОЙНЫ

За полгода до войны я стал курсантом авиатехнического училища в Ленинграде. Все мы чувствовали приближение страшной угрозы. Сомнений, что придется воевать, не было. Хотелось получить специальность, которая потом помогла бы громить врага.

Училище занимало целый квартал на Выборгской стороне. Промозглая погода, особенно зимой, доставляла много неудобств. Когда выпадал снег, курсантов заставляли чистить дорожки и тротуары вокруг училища. Наш старшина, уже немолодой сверхсрочник, отдавал команды, звучащие как угрозы, и издевался над нами. Часто в обеденное время заставлял шагать строем и запевать маршевые песни, в то время как товарищи из соседних рот уже доедали борщ и переходили к котлетам. В начале июня 1941 года нас отправили в летние лагеря, расположенные в предместьях Ленинграда. Там мы окапывались, совершали марш-броски в противогазах. Старшина все приговаривал: тяжело в ученье, легко в бою.

Раз в неделю полагался банный день. Мы, как на параде, маршировали на помывку мимо царскосельских дворцов, и очень хотелось заглянуть внутрь, посмотреть на богатое убранство залов. Саша Патюков, мой друг курсант-ленинградец, придумал, как это осуществить. Не заходить в баню, а сразу надеть чистое белье, как будто уже помылись, и отпроситься у старшины. Так и сделали. У входа во дворец смотрительница сказала, что солдат в сапогах «не пускают». Выдала нам тапочки и заставила нести сапоги в руках. Когда вошли внутрь, глазам своим не поверили. Такой красоты мы никогда не видели. Залов, кажется, было около дюжины, и все великолепно, по-царски украшены. Особенно поразила Янтарная комната, вся сделанная из минерала самых разнообразных желтых оттенков. Саша предложил вернуться сюда на следующей неделе, но не удалось. Началась Великая Отечественная война.

Мой первый день в авиачасти в Подмоскovie в июле 41-го начался с похорон экипажей двух бомбардировщиков Пе-2, которые столкнулись в небе над аэродромом. Эскадрилья лишилась опыт-

ных летчиков, воевавших добровольцами в Китае и Испании. Разбились два новейших самолета, которых так не хватало в тяжелом 41-м году. От них осталась груда искореженного металла, отвратительно пахнувшего горелым алюминием. От людей — холмик с серебряной пирамидой и красной звездочкой...

Четыре года на фронте. Запомнившийся навсегда отрезок жизни. О фронтовой жизни, о боевых товарищах-однополчанах я написал книгу «Воздушные разведчики». На войне всякое бывало: подвиг и трусость, самопожертвование и подлость, бескорыстие и черствость. В книге я описал и положительное, и негативное, избегая вычурности и парадности. Первый рецензент рукописи, от которого зависело ее издание, дал резко негативную оценку. Его главный аргумент сводился к тому, что описанные мною авиакатастрофы могли оттолкнуть молодого читателя от военной авиации, куда и без того был недобор молодежи. В общем-то, он был прав, потому что катастрофы и смерти на войне были и совершенно нелепые.

Но не авиакатастрофы, не разного рода происшествия в небе и на земле характеризовали нашу фронтовую жизнь, а смелые боевые дела. Порой скромные, будничные, чаще без подвигов или малейшего намека на него. Дела, связанные всегда с неудобствами жизни, иногда с полуголодным существованием. Страх, что тебя убьют, жил в нас, но о смерти как-то не думали. Отдать жизнь за спасение Родины от порабощения считалось долгом каждого. Так нас воспитали. Родина означала для нас и семью, и наш дом, и достижения социализма, и прекрасные мечты, и личное счастье. С этими мыслями легче переносились потери и невзгоды.

Самолеты начала Великой Отечественной войны не имели радио, летчики не могли переговариваться с товарищами, летящими рядом. Командиры подавали сигналы ведомым покачиванием крыла, а иногда жестами рук. Не имелось радаров, изобретенных тогда англичанами, которые держали свой секрет в строжайшей тайне. Из-за отсутствия точных навигационных приборов врагом номер один для летчиков скорее была плохая погода, чем противник. Воздушные экипажи не умели летать ночью, в облаках, часто блудили, садились на вынужденную, не найдя своего аэродрома. Но ведь летали! И как здорово! И били немцев! После битвы на Курской дуге мы сохраняли превосходство в воздухе над гитлеровским люфтваффе.

Тогда на фронте и сейчас под конец жизни не перестаю восхищаться: как же так случилось, что лапотная Россия победила на земле и в небе моторизованную Германию? Именно наша во-

енная авиация является наглядным примером величия и таланта русского народа. Если дореволюционная Россия оставила большевикам кое-какой задел в нефтяной промышленности, железнодорожном транспорте, пароходстве, угледобыче, то для развития авиации не было практически никакой базы. Наша авиационная промышленность создавалась на пустом месте. Страна-то была крестьянская, а создала передовую технику. Разве это не подвиг?! Не кто-нибудь, а советские люди удивили мир дальними перелетами через Северный полюс. Нам, мальчишкам, Чкалов и Громов казались неземными героями. За их полетами следил весь мир, ибо в ту пору ни одному исследователю не удавалось достичь полюса.

Утверждают, что Сталин любил авиацию и не жалел средств на ее развитие. Верно, термины «сталинская авиация» или «сталинские соколы» широко вошли тогда в лексикон советских людей. Но вдумаясь: кто строил тогда самолеты? Вчерашние крестьяне. А кто летал на них? Парни, пришедшие в авиаучилища из городов и деревень. И это чувствовалось во время войны. Храбрости летчикам было не занимать, а вот с общим кругозором было слабовато. И вовсе не из-за отсутствия талантливых и способных людей. Тогда даже в Москве трудно было купить общеобразовательную книгу, хотя издавались миллионы учебников для школ и вузов. Мало было в городах библиотек, а в деревнях не знали электрического света.

До войны на золото мы покупали заграничные патенты и лицензии. Некогда популярный автомобиль «Волга» ведет свою родословную от легковушек «эмок», которые первоначально украшались, сам видел в детстве, голубым овалчиком на радиаторе с надписью «Форд». Плеяда отличных фотоаппаратов «Киев» родилась еще до войны с покупки патента у немецкой фирмы «Лейка». На нашем бомбардировщике Пе-2 стояли моторы с французской родословной, модифицированные перед войной русскими умельцами-моторостроителями, подобно прославленному конструктору Микулину.

Новейшие боевые самолеты фашистов были куплены до войны за золото. Выдающийся конструктор истребителей Яковлев в своей книге воспоминаний рассказывает, что, продавая нам новейшую боевую технику, гитлеровцы были уверены, что мы не успеем ее скопировать и наладить массовое производство до начала войны. Яковлев пишет, что ему показали сугубо секретный в то время истребитель «Фокке-Вульф 190», который появился на фронте лишь в 1943 году.

Немцы хвастались своими талантами и считали русских бездарными. Просчитались! Уже в конце июля 41-го к нам в полк при-

была на вооружение партия Пе-2, современных скоростных пикирующих бомбардировщиков. На нем наши летчики провоевали почти все четыре года. Создавались другие машины аналогичного профиля. Но они не превосходили его летными характеристиками. Пе-2 не уступал «хейнкелям», уходил от преследования «мессеров». Летчики и механики любили эту машину, хотя она была строгой в управлении, ошибок в пилотировании не прощала. В конце 42-го нашему полку разведчиков прислали американский бомбардировщик «Бостон». Двухмоторный, по параметрам был похож на Пе-2. Почти всю войну его перегоняли с одного полевого аэродрома на другой, откуда мы вели боевые действия. Однако в разведку на нем никто не летал. Летчиков пугало слабое вооружение «Бостона», да и шасси были рассчитаны на бетонированные посадочные полосы. Два раза при посадке на полевой аэродром они ломались. Правда, моторесурс на «Бостоне» в три раза превышал моторесурс Пе-2. Уважение у летчиков вызывал американский истребитель «Кобра». Он отличался необычным расположением третьего колеса впереди, под кабиной летчика. Английский истребитель «Харрикейн», который мы увидели еще в 41-м под Москвой, вызывал улыбку. Прозванный «горбатым», он легко переворачивался на рулежке. Дабы избежать аварии, механиков сажали на хвост в качестве противовеса.

Свою отечественную технику старались освоить, изучить сильные и слабые стороны. Помнили приказ Верховного главнокомандующего Сталина: «...нельзя победить врага, не овладев всем искусством войны, не изучив своего оружия...» Пожалуй, первые два года войны ушли на решение этой задачи, а потом, после сражения на Курской дуге, мы начали по-настоящему бить фашистов. Короче, мы стали мастерами.

Самое ценное, что ковалось с первых дней войны, — это дух взаимной выручки, товарищества, дружбы. Презрительное словечко «сачковать», увиливать от работы, я впервые услышал на войне. Но явных сачков в полку было немного. Большинство пользовались уважением за то, что не прятались за спиной сослуживцев. В эскадрильи царила особая доверительная обстановка. Командиры обращались с подчиненными как с товарищами.

41-й, верно, страшный год. Сначала мы верили спокойным сводкам Совинформбюро о сдаче наших городов якобы в порядке планомерного отступления. Верили потому, что помнили подобную тактику маршала Кутузова в войне с Наполеоном. Но когда наши войска сдали гитлеровцам Минск, Смоленск и другие крупные го-

рода, закралось сомнение, и среди нас родилось острое словечко «драпать». Оно было в обиходе солдат и командиров. Однако никто из нас не сомневался, что рано или поздно, под Москвой или Владимиром, немцев остановят и погонят назад. И эта вера была сильнее любого оружия.

Сталин, к сожалению, просчитался во многом. В первую очередь в сроках нападения. Он полагал, что Гитлер должен предъявить Москве какой-либо ультиматум, прежде чем начать войну. Москва в ответ предложит начать переговоры с целью рассмотрения требований и претензий Берлина. Таким образом, Сталин рассчитывал затянуть переговоры до момента, когда Красная армия закончит программу перевооружения, рассчитанную на конец 1942 года. Гитлер, однако, не выдвинул ультиматума и без объявления войны напал на нашу страну. В этом суть сталинского определения «вероломного и внезапного» нападения со стороны Германии, а не в том, что Красная армия была не готова к войне и она якобы явилась для нее полной неожиданностью. Напротив, в войсках только и разговоров было о неизбежности войны.

Вопросы, вопросы... Мы задавали их себе на фронте в пору, когда из-за непогоды прекращались боевые полеты и наступала короткая передышка. Тогда в землянке у печурки кто про себя, а часто и вслух обсуждались наболевшие вопросы: как же так случилось? Ответ был — мы не умели тогда вести современную войну. Сталин, в общем-то гражданский человек, просчитался, полагая, что армия живет по своим жестким законам и должна быть готова в любую минуту по тревоге дать отпор противнику. Да, нас в военном училище обучали этому, заставляли зубрить Устав. Устраивали боевые тревоги, наказывали тех, кто в считанные минуты не успевал соскочить с койки, одеться, взять винтовку и встать в строй. И, наоборот, объявляли благодарность тем, кто укладывался в срок.

Мы были поражены обстановкой, когда прибыли из училища в боевой полк. Шла война, а никто нас не выстраивал, не проверял, начищены ли сапоги, блестят ли пуговицы, не грязен ли воротничок гимнастерки. Никто не водил нас строем по гарнизону в столовую или на аэродром. Сначала мы вытягивались по стойке «смирно» и отдавали честь встречному офицеру. Позже лишь прикладывали ладонь к виску, как это делали все летчики, будто подчеркивая, что авиация — не пехота, а особая каста.

Давайте по-честному, пусть в подушку, чтобы другие не слышали — ведь стыдно! — укорим себя. Сколько нелепых потерь мы понесли из-за недисциплинированности, из-за привычки делать все

на авось, спустя рукава, надеясь — «есть начальство, пусть оно и думает». В нашем боевом полку, который ходил в передовых, был отмечен многими орденами и наградами, четверть экипажей, а значит, самолетов, погибла не в тылу врага, а на своей территории. В результате непростительных ошибок, расхлябанности, неумения владеть техникой.

Могут сказать — Сталин виноват. А кто виноват в том, что к полудню 22 июня 1941 года на западном направлении из имевшихся у нас 1500 самолетов осталось менее пятисот? Большинство из них было уничтожено на земле, не успев подняться в небо. Опять Сталин? А мы-то где были? На многих аэродромах самолеты были расставлены в ряд, как на параде. Кое-где с машин поснимали пулеметы и разложили на земле для инспекции. И это возле границы! В момент, когда уже горел пожар мировой войны, когда политруки разъясняли: Гитлер поклялся сокрушить первое в истории рабоче-крестьянское государство, то есть нас с вами! Опять Сталин виноват? Проглядел начало войны? Верно, проглядел. Но мы-то чем занимались?

Да, что там в начале войны! В 43-м у нас в полку произошла очередная трагедия. Я был ее свидетелем и потенциальной жертвой. Март месяц. Все ликуют. Мы разгромили немцев под Сталинградом. Какая славная победа! Мы наконец научились воевать. Тыл посылает нам все больше самолетов. На наш полевой аэродром сели две эскадрильи новеньких «МиГов». Их перегоняют на помощь блокированному Ленинграду. Солнечный денек. Вдруг над аэродромом на большой высоте появляется фашистский разведчик, засекает истребителей и скрывается. Мы, разведчики, знаем — не к добру прилетал. Значит, жди ночной бомбежки, а истребители выстроились в ряд, опять, как на параде. Как в июне 41-го! Ночью налетают фашистские бомбардировщики и снова преподают нам урок, жестоко наказывают за беспечность. Десятки самолетов были уничтожены на земле.

Разве Сталин не внушал советским людям, что необходимо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством? В мирное время еще можно что-то поправить, а на войне несобранность и небрежность оборачивались бессмысленными потерями и жертвами.

ДАЛЬНОВИДНЫЙ ВОЖДЬ

Утверждают, что Сталин во время отсидки в тбилисской тюрьме всегда появлялся на прогулке с книжкой в руках. Надзиратель тюрьмы был страшный человек. Он регулярно занимался профилактикой страха у заключенных. Во время прогулки бил на-

отмашь по лицу каждого зэка. Приближаясь к надзирателю, урки заранее нагибали голову и прикрывали лицо ладонями. Сталин, напротив, подходил к тюремщику с гордо поднятой головой. Следовал сильный удар в скулу. Так продолжалось весьма долго, пока надзиратель не зауважал грузина и перестал его бить. Сидельцы с почтением относились к заключенному с книжкой. Радек писал, что Сталин в ссылках трижды конспектировал «Капитал» Маркса.

Во главе первого государства рабочих и крестьян не мог не стоять диктатор. Ведь такое государство в ленинском понимании есть диктатура пролетариата. С появлением в 30-х годах авторитарных режимов слово «диктатура» приобрело зловеший, резко негативный смысл. Сталин предложил не употреблять термин «диктатура пролетариата» применительно к СССР. Появилось новое и хорошо звучащее определение — «советская власть». Хрушев, хотя и клялся, что не может быть идеологического сосуществования с капитализмом, вычеркнул из коммунистического обихода «классовую борьбу» и «диктатуру пролетариата». При Брежневе признали возможность победы социализма парламентским путем. Появился даже пример — победа на президентских выборах социалиста Сальвадора Альенде в Чили. Горбачевщина пошла дальше всех, капитулировав перед «общечеловеческими ценностями».

Сталин был просвещенным руководителем. И вся история борьбы большевиков с меньшевиками, с ликвидаторами и отзовистами, эсерами и кадетами, ренегатами и социал-предателями крутилась вокруг центрального вопроса — признать или не признать Марксово учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Придя к власти, большевики приступили к воплощению философского спора в реальную жизнь. А что это значит, как не уничтожение классов-паразитов: буржуев, помещиков, банкиров, кулаков? Сначала речь шла о лишении их материальной и политической силы, но в гражданскую войну большевики применяли весьма жесткие меры. Их противники поступали таким же образом. Ленин учил, что «диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией». Сталин постарался быть его верным учеником.

Много сомнений и раздумий вызывал у меня выдвинутый Сталиным тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. При Горбачеве, как никогда со времен гражданской войны, высоко поднялась волна антикоммунизма и антисоветизма. По стране прокатывался вал митингов и демонстраций, забастовок и кампаний неповиновения под лозунгами ликвидации коммуни-

стического правления. Демпресса и неформалы науськивали народ судить коммунистов. Травля достигла апогея в Калуге, где антикоммунистический маньяк ворвался в редакцию местной коммунистической газеты и убил из обрез редактора-коммуниста Ивана Фомина. Свою расправу преступник пытался оправдать перед судьями необходимостью уничтожить всех большевиков — «банду убийц». В Кузбассе демократы провоцировали всероссийскую политическую стачку и привлекли на свою сторону шахтеров. В Прибалтике антикоммунистическое правительство объявило о реставрации старых буржуазных порядков и с почетом принимало бывших домовладельцев и фабрикантов, обещая возместить ущерб, нанесенный их имуществу за годы советской власти.

Да, спустя 70 с лишним лет советской власти мы не построили бесклассового общества, о котором страстно мечтал Маркс. Паразитирующий класс новоявленных буржуа проявил себя в мафиозных делах, организованной преступности, накопив миллиарды рублей на ухищрениях «теневой экономики». Объявленный Горбачевым гуманный и демократический социализм оказался слишком гуманным к «теневикам» и спекулянтам-кооператорам. Экономическая и политическая мафия схватила за горло «гуманистов». В Прибалтике она чуть ли не с фашистскими лозунгами добралась до власти. Вопрос встал — кто кого? Либо власть толстого кошелька с рублевыми и долларовыми купюрами. Либо власть народа, рабочих и крестьян. Либо реставрация капитализма — продажа в частные руки земли, квартир, фабрик, газет, ресторанов. Либо социалистический выбор. На Пленуме ЦК КПСС было рекомендовано партийным комитетам, профсоюзам «строго проследить, чтобы приватизация проводилась в интересах трудящихся», а также «не допускать насильственной деколлективизации в деревне».

Вспомним, после уничтожения классов буржуев и помещиков Ленин считал кулачество последним эксплуататорским классом в России. Он был весьма резок в своей оценке. «Кулаки, — писал он, — самые зверские, самые дикие эксплуататоры». Он называл их «кровопийцами», «пауками», «вампирами». В то же время Ленин строго предупреждал различать среди крестьян «середняков», которых считал союзниками рабочего класса. Он категорически выступал против мелкотоварного производства, за «общий, артельный, товарищеский труд» в деревне.

О необходимости и последствиях коллективизации я размышлял еще в юности, видя пустеющую с каждым годом родную деревню Чувашиху. В нашем доме окна давно светились лишь в половине,

где жил дед Матвей вместе с тетей Машей. Уехали искать счастья в Москву мой отец с младшим сыном Павлом, ставшим комсомольским вожаком и рано умерший от туберкулеза. В Москве на Плющихе обосновалась целая колония Силантьевых.

В Чувашихе создали колхоз, загрохотал в поле трактор. Купили молотилку и косилку на конной тяге. Колхоз преуспевающим не был и не мог им быть: мало земли, да и та — суглинок. Выращивали картофель, рожь, турнепс. В пойме Колокши косили траву. Лишь отдельные участки поддавались сенокосилке, остальные были в кочках. На лето в пору сенокоса из Москвы приезжали родственники помогать отцам и матерям. Тетя Маша и другие пожилые женщины хлопотали по дому, обрабатывали приусадебные участки. Как колхозницы, они работали немного и получали символическое количество трудодней. Многие держали корову, овец, поросенка, кур и уток. Постарев, дед Матвей заведовал колхозной пасекой.

Коллективизация последовала за новой экономической политикой, которая кончилась трагически — голодом и введением карточной системы. НЭП привел к резкому противоречию между городом и деревней. Нэпманы и государство не смогли обеспечить крестьян промышленными товарами и аграрной техникой, а крестьянин лишился выгоды продавать зерно, ибо на вырученные деньги нельзя было купить необходимые товары. Сначала крестьянин придерживал зерно, затем сократил посевы. Нечто подобное повторилось в... ходе перестройки и в первые месяцы ельцинской либерализации цен. Вырученные от продажи сельхозпродуктов рубли оказались бумажками, так как бешено взлетели цены на сельхозмашины, удобрения и корма. Сталин решил проблему разошедшихся в стороны ножиц (интересов города и деревни) путем коллективизации. Государство взяло на себя обязанности снабжения деревни промышленными товарами по доступным ценам. Однако товаров не хватало, производство машин только налаживалось. Причем начинать выпуск тракторов надо было с сооружения доменных печей и электростанций. Все эти проблемы могла решить индустриализация страны.

Партия и лично Сталин не скрывали, что основным источником накопления средств для строительства тракторных заводов, гигантов металлургии, оборонных предприятий являются продукция деревни и внутренние займы населения. Подчеркивалось, что страна, находящаяся во враждебном окружении, не может рассчитывать на иностранные кредиты. В партийных рядах прямо говорилось о взимании «дани» с деревни. В апреле 1929 года Сталин резко полемизировал с Бухариным по поводу сверхналога на крестьян. Суть

не в названии, говорил он, а в том, что «сверхналог нужен для того, чтобы двинуть вперед развитие индустрии, налог посилен для крестьянина, он уменьшается и не является средством эксплуатации; индустриализация в конечном счете преследует цель поднять благосостояние крестьянства, как и всех трудящихся».

Позже, когда я перечитывал «Вопросы ленинизма», подтвердились мои мысли времен молодости. Они родились при чтении «Капитала» о земельной реформе, об истории первоначального накопления английского капитала, о разорении мелкого крестьянства и создании крупных помещичьих хозяйств в Германии. Тогда мне в голову закралась мысль, что социалистическая индустриализация не могла состояться без разорения крестьянства. Деревня являлась не только источником накопления, но и поставщиком рабочей силы для создававшейся тяжелой индустрии.

Значит, наша индустриализация могла быть оплачена лишениями и трагедиями наших крестьян. Страна-то была крестьянская. Другого пути, альтернативы не было. Мог ли Сталин говорить об этом открыто? Мог, но мало, кто поддержал бы его идею. Любопытно, как Сталин преподносил публично проблему создания армии рабочих. Он обещал колхозам посылать сельхозтехнику в достаточном количестве. В ответ на это он просил деревню выделять по миллиону в год крестьянских рук для заполнения вакансий на строящихся заводах.

В «Кратком курсе КПСС» я прочел, что перед Первой мировой войной в России отмечалось бурное индустриальное развитие, «небывалая концентрация промышленности», превосходившая по уровню промышленность Северной Америки. Речь, однако, шла о выкачивании из российских недр сырьевых ресурсов иностранными компаниями. Нефть наполовину принадлежала англо-французскому капиталу, металлургия на две трети прочим иностранцам. Молодым людям XXI века трудно оценить значение индустриализации. Нам же, ровесникам Октября, с ранних лет довелось испытать великую гордость и радость видеть первые советские грузовики и тракторы. К тому же они были первыми стальными машинами, увиденными нами. Ведь мы привыкли встречать на улицах извозчиков на колясках, а зимой — на саниах, запряженных лошадей.

Нам все было в диковинку. Мы жили, росли среди первопроходцев, и сами были первопроходцами. Философов, писателей, публицистов ждуг неразгаданные тайны нашего времени: почему мы не подсчитывали свои материальные выгоды, а думали об обществе, о его благе? Почему жертвовали жизнью во имя счастья на-

шей Родины, дружбы народов, интернациональный долг считали священным? Ответы для нас были весьма просты, ибо перечисленные выше критерии жизни составляли суть нашей морали. А насчет цены? Нельзя выиграть войну без человеческих жертв. При подготовке боевых операций генералы подсчитывают количество необходимых пушек и танков, число солдат и офицеров, которые погибнут или будут ранены. Индустриализация 30-х годов была крупнее и масштабнее любой операции прошлой мировой войны. Ее цена не поддается исчислению, она огромна. Важно, что ни жертвы, ни издержки не пропали даром: человечество будет изумляться и восхищаться: как удалось отсталой России сокрушить моторизованную Германию?

Победу обеспечили мы — «винтики», крепившие государственную машину. Но нельзя недооценивать и роли Сталина, в руках которого тогда сконцентрировалась вся власть Главнокомандующего. Без лидера-диктатора немыслимо было мобилизовать для Победы всё и всех, включая последнего отпетого зэка. У диктатора Сталина должны были быть крепкие нервы, зоркий глаз на саботаж и разгильдяйство, если хотите, отсутствие жалости. Петр Великий построил свой город-столицу на костях крепостных крестьян и безжалостно модернизировал Россию. И вошел в историю как Великий царь. А Иван Грозный, проклятый за жестокость и восхваленный за укрепление отечества! Политическая аксиома гласит: чем жестче правитель, тем успешнее его государственные дела.

Меня всегда удивляло, каким магическим средством пользовался Сталин, увлекая своими идеями и мыслями самую разнообразную аудиторию. Оратором он был никудышным, до конца жизни не избавился от грузинского акцента. Этим средством могла быть только железная логика, умение найти контакт с аудиторией, а также свежесть и новизна идей, их глубокая притягательная сила. Человек, который почти не показывался перед народом, сумел его заворочить и повести за собой.

Подобно талантливому педагогу-воспитателю, он угадал настроение подопечных ему людей, дал им веру в самих себя и в лучшее будущее. Без веры и надежды нет человека. Сталин, если хотите, сыграл на всесоюзных шовинистических чувствах народов. Я имею в виду не отдельно взятых русских или казахов, украинцев или грузин, а в целом весь советский народ. Сталин пробудил в нем чувство огромного достоинства гражданина великой державы, внушил, что отсталая Россия заслуживает великой судьбы, а главное — способна ее творить. Да, Сталин наверняка приукрашивал

статистику своих пятилеток, но делалось это не для обмана населения, а для укрепления в нем уверенности в социалистическом строительстве.

При Сталине во всех сферах жизни поддерживался настрой непобедимого оптимизма, о чем ярче всего свидетельствуют бодрые, уверенные, в стиле маршей массовые советские песни. В некоторых из них явно прослеживается русское шапкозакидательство, как, например, в песне «Если завтра война», но все они работали на одно дело. Упрекают Сталина в том, что он обезличил человека, окрестив его «советским». Зато не выпячивалась национальность, затушевывались отрицательные национальные черты, запрещались ругательства вроде «хохол», «москаль», «абрек» и прочие. В репертуарах праздничных концертов обязательно включались гопаки, лезгинка, молдавский танец. Казалось бы, мелочи. Но и они цементировали великое достижение сталинского периода — дружбу народов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В «КОМСОМОЛКЕ»

Первое время после Победы в полку царствовала эйфория. Нас приветствовали как победителей. Но вскоре начались мирные солдатские будни. Мы, сержанты, мечтали покинуть авиацию и получить мирные гражданские профессии. Все понимали, что страна понесла огромные материальные и людские потери. Там, где прошелся молох войны, остались развалины. Города, села, фабрики и поля — всюду послевоенная разруха. Постановлением министерства обороны было решено сокращать численность военнослужащих в зависимости от возраста. Мне предстояло уволиться через несколько лет, так как к окончанию войны Красная армия насчитывала миллионы человек.

Я переживал. Обострились болезни, то ли от плохого фронтowego питания, то ли с детства я был не таким уж крепким парнем. Полковые врачи направили меня в гарнизонный госпиталь, находившийся в польском городе Бромберг (сейчас — Быдгощ). Молодая врач-терапевт повертела в руках бумажку, где говорилось о направлении на лечение старшего сержанта В. И. Силантьева, и спросила: «Как вас зовут?» Я почему-то ответил просто: Володя. Врач пощупала мой тощий живот и сказала: «Володя — красивое имя. Ничего у вас страшного нет. Вернетесь в Москву, женитесь, и все у вас пройдет». Она выдала бумагу «негоден к строевой», что означало мою демобилизацию. Полковое начальство отпустило меня с сожалением: теряем отличного баяниста. Товарищи

тепло провожали меня у разрушенного бомбой моста через Вислу. Володя Соколов произнес речь на прощание, а через два года все мои товарищи тоже разъехались по домам. Шел тяжелый послевоенный 1947 год.

Не знаю, как получился из меня стихоплет. Свои первые стихи я опубликовал еще в школьной стенной газете. Она делалась рукописной, как и впоследствии эскадрильские боевые листки, в которых я писал тексты, а Юра Дерябичев рисовал шаржи на авиаторов. У меня сохранились многотиражки разных лет с примерами моего юношеского творчества. Стих-шарж на незадачливого курсанта, пришедшего последним в ротном лыжном походе, был опубликован в красноармейской многотиражке «Контакт» в номере, посвященном 60-летию Климента Ворошилова, тогда первого заместителя министра обороны. В армейской газете «Сокол Родины» на Северо-Западном фронте напечатаны мои уже более зрелые «Летчик и механик» и «Девушка-моторист». Конечно, с поступлением в Институт иностранных языков мне открылось широкое поле для развития творческих начал. В институтской многотиражке «Советский студент» я публиковал не только тексты, но и музыку к ним. Некоторые вещи, например «Борьба за мир», были напечатаны на первой странице с нотами для исполнения.

Трогательная «Прощальная песня» появилась в «Советском студенте» 28 апреля 1952 года. Я прощался не только с прекрасным институтским временем, но и со своим музыкальным творчеством. Начиналась новая жизнь. Жизнь увлекательная, но и тяжелая. Жизнь газетчика, у которого не оставалось свободного времени для написания стихов, а тем более музыки.

Когда я завершал учебу в институте в начале 50-х годов, специалисты со знанием английского языка ценились весьма высоко. Таковых было немного. Редактор иностранного отдела «Комсомольской правды» Николай Князев пришел в нашу многотиражку с целью подыскать себе сотрудника, увлекающегося журналистикой и знавшего английский. Назвали мою фамилию. Так, который раз в жизни мне повезло — сбылась моя мечта писать в большую газету. Не раздумывая, я дал согласие, и вдруг пришло приглашение из отдела кадров «Правды». В разговоре с кадровиком я не смог выяснить, какую работу мне предлагают, смогу ли я писать. «Вы должны понять, что в «Правде» наилучшие условия и возможности для роста», — уклончиво пояснял кадровик. Тем временем из «Комсомолки» позвонили и попросили принести что-нибудь из моих сочинений, например дипломную работу.

— Но она на английском языке, — предупредил я.

— Вот здорово! — послышался в трубке голос кадровички «Комсомолки» Маши Удаловой. — Таких специалистов я еще не принимала на работу. Приносите, мы найдем рецензента.

Диплом рецензировал сотрудник иностранного отдела, выпускник МГИМО Борис Кротков. Он изучал английский в институте, но не настолько глубоко, как студенты Иняза. В МГИМО дипломатии уделялось больше внимания, чем языкам. Борис был восхищен моими знаниями английского и дал «добро». Потом меня направили на собеседование к заместителю главного редактора грузину Гоцеридзе. Я показал ему стихотворение «Мечта» про Сталина. Он дважды внимательно его прочел. По его мимике я понял, что он не одобряет моего панибратского описания появления вождя перед студентами в качестве лектора. Но ничего не сказал.

О, желанная и проклятая, сладострастная и мучительная жизнь газетчика! Я прожил четверть века, мечтал писать и не подозревал, что труд газетчика — адский. Тогда еще был жив Сталин. Он заканчивал рабочий день поздно ночью. Все руководство страны вынуждено было подлаживаться под его ритм работы, и газетчики не в последнюю очередь. Важнейшие материалы «Правды» направлялись ему для ознакомления, и порой, возвращались с личной правкой Сталина. «Комсомолка» не пользовалась таким вниманием, но план каждого номера направлялся заблаговременно в Агитпроп ЦК, и бывали случаи, когда со Старой площади звонили и просили воздержаться от запланированной публикации либо прислать ее для ознакомления. Можно считать такой порядок жесткой цензурой, а можно и палочкой-выручалочкой, ибо руководство газеты не было достаточно информировано о событиях в стране и за рубежом. В практике газет бывали случаи, когда печатались хвалебные очерки о каком-либо передовом председателе колхоза или директоре завода, а наутро нас информировали из ЦК, что он арестован за растрату или, хуже того, умер. Известный газетчик, выросший в писателе Юрий Жуков (он начинал в «Комсомолке») рассказывал нам, что помнит два случая, когда Сталин лично звонил в «Правду» и диктовал поправки к передовицам. Однажды Сталин предложил усилить передовицу, посвященную миролюбивой политике Советского Союза, пословицей, адресовав ее Уинстону Черчиллю: не суйте свое свиное рыло в наш советский огород. «Комсомолка» версталась в одном цеху с «Правдой» и начинала печататься вслед за первой газетой страны. Для нас, смертных, рабочий день кончался к рассвету. Измотанные, с воспаленными глазами, мы еще тол-

кались с полчаса в редакции, ожидая, когда нас развезет по домам единственная дежурная «победа».

На следующий день мы приходили в редакцию с большим опозданием. Наши руководители понимали, что мы способны лишь болтаться по кабинетам, рассказывать анекдоты, да играть в пинг-понг. На серьезное дело — правку материалов и собственные сочинения — мы едва ли были способны. Могли допустить ляп, не дай бог серьезную ошибку, за которую по голове не погладят. История «Комсомолки» знает случаи, когда за ошибки разгоняли всю редколлегию.

До работы в «Комсомолке» я увлекался волейболом, играл на аккордеоне, ходил в кино и театры. Обо всем этом пришлось забыть. Однако все утраты компенсировались творчеством, внутренней радостью от того, что под важным материалом стоит твоя подпись. Много статей, обзоров, заметок опубликовано в нашей печати за 36 лет моей журналистской деятельности! Нам также разрешалось писать «налево» — в журналы и еженедельники, на радио. Кто мог и хотел, зарабатывал в меру возможностей. Для многих дополнительный заработок был крайне необходим. Правда, был строгий порядок: каждый сотрудник ежемесячно должен был подготовить два материала внешних авторов. Не выполнил так называемой отработки, лишался гонорара за опубликованную собственную статью. А финансовые органы следили за тем, чтобы в гонорарной ведомости сумма гонораров сотрудников редакции не превышала 60 процентов, остальное, будь добр, отдай авторам со стороны. Хороший порядок!

Журналист воображает, что он семи пядей во лбу, по крайней мере умнее всех. Этот феномен легко проследить на примере перестроечной печати, которая выпячивала на первый план мнение своих обозревателей и штатных репортеров и не жаловала авторские материалы, за исключением бесед и интервью с одними и теми же «прорабами перестройки». И как часто ведущий беседу журналист задавал пространные, но наводящие на определенную мысль вопросы. Они порой были длиннее, чем ответы. В мои годы работы в «Комсомолке» мы тоже брали интервью у популярных деятелей, но меня учили обдумывать заранее короткие вопросы, чтобы дать возможность широко представить точку зрения интервьюируемого.

«Комсомолка» начала моей карьеры резко отличается от перестроечной «Комсомолки». Их роднит лишь молодецкий энтузиазм, журналистский азарт, поиск нового, да длинное название газеты, украшенное орденами, которые придется рано или поздно снять.

«Комсомолка» советского периода исповедовала мораль коллективизма, взаимной выручки, самопожертвования, служения Родине. Каждая ее строчка излучала оптимизм, надежду и веру, без чего немислима жизнь человека. Ту родную «Комсомолку» любили читать даже недруги советской власти. Ибо на ее страницах рассказывалось о мужественных людях, не знавших поражений, о романтических первопроходцах и открывателях неведомого. Газета была застрельщицей многих славных дел ребят и девчат из Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), радовалась вместе с ними одержанным победам и огорчалась, когда бюрократы и партийные чинуши проявляли равнодушие к быту молодых энтузиастов.

Со страниц той «Комсомолки» звучали не только победные фанфары. Отнюдь! В каждом номере печатался фельетон, критический очерк либо проблемная статья, в которой указывались недочеты социалистического строительства и предлагались пути их исправления. За этим строго следил секретариат, планируя очередной номер. Перестроечная «Комсомолка» стала грешить желтизной, апломбом, дурным смешком и погоней за сенсацией. Но даже не это главное. Газета стала смотреть на жизнь через узкую щель или бинокль, направленный в одну точку. В жизни ведь бывают радостные мгновения рождения нового и, увы, неизбежные похороны отжившего. Горбачевская «Комсомолка» увлеклась хулой советского прошлого, своих кровных ВЛКСМ и КПСС. А ведь без мощной всесоюзной организации, которую перестроечная «Комсомолка» похоронила в антикоммунистическом угаре, невозможно быть массовой молодежной газетой. По заграничному опыту знаю, что нигде в мире нет больших молодежных газет, потому что там нет сильных молодежных организаций.

В «Комсомолке» 60-х годов трудилась плеяда талантливых журналистов. С доброй завистью и обожанием мы относились к коллеге, а затем и редактору иностранного отдела Борису Стрельникову. Я старался подражать ему, научиться находить точные выражения, образные сравнения, четко излагать мысль. Увы, получалось порой неуклюже. Иной раз согнешься над машинкой, ищешь подходящее слово, злишься, если прервет мысль телефонный звонок или забежит с вопросом товарищ. А вот Борис обладал талантом необыкновенным. Он не запирался от людей, работая над передовицей, мог прерваться, выслушать тебя, пошутить и снова спокойно продолжать писать. Вернувшись из командировки, он обычно проверял свои творческие задумки на публике. Он заходил к коллегам, рас-

сказывал о своих впечатлениях, следил за нашей реакцией и уходил сочинять очерк. Мы удивлялись, вскоре прочитав уже рассказанное нам, иногда с небольшими коррективами, а порой и с другим неожиданным концом.

У Стрельникова мы многому научились. Писали много. В начале своей журналистской карьеры я публиковался чаще и объемнее, чем спустя двадцать и больше лет. В иностранном отделе трудилось тогда четыре литсотрудника и два редактора. Еще в доперестроечное время штаты возросли втрое и больше. Мы же поочередно писали еженедельный подвал «Международное обозрение», а также комментарии и фельетоны. Случалось, кто-то болел, уезжал в командировку. Писали за них. Доводилось писать и передовые статьи на международные темы.

Счастлирое, неповторимое время! Голова кружилась от успехов! Однако старожилы «Комсомолки» — очеркисты Семен Гарбузов, Илья Котенко, Любовь Иванова и другие — самокритично оценивали успехи популярной газеты. Они испытывали неудовлетворенность своим творчеством, постоянно искали новые краски и ходы в изображении, как мы говорили тогда, «положительного героя». Фельетонист Илья Шатуновский сетовал на мелкоту своих «негативных типов». Всем хотелось сделать шаг вперед, глотнуть свежего воздуха. Эти переживания полностью разделял Алексей Аджубей, голубоглазый здоровяк, которого все по-дружески звали Алеша. Он не занимал тогда редакторских должностей, выезжал в Австралию на освещение Олимпийских игр. Мне понравился его очерк о закрытии игр, когда над стадионом в далекой незнакомой стране наш прославленный бегун Куц пронес красный стяг Страны Советов. Алексей нашел новые образы, слова об этом событии. С интересом я читал его репортажи о соревнованиях, об игре наших футболистов. Искал я в его отчетах добрые слова о моем любимце Эдуарде Стрельцове, центрфорварде сборной СССР и московского «Торпедо», за которое болел с отроческих лет. Почему? Стадион «Торпедо» находился недалеко от Шаболовки, где я жил. И потом футболисты этого клуба вписали славные страницы в историю нашего спорта. Среди легендарных имен числится и торпедовец Стрельцов, ставший в 19 лет лидером сборной команды страны.

И вдруг знаменитый футболист, кумир миллионов болельщиков становится героем фельетона Ильи Шатуновского. Сенсационный разоблачительный материал прогремел не только у нас, но и произвел шок за границей, ибо скандал разразился накануне очередного чемпионата мира по футболу в Стокгольме. Наш лучший форвард

был уличен в разврате и обвинен в изнасиловании. С легкой подачи «Комсомолки» он был привлечен к суду и осужден на семилетний срок. Стрельцов отсидел несколько лет, вернулся домой, стал играть за заводскую футбольную команду. Он был виртуозом, большим мастером, и вскоре вся Москва стала собираться на матчи с его участием. Спортивные комментаторы требовали разрешить ему выступать за команду мастеров «Торпедо» и за сборную страны. С аналогичной просьбой обращались к властям депутации автозавода им. Лихачева. Одна из них посетила Алексея Аджубея. Он уже был главным редактором «Известий», членом ЦК и прочее, и прочее. Инициатор антистрельцовского фельетона вел себя по-барски, наотрез отказывался помочь. Надо было осуществить антихрущевский переворот, снять Аджубея с работы, чтобы Стрельцов снова предстал на зеленом ковре перед миллионами болельщиков в своем блеске и очаровании. Он великолепно выступал за сборную в официальных матчах дома, но за границу на ответные матчи его не пускали. Что поделаешь, такие были порядки — раз был судим, значит, числишься невыездным.

Но я забежал вперед. Молниеносную карьеру Аджубей делал на наших глазах. И часто от его восхождения на олимп власти зависела наша личная судьба. По крайней мере, я проработал с Аджубеем тринадцать лет, с момента, когда он был скромным, не обличенным чинами журналистом, до момента его падения с высокой иерархической вершины. Все эти годы мы поддерживали самые дружественные отношения, хотя и были моменты конфронтации. В период работы в «Комсомолке» мы не верили слухам о карьеризме Аджубея, который был зятем Никиты Хрущева. Его родственные связи не казались мне удобной ступенькой для продвижения вверх. Алексей выделялся среди всех нас своей энергией, новаторством, способностями. Он был достоин редакторских должностей. Однако мы и не предполагали, что дни главного редактора «Комсомолки» Дмитрия Петровича Горюнова уже сочтены, что он будет переведен в «Правду». Повод для подобных подозрений возник после перехода Бориса Стрельникова на работу в «Правду». Он был приглашен поехать в Нью-Йорк собственным корреспондентом.

Все сотрудники иностранного отдела ютились в одной большой комнате. В ней умещались четыре стола. Рядом находился кабинет Саши Лосева, заместителя редактора отдела, толкового международного, весьма уважаемого в редакции. Естественно, мы ожидали его назначения на место редактора отдела, освободившееся после ухода Стрельникова. Нашему удивлению и возмущению не было

предела, когда нам сообщили, что вакансию заполнит Карл Непомнящий, рядовой литсотрудник «Огонька». Тот самый рыжеватый, низкорослый, розовощекий еврей, который частенько заглядывал к нам в отдел поболтать, рассказать анекдот, обменяться впечатлениями. «Огонек» располагался этажом выше. Мы, естественно, встречались в столовой, толкались в лифте или очереди в бухгалтерию, получая зарплату. Никто из нас всерьез не воспринимал Карлушу, которого нам предстояло величать не иначе как: «Карл Ефимович! Чего изволите-с?» Так мы шутили, узнав новость о его назначении, и воспринимали ее как очередной слух. Мы реагировали бы иначе, если бы речь шла о назначении, скажем, Генриха Боровика или Николая Драчинского, много писавших в «Огоньке» на международные темы. Но Лосев сказал мне, что уже принято решение о назначении Непомнящего, с которым он отказался работать. Он добавил, что его позицию поддерживают все сотрудники отдела — Кассис, Корявин и Попов. Что я думаю о случившемся? Я ответил, что пора брать на работу людей со знанием языка. В то время многие видные международники не знали иностранных языков, например Борис Стрельников. Перед первой поездкой в Нью-Йорк он полгода с учителями изучал английский, от работы в редакции был освобожден.

Узнав о бунте, одни нас поддерживали, другие трусливо заклинали — уволят вас, дурачков! Горюнов собрал нас на экстренное совещание редколлегии и сказал, что наш отказ работать с Непомнящим известен в Агитпропе ЦК, редколлегии предложено разобраться и доложить причины. Первым выступил Лосев. Он дал резко негативную характеристику Непомнящему и твердо заявил, что за него работать не собирается, найдет себе другое место. Все мы характеризовали Карла не с лучшей стороны. Я говорил, что не могу представить себе на месте Стрельникова рядового сотрудника из журнала, который весьма эпизодически освещает международную политику. Более того, меня удивляет, что «Комсомолка» не в состоянии подыскать равноценного Стрельникову редактора. Мы не заметили, что на заседании отсутствует Аджубей, зачинщик всей этой неприятной истории. В заключение Горюнов сказал, что он доложит о разговоре в ЦК, за которым решающее слово. Нас не уволили, бунт закончился компромиссом. Карл Непомнящий занял кресло редактора, а бунтовщиков стали уважать и продвигать по службе. Вадим Кассис поехал собкором в Китай. Сашу Лосева вдруг послали в Нью-Йорк освещать чрезвычайную сессию Генеральной ассамблеи ООН. После возвращения ему предложили пост главного

редактора вновь создаваемого молодежного журнала. Меня срочно направили специальным корреспондентом в Египет, где шла война из-за Суэцкого канала. Непомнящий старался завоевать у нас авторитет. Он сердечно провожал меня в первую командировку. Перед отъездом пригласил к себе в кабинет главный редактор Горюнов, человек строгий, но справедливый, каких уважают и любят. Заговорил отцовским тоном, впервые перейдя на «ты». Наставлял быть на высоте. «Не на прогулку едешь. Там идет настоящая война. Поосторожнее будь», — сказал он на прощание.

Ежедневно из Каира я передавал пространные корреспонденции и очерки. На телеграфе, куда я вечером приносил свои страницы, служащий полубопыталствовал: «Россия и впрямь богатая страна! Я вижу, вы каждый вечер размениваете стофунтовую купюру, чтобы расплатиться за передачу своей корреспонденции. Огромные деньги, сэр русский, не правда ли?» Я улыбался в знак согласия. По возвращении Аджубей спросил меня: «Как ты относишься к идее послать тебя собственным корреспондентом в Нью-Йорк или Лондон?» И не дожидаясь моего ответа, продолжал: «Вчера я на приеме обговорил этот вопрос с Шепиловым (тогдашним министром иностранных дел). Он поддержал. Не знаю, где лучше работать в Лондоне или Нью-Йорке».

Я выбрал Лондон, где активно действовала лига молодых коммунистов, издавала свою газету. В Соединенных Штатах коммунисты были загнаны в подполье, трудно было получить американскую визу. Борис Стрельников пока что никуда не уехал, ему задерживали выдачу визы. Решено: я еду в Англию. Я буду первым корреспондентом «Комсомольской правды» в капиталистической стране. Тогда газета имела соборов лишь в братских странах — в Польше, ФРГ и Китае.

Маша Удалова аккуратно подготовила документы в ЦК. Их подписывал Горюнов, пока еще главный редактор, а поздравил меня с назначением уже Аджубей, новый главный. Аккуратные англичане через две недели дали мне въездную визу (в такой же срок они и отказывали). Все было в порядке. И вдруг произошла заминка. Аджубей, который сначала торопил меня вылетать, вдруг буркнул: «Не к спеху. Пусть Силантьев повкалывает в редакции». Лишь спустя много лет я понял причину нервного поведения Аджубея. Моя поездка в Лондон в один момент могла повиснуть в воздухе, как и судьба самого Аджубея. В июне 1957 года, когда я сидел на чемаданах, состоялся известный скандальный Пленум ЦК. На нем шла жесточайшая борьба за власть между Хрущевым и так называ-

емой антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним» Шепилова. Победил Никита Хрущев.

В квартире моего тестя, профессора Страментова, состоялось очередное застолье. По традиции провожали в дальнюю дорогу нового корреспондента «Комсомолки» в Лондоне. Собралось столько провожающих, что огромная квартира оказалась тесной. Когда почти все уже было сказано и съедено, вдруг приехал Алексей Аджубей с Карлом Непомнящим. Алексей был чем-то возбужден, много пил и закусывал молодым картофелем с солеными огурцами. Он был страшно доволен пирушкой, целовал в губы всех подружек моей жены, еще незамужних. Даже пел комсомольские песни. Дело в том, что он прибыл на мои проводы в отличном настроении с только что закончившегося победного для него Пленума ЦК. В свою очередь, Карл был рад встрече в домашней обстановке со своими подчиненными-бунтовщиками. Он не подавал виду, что обижен на нас. Мои дружеские отношения с ним продолжались много лет спустя, когда мы работали в разных изданиях. Карл трагически погиб во время чехословацких событий в 1968 году. Он работал в АПН и вез на вертолете пропагандистские листовки. Вертолет разбился.

НА БЕРЕГАХ ТЕМЗЫ

Книжка «Фог рассеивается» — как бы страничка моей биографии лондонского периода. Ее основное содержание — политическая жизнь Англии, суть буржуазной демократии, отношение правящих кругов и простых англичан к нашей стране. Я нарочно избегал обобщений, хотел описать увиденное, отметить личные впечатления. Причем с немалой долей юмора. Долго не мог подобрать удачное заглавие. Нам более знакомо слово «смог», что значит автомобильно-фабричную городскую гарь, а англичане привыкли у себя видеть из окна «фог», то есть туман. В заглавии отражена стержневая мысль книжки: за время моего пребывания в Англии (1957—1960 гг.) из голов англичан постепенно стали выветриваться многие антисоветские предрассудки. Именно в эти годы взлетели первые в истории человечества искусственные спутники Земли. К великой нашей гордости они были сделаны руками советских инженеров и рабочих. Высокотехническая и прославленная Америка, а также Англия были посрамлены. Они оказались в хвосте, и этот факт лучше всех миллионов экземпляров пропагандистских брошюр о СССР доказал англичанам, что советская власть что-то значит.

Рукопись книжки была готова к моему возвращению из Лондона, а издана уже после первых месяцев моей новой работы в «Известиях». И хотя мне еще не удалось познакомиться со всеми моими новыми товарищами, я всем подарил по экземпляру с соответствующей надписью от автора. И вдруг неожиданная реакция. Мэлор Стурау был в восторге от книжки и написал хвалебную рецензию для опубликования в «Известиях». Он был тогда молод, горяч и, что существенно, — неопытен. В солидной газете тогда публиковались рецензии только на знаменитостей. И тогдашний наш шеф отдела Владимир Кудрявцев поставил его на место. Мэлор устроил скандал, кричал, что добьется публикации. И добился в... многотиражке «Известинец», которую мало кто знал за пределами редакции. Мне было приятно. Мэлор уже тогда был известным журналистом. Он писал: «Вся книга — от первой до последней страницы — удивительно колоритна... Так может писать человек, хорошо знающий страну, ее обычаи, людей, язык».

Я не рассказывал в книжке о примечательных туристских маршрутах, а описал некоторые неприглядные стороны жизни англичан. Честно признаться, в отличие от наших туристов, восхищающихся седой стариной Лондона, английская столица не произвела на меня большого впечатления. Возможно потому, что я впервые увидел Лондон после многомесячной командировки в Египет, где был поражен высоченными пирамидами под Каиром и сохранившимися храмами в древней египетской столице Луксоре. Им тысячи лет до нашей эры! Лондон на этом фоне — совсем молодой город.

В Англии, мне думается, надо восторгаться рационализмом и здравым смыслом жителей. Бесспорно, это — положительные черты людей, но я наблюдал, что у англичан рационализм весьма часто граничит со скопидомством, экономией на всем. Ведь вошло в поговорку: английский обед хорош тогда, когда встав из-за стола, чувствуешь себя немного голодным. Вся Англия казалась мне сотканной в красивую и дорогую ткань благодаря расчетливости и экономии. В этом один из источников ее богатства. А у нас? Каковы наши традиции? Мне было трудно внушить англичанам, что наши обычаи требуют сверхгостеприимства — зашел к тебе случайно, без приглашения, друг или товарищ.

Запись в дневнике за 1 января 1960 года: «Англичане не встречают Новый год. Лондон выглядит буднично. Утром приехали уборщики улиц, подметали тротуар. Погода теплая. Идет дождь, сквозь облака проглядывает солнце, как в Москве весной. С сыном катались на моторной лодке по озеру в Ридженс парке». К этому я бы до-

бавил, что англичане не имеют понятия о двойных рамах в окнах, в большинстве случаев обходятся без центрального отопления; что водопроводные трубы в старинных домах выведены наружу; что англичане шеголяют зимой без головных уборов, а коровы па-сутся круглый год на вечнозеленых лугах. Не хватит ли примеров различий в жизни англичан и наших людей? Не пора ли понять глупость лозунга «догнать и перегнать», с которым носился Никита Хрущев. Мы действительно догнали и перегнали Англию по производству стали и угля еще до войны, при Сталине. Но перегнать Англию (я уже не говорю об Америке) по уровню жизни — это нон-сенс. В силу резко отличающихся природно-климатических условий уровень затрат англичан на жизнеобеспечение человека всегда будет меньше, чем в стране, где несколько месяцев в году реки скованы льдами, где дуют пронизывающие ветры Ледовитого океана, где я бы поставил памятник Человеку за то, что он согласился жить в суровом климате. Столь же бессмысленно и бесперспективно насаждать у нас английские привычки и в целом их образ жизни. Именно русская неласковая природа выковала русский характер, способность к выживанию. Мне смешны потуги «западников» внедрить у нас заграничные стереотипы хозяйственного уклада жизни.

Одна из записей в дневнике напомнила о советах газеты «Дейли миррор» молодым англичанам, как стать миллионером. Тут же сообщался адрес одного парня, который разбогател, следуя указаниям газеты. Я поехал по адресу, чтобы взять интервью у парня, еще вчера работавшего простым механиком гаража. Миллионера по имени Фримен я не нашел, хозяин гаража был смущен, узнав, что разговаривает с советским журналистом. На его лице было написано: «Мистер русский! Это же липа, в лучшем случае дурная шутка». Однако мысль о том, что каждый может стать миллионером, вбивается каждому англичанину с детства, как, впрочем, и американцу. Из жизни первых английских нуворишей мы знаем, как делались их миллионы. Кропотливым трудом и изощренным обманом, внедрением великих изобретений и колониальными войнами, разбойным пиратством и рискованной игрой на финансовой бирже Лондона. В миллионеры выбивались лавочники, экономившие даже на еде собственных детей, безжалостные лендлорды, стогнявшие крестьян с земель и разводившие на них овец, суконные фабриканты и владельцы первых пароходов, покорители Африки вроде завоевателя Стэнли, пирата Дрейка, грабившего караваны испанских судов с золотом.

Титулованные и нетитулованные бароны обогатили себя и создали Британскую империю. Когда я сдавал в школе выпускной

экзамен по географии, я стоял у карты мира, в основном окрашенной в зеленый цвет, не считая нашего красного. То был цвет Британской империи, которая после Второй мировой войны лишилась только одной жемчужины в королевской короне — Индии. Затем постепенно, год за годом, получали свободу другие колонии и доминионы. Политическая свобода не принесла им экономической независимости. Поставщики экзотических фруктов и драгоценных камней для бывшей империи так и остались экспортерами ананасов, земляного ореха, алмазов и нефти. А те страны, что сумели приобщиться к техническому прогрессу, производят продукцию, не способную конкурировать с английскими высококачественными товарами, в которые вложен опыт и достижения не одного поколения англичан. И пусть наши «западники» не соблазняются идеей о привлечении иностранных инвестиций в нашу индустрию. Инвестиции хлынут потоком, как только им будут гарантированы безрисковые условия. Магазины будут ломиться от иностранных тряпок и электроники, но будет задущена отечественная промышленность.

История, однако, засвидетельствовала аномальное рождение миллионеров в России в 90-е годы. В отличие от всех миллионеров мира они рождались без особого труда, одним росчерком пера, словно в насмешку над народом. Россия оказалась на последних местах по продолжительности жизни, по детской смертности, зато обогнала всех по числу бирж. И не случайно, ибо горбачевщина, совершая государственную измену, стремилась заменить социалистический строй капиталистическим. Архисложная задача, так как в СССР не было ни одного капиталиста, не считая горстки подпольных цеховиков. Требовалось их срочно расплодить, как опору контрреволюции. Так, на зависть всем миллионерам мира искусственно, путем указов и законодательных актов создавали новый класс нуворишей. Их рождение обусловили законы о кооперативах, смешанных предприятиях, о приватизации, метко прозванной в народе «прихватазацией». Наглой обираловкой назвал народ и радикальные экономические реформы, так как они привели к взлету цен в десятки раз. Сколько я писал об инфляции в капиталистических и развивающихся странах, о взрывах недовольства, вызванного ростом цен! Но не припомню случая, чтобы цены повышались в сотню раз. Это было невозможно, граничило с народным бунтом, всеобщим восстанием. А вот наши доморощенные «демократы» наплевали на все, обещая народу кисельные берега и молочные реки. Терпите, говорят, сам Бог велел! Скоро все будете акционерами.

В моей книге есть глава про «народный капитализм», про *welfare state* — «общество всеобщего благоденствия». Очень давно, десятки лет назад выдумали эту ловушку для трудящихся. Тридцать лет назад, если вести счет от года написания «Фог рассеивается», тогдашние английские фабриканты задумали сделать рабочих собственниками. С этой целью они начали выдавать зарплату не деньгами, а акциями своей компании. В книге я описал случай, почерпнутый мною из английской печати того времени: получив вместо фунтов стерлингов акции, рабочие быстро от них избавились. Продали, чтобы на вырученные деньги прокормить семью. Как признавала наша демпресса, в ходе первых радикальных экономических реформ 90 процентов нашего населения оказались за чертой бедности. Как поступят наши граждане, если им выдадут обещанные десять тысяч компенсационных рублей для приобретения акций? Будут хранить их до конца года, когда собрание акционеров определит процент прибыли и выдаст дивиденды на каждую акцию? Утопия! Они продадут акции, чтобы не умереть с голода.

Мне посчастливилось быть в Англии в замечательный момент, когда в космос был запущен первый советский спутник. Я брал интервью у руководства центральной английской обсерватории, у значимых местных газетчиков из «Дейли миррор», у ведущего коммерческого телеканала, который пригласил меня выступить в программе «Фокус на молодежь», и, конечно, у товарищей из ежедневной коммунистической газеты. Вот что получилось в результате опроса:

«Пятьдесят миллионов англичан учились произносить одно иностранное слово «спутник». Они слышали его днем, а вечером оно прочно вошло в английский язык. Что случилось? В космос взлетела первая советская малютка луна — спутник. Он, словно вихрь, ворвался в редакции газет и разметал со столов приготовленные к набору статьи. Он расположился на первых страницах, улыбающийся, с тонкими усиками-антеннами. Газеты соревновались друг с другом, кто лучше опишет первый шаг человека в космос. Из откликов газет можно было составить целую книгу.

Простые люди понимали, что открыта новая страница в истории и ликовали от восторга. Не всем, однако, понравилось, что человечество, ведомое великой страной социализма, вступило в новый век. На Нью-Йоркской бирже паника. Резко падает биржевый барометр Сити в Лондоне. Западные политики в смятении. Они потрясены не столько малюткой спутником, сколько ракетой, которая может так высоко взлететь и точно ложится на курс. Западные партнеры потеряли равновесие, ибо теперь уже нельзя было отмахнуть-

ся от советских успехов избитым словом «пропаганда». Англичане видели пролетавший спутник в бинокль и простым глазом.

Лондон клялся Вашингтону: в кратчайший срок, напрягая все усилия, догоним русских. «Догоним!» — само это слово сокрушительный удар по Западу. Стало быть, газеты ввали, изображая русских отсталыми, неспособными дикарями. Россия, выходит, не так уж плоха, если ее приходится догонять.

А удары следовали один за другим. Призыв «догоним» закончился конфузом. Американцы спешно готовили к полету «Авангард» в полтора килограмма весом, меньше футбольного мяча. Сотни журналистов отсчитывали секунды на полигоне во Флориде. Взлетит или нет! Ой, какой конфуз! Ракета даже не оторвалась от земли. Имеется одна жертва — престиж Америки. Вскоре в космос взлетел еще один наш спутник, затем третий гигант. Англия не только поздравляла Россию с успехом, но и предалась грустным размышлениям. В парламенте я слышал разговоры. Англичане выпускают меньше специалистов, чем Советский Союз. Ученые заявляют: нам придется самим осваивать физику и математику либо изучать русский язык.

В те дни на Хайгетском кладбище, где похоронен Карл Маркс, нашли записку: «Дорогой Карл! У меня сегодня есть еще один могучий повод не рыдать здесь, а радоваться. Ибо ваше учение дает великую силу, способную изменить не только мир, но и космос. Эннет Риверс».

В 1975 году, спустя пятнадцать лет, я снова посетил Лондон. Столица преобразилась. Лондонцы стали пользоваться особым углем для каминов, и город почти избавился от саж, выбрасываемой фабричными и домашними трубами. Столицу почистили, избавив от вековой копоти, и она стала похожей на белостенный Париж или Рим. Прекрасно! В то же время Лондон потерял лоск аристократического города. Хуже того, его наводнили индийцы, африканцы и прочие иностранцы. Если раньше их въезд ограничивался законом, то позже была введена солидная квота для эмигрантов из бывших английских колоний. Они были необходимы для нормального функционирования экономики, выполняли любую неквалифицированную работу. В некогда элегантных автобусах и вагонах метрополитена я увидел порезанные ножами кресла. По фешенебельной центральной Оксфорд-стрит люди расхаживали в замызганных дубленках, а в роскошном аристократическом магазине Селфриджей покупатели и продавцы торговались, как на рынке.

Англичан не обвинишь в открытом расизме. Но проявления антисемитизма наблюдались всегда. В годы моего пребывания

в Англии в еврейских кварталах столицы я видел свастику и угрожающие надписи. Неизвестные лица звонили по телефону евреям парламентариям Драйбергу и Сильвермену и угрожали расправой. Вскоре на Трафальгар-сквер состоялся 40-тысячный митинг протеста против расизма. В нем участвовали местные коммунисты и комсомольцы. Среди них мои знакомые-евреи. Когда из Москвы приезжали коллеги и просили показать им лондонские трущобы, я отвозил их в еврейские кварталы. У меня создалось ощущение, что евреи составляли беднейшую прослойку англичан и находили сочувствие и поддержку только у коммунистов.

Нельзя не отметить особое чувство юмора англичан. Большинство английских анекдотов непонятны русским, ибо раскусить их суть трудно без знания мелочей английского быта. Но англичане смеются своим анекдотам, как дети. Без шуток не выходят английские газеты. И по телевидению регулярно передавали коктейль из полусерьезной и смешной статистики. Вот один пример. В Англии 52 миллиона жителей, 4 миллиона собак, 7 миллионов кошек, 12 миллионов канареек. На 80 полицейских приходится одна собака-ищейка, на одного англичанина — 40 тысяч пауков. По опросу газеты «Дейли экспресс», один из 7 англичан ходит в церковь, 6 из 10 никогда не читали «Библии», но 9 из 10 говорят, что они верующие. Таким образом, уровень английского лицемерия составляет 90 процентов.

Наш новый посол в Великобритании Александр Солдатов долго не мог вручить верительные грамоты и приступить к работе. Согласно английским традициям и дипломатическому протоколу, иностранный посол вручает грамоты только царствующей персоне. А Солдатов прибыл в момент, когда королева Елизавета ждала очередного наследника. Возле Букингемского дворца стояла толпа людей. Они дежурили по ночам, ждали сообщений, когда родит королева. Солдатов сменил известного дипломата Якова Малика, весьма сухого и строгого человека, который однажды рассказал нам такой анекдот:

Увидев, как американец и русский сели в автомобиль, англичанин бросился к шоссе и разбросал осколки от бутылки. А когда у автомобиля спустило колесо, англичанин вежливо с достоинством предложил:

— Достопочтимые сэры, чем могу помочь?

Мораль ясна. Политики Англии не скрывают, что не имеют друзей, а имеют интересы. Надежды на то, что Англия будет бескорыстно помогать нам встать на ноги и подключиться к мировому «цивилизованному рынку» иллюзорны. Хотя бы по причине свя-

того принципа конкуренции, который англичане оберегают ради собственного благополучия с незапамятных времен. Англии невыгоден союз России и Америки, так как тогда у нее появляется два сильных конкурента. Англии противно объединение Германии, ибо англичане всегда боялись сильного немецкого государства и вели с ним немало войн. Англичане разбросают на нашей дороге еще много осколков от бутылок с горючей смесью.

Мешок архива газетных вырезок, красочные альбомы, справочники и книги на английском языке, атлас английских автомобильных дорог, сотни три собственных фотографий плюс два любительских кинофильма остались у меня на память о жизни на берегах Альбиона. Не считая множества сувениров. Но после путешествий по другим странам и континентам ни англичане, ни их страна не вызвали у меня шемящих ностальгических чувств. Когда в январе 1976 года я провел дня три в Лондоне пролетом из Канады, то увидел все такой же холодный, чужой город.

ИГРА В ПОДДАВКИ

Я всегда любил музыку, играл на баяне народные мелодии, эстрадные песни, вальсы и танго. В моей памяти воспоминания о крупных событиях предвоенных лет порой связаны с услышанными когда-то популярными мелодиями. Вальс «Дунайские волны» я впервые услышал с киноэкрана во время демонстрации короткого хроникального фильма о вводе наших войск в Бессарабию. На экране мелькали кадры артукреплений Исмала и плывущие по волнам Дуная корабли. Я несколько раз смотрел эту хронику, но запомнил лишь две части знаменитого вальса. Ноты купить не удалось.

Освобождение западных областей Украины и Белоруссии вспоминаю вместе с полюбившейся народу лирической песней «Синий платочек». Ее подарил нам львовский джаз-оркестр под управлением Эдди Рознера. Перестройщики уверяли, что Сталин не любил джаз и репрессировал эстрадных артистов. Коли так, то почему замечательный трубач и дирижер Эдди Рознер был назначен руководителем Государственного джаза Белорусской ССР, а любимец публики хриплоголосый Леонид Утесов возглавил Государственный джаз-оркестр России. При Сталине джаз был возведен на уровень государственного учреждения.

Моя мать обычно бранилась, когда я уходил в кино на вечерние сеансы. Я объяснял, что мне интересно слушать музыку. Джазовые

оркестры играли по вечерам во всех крупных кинотеатрах — «Ударнике», «Художественном», «Колизее». Они исполняли модные американские фокстроты, блюзы и, конечно, наши популярные песни. По радио звучали прекрасные голоса Козина, Виноградова, Юрьевой, Шульженко. На эстраде, правда, запрещалось исполнять пошлятину и кабацкую цыганщину. Во дворе же под гитару ребята свободно пели «Бублички» и «Гоп со смыком».

В школе мы разглядывали карту страны, искали освобожденные районы и незнакомые республики Литву, Латвию и Эстонию, которые незадолго до войны влились в состав Советского Союза. Мы радовались, что покончено с позорным Брестским миром, о котором нам рассказывал учитель истории. В моей памяти не сохранилось даже намек на то, что наши радостные чувства были как-то связаны с мудрым руководством Сталина. Его портреты висели повсюду, как и портреты Ленина, Маркса и Энгельса. Советский Союз был окружен кольцом изоляции и экономической блокады. В Москву не приезжали высокие государственные деятели. В газетах поэтому не печатались снимки Сталина с иностранными представителями, как это вошло в моду при Хрущеве. Портреты Сталина появлялись в правом углу всех газет только по праздникам. Несколько раз мельком я видел его в кадрах кинохроники. Помню, был снят один продолжительный фильм о выступлении Сталина на предвыборном собрании. Он говорил четко, грамотно, приводил много русских пословиц. Про одного плохого депутата сказал, что он ни богу свечка, ни черту кочерга. Запомнил глухой голос Сталина, грузинский акцент. Он не читал заготовленную речь, даже не опускал глаза вниз, чтобы посмотреть тезисы. Ни стихов, ни песен о Сталине до войны не сочиняли, кроме одной из фильма «Трактористы»: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет». Про маршала упомянуто неслучайно. Тогда были очень популярны песни о героях Гражданской войны, о Буденном и его конной армии. На смену им пришли песни под девизом «Если завтра война». К войне лихорадочно готовились военные, и народ морально был подготовлен к неизбежному нападению Германии. В одном из художественных фильмов был умышленно показан Сталин с тем, чтобы ответить на вопрос героини фильма: «Будет ли война?» После недолгого раздумья Сталин ответил — да.

И вот она началась. Мы, сержанты и солдаты, с горечью разглядывали карту нашего Северо-Запада, искали на ней прибалтийские города, сданные врагу — Вильно, Даугаву, Резекне. Авиаполк воздушных разведчиков, где я служил, разведывал эти города. В тече-

ние трех первых лет войны наши летчики совершали облеты Риги, Таллина и других морских портов и железнодорожных узлов Прибалтики. Через них гитлеровцы перебрасывали войска на фронт. Несколько экипажей разведчиков погибли или пропали без вести. Точно подсчитано, сколько наших воинов отдало жизнь за освобождение Прибалтики в 1944 году. Но никто не знает, сколько погибло, когда мы отступали в июне—июле 41-го, сколько было окружено и попало в плен. Летом 44-го судьба забросила нас на полевой литовский аэродром возле Каунаса, затем мы участвовали в освобождении Польши и Померании, отошедшей к Польскому государству. На всем пути мы оставляли холмики и пирамидки с красной звездой — скромные солдатские приметы похороненных на чужбине русских парней.

Наверняка нам, фронтовикам, труднее пережить потерю прибалтийских государств. Мне же горше, чем другим. В студенческие годы я не раз отдыхал и работал баянистом на Рижском взморье, да и позже наведывался в те прекрасные края. Я отмечал трудолюбие людей, ухоженность городов и поселков, уважительное отношение к русским. В Риге поселился мой бывший командир эскадрильи, Герой Советского Союза Анатолий Попов, который, кстати, неоднократно разведывал латвийскую столицу, фотографируя вражеские корабли и поезда. И вдруг все перевернулось вверх дном. Латыши, литовцы и эстонцы стали нас называть оккупантами, рушить памятники воинам-освободителям, срывать красный флаг страны. Не стоит приводить многие возмутительные факты — они у всех нас живы в памяти. Но что случилось? Еще недавно в советской Прибалтике царил порядок и спокойствие, и вдруг его сменил разгул ненависти к русским, к коммунистам, к Москве. На съезде народных депутатов СССР избранники от Литвы устраивали демарши, покидали зал. Они требовали отделения и кляли пакт Молотова — Риббентропа 1939 года. Он якобы был сговором Сталина с Гитлером об оккупации Прибалтики.

Тщетно высокопоставленный германист Валентин Фалин в «Правде» разъяснял необходимость этого пакта в тогдашней международной обстановке. Люди Саюдиса и других народных фронтов провоцировали народ на бунт против Москвы. В своих корыстных интересах московские межрегионалы использовали раскаленную ситуацию в Прибалтике для захвата власти. Горбачев маневрировал и вел странную игру в поддавки, которая в конечном счете закончилась выходом из состава СССР Литвы, Латвии и Эстонии. Мировой империализм впервые смог снять дивиденды с вложенных сотен

миллионов долларов на подрывную работу радиостанций «Свобода» и «Голос Америки», а также на содержание прибалтийских правительств в эмиграции и проведение ежегодных антисоветских кампаний в защиту «порабощенных республик». Их список открывался Эстонией, Латвией и Литвой, далее следовали восточноевропейские соцстраны и Куба.

Игра в поддавки продолжалась. Социалистическое содружество сокращалось, как шагреневая кожа. Подобно мартовскому льду, от берега откалывались Польша, Чехословакия, Венгрия, ГДР, Болгария, Румыния. Возмутительно, что цепные псы перестройки радовались собачьей радостью, наблюдая за этим ужасным процессом. Горбачев не пошевелил и пальцем, чтобы остановить разрушительный ход событий. Особый злопыхательский экстаз у псов вызвали свержение и расправа с румынским лидером Чаушеску, с которым совсем недавно лобызался Горбачев.

Мне мечталось когда-нибудь на склоне лет проехать по местам былых сражений, возможно, встретить поляков, что помнят лихих летчиков из России. Мечталось посетить во Вроцлаве кладбище советских солдат и найти там могилу фронтового друга Кости Дунаевского, отдавшего жизнь за свободу польского народа. Увы, наши «демократы» науськивали своих идеологических соратников в Польше видеть в нас не воинов-освободителей, а ненавистных оккупантов. Прощай, Костя, навеки! Пусть земля тебе пухом будет.

На 25-летие Дня Победы всем фронтовикам вручили памятную медаль. Скромную, но ее носили, потому что она была не похожа на стандартные круглые медали и прикалывалась на левой половине груди, как гвардейский значок. А вот на 45-летие, в разгар перестройки, медалей не вручали. Редколлегия «Известий» выпросила немного денег у своего заграничного компаньона и распределила их меж известинцев-фронтовиков. Жалкие 70 целковых каждому! Скажите спасибо «Бурде моден» — известинскому компаньону, говорили фронтовикам. Это он выделил 10 тысяч рублей из 400 тысяч прибыли на подарки фронтовикам. Ирония судьбы: битые награждали победителей. В канун Дня Победы «Известия» отвели полторы страницы под рекламу различных западногерманских фирм, а «Правда» поместила полосу под рекламу германской авиакомпании «Люфтганза». Если бы убитые гитлеровцами миллионы наших фронтовиков могли встать из могил! Весь свой гнев они обрушили бы на горбачевщину, на предательскую политику «нового мышления».

Да, дорого нам обошлась игра в поддавки. Мы соглашались на унижительные, невыгодные условия разоружения, спешно выво-

дили войска из Восточной Европы на неподготовленные позиции. Ни казарм для солдат, ни квартир для офицеров, ни складов и гаражей для техники. Этот вывод войск больше походил на бегство. Мы также бросили на произвол судьбы Афганистан, рассчитывая выслужиться перед Вашингтоном. Однако отмены экономических санкций против СССР, введенных еще президентом Картером, не последовало. Горбачев, как мог, ублажал Рейгана и Буша. Горбачевский прихвостень Шеварднадзе голосовал в ООН за разбойничью войну против Ирака, чуть было не согласился послать советских солдат на бойню. Выскачка-грузин кончил неважно, но, возможно, войдет в историю конца двадцатого века как человек-разрушитель.

К счастью, люди будут помнить другого грузина — собирателя, строителя и созидателя. Его имя никогда не забудут. За тридцать лет правления Сталин сумел не только восстановить традиционные границы России, вернуть земли, утраченные в результате Брестского мира. Неученый грузин Иосиф Джугашвили распространил коммунистическое учение по всему миру и держал под своим моральным и политическим влиянием Берлин и Пекин, Бухарест и Пхеньян, Софию и Прагу, и многие другие столицы. Об этом русские цари и не мечтали. Назовите, как хотите, — сообщество, лагерь, дружество, империя, — но на огромной территории Европы и Азии, граничащей с нашей Советской страной, жили сотни миллионов людей, объединенных чувствами дружбы, взаимной симпатии, одной целью — жить в мире и процветании.

И вдруг появляется грузин, фельдшер по образованию, с опытом комсомольского вожака, министра безопасности, республиканского партийного вождя, который волей случая добрался до кормила высшей власти. Однажды ему довелось отдыхать с Горбачевым на Пицунде. Разгуливали по пляжу и пришли к выводу, что «так жить нельзя». Выяснили, что судьбы их схожи. У обоих обнаружились репрессированные сородичи. Как повествует Шеварднадзе в своей книге «Мой выбор», в его семье были репрессированные дяди, а его жена Нана поначалу отказывалась выйти за него замуж, так как ее дед был репрессирован и она боялась испортить жениху партийную карьеру.

Шеварднадзе стал министром иностранных дел, ни дня не работая ранее дипломатом, не зная ни одного иностранного языка. За пять лет он с благословения Горбачева развалил социалистическую империю, простиравшуюся от Одера до Японского моря. Если бы Шеварднадзе занял четкую позицию защиты армии в тбилисской кровавой истории, когда сепаратисты устроили побоище

и свалили вину на солдат, то не появились бы другие боины на Кавказе и не взбаламутилась бы Прибалтика. Надо было вовремя проявить твердость, просто власть употребить. А показали себя трусами перед горсткой националистов-боевиков. Даже у себя дома играли в поддавки.

Разумеется, ничто не вечно под луной. Нет-нет! Надо было кончать с холодной войной, завершать процесс разоружения, ликвидировать региональные конфликты в мире, идти на объединение Германии, на обновление жизни стран социалистического содружества. Но все следовало делать с достоинством, проводить в жизнь как назревшую необходимость, ни в коем случае не копаться в прошлом, не стирать грязное белье на улице, а, напротив, опираясь на богатый опыт прошлого, двигаться вперед.

В 80-х годах стало ясно, что холодная война надоела всем, как советским людям, так и американцам. Со скрипом, медленно, но продвигалось ядерное разоружение. На Западе усиленно обкатывали мысль о том, что идеологический конфликт с Советским Союзом есть большая глупость, хотя бы перед лицом крепнущего третьего мира. В вопросе неминуемого объединения немецких государств надо было не выжидать и не стимулировать в ГДР антикоммунистический переворот, а выступить первыми с инициативой объединения и вывода наших войск из восточной части Германии. Под каким предлогом? Скажем, в связи с исторической неизбежностью, за давностью сроков оккупации Германии, которая, мол, ныне не та агрессивная держава, что развязала захватническую войну. Словом, надо было выставить себя святее самого папы римского. Еще неизвестно, произошло бы объединение или нет, но мы нажили бы огромный капитал у немцев и вызвали бы гнев у английских и французских политиков, которые боялись и боятся сильной Германии.

Что касается братских стран... Разве неизвестно, как относится любой народ к размещению в его стране иностранных войск? Помню, трения с поляками начались уже в первые месяцы после нашего триумфального освобождения Восточной Европы. Из-за простых житейских мелочей: грубого обращения, конфискации имущества и земли под гарнизоны и тому подобное. Мы, например, разъезжали в польских поездах и автобусах и не платили за билеты. На требования контролеров с ухмылкой отвечали: «Пусть за нас Рокоссовский заплатит!» Причем деньги у нас были, но мы считали, что спасли Польшу от порабощения и за это поляки должны быть вечно нам благодарны. То была бездумная эйфория победителей.

Много неразумного было допущено нами и после войны. Но самый главный просчет правителей Москвы состоял в том, что первая в мире страна социализма за много лет после войны не смогла предложить идеальной модели политического и экономического развития. Горбачевщина пошла по легкому пути крушения всего старого. А что взамен? Ничего, кроме пустопорожней болтовни.

Освободив братьев-славян от нашей опеки, мы не дали им свободы. Небольшие государства с ограниченной экономикой, лишенные своих энергоносителей стали зависимы от Запада. Мы бросили на произвол судьбы Югославию. Пожар междоусобных войн запылал и на наших окраинах — в Приднестровье, на Кавказе и в Средней Азии.

Мы прожили счастливо полвека без войны. Горбачевщина нарушила наш покой. Вспомним, сколько крокодильих слез пролил Горбачев в защиту свободы и прав человека, в оправдание диссидентов и «отказников». И сам оказался в конечном итоге своего рода «отказником». Экс-президента перестала жаловать демпресса, а установленная ему персональная пенсия в результате ельцинской либерализации цен и бешеной инфляции превратилась в ничтожный минимум. Экс-первая дама впервые в жизни пожаловалась на трудную жизнь и необходимость мужу-пенсионеру зарабатывать лекциями. В интервью иностранцам Горбачев изливал душу, кляня своего вчерашнего друга-соперника Ельцина и предрекая ему скорый крах.

Заняв кремлевские палаты, «царь» Борис столкнулся с проблемой, каким образом собирать и склеивать черепки разбитого демократии государства. Ельцину хотелось и дальше сокрушать устои социализма, а пришлось пятиться назад, пользуясь давно опробованными средствами исцеления. Ему бы не разгонять коммунистов, а, напротив, призвать их на собрание страны. Ан, нет! Закусив удила, Ельцин клялся конгрессменам в Вашингтоне, что покончил с коммунизмом и никогда не даст ему подняться на ноги. Он обещал распахнуть все ворота доллару и призывал заокеанских толстосумов спешить вкладывать свои капиталы в российскую экономику пока не поздно. Прошел год, но обещанных Западом 24-х миллиардов долларов помощи не последовало. Ельцин получил лишь немного кредитов и займов, за которые надо было дорого расплачиваться. Как и Горбачев, Ельцин все еще тешил себя надеждой, что Запад оплатит его политику «капитализации» и модернизации экономики. Смешно! К чему Западу восстанавливать сокрушенного колоса — российскую державу, вечную угрозу?

АЛЕКСЕЙ АДЖУБЕЙ

Строки из дневника

Кажется, это было в конце 1953 года, когда Алексей Аджубей и Борис Стрельников сели в кресла членов редколлегии «Комсомольской правды». Это была сенсация. Ранее членами редколлегии становились люди со стороны, спущенные из ЦК ВЛКСМ и, как правило, немолодые.

Хорошо помню Алексея в различные деликатные моменты жизни. Март 1953 года. Умер Сталин. Я в ту ночь с 4-го на 5-е марта дежурил. Видел на лице Аджубея слезы. Всю ночь руководство «Комсомольской правды» по своей инициативе готовило специальный номер. Составляли его из высказываний Сталина, из речей и цитат о нем видных деятелей международного коммунистического движения. Но к утру пришла команда из Агитпропа разместить материалы о смерти Сталина на первой полосе, остальные страницы сверстать как обычно, как в будничный день. Пришлось срочно верстать заново весь номер. Газета вышла в девять утра с не очень большим портретом Сталина и официальными сообщениями о его смерти. Уставший до чертиков, я добрел до Белорусского вокзала, чтобы ехать на метро домой. На площади возле вокзала уже формировалась очередь желающих посетить Колонный зал Дома союзов, где был выставлен гроб с телом Сталина. Я было занял очередь, но подумал, что не выдержу, не дойду до Дома союзов, и повернул к метро.

В 1955 году Аджубей совершил путешествие за океан вместе с Анатолием Сафроновым, главным редактором «Огонька», поэтом Николаем Грибачевым и другими литераторами. В «Огоньке» печатались большие материалы и фоторепортажи Сафронова. Всюду на первом плане был Алексей. Трудно перечислить все заграничные уголки, которые он посетил. Причем он выезжал за рубеж во времена, когда редко кто пересекал нашу границу. Он был в числе первых журналистов на чемпионате мира по хоккею в Стокгольме. Потом Всемирные фестивали молодежи в Берлине и Будапеште. Затем групповые писательские поездки в США и Латинскую Америку. Добавим к этому вояжи с Хрущевым в Нью-Йорк по приглашению Эйзенхауэра, а также на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, в Париж на совещание в верхах, в Азию (Индия, Бирма, Индонезия). Дальше — Асуан, Скандинавия. Много было самостоятельных вояжей: в Италию — в роли зампреда Общества Италия — СССР, в Англию — на диспут. Париж стал для него транзитным пунктом, был там с женой Радой Хрущевой, хотя в ту пору даже

членам Политбюро не разрешалось брать жен за границу. Алексей совершил далекие путешествия на Кубу и в Таиланд. Теплоход «Литва», несший комсомольскую миссию дружбы, провез Аджубея по всему Средиземноморью.

Лишь последняя поездка в ФРГ оказалась трагической. Он рассказывал о ней на планерке в «Известиях». Меня там не было и не хочу пересказывать ее содержание с чужих слов. На совещании с международниками Алексей сорвал голос, кричал. Сотрудники тоже потеряли самообладание. Не привыкли к такому разговору с главным. В коридоре он потом останавливался и полушутя спрашивал коллег: «О чем разговариваете? Готовите заговор против меня?»

Ловкачи в политике способны, используя одни и те же факты, делать выводы, прямо противоположные точке зрения оппонента. Этим фокусом ловко пользовались перестройщики и театральные режиссеры, заявляя о новом прочтении материала. Мемуаристы также далеки от первоначальной действительности, ибо накладывают на прошлое свое сиюминутное ощущение. Поэтому, я думаю, что строки из моего старого дневника придадут больше объективности в оценке личности Алексея Аджубея:

Редакцию посетил депутат-лейборист Фрэнк Аллун, мой старый знакомый. Алексей позвал меня на беседу с ним в качестве переводчика. По тому, как Аджубей рассказывал о нашей внешней политике, можно было судить, что Алексей из репортера «Комсомолки» вырос в крупного государственного деятеля. Признался, что «Известия» для него пройденный этап, вскоре ему исполняется сорок лет.

5 ноября 1963 года

Когда в промежутках между поездками в заграникомандировки Алексей появляется в редакции, то заводит разговор о «втором шаге». Первый шаг был сделан вскоре после его прихода. Газета получила статус массовой, всенародной, с большим тиражом. На днях он провел совещание под девизом «Пересмотреть одежду из рубрик». Аджубеевскую идею моментально подхватил Стура. Появились рубрики: «Их мнение», «По ту сторону».

11 ноября 1963 года

Алексей снова отсутствует. Заседает на Пленуме ЦК, который обсуждает вопрос о «Большой химии». Стоящее дело. Предполагается выделить 42 миллиарда рублей за семилетку. Видимо, лед тронулся после наших справок из лондонского посольства. Мы сигнализировали, что Англия обгоняет нас по развитию химических заводов, производя-

щих синтетические материалы, в том числе для потребительских товаров, тканей, пластмассовых изделий.

13 декабря 1963 года

Артур Поднек, помощник Аджубея, вручил мне инструкцию на английском языке по обслуживанию заграничной автомашины «Фиат-Насер». Эту машину подарил Аджубею президент Египта во время визита Никиты Хрущева в Каир по случаю пуска Асуанской плотины. Мне предстояло изучить инструкцию и рассказать, как эксплуатировать дареного коня. Аджубей обратился ко мне, ибо считал меня специалистом автодела. Однажды я выступил в газете с подвалом на тему безобразного регулирования движением транспорта в столице. Рассказал, как организовано автодвижение в Лондоне. После критического материала в аджубеевскую газету зачастили с визитами высшие чины московского ГАИ, правила движения были пересмотрены с полным учетом моей критики. Что касается инструкции по эксплуатации «Фиата», то она мало чем отличалась от наставления для «Волги». Разве что на «Фиате» стоял шестилитровый мотор, чаще надо было смазывать карданный вал.

7 июля 1964 года

Вернувшись из поездки в ФРГ вместе с сопровождавшим его Ледневым, Аджубей резко переменялся. Стал раздражительным, несдержанным. Таким мы его никогда не видели. Кричит: «Я еще главный редактор!» С чего бы это? Немецкие журналы пишут, что Аджубей в многочисленных интервью наболтал лишнего, вызвал гнев лидеров ГДР и Польши. Вполне допускаю, ибо Алексей, выпив, становится слишком откровенным. Конечно, Валерий Леднев должен был сглаживать его заявления при переводе на немецкий, но ведь сам мастак выпить. Говорят, Аджубей поссорился с нашим послом в Берлине Абрахимовым, типичным партаппаратчиком, и тот настроил в Москву «телегу».

1 сентября 1964 года

Был солнечный осенний день. После утомительного дежурства хотелось подышать свежим воздухом, и я остановился перед газетным стендом у входа в редакцию. Едва посмотрел на заголовки, как кто-то стукнул меня по спине и крикнул: «Чудак, нашел время читать газету. Слышал? Аджубея сняли с работы?» Поспешил в отдел. Там ребята уже обсуждали чрезвычайную новость. Говорили, что Алексей ходит по отделам, прощается со всеми. И вскоре, правда, зашел к нам. Немного уже осунувшийся, пытался шутить. Николай Кузнецов ошарашил его вопросом: «Где вы будете теперь работать?» «Сам не знаю», — ответил Аджубей и стал прощаться.

15 октября 1964 года

Аджубей покинул редакцию и вскоре меня вызвали в кабинет нового главного редактора Владимира Ильича Степакова. О нем мы знали лишь один факт: он из работников ЦК. Степаков беседовал с секретарями партгрупп различных отделов, в том числе был вызван и я. Спросил меня об обстановке и сообщил, что будет представлен коллективу известинцев. Длинную речь не собирался произносить, заметил, что нужно время готовиться, поскольку «Известия», как его информировали, буржуазная газета. Я улыбнулся и сказал, что это большое преувеличение. Когда все собрались в актовом зале, Степаков сообщил, что к Аджубею нет претензий как к главному редактору газеты, однако он допустил грубые ошибки в политической деятельности во время зарубежной поездки.

16 октября 1964 года

Владимир Ильич, наш новый главный, оказался человеком с юмором. Редакцию посетила Индира Ганди, тогда министр информации. Молодая, красивая. Визит устроил индийский посол в Москве, который дружил с руководством «Известий». Индира пришла с переводчиком, но Владимир Ильич пригласил меня для страховки. Приветствуя Индиру, он сказал:

— Я, конечно, не тот Владимир Ильич...

Индира улыбнулась и спросила в лоб:

— А где сейчас Аджубей? Говорят, что он в ссылке, в Сибири. А еще пишут, что его казнили...

— Вот как! Это злые языки выдумали. Он жив, здоров, будет работать в Москве. Сегодня был в «Известиях», оформил отпуск. Никто не собирается его наказывать.

17 ноября 1964 года

Степаков заявил, что не отличается крепким желудком, не пьет. Но согласился прийти в облюбованный нами ресторан «Арагви» на журналистские проводы: Стуруа уезжал в Лондон, а я в Гавану. Увы, Аджубея, который подписывал документы о направлении нас собкорами, на проводах не было. Мне вспомнилось, что однажды во время очередной вечеринки в «Арагви» Алексей здорово напился и вдруг воскликнул: «Ну, сколько можно пить! Давайте займемся делом». Кто-то пьяный выкрикнул: «Давайте проведем партсобрание!» Все дружно хихикнули. Однако Аджубей прервал смех: «А почему бы и не провести? Предлагаю повестку дня: Можно ли послать за границу... Мэлора Стуруа». Все словно протрезвели и начали обсуждать таланты и недостатки Мэлора.

20 ноября 1964 года

Аджубей правил материалы лихо, имея крепкую защиту в лице тестя Хрущева. Будучи редактором отдела литературы «Комсомол-

ки» (назначен вскоре после смерти Сталина), он допустил серьезный прокол, за который обычно снимали с редакторов. Но Алексей был непотопляем. Работая уже главным редактором «Известий», Аджубей загодя получал длинные речи Хрущева у помощников руководителя страны. «Правда» лишилась монополии печатать первой важные государственные документы. Аджубеевская «независимая народная» обошла главную партийную газету страны по тиражу, позволяла себе критиковать всех и всякого, кроме... Моссовета и министерства финансов. Согласно джентльменскому соглашению, добрый дядя, председатель Моссовета В. Промыслов не обижал нас, журналистов, и рабочих типографии «Известия», выделяя лучшие новые дома в столице, что позволяло Аджубею переманивать ценные кадры. А минфин и внешнеторговое ведомство жаловали «Известия» валютой для приобретения импортного типографского оборудования или письменных столов для журналистов. Этот негласный принцип «ты мне, я тебе» не был связан с махинациями. Отнюдь. Дома выделялись законно в счет средств, внесенных издательством на жилищное строительство, валюта также строго по утвержденной смете. Разве лишь дома были не панельные пятиэтажки, а кирпичные и в хорошем районе, а валюта предоставлялась раньше, чем другим.

Близкое общение с председателем Моссовета родило у Аджубея идею архитектурно украсить Пушкинскую площадь. Благо давно созрел план построить новое административное здание редакции. Решено было воздвигнуть, как у них там «за бугром», небоскреб. Для одной редакции с числом журналистов чуть более 300 душ небоскреб был явно велик. Аджубей обещал, что займет часть здания, остальное будет отведено под Всесоюзный дом прессы. Великолепно! Архитекторы начали работать над проектом, коллектив известинцев погрузился в горячую дискуссию, каким будет наш новый дом. Вы не догадываетесь, почему на Пушкинской площади нет небоскреба? Почему вместо него стоит здание редакции «Известий», не выше других в округе? После отставки Н. Хрущева Промыслов еще долго оставался председателем Моссовета и приказов о запрещении небоскреба не отдавал. Правда, он провел решение о «единстве архитектурного стиля» в центре столицы, запретив строить дома выше красного здания Моссовета.

В Москве одно время поговаривали, что Алексей займет кресло министра иностранных дел. Непостижимо — министр в сорок лет! Жаль, не вышло, сболтнул лишнее в ФРГ. Освободили его от руководства «независимой народной». Сохранили квартиру, дачу, спец-

поликлинику, спецсанатории. Зачем унижать? Серый кардинал Михаил Суслов отправил Аджубея очеркистом в журнал «Советский Союз». Там он много писал, но подписывать материалы своим именем ему не позволялось. Этим наказанием Суслов, видимо, хотел задуть в Аджубее самолюбие.

Валя Леднев ушел (или его ушли) из редакции. Он рассказал, что случилось в поездке в ФРГ. Аджубей на провокационные вопросы немцев высказывался весьма неосторожно. Его спросили: «У поляков на гербе один орел смотрит на Запад, другой — на Восток. Вы не боитесь, что Польша отвернется от Советского Союза?» Аджубей ответил: «Не боимся. Если потребуется, оторвем головы у обоих орлов!» Посол СССР в ГДР Абрасимов пригласил Аджубея на обед, хотел поговорить с глазу на глаз как члены ЦК. Алексей заартачился, сказал, что согласен отобедать только, если пригласят и сопровождавшего его Леднева. Посол уверял, что Леднева накормят, как положено, но Аджубей уперся. Видимо, был еще во хмелю. И наверняка не знал, что Абрасимов был одним из активных участников смещения Хрущева.

16 февраля 1965 года

ИЗВЕСТИНЦЫ

Годы, события, люди. Не собираюсь писать обо всех товарищах, друзьях, сослуживцах по «Известиям». Упомяну лишь тех, кто оставил о себе память своими книжками. Они хранятся у меня дома и были подарены, как только выходили в свет. То были, как правило, сборники очерков и репортажей, первоначально опубликованных в «Известиях», затем расширенных и обогащенных для книжного издания.

Вспоминаю без какой-либо системы, просто с книжки, что оказалась на полке первой в ряду других. Автор — Николай Хохлов, который клепал свои книги, как пекарь печет блины. Хохлов умер задолго до перестройки, но мог бы служить наглядным примером для ее прорабов. В том смысле, что жил вне рамок уравниловки, умел проявлять личную заинтересованность. И никакой развитый социализм не был ему помехой. Однажды мы взбунтовались и потребовали от начальства заставить Хохлова хоть раз подежурить. Это был первый и последний раз. То ли умышленно, то ли по халатности он пропустил грубейшую ошибку. Начальство сумело ее заметить, схватилося за голову и приказало больше никогда не допускать Хохлова к талеру. Тот был очень рад такому стечению обстоятельств.

Годами он просиживал в кабинете, любил позубоскалить на счет власть имущих, иногда пофилософствовать, подкрепив свои доводы строчками из Пушкина и Лермонтова. Декламирование стихов классиков было хобби не только Хохлова, но и его товарищей — С. Кондрашова и В. Осипова. Иногда их можно было видеть соревнующимися в цитировании Пушкина.

Хохлов писал книги с увлечением и почти все на африканские темы — от «Бурлящего Конго» до «Паруса Танганьики». Аджубей, как в цыганском романсе, его «любил и ненавидел». Ценил его репортажи из горячих точек Африки и возмущался отлыниванием от основной работы. Хохлов внешне был похож на хитроватого русского мужичка, скорее купца или кулака. Он и тогда жил как бы в условиях рыночных отношений.

Викентий Матвеев был несколько моложе, но также «писучим» журналистом. После аджубеевской перестройки иностранных отделов Викентий, наряду с В. Кудрявцевым и Н. Поляновым, стал политическим обозревателем. Злые языки утверждали, что Аджубей выдумал институт политобозревателей, чтобы убрать с должности редактора иностранного отдела Кудрявцева и посадить на его место М. Цейтлина. Чтобы не ущемлять материального положения Кудрявцева, всем политобозревателям учредили привилегии членов редколлегии — 500 рублей зарплаты, спецполиклиника, спецдача, спецбуфет, спецпаек и черная «Волга».

Договорились, что обозреватели не будут получать гонорар за опубликованные в газете статьи. Каждый из них был способен строчить по подвалу ежедневно. Особенно плодовитым был Полянов, который обычно диктовал машинистке свои обзоры. Джентльменское соглашение просуществовало лишь некоторое время. Тут тоже не пахло социалистической уравниловкой.

Матвеев писал обзоры размашистым, почти детским почерком. Мы познакомились с ним в Англии, где он представлял «Известия». В то время в капиталистических странах работало мало советских корреспондентов. Викентий печатался с большими материалами, а я в «Комсомолке» короткими репортажами, зато чаще. Викентий жил в старом лондонском доме с садиком. И однажды здорово нас удивил: купил туристическую палатку, расставил ее в садике и спал в ней с неделю. Потом, вернувшись домой в Москву, он все отпуска проводил в турпоходах, часто в горах. Низкорослый, жилистый, он отличался трудоспособностью, защитил кандидатскую диссертацию и на ее основе издал книгу «Империя Флит-стрит». Викентий освещал важные государственные визиты и был в команде журнали-

стов, сопровождавших Хрущева в поездке в США. В большой группе авторов, включая Аджубея, писал книгу «Лицом к лицу с Америкой» и был удостоен Ленинской премии. Увы, потом большую часть творческой жизни ему было неудобно подписывать свои материалы громким званием. И только мы, старожилы «Известий», помнили об этом факте. Викентий отличался аккуратностью, дисциплиной, это был порядочный человек.

Матвеева в Лондоне сменил Владимир Осипов. Мы подружились. На первых порах я помогал ему обжиться, приобрести новый автомобиль. Вместе разъезжали по стране. Дружили и после того, как я перешел на работу в «Известия». Одно время Владимир предложил мне поселиться в его квартире на Кутузовском проспекте, пока он находился в Лондоне. Мой тезка писал отлично, обладал талантом аналитика. В его обзорах и репортажах словам было тесно, а мыслям просторно. Но его характер был колючим, из-за вычеркнутой строчки он мог закатить скандал. Жизнь Владимира оборвалась глупо и очень рано. Инфаркт на 48-м году жизни. Наверное, его могли спасти. Вызванная неотложка 4-го Управления приехала спустя сорок минут: долго искали его лечебную карту.

Ничто, казалось бы, не омрачало благополучной жизни Осипова. Наверное, он переживал, что мало поработал в Канаде, где ему нравились порядки, но раньше срока пришлось уехать. Неожиданной была для него и лондонская замена. И мы недоумевали, почему Аджубей решил отозвать Осипова и послать вместо него Стуруа. Тому виной — несложившиеся отношения Володи с главным. По этой же причине он перешел на работу в журнал «За рубежом» и вернулся в «Известия» после того, как главным редактором стал Лев Толкунов. Осипов рассказывал мне пренеприятную историю о том, как приезжавший в Лондон Аджубей зашел в магазин и соблазнился дорогой шапкой. В шутку или всерьез намекнул на подарок. Шапка стоила четверть месячной зарплаты Владимира, и он счел такой подарок взяткой. Хоронили Осипова на Кунцевском кладбище. Перед гробом не несли красную подушечку с орденами и медалями. Он их заслуживал.

Станислав Кондрашов оставил о себе память в моей библиотеке книжками с милыми дарственными надписями. Их много, и все толстые, за исключением первой — «На берегах Нила». Она вышла в 1958 году, и Станислав написал, что дарит ее мне «на память о раннем этапе борьбы с англо- и прочим империализмом». Тогда мы оба, начинающие журналисты, оказались в Египте и передавали оттуда репортажи о войне из-за Суэцкого канала. Позже более четверти ве-

ка работали вместе в «Известиях». Из журналистов-международников едва ли кто мог тягаться с Кондрашевым по глубине отражения событий, точности языковых образов, по читабельности, хотя порой шла речь о скучнейших предметах международной политики. И в годы резкого идеологического противостояния, когда Запад и Восток пользовались только одной черной краской, Stanisław умел объективно описывать американский образ жизни — бросавшуюся в глаза роскошь, холеный, довольный собой средний класс, хорошо зарабатывающих трудящихся. Иногда мне за редакторским столом в «Неделе» требовалось смягчить его слишком восторженную картину, но вдруг автор заводил речь об американской дикости, скажем, о суде Линча над неграми. И тогда все становилось на свои места, уравновешивалось идиллическое описание американского образа жизни, сталкивалось с негативом, получался резкий контраст. В небольшом очерке Stanisław умел пользоваться палитрой большого художника.

Работал он много, упорно, писал долго. Его супруга Клара оценивала его неспешное творчество тугодумием. Конечно, это несправедливо. Кондрашов обтачивал не только слова и мысли, он, словно писатель, взвешивал соразмерность начала и конца своего очерка, как будто писал классическую симфонию. А ведь касалось это обычного международного обзора. Он долго мучился, когда вернулся после длительной командировки из Нью-Йорка и лишился живого американского материала. Ничего не мог написать. Мы критиковали его на партсобрании за бесплодность. Главный редактор Толкунов среагировал на это обстоятельство весьма неожиданно. Улыбнувшись, он сказал: «Разумеется, большой художник не может творить без натуры. Надо Кондрашова вернуть в США». И вернул, причем открыв новый корпус газеты. Еще много лет своими репортажами и очерками Stanisław поддерживал высокий авторитет «Известий». При новом главном Петре Алексееве он вернулся на должность первого заместителя, но мечтал о вольнице политобозревателя. Мне неведомы картотеки американских секретных служб, но уверен, что Stanisław значится у них как весьма искусный, тонкий, изощренный обличитель империализма. А впоследствии...

Трудно было поверить в переродившегося Кондрашова, когда он в перестроечное время написал статью «Незасорно поучиться» у американского... империализма. Дальше — больше. С удивлением можно было читать кондрашовские покаянные поклоны Америке. Когда один и тот же международник пропагандирует сегодня один политический курс, а завтра другой, надо задуматься, почему он это делает. Журналист по своему ремеслу — пропагандист. Это его ра-

бота — разжевывать читателю правительственную политику. За это он получает хорошее жалование. Если эта политика противна его взглядам, найди другую работу, другую газету, где можешь отстаивать свои убеждения. Так заведено в мире. Беда в том, что перевертыши оправдывали свой зигзаг на 180 градусов лицемерными рассуждениями о свободе печати и плюрализме. При этом отлично зная, что эти атрибуты буржуазной демократии позволяют спецслужбам на Западе заводить черные списки на коммунистов, лишая их возможности издавать свою газету, не допускать до микрофонов. Впрочем, мы уже на перестроечном опыте знаем, как демократы расправлялись с неугодными изданиями и журналистами. Кондрашову нельзя было отказать в таланте чувствовать, куда дует ветер. В разгар перестройки он украшал свои политические статьи солидной дозой рассуждений о нравственности, милосердии, терпимости. Международнику такие сентенции едва ли нужны.

Меня всегда мучило несоответствие высоких благородных материй, что проповедовались со страниц газет, и образа жизни тех, кто их проповедовал. Против уравниловки с 60-х годов выступал Мэлор Стуруа, один из самых энергичных и самобытных журналистов. Он внушал нам, что нужно покончить с существующей оплатой труда журналистов и перейти на договоры с администрацией. «Пусть мне платят столько, сколько я стою!» — восклицал Мэлор. «А сколько ты стоишь?» — подзуживали мы. «Ну, уж побольше 200 рэ, что получаю», — огрызался он. Блестящий журналист, сочетавший в себе талант писателя и предприимчивость бизнесмена, любил прожигать жизнь в артистических клубах. Несмотря на неприятный грузинский акцент, он был великолепным оратором-полемистом. Никто так броско не мог писать вкладки к целевым полосам на тему «Октябрь шествует по планете». Он заваливал «Неделю» многостраничными очерками из Нью-Йорка. Обижался и скандалил, когда его сокращали или вовсе не печатали. Любил фотографироваться со знаменитыми людьми Америки и вывешивать эти фото в своем рабочем кабинете. Стуруа-публицист был самым острым и злым обличителем американского образа жизни и сделал на этом блестящую карьеру. Он одевался ярко. После первой командировки в США он привез домой красный, спортивного класса восьмицилиндровый «додж». У автомобиля был настолько пижонский вид, что вокруг собиралась толпа зевак. На корпусе ночью кто-то нацарапал: «Янки гоу хоум!»

Стуруа не подарил мне ни одной книжки. Они были толстые, дорогие, он дарил их, кому следует. С одной стороны, Мэлор делал

головокружительную карьеру, с другой — попадал в неприятные истории. Возвращаясь из США в отпуск на пароходе, он услышал из передачи «Голоса Америки», что объявлен американцами персоной нон грата. Он подумал, что за его острые памфлеты об Америке. Оказалось, вовсе нет. Госдепартамент США рассердился на наш МИД по поводу невыдачи въездной визы американскому журналисту и предпринял контрмеры. В Вашингтоне рассчитывали, что Москва уступит, но нашу дипломатию не интересовала судьба именитого известинца. Напротив, своими резкими памфлетами он только обострял советско-американские отношения. И Стуруа остался в Москве. С помощью «руки» он даже взлетел вверх, стал членом редколлегии.

Перестройка раскрыла новые грани таланта Стуруа. Он уехал читать лекции в институтах США. Как-то слышал по «Голосу Америки», интервью с Мэлором. Его представили как эксперта по национальной политике в нашей стране и по грузинскому вопросу, в частности. Мэлор рассказывал о своем выступлении на слушаниях в Конгрессе США, где он прояснял ситуацию в Прибалтике и упрекал мировое общественное мнение в пассивности. Мэлор требовал немедленного признания независимости прибалтийских государств. Надо полагать, что, заявив он о противоположной точке зрения, его не пригласили бы на американское радио. Кстати, нет такого имени Мэлор. Его родители из обеспеченной, интеллигентной семьи. Занимали в Грузии видное положение. Их дети воспитывались гувернантками. Мэлор с братом Давидом, будущим идеологом ЦК компартии Грузии, в детстве играли в «Одиссею» Гомера. Мэлор очень ловко, кстати и некстати, вкрапчивал в свои памфлеты образы древнегреческих легенд. Его родители процветали при советской власти. Возможно, в знак преданности марксизму-ленинизму или отдавая дань моде, они нарекли сына именем, которое расшифровывается так: Маркс-Энгельс-Ленин-Октябрьская-Революция. С намеком на его княжеское происхождение мы звали друга-грузина «милорд», что созвучно аристократическому английскому обращению. Злые языки утверждали, что он никогда не вернется домой. Вскоре после последнего съезда КПСС американские газеты сообщили, что Стуруа вышел из партии.

Хочу вспомнить добрым словом известинцев-фронтовиков. «Здесь каждый день считался за три» — так называлась книжка очерков о войне, которую мне подарил Анатолий Иващенко, мой друг еще по работе в «Комсомолке». Он работал в сельскохозяйственном отделе, объездил всю страну, глубоко переживал трудности селян.

Его пригласили политобозревателем на телевидение. Другой мой друг-фронтовик Юра Звягин сначала работал собкором в Грузии, затем в Болгарии. Чудесный, простой русский человек прожил недолго, оставил о себе добрую память книжкой «Все тепло сердца», которую подготовила для печати его супруга Нона Звягина.

Мой вечный шеф, редактор иностранного отдела, затем главный в «Неделе» Михаил Цейтлин подарил книжку «Международный дневник», изданную в 1968 году. Это сборник его публикаций за многие годы работы в «Известиях». Трудолюбивый редактор выполнял роль рабочей лошади в редакции. Его всегда можно было застать в кабинете склонившимся над правкой очередной корреспонденции. Когда в последний год жизни Сталина по редакциям прокатилась антиеврейская кампания, Цейтлина оставили в покое. Он решительно заявил, что он еврей, но другой — сибирский, а такие не имеют ничего общего с теми, кого вычищают. В еврейском коллективе «Недели» Цейтлина недолюбливали. Возможно, он никого не баловал. Никто из недельцев не пришел на его похороны. Он умер, когда иностранный отдел значительно обновился, появились молодые сотрудники. Как член похоронной комиссии, я приглашал молодых, но они не пришли. Сказали: «Мы его не знаем».

СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА: ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Еще до войны в нашем обществе произрастал класс привилегированных партаппаратчиков, технократов, генералов и маршалов, а также облаканных сотысячными премиями ученых, писателей и артистов. После войны для них в Москве и других городах строились высотные дома с архитектурными излишествами. В то же время сотни тысяч горожан жили в тесных коммуналках и готовили пищу на керогазах; они твердо верили, что жизнь изменится к лучшему. А пока в Белоруссии и на Смоленщине, под Ржевом и Орлом вернувшиеся с войны солдаты, иные без единой медали, жили в землянках.

Шли годы. Жизнь действительно изменялась к лучшему. Советский Союз первым из воевавших стран отменил карточную систему. Первым создал водородную бомбу. Первым сконструировал ракету, поднимающую в космос спутник. Первым вывел на космическую орбиту Юрия Гагарина. Первым построил атомную электростанцию и атомный ледокол. Да мало ли было ошеломляющих мир достижений!

Изменялась структура общества. Появилась советская элита, своего рода привилегированный класс. Большую ее часть состав-

ляли партийно-государственная номенклатура и военная верхушка. Другой ее частью стали выдающиеся творческие деятели, писатели, актеры, кинорежиссеры, а также некоторые представители технической интеллигенции. Они пользовались различными льготами, хотя, как говорится, в поте лица своего их отработывали.

Я никогда не мечтал влиться в круг номенклатурщиков. Такая возможность была в редакции «Известий». В ней насчитывалось до двух десятков номенклатурных должностей. Наши члены редколлегии и политические обозреватели, например, пользовались льготой вызвать черную известинскую «Волгу» по служебной необходимости, а то и без нее. Я не завидовал, когда наш номенклатурщик залезал в машину с водителем и ехал на улицу Грановского за продовольственным пайком, либо на Сивцев Вражек в Первую поликлинику 4-го Главного управления Минздрава или в кунцевскую больницу ЦКБ. Мне нравилось стучать на машинке, радоваться каждый раз, когда моя фамилия появлялась в конце статьи или небольшой заметки. А पुще всего я был доволен, когда издавалась книжица, на обложке которой вверху крупно значилось мое имя.

Развивалось и номенклатурное чванство, проявлявшееся в самых разных ситуациях. Как-то я спросил Константина Севрикова, курировавшего в «Известиях» отдел права и морали: «Не стыдно вам, членам редколлегии, гонять машины за пятьдесят километров, чтобы отвезти и забрать вас из нашего дома отдыха «Пахра»? Словно единоличники, каждый вызывает «Волгу» для себя. Что с вами? Не можете по трое ехать в одной машине?». Он, слывший в редакции «демократом» за оригинальные спичи на летучке, ответил: «Ты хочешь поравнять меня с уборщицей, тетей Машей? Нет уж! Я против уравниловки!»

Хотя жизнь элиты развивалась по восходящей, она все равно была недовольна. Дух горбачевщины возник не на пустом месте. Уже во времена хрущевской «оттепели» он носился в воздухе. Товарищ Сталин очень старался уничтожить кулака как класс и во многом преуспел. Но уничтожить кулацкий дух в брэнном теле многих соплеменников ему не удалось. Среди них оказались те, кто потратил все свои таланты и способности на пропаганду постулатов марксизма-ленинизма, классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Распределители советских благ высоко ценили этих пропагандистов и одаривали их в разумных пределах. Пропагандисты знали себе цену и стремились не продешевить.

На юбилей «Известий» Брежнев подарил нашему коллективу редкий подарок — Постановление о строительстве дачного поселка

около известинского дома отдыха в Пахре. В число пайщиков вошли начальство всех эшелонов, заграничные собкоры и многие другие сотрудники газеты и издательства. Прошло больше десяти лет, а дач так и не построили. Начальство проявило весьма слабый интерес к стройке. Очевидно потому, что госдачи в доме отдыха «Пахра» были обеспечены всем — мебелью, посудой, бельем, телевизором, убирались и ремонтировались по мере надобности. Личная дача, если ее построить, сулила одни хлопоты. Рядовые члены дачного кооператива бились годами, чтобы подрядная организация достроила дачи. С другой стороны, А. Бовин, С. Кондрашов, И. Голембиовский и другие номенклатурщики не предпринимали усилий, чтобы поскорее стать собственниками. Они переезжали из тесноватых, обветшалых госдач в новенькие апартаменты, не обделяя себя и новыми московскими квартирами. Они получали их для себя и детей в порядке улучшения жилищных условий или просто «в порядке исключения».

Егор Яковлев, поменявший один кабинет на площади Пушкина на другой в противоположном здании «Московских новостей» и по сему лишившийся пахорских привилегий, отгрохал там же в Пахре золотистую дачу в два этажа с полуподземным гаражом. Правда, в сауну по-прежнему ходил в доме отдыха «Известий» вместе со старыми товарищами. За кружкой пива или чего покрепче согласовывали действия по «демократизации» России-матушки. Шеф-редактор «Московских новостей» обычно поддерживал «благие» начинания демократов фразой: «Святое дело! Так жить нельзя!» При мне он обещал А. Бовину поддержку, если тот решит баллотироваться в депутаты. Я чувствовал, что нахожусь на тайном совете. Мало кто помнит, что Егор Яковлев, ставший перестройщиком и ярым хулителем Октября, прославился в брежневское время соавторством в многочасовом телесериале «Лениниада», за что был увенчан лаврами лауреата.

Мой друг и товарищ, которого я глубоко уважаю за ум и таланты, академик Георгий Арбатов не менее других был «обижен» жизнью. Почет, уважение, материальное вознаграждение, приглашение выступить в ведущих журналах и газетах, поездки за границу, обмен рукопожатиями с первыми лицами партии и государства — все это он имел давно и в достаточной мере. Он мог ответить на любой каверзный провокационный вопрос журналиста из «Таймс» или «Монд дипломатик», но весьма тушевался, когда по приезду в Нью-Йорк его коллеги, тамошние академики, с некоторой долей юмора спрашивали: «Хэллоу, Джордж! Рады тебя снова видеть. Но ты, ревнивец, опять приехал без жены. Боишься, мы украдем

твою красавицу, которую ты обещал привезти с собой. Что случилось?» Надо было свершиться перестройке, чтобы академик смог возить свою супругу Светлану и даже внушек за границу. На многое был обижен академик, сокрушался, почему он живет во много раз хуже, чем его американские коллеги, получает... Не будем считать чужие деньги! Георгий Арбатов имел приличную квартиру, но сколько пришлось унижаться, просить разрешения на постройку дачи! Так жить нельзя! Никоим образом!

А как можно? Ну, скажем, ввести платное образование, открыть частные лицеи, и тогда без труда, за деньги можно будет пристраивать своих отпрысков к кормилу власти. Что касается первоначального накопления капитала посткоммунистической элиты, то она сама себе придумала прихватизацию народной собственности, смешанные с иностранными предприятия, всякого рода биржи, где в мгновение наживаются спекулятивные миллионы. Разумеется, простому люду не то, что играть на биржах, даже вход на них закрыт.

Разве перестройка не задумывалась для человека, ради человека из низов? Кто из простых смертных помнит эти лукавые обещания? Но элита не забыла про обещанное самой себе и начала претворять перестроечные лозунги в своих и только своих интересах. А что досталось народу? Воспользуюсь газетным штампом — досталась дырка от бублика. Низам, как и во все времена, нужно элиту кормить, одевать, одарить возможностью разочка два в год выгуливаться за границей. А ну-ка, шариковы, быдло, рабы и крепостные, поворачивайтесь! Вам придется вкалывать теперь больше, чем раньше, чтобы удовлетворить запросы совбуржуев. Сказано: перестройка — это революция сверху и для верхов. Командно-административная система неспособна выжимать все соки из рабочего и крестьянина на содержание и расплод элиты. Необходимо сменить форму эксплуатации, как это было на рубеже перехода от феодализма к капитализму. И выход один — поиграть на частнособственнической натуре человека. Дашь рынок! Он приглашает рабочего и крестьянина к свободе влезть самим в петлю новой кабалы.

Все логично и естественно! Одно смешно: нигде в мире капиталисты не родились из партократов-коммунистов, красных профессоров и директоров социалистических предприятий. Я сделал это открытие для себя, когда совбуржуи только-только начали вылупляться из яиц перестройки. И теперь мы живем в стране, где полно платных гимназий и университетов, где одна вилла выше другой, где всякие депутаты защищены неприкосновенностью личности, где Москва уже не похожа на столицу архитектора Посохина, а ста-

ла одним из самых дорогих городов мира, где натекано, нарисовано, навешано столько режущей глаза рекламы, что негде повесить красные полотнища: «С праздником, дорогие москвичи! С Днем Победы!» Зато к услугам нуворишей, порвавших партбилеты, сети казино, тренажерных залов и расхаживающих «ночных бабочек». Не забудем также про доморожденных олигархов, входящих в сотню самых богатых толстосумов мира. Про тех, кто скупил замки и поместья в Англии, на Лазурном Берегу Франции, и даже знаменитый английский футбольный клуб. Про тех, кто владеет морскими яхтами, личными четырехмоторными авиалайнерами. Вот это житуха! Интересно, что думал об этом Станислав Говорухин, автор нашумевшего перестроечного кинофильма «Так жить нельзя!».

ПЯТЬ ЛЕТ В «НЕДЕЛЕ»

Почти двадцать лет, начиная с 1961 года, в коммунистической стране существовало полулегальное издание, иллюстрированное приложение к «Известиям» — «Неделя». Она свободно продавалась в киосках, а вот подписаться на нее можно было только по протекции. Мне довелось работать в ней в первые месяцы ее рождения, а затем быть членом редколлегии, редактором международного отдела. Прибыльная «Неделя» кормила «Известия», газету с многочисленным штатом, более чем сорока корреспондентами за рубежом и несть числа соборов внутренних.

«Неделя» родилась тайно, в кабинете Алексея Аджубея. С помощью своих доверенных людей он лично составил макет и содержание еженедельника, секретно отпечатал его в типографии и после семейного обеда показал новорожденное издание Никите Хрущеву. Тот дал добро, похвалив первую ласточку советской «оттепели». Считаю, семечко горбачевской гласности.

Ничего такого нелегального и криминального первые и последующие номера еженедельника не содержали. Метаморфоза превращения еженедельника из полузапрещенного в легальный стала возможной только после смещения Хрущева и Аджубея с занимаемых постов. На удивление, М. Суслов не только узаконил «Неделю», но и провел решение о кадрах, тираже, размере еженедельника. Правда, подписка по-прежнему не была доступна.

Первые номера еженедельника готовились в отделах «Известий». Каждый отдел выделял дежурного, верставшего свою полосу из материалов отдела. В роли главного редактора выступал Александр Плющ, весьма скромный и тихий человек, которому бог не дал дара

повышать голос на подчиненного, произносить долгих и ярких речей, как Аджубей. Я знал Плюща еще по работе в «Комсомолке», где он возглавлял секретариат. Видел его постоянно редактирующим рукописи, приносил ему на визу свои «Международные обзоры», которые в обязательном порядке посылались на проверку в отдел печати МИД. Он их обычно не читал, лишь спрашивал: «Надеюсь, тут все в порядке?»

«Неделя» появилась явно из неугомонного желания Аджубея «воткнуть перо» в мягкое место коллегам-журналистам из других изданий. Не будь Алексей самолюбивым и тщеславным человеком, не было бы «Недели». Поначалу она издавалась небольшими тиражами. Содержание номера оценивалось по длине очереди перед киоском «Союзпечати» возле нашего здания, где еженедельник продавался без ограничений. Порой очередь загибалась на улицу Горького. Значит, номер удался! Слава «Недели» росла. Таких длинных уличных очередей тогда в Москве не наблюдалось.

Молва приписывала все успехи талантам, пробивной силе Аджубея. Все было так на первых порах. Но шло время. Алексей увлекся иными идеями и планами, причем отнюдь не газетными. И мы убедились, что истинным организатором серьезных и увлекательных материалов был Александр Плющ. Он предстал перед коллективом недельцев человеком широкого кругозора, знатоком давно забытых, а то и преданных анафеме традиций. Его способности раскрылись еще глубже, когда рухнула противосусловская защита в лице Аджубея. Плющ встал напрямую лицом к лицу с агитпропом ЦК, получал со Старой площади одно порицание за другим. Он сумел привлечь способную молодежь и писательскую «оттепель» — Георгия Бакланова и Юлиана Семенова, экономистов-рыночников Отто Лациса и Геннадия Лисичкина и других. На подхвате у Плюща был небольшой актив из безработных выпускников факультета журналистики МГУ. Эти «вольные стрелки» жили без зарплаты, на случайные скромные гонорары. Из них выросли известные перья — писатель Анатолий Макаров, публицист Дмитрий Казутин и другие.

Помню, в тесных прокуренных комнатах еженедельника велись крамольные разговоры о печати, о преимуществах капитализма, какие начали вестись лишь на второй-третий год перестройки. Частенько некоторых ораторов обрывали строгим «Тсс!». Спорили между собой Лацис и Лисичкин. Когда один из них нуждался в поддержке своих мыслей, обычно обращался ко мне: «Вот спроси Силантьева! Он знает, он жил в стране классического капитализма!» Я отшучивался: «Конечно, капиталист лучше следит за порядком.

Вас обоих давно выгнали бы с работы за болтовню во время рабочего дня». Все дружно смеялись. После снятия Хрущева, а потом летом 68-го, в пору «пражской весны», разгоряченно спорили и не скрывали, что осуждают ввод войск в Чехословакию. И тогда были инакомыслящие и по-своему храбрые люди, выразившие открытый протест, несогласие с официальной политикой.

За двадцать лет в «Неделе» сменилось семь главных редакторов. Плюща сменил Михаил Цейтлин, мой бывший шеф по иностранному отделу «Известий». При нем еженедельник мало изменился, разве что больше стало статей на международные темы. Свою лепту внес другой главный, Валентин Архангельский, работавший заведующим агитпропом компартии Узбекистана. Он привел «Неделю» в спокойное русло. Она перестала выделяться на фоне других изданий. С другими главными редакторами мне не приходилось работать. Однако перестроечный Сырокомский, ставленник главного прораба гласности Александра Яковлева, похлестче, чем Коротич в «Огоньке», оплеывал наше прошлое, оскорблял фронтовиков, оправдывая без разбора репрессированных и военнопленных. Самое удивительное, что все эти очернительские статьи редактировались, а порой и писались Виктором Водолажским. За его плечами не было никакого специального образования. Работал в отделе информации «Известий» репортером и за отсутствие способностей был переведен в «Неделю». Сырокомский, может, еще долго пичкал бы читателей чернухой, но его прогнали: попался на финансовых махинациях.

Перестроечная гласность упала на увлажненную почву в «Неделе». Среди обиженных судьбой сотрудников были и ущемленные, полурепрессированные. Отделом литературы заведовала Нателла Лордкипанидзе. Когда под конец жизни Сталина возникло «дело врачей», по редакциям прокатилась антиеврейская волна. Нателла работала в «Комсомолке» и была уволена. Едва ли она могла забыть такое и от чистого сердца писать о социалистическом реализме? Нет, конечно! Вот вам иллюстрация, откуда в разгар перестройки появились перевертыши. Они жили среди нас с двойной моралью. Тогда и Лордкипанидзе, и Георгий Бакланов, и Юлиан Семенов, и Евгений Евтушенко писали, как надо, хваля социализм как высшее достижение человеческой цивилизации. В пору горбачевщины они перевернулись и стали пинать ногами коммунистов и советскую власть.

На свое пятидесятилетие я решил сделать себе подарок — написать очерк о молодом поколении 1922 года рождения, к которому

сам принадлежал. Ведь оно защитило Родину от гитлеровского ига, затем восстанавливало разрушенную страну, прожило жизнь лишений, жертвовало всем. Идея очерка родилась в связи с отмечавшимся в 1972 году 50-летием создания СССР. В очерке я рассказал о своем боевом товарище Константине Дунаевском, Герое Советского Союза, сбитого под Берлином за несколько дней до его сдачи. Дунаевский был моим ровесником. Назвал очерк «Достойный сын». В «Неделе» забыли про мой юбилей. И про мой очерк. Извинились и срочно напечатали. Приятно! Очерк на летучке был признан лучшим материалом. Цирковер говорил: «Автор открылся в совершенно новом амплуа. Бесспорно отличный материал, написан лаконично, с присущим автору юмором». Потом долго меня хвалил Казутин. Он сказал, что очерк вдохновил его написать серию портретов о поколении 30-х годов. Хвалили и товарищи-известинцы.

Вскоре меня стали прочить на заграничную командировку то в Мексику, то в Оттаву. А пока отправили в короткую командировку в Африку — Кению, Уганду и Танзанию. Кенийские власти, однако, не дали визы, несмотря на хлопоты нашего посла, любимого по «Комсомолке» Дмитрия Горюнова. Он приехал в аэропорт Найроби, где наш самолет делал посадку на пути в Уганду. На память сфотографировались. Месяц в Африке показался очень длинным, зато обогатил мои познания картинами дикой природы и редких зверей. Отписывался с вдохновением, легко, очерки получили положительную оценку. Но настала пора прощаться с «Неделей». Меня назначили собственным корреспондентом «Известий» в Канаде.

Поработать в Стране кленового листа, впрочем, не удалось. Несмотря на то что я был утвержден всеми важными инстанциями в Москве, визу мне как собственному корреспонденту «Известий» так и не дали. Не помогли даже несколько краткосрочных командировок в Канаду, так сказать, для моей журналистской презентации перед местными властями. За мои долгие попытки прорваться и получить долгосрочную визу друзья-известинцы прозвали меня «канадоходцем».

Мой друг, ответственный секретарь «Известий» Дмитрий Мамлеев, человек интересный и увлекающийся, дважды брал меня помощником-переводчиком в Монреаль и Ванкувер. Во время Олимпиады в Монреале он загрузил меня переводами материалов из спортивных газет и журналов, заметок о канадском юморе и театре и, конечно, сообщений о последних результатах на главном олимпийском стадионе. Дмитрий поддерживал телефонную связь с «Известиями» до двух часов ночи по-московски, диктовал стенографисткам то, что удалось

увидеть самим и почерпнуть из канадской прессы. Результатом той командировки стала наша книжка «Звездный час Монреаля», написанная в соавторстве по итогам Олимпиады.

Ванкувер — морские ворота в Канаду со стороны Тихого океана. Там мы сотрудничали с канадцами при сооружении крупной электростанции в лесистых горах. Моряки-канадцы пришли на встречу со мной как с участником Второй мировой войны. Они когда-то водили караваны в Мурманск. Сейчас угощали меня дарами природы в морском ресторане: креветки, крабы, осетровые. Раз в году в проливе Виктория проводятся состязания по рыбной ловле. Побеждает обычно любитель с выловленной тушей весом свыше 25 килограммов.

Несмотря на натовское противодействие, деловые люди Канады пошли на создание модных тогда смешанных предприятий с советскими внешнеторговыми организациями. Одна фирма сотрудничала в области станкостроения, другая — при поставках канадским аграрникам белорусских тракторов. Я уже приготовился написать репортаж, как вдруг пришло распоряжение Председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина перенести поставки «Беларуси» на следующий год. «А чем будут пахать наши колхозники?» — заявил Косыгин. «Вот это хозяин!» — подумал я.

ВОКРУГ МЕХИКО

Впервые в Мехико я прилетел в 1966 году по случаю инаугурации нового президента Диаса Ордаса. В мексиканском посольстве в Москве были рады, что правительственная газета «Известия» направляет своего корреспондента на такое важное событие, и консул поставил въездную визу, действительную на целый месяц. За этот срок, кроме столицы, я успел побывать в Акапулько, Гвадалахаре и Гуанахуато.

Летел в Мехико на кубинском самолете. Я тогда работал собственным корреспондентом «Известий» в Гаване. Несмотря на посланные в наше посольство шифровки о моем визите, в Мехико меня никто не встретил. Часа три я нервничал в столичном аэропорту, пока местный парнишка не уговорил воспользоваться его услугами, доставить в любую гостиницу. Я сказал, что у меня пять долларов. «Сойдет», — ответил парень. Пять долларов были моими суточными, а транспортные расходы я мог увеличить по мере необходимости. Так я оказался в дешевеньком отеле «Ромфель». Меня поселили в скромной комнатке и предложили поздний ужин.

Оказалось, что мой отель находится рядом с центральной фешенебельной улицей Хуареса. На стойке регистрации увидел газету на английском языке, где указывались адреса всех посольств и карта-план города. Спасибо! Я долго, до одурения, шагал по широкому проспекту Реформы, рядом с потоком автомобилей. Когда дошел до массивных железных ворот нашего посольства и назвался дежурному, он сказал, что сегодня воскресенье и в посольстве нет ни одного дипломата.

В Мехико я потом летал в командировки еще несколько раз. В 1968 году, когда я уже вернулся с Кубы, в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя книга «Мексиканский олимп». Тираж — 90 000! Книгу быстро раскупили, так как она вышла в канун Олимпийских игр.

До страшного землетрясения в 1985 году корпункт «Известий» в Мехико располагался на улице Амстердам, 232, рядом с бойкой, одной из главных улиц столицы — Инсурхентес. Неподалеку жили коллеги — правдист, тассовец и представитель нашей туристической фирмы. Хорошие товарищи. Преимуществом расположения корпункта было наличие рядом парка Амстердам, что в условиях сильно загрязненного воздуха столицы было немаловажным фактором. Рядом с парком находилась также контора агентства печати «Новости». Ее посетил тогдашний президент Мексики, чтобы открыть бронзовую табличку офиса.

В парке был редкий для Мехико фонтан. Девушка, окрашенная в желтый ядовитый цвет, держит два глиняных кувшина. Она была вторым по размерам скульптурным фонтаном в городе. Первая, конечно, Диана на проспекте Реформы, охотница с луком и стрелой. Почему в городе так мало фонтанов? Мехико страдает от недостатка воды. Она подается в столицу по трубам из-за гор. Однажды все мы собрались в парке у пруда, где плавали утки. Смеялись тогда до слез. Огромный сибирский кобель, красивый и пушистый, каким-то чудом улизнул на улицу, а его хозяин Владимир Новиков, корреспондент Гостелерадио, в сапогах гонялся за ним.

От улицы Амстердам до местного крупного рынка ехать-то было полкилометра. Я пересекал Инсурхентес и оказывался в плену лотков с мясом, рыбой, птицей, тропическими овощами и фруктами. По всей окружности рынка стояли лавочки, торгующие продуктами и хозяйскими товарами, а также мастерские электриков, маляров и других умельцев. В центре зала — лотки с экзотическими цветами. Продавец, милый парень, готов связать вам букет для свадьбы или просто для свидания с девушкой.

После визита на рынок мы с супругой обычно заезжали в булочную самообслуживания. На лотках разного размера — булочки, пирожные, всякая выпечка. Если понравилось что-то, складывали на поднос. Затем продавщица укладывала все нами выбранное в пакет, писала цену каждого товара, и в конце кассирша выдавала нам купленное. Честно сказать, кондитерские изделия, особенно торты, выглядели очень привлекательно и необычно, но на наш русский вкус казались пресными и одинаковыми.

Сильное землетрясение покосило дом на Амстердам, 232. Пришлось искать новое жилье. Выбрал просторную квартиру поблизости от нашего посольства на улице генерала Леона. Американцы называют такую квартиру на последнем этаже — пентхаус. Несколько комнат, кухня, ванная, балкон. С него видны столица и темные извилистые хребты гор. Рядом с домом, только перейти шумную улицу, уходящую на север, огромный по территории городской парк Чапультепек. В нем я искал спасение от вечного «смога», который стоял над городом. Сизая пелена от выхлопных газов тысяч машин практически каждый день разъедала глаза и сдавливала сердце.

В душные выходные дни хотелось вырваться из Мехико, переночевать в отеле где-нибудь на природе. Почти все выезды из столицы отрезаны цепью гор, в том числе двумя высокими вулканами с заснеженными вершинами на высоте свыше пяти тысяч метров. К их подножию не подъедешь на моем длинном «Форде» с восьмицилиндровым мотором. Приходилось уезжать подальше.

Самый короткий путь — в город Толуку. Расширенное недавно шоссе, до четырех полос в каждую сторону, дает возможность после пересечения горного перевала развить скорость «Форда» до 200 километров в час. На въезде в Толуку видишь тридцатиметровый памятник всаднику в широкополой шляпе и патронташем на груди. Это монумент Эмилиано Сапате, герою гражданской войны. А вот и первые городские улицы. Дома в основном двухэтажные. В центре поразил своим величием и старой архитектурой губернаторский дворец. Я повернул, надеясь отдохнуть в зеленом массиве. Оказалось, заехал в индустриальную зону. Американский «Крайслер» открыл в Толуке автосборочный завод. Подавляющая часть продукции уходила в США, а какая-то часть оставалась мексиканцам. На стене завода висел лозунг: «Качество требует постоянного внимания и преданности работе».

Меня очаровал оригинальный «парке ботанико», имевший второе название «Космодром». Длинное высокое здание бывшего центрального рынка превратили в ботанический сад. Там заезжим

литовским ботаником были собраны многие сотни удивительных кактусов, цветов, кустиков, которые растут на камнях. Круглые окна и главный вход в здание были украшены в стиле мексиканских художников-муралистов.

Плодородная долина Толуки простирается к руинам пирамиды Тенанго, которая сложена из огромных кубов камня. С ее вершины открывается вид на городок и его мощенные плитами улицы, переходящие в шоссе к курортному району Маркеса. Дорога долго бежит у кромки густого леса. На широкой долине Маркесы по всей площади разбросаны места для отдыха — столы под крышей. Многие места пустуют. Холодно и дышится с трудом. Ведь долина расположена возле высоких гор, окружающих Мехико, на высоте трех тысяч метров.

Спокойствие, чистота, экзотика и много другого хорошего для поднятия настроения и нормального биения сердца есть в Морелии или Абасоло. Стоит только миновать Сьюдад-Сателите и мчаться по северной автостраде в Керетаро, Ирапуато, город клубники Гуанахуато, до самой Гвадалахары. Свежий воздух и благодать можно найти в двух часах езды от Мехико — в Куэрनावаке. Главная достопримечательность здесь — дворец завоевателя Мексики Эрнана Кортеса, построенный в новоиспанском стиле.

Покинув Куэрнаваку, желательно потратить еще час езды до мест воскресного отдыха — озера Текескитенго с его отелем «Параисо-клуб». Прямо у берега — бассейн. По озеру гоняют моторные лодки с отдыхающими на водных лыжах. Немолодым, как мне с супругой, нравится селиться в коттедже, в тени вековых деревьев. Одни из них сцепились корнями, другие стоят без листвы. Вместо нее цветы фиолетового цвета. Когда «Параисо клуб» переполнен, на противоположном берегу есть что-то похожее на кемпинг для автотуристов.

На пути из Мехико в город Тула нет высоких гор. Там любуешься стоящими черными индейскими идолами из камня. Внизу — развалины индейского городища: полусохранившаяся пирамида, остовы столбов, когда-то служивших опорой для крыш. Стены пирамиды утыканы головами то ли змей, то ли сказочных индейских пернатых. Присесть негде. Молодая парочка обнимается на ступеньках пирамиды. Проходим мимо к тропинке, не сворачивая, боясь уколоться иглами кактусов.

Из пяти моих блокнотов-дневников один целиком посвящен Мексике и ее милой столице. Со вздохом уважения и зависти нельзя не упомянуть о Национальном музее истории и антропологии. Признанный факт — такого нет в Западном полушарии. Мексиканский национальный музей отвел все свои залы на двух этажах

одной теме — истории индейской цивилизации от первых поселений до современного быта индейцев. Ученые археологи полагают, что в начале нашей эры кочевое племя остановилось среди озер и плодородных земель, увидев, согласно легенде их жрецов, сидящего на кактусе орла со змеей в когтях. Это сказание послужило мексиканцам символом для изображения на национальном гербе.

Самая злая площадь в Мехико носит имя революционера Гарибальди. Там толпятся группки трубачей, скрипачей и горластых певцов. Их называют «марьячис». Они готовы в любую погоду, ночью и днем следовать, куда угодно, когда их нанимают играть на свадьбу, день рождения и другие праздники. Рядом — широкая дверь в Павильон национальной кухни. Там дородные поварахи и повара приглашают отведать мексиканские и европейские кушанья. В огромном котле на два ведра кипит суп «пансита». Вкус — пальчики оближешь! Хотя на первый взгляд вода кипящая и только!

Термическая инверсия (дневниковые записи)

Тучи «смога» не слабеют уже две недели. Холодно, до +2 градусов ночью. Пишут о какой-то термической инверсии. Все встревожены. Мэр столицы призвал ограничить поездки частных автовладельцев. Расширить движение пассажирских автобусов. Способ избавиться от «смога» один — покинуть столицу и уехать в Куэрнаваку, поселившись в отеле «Ирис Астория», с оплаченным завтраком и обедом. Весьма скромным: куриный суп, тортिलли из маисовой муки, рыба. Зато дышится легко. Благодать! Рай земной! Январь месяц, а в Куэрнаваке цветут джакаранды, тюльпанное дерево, бугенвиллеи. В соку фикусы, лавровишни, акации, казуарины.

26 января 1986 года

Лечебный Абасоло

Чудесный курорт, расположенный поблизости от второго по величине города страны — Гвадалахары. Там я побывал в пору подготовки мундиаля — проводившегося в Мексике чемпионата мира по футболу. Если бы Абасоло был поближе, не знал бы я мучений со «смогом».

Курорт купил когда-то испанец по фамилии Кортес. Хозяин Абасоло — старик, полный новых идей. Заканчивает стройку водяных горок «Табоган», второй дом-гостиницу с дансинг-холлом и баром

с кондиционерами. Часть территории отведена под поле. Отдыхающие получают свежее молоко. И едут в Абасоло, ибо он дарит термические воды. Купающиеся в бассейне подолгу стоят под струей горячей воды, льющейся из трубы. Хороший водный массаж. Кстати, канадские футболисты избрали Абасоло под свою тренировочную базу. На поле для них установили футбольные ворота. Наши футболисты поселились в Ирапуато и тренировались на местном стадионе.

Февраль 1986 года

Мехикали и Тихуана

Эти два города на севере граничат с Соединенными Штатами. Вместе с корреспондентом «Комсомолки» Сергеем Заворотным мы полетели туда, сопровождая группу артистов Большого театра. Они танцевали отрывки из балетов великих композиторов. Музыкальное оформление необычное — попросту «фанера». Знакомая мне по институту Инга Стебакова контролировала записанную на аппаратуру музыку. Мы обнялись. В годы учебы в Инязе Инга, отличная пианистка, аранжировала для игры на пианино все мои песни и записала их ноты.

Моего коллегу Сергея интересовала жизнь в пограничных городах. Мехикали, словно обижен ангелами, утопал в мусоре и бедности. А второй, Тихуана, служил барьером, разделявшим мексиканскую и американскую стороны. «Брасерос», или, как их еще называли, — «мокрые спины», надеялись найти работу на американских фермах сахарного тростника, овощей и фруктов. За «мокрыми спинами» зорко следили американские пограничники. Они угрожали применить оружие против мексиканцев в случае самовольного пересечения границы.

19—24 ноября 1986 года

Тласкала и Халапа

Как хорошо на свете жить, когда нет сизой дымки тумана. Таким местом оказалась столица одноименного штата Тласкала. Это недалеко от перенаселенной и шумной Пуэблы. Хорошо отдохнул в небольшом, чистом городе. Память о нем: каждый новый год в Москве встречаю с серебристой, синтетической елкой, купленной в невзрачном магазинчике Тласкалы. Небогатый штат, однако размахнулся на сооружение крыши над археологическими раскопками. Крыша размером с футбольное поле поддерживается столбами и связками стальных тросов.

Обследовать досконально раскопки не удалось, так как кончалась «фин де семана» и надо было быть дома, в корпункте «Известий». Всегда могла вызвать Москва по телефону. Однажды позвонил зав. иностранным отделом Скосырев и просил сделать интервью на улице. «У нас глубокая ночь и людей на улице нет!» — ответил ему. Он бросил трубку.

В Тласкалу я заезжал два раза, и каждый раз сетовал, что трудно туда добраться. Препградой была дорога в Пуэблу, которая спряталась от Мехико за высоченной грядой гор. Я сменил корпунктовскую машину «Форд» на современный небольшой автомобиль фирмы «Крайслер» марки «Барон». Он свыше 120 километров в час не развивал, хотя мотор ревел оглушительно. Однако в забитом машинами Мехико был удобен, есть где поставить мою «коротышку».

В Халапу, город обворожительный, я заехал случайно, возвращаясь из поездки в Веракрус, главный порт страны. Мог поселиться в приличном отеле, так как МИД в Москве раскошелился, увеличив квоту проживания в мексиканской гостинице до 40 долларов в сутки. До этого приходилось ютиться в плохих отелях, платить за ночлег 14—16 долларов. Халапа очаровала меня своей чистотой, спокойствием, теплым влажным воздухом и огромным Музеем археологических ценностей. Можно подумать, что хозяева города решили поспорить с Национальным музеем истории в Мехико. Из Халапы была прямая и пустая дорога в столицу. На выезде, правда, платил налог за пользование шоссе.

14 апреля 1987 года

В джунглях южного края

С Сергеем Заворотным, корреспондентом «Комсомольской правды», мы совершили несколько интересных путешествий. Летали в Тихуану, на нефтепромыслы. Затем в местечко, знаменитое удивительными монаршими бабочками. Утверждают, что они прилетают раз в году с севера Америки. Самым захватывающим стало наше путешествие в южный штат страны, в город Тустла-Гутьеррес. Наняли там желтый «Фольксваген» (в Мексике есть завод по выпуску этих устаревших авто) и добрались до городка, где хозяин легкого двухместного самолета усадил нас в кресла и взмыл над дикими джунглями. Их порой теснили тропические озера синего цвета, окруженные густыми деревьями. Величественные сейбы закрывали небо от ярких лучей. Пилот сказал, что тут где-то упал его дядя, также возивший туристов.

Наконец, узкая полоска в лесу. Приземление. Для взлета потом разворачивали самолет, так как взлетная дорожка была узкая и короткая. Охранник древних сокровищ повел нас осматривать руины Паленке. Перед нами предстал многоэтажный дворец с пещерными комнатами. Я поднялся сфотографироваться. Сергей шутил: «Здесь давным-давно жрецы произносили свои заклинания, а сегодня с высоты величия храма смотрит на нас корреспондент “Известий”». Наш провожатый, искусно владея мачете, прорубил тропинку к бурной реке Грихальве. Тут индейцы ловили рыбу и жили в достатке. Входы в их строения имели конусообразные ниши. Это архитектурное наследие использовали при сооружении гостиниц и служебных зданий в Тустла-Гутьеррес.

В одном из небольших городов самого южного мексиканского штата Чьяпас мы увидели распространенное у индейцев зрелище — сжигание худос, так называемых человеческих грехов. В полночь, при луне, уничтожали огнем карикатурные образы обмана, разгильдяйства, вранья, алкоголя. Переночевали в местном отеле. Коридоры, садик, номера в испанском стиле. В номере камин, стопка дров, декорированная стена, одеяла и подушки с рисунками индейцев в шлемах.

Недалеко от границы с Гватемалой находятся известные руины древности Бонампак. Местный индеец охранял довольно хорошо сохранившиеся цветные фрески с изображениями вождей в богатых туниках. Фотографировать их нам почему-то категорически запретил. Мы застыли возле величественной сейбы, дерева-гиганта, на макушке которого разрослось другое большое дерево.

Джунгли занимают сравнительно немного территории в равнинной Мексике. В теплом климате выращивают диковинные овощи и фрукты. Особенно поражает разнообразие кактусов. Нопаль — съедобный кактус, зеленый с иголочками. Кактус пульке обрастает пухлыми листьями и дает пьянящий напиток. Но сейбы, кроме штата Чьяпас на южном краю Мексики, нигде в стране ацтеков и майя больше не растут.

«Форд»-стотысячник

В октябре 1987 года на выезде из пригорода Сьюдад Сателите спидометр старого «Форда» отметил стотысячную черту. Автомобиль служил десять лет. Он был ввезен из США в апреле 1978 года. Для иностранцев было выгоднее привезти автомобиль через американскую таможню, чем покупать такие же авто, произведенные

в Мексике и обложенные всякими налогами и сборами. За все эти годы «Форд» меня не подводил, лишь однажды на стоянке столичного аэропорта не завелся. Отказала автоматическая коробка переключения скоростей. Мелкие неисправности, конечно, были: прохудилась диафрагма бензопомпы, отказало реле электронного зажигания, когда на спидометре было 25 тысяч километров, заменил амортизаторы (75 тыс. км), сменил восемь штук покрышек, редукционный клапан масляной системы. Регулярно менял свечи и фильтры. Американский карбюратор имел установку поддува воздуха, как на самолете. Опытный старик-мастер открыл капот. Содрал уплотнитель из войлока — вот почему в салоне машины не слышно звука двигателя.

Не считал, сколько километров накатал по городу-гиганту Мехико. Больше, конечно, наездил по пригородам, да и по стране немало. Расстояние до «Параисо-клуб» — 120 км, до Валье-де-Браво — 160 км. Как-то с супругой добрались на «Форде» до Масатлана, что находится в 1200 км от столицы. Поездка в город на Тихоокеанском побережье запомнилась освещением встречи в верхах и главное — неожиданно спетым куплетом из нашей песни «По долинам и по взгорьям». Дружно с Еленой мы тогда пропели: «И на Тихом океане свой закончили поход».

Совсем недолго оставалось до того дня, когда мы с грустью скажем: «Прощай, Мексика!»

ВОСПОМИНАНИЯ КУРОРТНИКА

В конце 1988 года я вернулся из Мехико в Москву. Пришло время уходить на заслуженный отдых. По заведенному обычаю собственные корреспонденты, приезжая раз в год в отпуск, навещали главного редактора, чтобы рассказать об обстановке в стране пребывания, о рабочих планах, высказать личные просьбы. Иван Лаптев поначалу был дружелюбным, внимательно выслушивал, задавал вопросы. Но он быстро «забурел», когда его утвердили на все положенные главному редактору «Известий» посты — депутатство, членство в ЦК партии и другие. Он по-прежнему принимал соборов, но стало заметно, что рассказы о других странах его мало интересовали. Меня, ветерана «Известий», Лаптев вообще не счит нужным пригласить для беседы и сказать добрые слова перед выходом на пенсию.

Зато он страстно отдавал себя заботам о перестроечных делах. При Лаптеве газета стала рупором антисоциалистических сил. Буду-

чи официальным органом Верховного Совета народных депутатов, «Известия» делали это ненавязчиво, подкрадывались незаметно к душам людей, оболванивали терпимостью к чужому мнению, которое, как правило, оказывалось противоречащим советскому образу жизни. Задушевные беседы со страниц газеты чаще вели видные деятели интеллигенции, писатели и актеры, чем сами известинцы.

После августа 1991 года «Известия» стали независимыми. По решению трудового коллектива газету возглавил Игорь Голембиовский. Думаю, известинцы не раз пожалели о своем выборе, но это уже другая история, в которой я не был прямым участником. Мне же хочется вспомнить времена, когда наша страна и журналистика были другими. Помимо творческой и безумно интересной работы, нам, сотрудникам «Известий», были предоставлены отличные условия для отдыха.

В 60-е годы известинцы каждое лето выезжали с детьми на дачные участки в Сходню или Малаховку. Массивные, из толстенных сибирских сосен дома до революции принадлежали известным купцам. В подмосковной Сходне мы несколькими семьями гостили в доме, в котором раньше жил партийный оппозиционер Бухарин. Удобства самые простые: вода из колодца, душевая на улице, наполненная водой в летнюю жару. Мой сын Андрей играл на большой поляне перед домом с детьми Мэлора Стуруа. Наверху, на террасе, я показывал свой любительский фильм про Англию, снятый на 16 миллиметровой кинокамере. Много времени я проводил около своей зеленой «Волги», которая требовала постоянного внимания и мелкого ремонта.

Машину я привез из Лондона. В конце моего пребывания собором «Комсомолки» в Англии на пароходе «Балтика» доставили две «Волги». Какой-то делец решил начать бизнес торговлей нашими горьковскими автомобилями. Заплатив 500 английских фунтов стерлингов, я торопил бизнесмена вскрыть желанный груз. Возились целый день. «Волга» оказалась двухцветной: салатовая сверху и темно-зеленая, цвета морской волны, по бокам. Редкая красота. Попросил вернуть машину обратно на «Балтику», что вот-вот отплывала на родину. Хозяин говорил, что надо бы сделать профилактику, но ограничились установкой аккумулятора. Так вдруг сбылась моя старая мечта иметь свой автомобиль. Моему примеру последовали некоторые товарищи-дипломаты, работавшие тогда в Англии.

На «Волге» я совершил несколько увлекательных путешествий по нашей стране. Несколько раз с семьей ездили в Ленинград, Калининградскую область, Белоруссию, на Рижское взморье. Ча-

сто совершали автомобильные вылазки с друзьями-известинцами по памятным местам Подмосковья и ближайших областей.

На картах удивительного «Атласа автомобильных дорог СССР» я отмечал трассы наших поездок. Географические карты — это мое хобби. В Лондоне, будучи собкором «Комсомолки», я прочерчивал на карте Англии дороги, по которым объездил всю страну. В Мехико я ориентировался по советскому атласу стран Западного полушария, проводил прямые линии моих перелетов на авиалайнерах от Буэнос-Айреса до мексиканской столицы.

«Атлас автомобильных дорог СССР» был издан в 1970 году, когда наша автопромышленность только набирала силу. Большой раздел атласа посвящен ценным советам о подготовке маршрутов туризма, оборудованию машин, гигиене, устранению неисправностей. Указаны маршруты по главным направлениям. Перечислены в алфавитном порядке сотни наших городов, которые интересны для посещения. Стоит отметить, что перечень городов занимает десять страниц, по буквам от А до Я. Это — Подмосковье, Карельский перешеек, центрально-европейская часть СССР, Поволжье, Урал, Украинская ССР и Молдавия, Закарпатье до лесистых Карпат, Крым и так далее.

Самую дальнюю поездку вместе с супругой и сыном мы совершили в Закарпатье, полторы тысячи километров от Москвы. Спустившись с гор, ночевали в кемпингах Приднестровья, Винницы, Киева, Полтавы. С местами в наших гостиницах не разгуляешься. Путешествуя по Закарпатью, мы с супругой и сыном к вечеру достигли Переяслав-Хмельницкого. Время где-нибудь переночевать. Администратор гостиницы сказался любезным ко мне, журналисту-известинцу. Он развел руками от досады, но свободных мест не было. Правда, в одном двухместном номере остановился местный служащий. На одну ночь администратор уговорил его приютить хорошего человека. А жене с ребенком пришлось ночевать в «Волге», что была припаркована у входа. Устав после сотни километров за рулем, мне хотелось вытянуться даже на раскладушке. Сосед долго задавал вопросы. Как там в Москве?

В Киеве произошла моя единственная автомобильная авария. На Крещатике возле базара был левый поворот. Этого я не знал. «Газик» с милицейским номером угодил в мою машину. Бывает! Вдруг подбежали молодые киевляне и стали требовать составить акт о наезде. Поехали в центральное ГАИ. Нарушитель-милиционер был «под газком». Его обязали завтра же отремонтировать мою машину. Он отказывался. Уговоры продолжались всю ночь. Незнакомые парни бы-

ли со мной. Расставаясь, я предложил подвести их по домам. И тут я услышал от них: «Наезд мы не видели. Вас защищали, поскольку мы не любим нашу милицию».

После победы над гитлеровской Германией были освобождены оккупированные немцами Прибалтика, Карелия и часть Ленинградской области. Появились новые курорты, например Светлогорск, что в районе освобожденного Кенигсберга. Рижское взморье стало принимать миллионы курортников из разных уголков Страны Советов. Они прибывали поездами менее чем за сутки. На вокзале Риги пересаживались на местные электрички до Дзинтари, Майори, Дубулты. Прямую автостраду в тысячу километров построили позже. Мне удалось побывать на Рижском взморье несколько раз. Съездившись, бежал по песчаной косе вдоль берега Балтийского моря. Очень холодного моря. Его бы назвать Северным, хотя Рига находится далеко от Архангельска или Мурманска. Искупавшись, я прятался под соснами в дюнах.

Хотя я был чином не очень большим — заместителем главного редактора «Недели» — мне полагалось номенклатурное прикрепление к 4-му Главному управлению Министерства здравоохранения СССР. Там очень удивились моему желанию отдохнуть где-нибудь на севере, скажем в Петрозаводске или на известной даче Сталина среди Валдайских озер. Дача представляла собой невысокий, невзрачный домик на крутом берегу одного из многих валдайских озер, прозванных в народе «медвежьими». Иосифу Виссарионовичу она не понравилась, и он подарил ее тогдашнему руководителю ленинградской партийной организации Жданову.

За высоким бревенчатым забором располагалось когда-то общежитие для солдат охраны. Теперь это здание обустроили для отдыхающих. Построили лодочную пристань, деревянные мостки для подхода к мелководью. Для любителей рыбалки по краю берега соорудили несколько мест с печкой, прикрытой крышей от дождя. Там я часто видел отдыхающих юношей родом из Узбекистана. Наловив быстро рыбки, они угостили меня ухой под водку. Ее продавали в поселке за забором.

На теплоходе разъезжали по озерам, знакомились со стариной, оставленной первопроходцами. В городе Валдае, причалив к набережной, посетили кооперативную ярмарку. Валдай был фронтовым городом. Там располагался штаб Северо-Западного фронта. В центре образовалось кладбище, где хоронили героев-орденоносцев. После войны кладбище закрыли, а на месте захоронений положили темно-красную мраморную плиту.

В санатории «Волжский утес», что расположился на берегу огромного Жигулевского моря, я встречал гуляющего на отдыхе Алексея Николаевича Косыгина. В хорошую погоду на другом берегу водохранилища были видны корпуса знаменитого тольяттинского автогиганта ВАЗ. У причала санатория стояли глиссеры и лодки на подводных крыльях. Добирался я до «Волжского Утеса» на поезде до Уфы. Оттуда на автобусе отдыхающих довозили до места.

Как мне удавалось проводить отпуск в престижных санаториях в Крыму, на Кавказском побережье, в Кисловодске и на Волге? Очень просто. Номенклатурная элита отдыхала летом и ранней осенью, в «бархатный сезон», а мне доставались путевки поздней осенью, когда дождало, а то и шел снежок.

Поэт Лебедев-Кумач констатировал: «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек». Зеленая летом, пушистая зимой, богатая подземными кладовыми. А вот песчаными пляжами у теплых вод родина нас обделила. По большей части — галька, мелкий камушек. В летнюю жару воздух тяжелый, влажный. Дышать у моря, прижатого горами, затруднительно. Санатории воздвигались подальше от узкого побережья.

Как отдыхающий, я побывал в десятке курортов. На крымском берегу, например, отдыхал в санатории Верховного Совета СССР «Айвазовский». Санаторий «Форос» для советской партийной элиты я посетил по приглашению Спартака Беглова, товарища по совместному пребыванию в Лондоне в качестве собкоров. Он вернулся в Москву и занял пост одного из руководителей АПН. Меня поразила огромная комната, куда поместили Спартака с женой. Они жили, как в богатой гостинице. Кровать, стол, стулья и другая мебель в огромном жилом помещении казались игрушечными. В столовой, как в ресторане, предложили отпечатанное на машинке меню из пяти блюд. Меня поразила такая роскошь, как бассейн на открытом воздухе. Головы мы прикрыли резиновыми шапочками, но дул пронзительный осенний ветер, и, едва высунувшись, мы ныряли в глубь бассейна с выходом за занавес, где был уже накрыт стол с закуской — икрой, таранькой, чешским пивом и коньяком.

Гор в Крыму немного. Достопримечательностей еще меньше. Ялта, домик Чехова, бывший царский Ливадийский дворец, место переговоров об устройстве послевоенного мира лидеров антигитлеровской коалиции, и еще экскурсии — в Севастопольскую бухту, пещеры, где прятались партизаны. Поездка в Бахчисарай была полна ожиданий экзотики, но увиденный нами ханский дворец не впечатлил. Место резиденции крымского султана Крым-Гирея и дру-

гих властителей, считай с XVI века, неоднократно подвергалось разорению и восстанавливалось. Я увидел бедность сооружений: дощатые, плохо струганные полы, за пологом — укрытие для гарема.

Главным курортом страны, конечно, являлся Сочи на Черноморском побережье Кавказа. Ежегодно сюда приезжали миллионы отдыхающих по профсоюзным путевкам. Их принимали на лечение здравницы разного класса, в зависимости от ведомственной принадлежности. Мне посчастливилось отдыхать в Сочи в разных санаториях. Как-то мне предложили провести отпуск в санатории «Правда». Шикарный, в мраморных колоннах дворец. Еда в столовой вполне подходящая. Над нами стрекотал фуникулер богатого санатория имени Фрунзе. От лечения в Маесте я отказался и весь отпуск сражался с местными парнями в любимый волейбол.

В другой раз у нас были путевки в дом отдыха, а сыну нужно было лечение в Маесте. В аэропорт Адлера мы с сыном Андрюшей прилетели на Ту-134 меньше чем за два часа, а наша Елена предпочитала полтора дня трястись в поезде. На вокзале ее окружили представители туристического бюро. Советовали пройти к окошечку, где женщина предлагала всевозможные услуги: расселение в гостинице либо в квартире в городе, аренду на весь сезон, солнечные ванны на балконе, снабжение продуктами, кроме водки, которой запрещалось торговать в городе. Начальник вокзального бюро порекомендовал прикрепить сына к санаторию для детей, чтобы получить бесплатные талоны на маестинские ванны. Предложил заполнить анкету, где надо было указать номер паспорта. Но у меня его не оказалось при себе. «Укажите любой номер», — любезно подсказал начальник бюро.

Впервые в лучший санаторий Сочи я прибыл рядовым журналистом. Кончился бархатный сезон. Наступили октябрьские праздники. Колонны сотрудников санаториев маршировали по центру города с красными знаменами и плакатами. На них читались обязательства, иные из которых казались мне смешными и заумными. Вот такой, например: «Увеличим койкозанятость на 10 процентов!»

«Объединенный санаторий Сочи» 4-го Главного управления Министерства здравоохранения СССР состоял из двух корпусов. Роскошный «Люкс» в стиле царских мраморных дворцов. Своя столовая, зрительный зал с креслами, обитыми плюшем. Богатая бильярдная. Чудесная библиотека со стеллажами и шкафами из ценного дерева. Врачи разделили курортников на отдыхающих «для ума» и отдыхающих «для тела». Массажистка, полная еврейка, хвастала, что лечила от остеохондроза самого Микояна.

В санатории обслуживание шло по давно разработанному графику. До обеда проводились лечебные процедуры: бесплатные автобусы возили в Маесту, предлагался массаж, включая подводный, различные виды физиотерапии. После обеда отдыхающие были заняты по желанию. Чаще всего состязались с приглашенными из соседних санаториев волейболистами, мастерами большого и настольного тенниса. Вечером — кино или концерт.

Окно моей комнаты в корпусе «Люкс» выходило на кухню столовой. С раннего утра меня будил стук ножей поваров. Я попросил о переселении. Меня перевели в корпус «Приморский» и подселили к мастеру сталелитейного производства из Челябинска. Его звали Александр Петрович. Комната на двоих была тесноватой. Зато лифт до песчаного пляжа, внизу душ и бар.

В «Объединенном санатории Сочи» было три киноплощадки. Одна в закрытом помещении. Там выступали известные артисты, которые летом давали концерты в городах на черноморском побережье. Помню, однажды в «Приморском» выступила Эдита Пьеха в сопровождении оркестра ее мужа. По воскресеньям развлекать отдыхающих приезжал джаз. Танцевали под «Утомленные солнцем», «Дымок от папиросы», а главным хитом была заливчатская мелодия «Живи, моя Одесса! Живи и процветай!».

Большая территория санатория граничила с городским парком «Ривьера». Прямой (со сторожем) выход в парк позволял посетить там кинотеатр, различные аттракционы, открытый драматический театр, где проводились союзные фестивали и конкурсы и где я впервые увидел выступление начинающего Петросяна. Ходили мы гулять и в соседний новенький санаторий «Россия» Советов министра СССР. Там актер Владислав Стржельчик удивил нас интереснейшим рассказом о своей театральной жизни.

Крым, Сочи и другие курортные места были предназначены почти исключительно для летнего отдыха. В газетах советского времени можно было прочитать, что на курортах страны ежегодно отдыхали по путевкам миллионы граждан. Путевки бесплатные, с профсоюзной скидкой. Наша семья тоже пользовалась такими льготами, выезжая на каникулы в один из санаториев. Но главным удобством был конечно же известинский дом отдыха «Пахра», открытый круглый год.

Много лет каждую пятницу после работы от здания «Известий» с улицы Чехова стартовали два туристических автобуса в сторону района Теплый Стан и далее по Калужскому шоссе до «Пахры». Примерно через час автобусы прибывали к главному корпусу дома

отдыха и все расходились по своим комнатам, кто в корпусах, кто в дачках. Быстро бросив вещи, отдыхающие устремлялись в столовую на ужин. Мой сын, еще малыш, любил ползать среди столов по красному дорожному ковру. Возвращался к маме и уговаривал ее побыстрее скормить ему кашу. Маленькая дочь известного япониста Бориса Чехонина в это время расхаживала от столика к столику и на вопрос, как дела, отвечала, по-детски чуть картавя: «На всякую старуху бывает проруха».

В каменном главном здании находились столовая, кинозал, бильярдная, телевизионный зал, библиотека, зал отдыха с пианино. Остальные постройки дома отдыха были деревянными. На большой территории расположились два двухэтажных жилых корпуса и дюжина дач. Известинское руководство размещалось на постоянной основе в больших дачах и в двух кирпичных корпусах, где раньше жил обслуживающий персонал. Позднее, когда хозяйство разрослось, для персонала построили за дорогой два пятиэтажных панельных дома.

Подмосковная природа дома отдыха «Пахра» была просто волшебной. Река делала резкий разворот перед крутым склоном, на котором еще не зажили следы войны — заросшие густой травой солдатские окопы. С другой стороны на пригорке виднелись уже почти совсем разрушенные постройки фермерского хозяйства, которым, по преданию, управляла некая Марья. Пригорок получил народное название Манькина гора и, минуя ее, отдыхающие заходили по тропам в смешанный лес с широкими полянами, а зимой — с проложенными лыжными трассами. Манькина гора служила нашим лыжникам географической точкой, возле которой они договаривались встретиться после многокилометровых пробежек. По крупным праздникам на Манькиной горе устраивали шашлыки. Пели и танцевали под баян. Все были дружны и веселы независимо от должностей. Путевки в дом отдыха сотрудникам «Известия» стоили очень дешево за счет профсоюзной скидки. Два рубля на уик-энд за сотрудника и пять рублей за члена семьи.

Увы, те времена давно прошли. Главный корпус в условиях новой собственности сгорел, сгнили деревянные корпуса и дачи. Запустел и начал разрушаться недавно построенный большой кирпичный корпус на Манькиной горе. Вокруг на бывших полях и полянах начали возводить коттеджные поселки, закрытые высокими заборами.

Такие же изменения я наблюдал в других районах Подмосковья. Недалеко от Куркино, пригорода Химок, я по приглашению друга

жил с супругой в дачном поселке, построенном немецкими военнопленными для сотрудников НКВД-КГБ и госплановского начальства. Дачи, хотя и обветшалые, но удобные, с большими террасами, несколькими комнатами, с отоплением газовой колонкой, ванной и туалетом. Некоторые и сейчас стоят в окружении высоченных берез и многих соток земли. Их, однако, вытесняют роскошные особняки, конкурирующие друг с другом архитектурной роскошью. Таких строений я не встречал ни в Канаде, ни в Мексике, ни в Бразилии или Аргентине, не говоря уже об Англии. Бывшая номенклатурная элита поддержала «революцию сверху» и стала, наконец, приватизатором-собственником государственных дач. В советские-то времена они были тут временщиками: ушел на пенсию и будь добр, очисти занимаемую госдачу для сменщика. Я сам видел в дачном поселке Петрово-Дальнее, как одна генеральша выбрасывала вещички другой генеральши, крича: «Освободите помещение!»

За забором поселка особняков в Новогорске, напротив футбольной тренировочной базы «Динамо», спрятались скромные пятиэтажки местных жителей. На клочках земли копошился рабочий люд, сажая картофель, кабачки и другие овощи. Земля болотистая, в лесу, негодная для посевов. Она, впрочем, такая же, как и около особняков. Их владельцы привозят «камазы» с песком и черноземом, нанимают гастарбайтеров из Средней Азии или Украины и разбивают за забором английские лужайки. Раздается стрекот бензиновых косилок. Прямо как в Англии, где у владельцев домов одно хобби — стричь газоны.

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Мне посчастливилось работать в «Известиях» в годы, когда главным редактором был Лев Николаевич Толкунов. Мои зрелые и лучшие творческие годы пришлось на период его «правления». Сужу по вырезкам моих публикаций, которые хранятся в личном архиве. Около половины моего известинского стажа пришлось на работу зарубежным корреспондентом. По числу публикаций на первом месте, естественно, кубинские очерки о первых шагах становления новых порядков на Острове свободы; второе место — девятилетний период работы в Мехико — статьи, репортажи о странах Латинской Америки; третье — цикл материалов о Канаде, от международных комментариев до спортивных репортажей. Приятно было сознавать, что при Толкунове газета пользовалась уважением, росло число ее поклонников-подписчиков.

Оказалось, мы с Львом Николаевичем познакомились еще осенью 1954 года. Тогда я был начинающим журналистом в «Комсомольской правде», получил задание написать статью о важном событии — принятии Конституции Китайской Народной Республики. Управился в срок. Но поскольку я был международником, как говорится, без году неделя, мой опус правили старшие товарищи, а затем послали на консультацию к редактору отдела социалистических стран «Правды» незнакомому Льву Толкунову. Идти было недалеко. «Комсомолка» располагалась тогда в одном здании с правдистами. Толкунов встретил меня «весь — внимание», выглядел очень молодо.

Через десять с лишним лет мы встретились вновь в старом редакционном здании на Пушкинской площади. Толкунов был главным редактором «Известий». Я же — его покорный слуга, корреспондент газеты в Гаване. Приехал в Москву в отпуск. Полагалось явиться к главному на беседу-отчет. К моему счастью, в лице Толкунова я нашел заинтересованного слушателя, который тонко разбирался в предмете разговора. В доверительной обстановке, не растекаясь по древу, я рассказал о последних политических веяниях в Гаване. Так было каждый раз, когда я приезжал в Москву.

После возвращения из кубинской командировки в конце 1968 года Лев Николаевич одобрил мое назначение редактором отдела международной жизни «Недели». В этом популярном приложении к «Известиям» я уже сотрудничал. Долгое время «Неделя» существовала как приблудная овца, жила без своего штатного расписания, на энтузиазме журналистов, искавших свое место под солнцем. При Толкунове все встало на свои места. «Неделя» обзавелась даже своей редколлегией. Я был ее членом и хорошо помню, как Толкунов, невзирая на лишние хлопоты, внимательно рассматривал планы наших публикаций, решал кадровые и другие дела совместно с нашей редколлекцией.

Помнится, был период, когда все издания испытывали нехватку газетной бумаги. Сократился тираж и объем «Недели». Об этом остром вопросе зашел разговор на недельской редколлегии в присутствии Толкунова. Он обещал при благоприятных условиях добиться восстановления нашего тиража и объема. Тираж вскоре восстановили. Некоторые из нас ратовали за идею отделения «Недели» в самостоятельное издание (статус, штаты, зарплата и прочее были давно утверждены). Толкунов не возражал, но и горячо не поддерживал эту идею. Он считал, что нас не поймут на Старой площади. Аргументы — за «Неделей» нужен глаз да глаз. Объяснялось это

особым характером публикаций, отличавшейся от газеты тематикой, стилем, манерой подачи. Как мы шутили, «Известия», мол, — официоз, при мундире, застегнутом на все пуговицы, «Неделя» же носит джинсы и футболку. В «Неделе» поощрялось «новенькое», сенсационное, отвергалось все вульгарное, бульварщина. Толкунов поддерживал эти постулаты.

Вернувшись из «Недели» в иностранный отдел газеты, я дважды выступал в роли парламентского корреспондента, наблюдал Толкунова в Кремле в общении с первыми лицами государства. В огромном зале за длинным столом сидели председатели Верховных Советов пятнадцати республик СССР, несколько членов Политбюро, ученые, деятели культуры. Со многими Толкунов обменялся рукопожатиями как с хорошо знакомыми. Чувствовалось, он был на хорошем счету в этом высшем обществе. На заседании обсуждался важный вопрос — о нерациональном использовании пахотных земель под стройобъекты, автотрассы, железные дороги. Тему для обсуждения подсказали публиковавшиеся в «Известиях» репортажи с мест, письма читателей. Откликаясь на эту кампанию, Верховный Совет принял соответствующий указ. В конце заседания был отчет о поездках советских парламентариев с дружественными визитами в разные страны.

В другой раз в Кремле рассматривалась Конвенция о запрещении бактериологического оружия перед ее ратификацией Верховным Советом. В течение двух с половиной часов мы слушали основной доклад и прения. В поддержку ратификации выступили Громыко, Суслов, другие ораторы. Рука отнялась делать заметки в записной книжке. Подошел Толкунов и вручил копии выступлений. «С ума сойти! Материала на две страницы», — вырвалось у меня. «Пошли к Суслову», — ответил на это Лев Николаевич. Подошли. Суслов и глазами не повел в сторону парламентских корреспондентов «Известий». Вытер пот на лбу носовым платком и распорядился Толкунову: «Уместите все на полстраницы».

Легко сказать «уместите». Толкунов улыбнулся. Он уехал в редакцию. А мы с Юрой Голошубовым начали резво сокращать тексты Громыко и Суслова, основного докладчика лишь упомянули. Успевали с репортажем к выходу газеты по графику. Но долго ждали «добро» на наши сокращения от помощников двух членов Политбюро. Тербили их телефонными звонками. Один отвечал: «Хозяин еще не приехал». Другой говорил: «Не велено беспокоить».

Однажды меня вызвали к Толкунову. Быстро поднялся на шестой этаж, миновал помощника Колю Иванова. Открыл двойную

дверь, Лев Николаевич стоял у окна и разглядывал бронзового Пушкина. Не оборачиваясь, заговорил:

— Какой чудесный вид на площадь! — Обернулся. — Вот что. После стольких лет борьбы за разрядку сегодня в Кремле подписываются советско-английские документы. Отправляйтесь туда и возьмите интервью у Брежнева.

— У кого-кого?! Но он же никому не дает интервью.

— Пора начинать. Я договорился. После подписания Леонид Ильич подойдет к кинооператорам в центре зала. Вы стойте справа от них. Договорились, Брежнев остановится тут на минуту, и вы зададите ему вопросы. С вами на подмогу пойдет Владимир Осипов.

— А вопросы уже согласованы?

— Нет. Сами придумайте. Вы же работали собкорами в Лондоне. Вам и карты в руки. Кстати, договорились: Брежнев узнает вас по значку «Известий» на лацкане пиджака. У вас есть значок? Нет? Возьмите мой. Желаю удачи.

Удача, увы, от нас чуть не отвернулась. Если на двух заседаниях в Верховном Совете мы справились самостоятельно, без опеки Толкунова, то на этот раз его отсутствие могло обернуться крахом. Стол, где Брежнев с премьером Вильсоном подписали совместный документ о сотрудничестве, был отгорожен от кинооператоров толстым бархатным канатом. Вот Брежнев и Вильсон поставили свои подписи, обменялись рукопожатиями, подняли бокалы с шампанским, вступили в беседу. Леонид Ильич про нас, видимо, позабыл. Осипов заметил, как знакомые журналисты с телевидения протиснулись сквозь окружение подписантов и протянули микрофон Брежневу. «Айда!» — толкнул меня тетка и перемахнул через бархатный барьер. Я за ним, пробрался через толпу в момент, когда ребята с телевидения уже уходили. Осипов умоляюще просит Брежнева: «Леонид Ильич! Мы от «Известий»». Брежнев поворачивается к нам. Через голову тетки я протягиваю свой магнитофон:

— Скажите, как вы оцениваете подписанную с Вильсоном...

— А я уже сказал, — слегка нахмурился. Но, видимо, вспомнив о договоренности подойти к нам, Леонид Ильич четко и ясно повторил сказанное телевизионщикам. Осипов протягивает свой магнитофон и задает еще вопрос. В этот миг я почувствовал, как кто-то стоявший за моей спиной поднял меня и повернул к себе лицом. Телохранитель! С телосложением супермена. «Вы откуда здесь взялись? Кто разрешил?» Я гордо ответил: «Главный редактор “Известий” Толкунов!» «И только-то! И только-то!» — напирал те-

лохранитель. Спас нас Замятин, известный кремлевский воевода. «Сматывайтесь, ребята!» — шепнул он мне в ухо.

Весьма короткое интервью с Брежневым появилось в газете на следующий день, 17 февраля 1975 года. Но зато первое с генсеком. Осипов очень радовался удаче. Расхаживал по кабинетам и прокручивал пленку со своим голосом и ответом Брежнева. И вдруг по ошибке нажал не на ту кнопку магнитофона. Красную, на стирание записи. Чуть не плача выпросил у меня дубль — мою кассету. Талантливый журналист, любимец Толкунова, он вскоре умер в расцвете сил.

Честно признаться, я завидовал и удивлялся работоспособности Толкунова. Казалось бы, худощавый, невысокого роста, отнюдь не спортсмен, он нес тяжелый груз ответственности главного редактора. Про таких говорят: двужильный. Покоряли его человеческие качества. Он не срывался на окрик в общении с подчиненными, не допускал панибратства. От одного знакомого АПНовца я услышал про Толкунова: «мягко стелет...» А разве плохо, если твой начальник не повышает голоса, тебя распекая, справедливо и строго требует дела. Крепкие нервы имел Толкунов и физическую выносливость.

Помнится, еще мальчишкой я увлекался фотографией, десятиклассником мечтал стать кинооператором. Еще в 50-е годы купил в Москве впервые появившийся отечественный 16-миллиметровый любительский киноаппарат «Киев». С тех пор накопилось много киносюжетов о товарищах-известинцах. Снимал их на субботах, по случаю юбилейных праздников, на отдыхе в Пахре. В одном из эпизодов запечатлел в движении Льва Николаевича. Уверен, сотни профессиональных фото Толкунова сработаны нашими штатными фотографами. Но моя пленка уникальна. На ней — радужный, веселый, широко улыбающийся, помолодевший Лев Николаевич вручает подарки фронтовикам-известинцам. То был славный день! Круглый юбилей — тридцать лет со дня победы над фашизмом.

Мне повезло работать в первоклассном журналистском коллективе под руководством опытных редакторов. Я вообще горжусь, что прожил великолепную, счастливую жизнь. Хоть помирай завтра — не жаль ничего «недожитого». До войны окончил десятилетку. В послевоенные студенческие годы жил с матерью в коммуналке, в институт ходил в кирзовых солдатских сапогах, хлеб покупал по карточкам. Первый костюм (на свадьбу) сшил на зарплату литсотрудника «Комсомолки». Первую квартиру — «хрущобу» — получил от «Известий» в Новых Черемушках, тогда на окраине столицы,

а последнюю — просторную, отличную, в Сокольниках — благодаря хлопотам Толкунова и других товарищей.

Я был свидетелем, как Лев Николаевич при сотрудничестве с издательством и типографией «Известий» во главе с Леонидом Павловичем Грачевым потратил много усилий на расширение материальной базы. Пробивали решение о строительстве нового редакционного корпуса, жилого дома-«небоскреба» на Черкизовской, об оснащении типографии современным оборудованием. Пробивали и, конечно, постоянно следили за возведением этих объектов. Смешно и горько читать пасквили очернителей всего святого и хорошего, созданного упорным трудом миллионов советских граждан. Разве пасквилянты были слепыми? Разве не видели свершавшихся на их глазах новшеств, хотя бы на примере известинского комбината? Он владел собственным автогаражом-гигантом, десятками автомашин, бумажными складами, жилыми домами в престижных районах. Строился второй санаторий на Кавказском побережье, обновлялись два дома отдыха, пионерлагерь, дачи в Подмоскowie, расширялась известинская поликлиника, два детских сада. Стоимость путевки в дом отдыха «Пахра» равнялась зарплате литсотрудника (140 руб.), а известинцам, сотрудникам и рабочим, стоила с профсоюзной скидкой около 36 рублей. Жизнь улучшалась с каждым годом. Советских людей наполняло чувство веры в лучшие времена.

Толкунов впервые пришел к нам в сложный, отчасти разношерстный коллектив. В нем тон задавала оставшаяся «команда Аджубея». Сменивший последнего после Пленума ЦК в октябре 1964 года временный главный Владимир Ильич Степаков не менял кадровый состав. Помню, перед собранием сотрудников, где его представляли, он совещался с партийными секретарями отделов. Я был тогда в их числе. Он удивил меня, спросив: «В агитпропе меня предупредили, что посылают в буржуазную газету. Это верно?» Я сквозь усмешку обнадежил его, что он ошибается.

Творческая атмосфера в редакции была непростой. В прокурорских кабинетах рождались радикальные идеи. Опираясь на здравомыслящее большинство, состоявшее из первоклассных журналистов, Толкунов сумел провести корабль «Известий» через Сциллу и Харибду. Его железная логика, аргументы, спокойный и уверенный тон рассуждений оказывали благотворное воздействие. Я восхищался особым даром Толкунова точно, словно обладая электронным мозгом, выражать свои мысли вслух, с ходу. После расшифровки его речи стенографистками ее можно было печатать без единой поправки.

В последний раз я виделся со Львом Николаевичем в далекой Никарагуа. Из Мехико я был послан освещать сессию Межпарламентского союза. Толкунов был уже председателем верхней палаты Верховного Совета СССР и был послан возглавлять нашу делегацию в Манагуа. Представители десятка стран мира обсуждали глобальные проблемы. В разрушенной войной Манагуа не было приличных помещений для делегатов, и наши товарищи жили в душном коттедже, принадлежащем сбежавшему от революции буржую. Правда, для заседаний спешно построили павильон, оборудованный кондиционерами. Лев Николаевич простудился, охрип. Я снабдил его мексиканскими противовоспалительными таблетками, и он стал говорить свободно. Развлечений никаких. Ни кино, ни театра, ни музеев. Все разрушено. Не было транспорта путешествовать по стране. Зато вдоволь тропической жары! Оставались в коттедже и долго беседовали. Теперь очень свободно, ибо Толкунов не был моим прямым начальником, а я его подчиненным. Вспомнили нашу первую встречу, работу над передовицей о конституции Народного Китая. Затем об испортившихся отношениях с Пекином при Хрущеве. Я высказал мнение, что разлад дружественных связей был неизбежен. Толкунов не удивился моему суждению. Я продолжал: следовало нашим ученым написать монографию о неравномерном развитии социализма в братских странах подобно тому, как когда-то Ленин обосновал теорию о неравномерном развитии капитализма и, как результат, о неизбежных противоречиях между империалистическими государствами.

— А такая диссертация написана, — живо заметил Лев Николаевич. — Закрытая, правда. По заданию ЦК.

По тому, как он оживился, как засветились его глаза, я прочел в них: автором диссертации был он — Толкунов.

Разговор зашел о Мексике, где более полувека правила одна буржуазная партия. Ее лидеры живо интересовались опытом КПСС, так же безраздельно и бессменно руководившей страной. Один из них спрашивал меня, как у нас обстоит дело с критикой, есть ли конструктивная оппозиция. В Мексике существует такая проблема. Партия порой завоевывала все депутатские мандаты, часть из них отдавала социалистам. Но толку никакого. В заключение я спросил Льва Николаевича: «А почему бы нам не создать двухпартийную систему?» Он опять не удивился моей, казалось бы, сумасбродной идее. Только спокойно ответил: «Такую идею отработывали наши ученые. Доложили ЦК, что будет накладно иметь вторую партию».

Мы тепло попрощались. Я подарил Толкунову две мексиканские фигурки из оникса — поддерживать стопки книг на письменном столе. Но теперь-то я переживаю, что расставание могло бы быть более теплым. Хотя бы обнялись, как фронтовики, похлопали друг друга по спинам, как это делают мексиканцы. Кто знал, что скоро Льва Николаевича не станет.

Как часто говорил Толкунов, человек силен задним умом. Взявшись тащить груз Главного во второй приход в «Известия», Толкунов опирался на двух своих первых помощников. На роль своего первого зама он привел с собой из АПН Николая Ефимова, директора апээновского издательства, и, к удивлению многих, вызвал из Мехико «ссылного» Игоря Голембиовского, сделал ответственным секретарем редакции. Два ключевых поста в руководстве заняли, казалось, сильные, опытные люди. Но когда Толкунов перешел на работу в Верховный Совет, оба его назначенца не удержали известинского руля.

Лев Николаевич, дорогой! Если бы вы могли узнать, как Голембиовский превратил красавец-корабль «Известия» в разбитую посудину! Он оставил коллектив без винта и ветрил — без своей типографии, без комбината, автогаража, без домов отдыха и поликлиники. Он судился с директором издательства. Отсудил лишь новое здание редакции. «Известия» стали печатать в типографии на улице «Правда», где вы когда-то работали. Тираж газеты при вас, Лев Николаевич, достигал восьми миллионов. А сейчас, когда пишутся эти строки (2001 год), тираж «Известий» — стыдно признаться — менее 300 тысяч экземпляров. Поблекла звезда приза «Известий» по хоккею с шайбой — ваше, Лев Николаевич, с Борисом Федосовым детище, приносившее славу газете и солидную твердую валюту в казну государства. Зарубежных корреспондентов у «Известий» теперь практически нет. Сотрудники ютятся в тесных комнатах. Ибо многие этажи нового здания редакции, которое стоило вам столько сил и нервов, сдано в аренду под офисы различных фирм.

В 1970 году майские праздники не ограничились для нас Первомаем, Днем печати и Днем Победы. В котловане, на стройке нового здания «Известий» Толкунов вместе с директором издательства Грачевым закладывали нечто вроде капсулы — клише с посланием потомкам. Грачев, в прошлом генерал, начальник тыла Волховского фронта, после войны — министр бумажной промышленности, был человеком напористым. Частенько не ладил с Толкуновым. Каждый хотел сделать больше добра для своего коллектива. Например, при распределении квартир в новом доме.

Грачев держал в руках две металлические дощечки. Приблизившись к нему, я разглядел два клише с мемориальных досок, что висели в вестибюле «Известий» и на видном месте в издательстве. На мраморных досках золотыми буквами были выгравированы имена известинцев-журналистов, а также типографских рабочих, погибших в Великой Отечественной войне. Обращаясь ко мне (мы были знакомы), Грачев сказал: «Тут на клише имена советских людей, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины. Пусть далекие потомки, обнаружив своеобразную находку — наше послание, узнают, что эти люди создали могучую великую державу и, не щадя живота своего, защитили ее от лютого врага — германского фашизма».

Грачев передал клише рабочим типографии. Они бережно опустили их на землю, закрыли толстой бетонной плитой и засыпали песком.

ЗАЧЕХЛЯЮ ПИШУЩУЮ МАШИНКУ

Родная деревня Чувашиха, где я проводил летние школьные каникулы, находится к востоку от Москвы, во Владимирской области. Чтобы добраться до деревни, надо пересечь реку Колокшу. Не глубока, не широка река, но легковые автомобили часто застревали, пытаюсь проехать по булыжному дну. Пробовали пробираться через поселок Ставрово, где был мост. Там дорога поднималась в крутую гору у села Кишлеево, отличавшегося богатыми двухэтажными домами. Персональная «эмка» отца буксовала по мокрой травянистой горе. Пришлось ему вернуться в Москву, а мы с матерью наняли подводу, чтобы доехать до Чувашихи, минув нашего ближайшего соседа — село Чеково.

Первое время я раз в неделю ездил на велосипеде в село Небылое, где выпекали хлеб. Расстояние в один конец — 12 км. Привязывал буханку к багажнику и возвращался домой. Путешествие увлекало меня возможностью посмотреть соседние деревни и села. Все они русские, названия кончаются на букву «о». Другие знакомые места тоже русские, но без «о» в конце — Петушки, Ковров, Лакинск, Собинка, Владимир. Какой чуваш поселился на пригорке у реки Колокша, чтобы деревню назвали Чувашихой?

Мои юношеские годы я считаю золотыми. Отец как ударник-строитель получил квартиру в районе московской Шаболовки. Вместе с братом из старой деревянной начальной школы я стал ходить в десятилетку. Ее только что построили. Школа увлекала меня

по двум статьям — спорт и фотodelo. Мы с товарищами завоевали первенство Москвы по волейболу среди школ. Ребят приглашали играть за ведущие московские клубы «Динамо» и «Спартак». Меня пригласили в «Локомотив».

Но не меньше волейбола я был увлечен занятиями в фотокружке. Когда учеба в школе приближалась к концу, я стал мечтать о поступлении во ВГИК, сначала на операторский факультет. Решение возникло после выхода на экраны «Веселых ребят». На просмотр великолепной комедии ходили двумя классами, 9-м и 10-м. Среди нас был Оська Михайловский, отличный музыкант. Вернувшись из кинотеатра, он сразу заиграл главную мелодию картины: «Нам песня строить и жить помогает».

Так уж получилось, что кинематографистом я не стал, зато моя профессия оказалась тесно связанной с фотографией. Журналист работает со словом, но я быстро понял, что корреспондент должен подкрепить сказанное и написанное материалами, сработанными на узкой фотопленке. С фотоаппаратом я не расставался всю войну и в награду имею фронтовые фотографии однополчан. В зарубежных командировках фотоаппарат помогал мне сохранить живыми впечатления от путешествий. Когда появились кинокамеры, стал много снимать для семьи. Позже на примитивной технике озвучил домашние фильмы, наложив музыку и собственный голос в качестве гида по разным уголкам нашей страны и далекой заграницы.

Работая над книгами, я проверял свою память с помощью обширной домашней библиотеки. Ее начало относится к голодным 20-м годам, когда моя мать-крестьянка Мария Степановна приобрела полные собрания Лермонтова, Некрасова, произведения Пушкина. Читал, не отрываясь. Теперь, когда минуло столько десятков лет, дома в разных шкафах хранятся собрания классиков литературы всех поколений. Многие приобретены по подписке в книжном магазинчике, кажется, на Кузнецком Мосту в Москве. Там всегда выстраивались длинные очереди. Советское государство не скупилось, так сказать, на пищу для ума. Наряду с тракторами и оружейными заводами открывались городские и сельские библиотеки. Славилась не только московские Ленинка или Некрасовка.

В юности я в один присест, запоем прочитал книги «Овод» Войнич, «Как закалялась сталь» Островского и главу «Княжна Мери» из лермонтовского «Герой нашего времени». В отличие от Пушкина Лермонтов казался мне полным философских суждений, в стихах и в прозе. Историческая тематика увлекла меня после прочтения от первой до последней страницы купленного матерью издания ра-

бот академика Тарле. Полюбил я творчество Горького. Он отвечал на главный вопрос — в чем смысл жизни? Я почерпнул у Горького, что жизнь надо прожить не для себя, а для народа.

Когда началась война, комиссар нашего авиаполка Настоящий призвал нас, технарей, вступать в партию — первыми в бой идут коммунисты! Я долго тянул с заявлением. Размышлял, готов ли я, ведь это на всю жизнь. Срок пребывания в комсомоле ограничивался молодыми годами, а партия — это навсегда. В своем заявлении я хотел сослаться на Горького, но решил изложить его взгляды на смысл жизни своими словами. И надо же — мое заявление завернули как витиеватое. Оставили в кандидатах. Комиссар возмущался: «Самого активного и отложили. Бюрократы!»

Жизненные принципы я познал еще в авиамеханическом училище. Они просты: провинился — неси наказание, отличился — обязательно отметят. Работал я всегда долго и упорно. В моей трудовой книжке нет ни одного взыскания, только благодарности. Я был одним из первых технарей полка, кто получил на фронте боевую медаль и орден Красной Звезды. Меня, начинающего журналиста «Комсомолки», отправили в командировку на войну в Египте. Я «засыпал» газету очерками и корреспонденциями, и это заметили. Через некоторое время я стал первым собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в капиталистической стране — в Англии.

Матушка слегла с инсультом в декабре 1970 года. Спустя две недели после похорон управдом попросил нас, сыновей усопшей матушки, освободить небольшую комнату, забрать пожитки: пружинную кровать, зеркало, шкафчик и холодильник «Саратов». Его я подарил матери в год, когда в нашем торгпредстве в Лондоне объявили о продаже некоторых товаров на фунты стерлингов, пересчитанных на рубли по установленному курсу. То была первая ласточка зарождавшейся «Березки», особого валютного магазина. «Саратов», размером меньше кухонной плиты, подвешивался на пружинах и, включенный, очень шумел. Кое-какую мебелишку я спрятал в строящемся кооперативном гараже.

Швейную машинку, что мать, вероятно, получила в приданое, мы с братом Анатолием вынесли на улицу. Рассчитывали, что кто-нибудь подберет. Я раскрыл ящичек, где хранились иголки, а там, к моему изумлению, лежали новые дамские часы «Звезда». Их я подарил матери за безотказную помощь мне, особенно когда я, холостяк, жил с ней в коммуналке в бывшем купеческом доме на улице Зацепа. Мать тогда работала медсестрой в детских яслях.

Я долго рассматривал часы и вспоминал фронтовое время. Питались мы на Северо-Западном фронте не ахти как здорово. Блуждали по лесу, собирали чернику. Как-то снял с руки элегантные дамские часики и уронил в траву. Долго их искал, но не нашел. Было очень обидно, ведь мать подарила их мне, когда я уезжал в армию. Теперь они как бы вернулись ко мне в память о матери.

За свои девяносто с гаком лет мне не пришлось особо тужить. Тяготы жизни в мое малолетство легли на плечи отца и матери. На фронте авиаторов кормили и одевали, как положено, хотя и без излишков. В институте нас, мужиков, учившихся на английском отделение иняза, обеспечивали приличной стипендией. К тому же каждый год наш вождь распоряжался сокращать цены на продукты.

С 1957 года начались зарубежные командировки. Почти половину журналистской жизни я провел за границей. Трудно сосчитать, сколько посетил чужих столиц и крупных городов. Легче сказать, где работал годами — в Англии, на Кубе и в Мексике. Значительно длиннее список стран, где бывал по месяцу и более — в Египте, Сирии, Канаде, Танзании, Аргентине, Перу, Бразилии, Никарагуа. Почти обо всех моих командировках написаны книжки, путевые очерки, корреспонденции. Кто заинтересуется, пусть возьмет в библиотеке мои книжки о Египте («Солнце возвращается Египту», 1957 год); об Англии («Фог рассеивается», 1961 год); о Мексике («Мексиканский олимп», 1968 год); о Никарагуа и других странах Латинской Америки («Разбуженная сельва», 1981 год) и другие. Все выпущены издательством «Молодая гвардия», за исключением последней, изданной в «Библиотечке “Известий”».

Когда наступил черед пенсионного, не слишком спешного пребывания на белом свете, занялся фронтовыми воспоминаниями. Писал однополчанам, просил прислать рассказы об их четырех годах войны. Выезжал в свой родной авиаполк в Шаталово, изучал в секретном отделе историю полка. В 1983 году опубликовал в «Молодой гвардии» книгу «Воздушные разведчики». В 2010 году дополнил воспоминания военных лет в книге «Не щадя себя и своих врагов». Последняя книга «Ровесник СССР», которую первоначально думал назвать «Мемуары фронтовика», явилась, как я просил сына Андрея, ценным подарком на мое 90-летие в конце июня 2012 года.

Вспоминая свою прошедшую жизнь, удивляюсь тому, сколько чудес я повидал в экзотических уголках мира. Среди них, например, египетские пирамиды и Ниагарский водопад. А какие трепетные чувства я испытывал, когда бродил среди развалин Вавилона

и Луксора, римского Колизея и древнеиндейского городища Паленке в Мексике! Мне довелось шагать по золотистому ожерелью пляжей Рио-де-Жанейро, вглядываться в просторы африканского озера Виктория у истоков могучего Нила, плыть по Гудзону мимо зеленой статуи Свободы. И каждый раз я чувствовал себя великим счастливцем. Чудеса света открывались мне и при посещении знаменитых музеев и картинных галерей в Лондоне, Париже, Каире, Вашингтоне, Флоренции и Риме. О них все мы более-менее хорошо знаем. А есть еще сокровища искусств в менее известных, но столь же великолепных музеях Торонто и Мехико, Дамаска и Лимы. Мне посчастливилось восхищаться ими тоже.

Нет, не для того я вспоминаю об этом, чтобы подчеркнуть свою счастливую судьбу. Во время моих дальних поездок бывали и иного рода острые впечатления: потопленные в ходе войны корабли в Суэцком канале, сожженные войной никарагуанские деревни, рухнувшие от землетрясения высотные здания Мехико, стоны под их обломками еще живых людей. Все это осталось в памяти на всю жизнь. Я уже не говорю о пепелищах на родной земле, о горящих в небе самолетах, об убитых и раненых: сколько их врезалось в память за четыре года Великой Отечественной войны! Казалось, кошмарные сновидения должны преследовать меня до конца моих дней.

К счастью, с возрастом человеческая память слабеет. А снится мне... Чувашиха, белокаменный дом с кирпичными украшениями вдоль крыши, как на барской усадьбе. Иногда во сне я иду по тропинкам знакомого леса или бегаю босиком по свежескошенному лугу. Трава колется, и я просыпаюсь в холодном поту. После заграничной жизни у меня осталось немного валюты, чтобы выехать в те экзотические места, где я побывал раньше и пережил мгновения радости и наслаждения. Но почему-то туда не тянет, не рождаются сильные ностальгические чувства. А вот в Чувашиху тянет. Зов предков? Не знаю, не знаю...

* * *

Москва—Пекин

В 1949 году широко отмечалось 70-летие Сталина. В Москву прибыл лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун. Мы пели торжественную песню «Москва—Пекин», с известной первой строчкой «русский с китайцем — братья навек». Сталин и Мао Цзэдун поддерживали деловые, дружественные отношения. На юбилей Сталина в Большом театре Мао сидел рядом с советским вождем. Сот-

ни наших специалистов помогали китайцам создавать индустрию социализма. Партнерами тогда были и коммунистические партии. Никита Хрущев хотел главенствовать в коммунистическом движении подобно Сталину. Мао ему в этом мешал. Хрущев заморозил отношения с Китаем. Свертывал экономические связи, подрывал сотрудничество армий двух стран, отменил сталинское обещание оказать помощь в создании атомной бомбы. Советско-китайские отношения оставались напряженными на протяжении долгого времени.

Весной 2013 года наконец открылись замечательные перспективы дружбы и всеобъемлющего сотрудничества между крупнейшими государствами мира. Москву посетил глава Китайской Народной Республики Си Цзиньпин. Это был первый официальный визит за рубеж нового главы пекинского руководства. Перечеркнуты неприятные страницы в истории. Заключено более десятка важных договоров. На пресс-конференции Председатель КНР отметил, что Китай и Россия являются самыми главными партнерами стратегического взаимодействия. Си Цзиньпин встретился с руководителем КПРФ Геннадием Зюгановым, с которым был хорошо знаком, будучи главой Компартии Китая. Согласно уставу партии, Си Цзиньпин будет возглавлять страну десять лет, до 2022 года. К этому времени самая многонаселенная держава, вероятно, станет обладать и самой мощной экономикой в мире.

Визит пекинского руководителя состоялся в канун Великого праздника — Дня Победы 9 мая. Шествия и митинги проходили в больших и малых городах нашей страны. В центре Якутска, на территории крупного алмазодобывающего предприятия «Алмазы Анабара» состоялась церемония открытия памятника Иосифу Виссарионовичу Сталину. Памятник состоит из бронзового бюста, весом около 400 килограммов. Вождь народов изображен в гимнастерке с орденами, со знакомыми по тысячам фотографий усами и прической. Бюст установлен на плите из розового мрамора высотой более двух метров. Все сооружение опирается на черное мраморное основание и возвышается на четыре метра. Жители Якутска семь лет добивались от мэрии установки памятника. И вот наступил долгожданный день. На митинге выступали многие. Предоставили слово ветерану Великой Отечественной войны, которому исполнилось 90 лет. Простой красноармеец Георгий Ефимович Апросимов сказал, что фронтовики-якутяне, защищая сегодня Сталина, защищают прежде всего государствообразующий русский народ: «Я говорю это как красноармеец, воевавший с именем Сталина. На фронте

солдаты все время спрашивали о Сталине и слышали в ответ: Сталин на посту. И все успокаивались. Значит, у нас все будет хорошо. Вот кто такой Сталин! Само его имя руководило нами. Его идеи живут в наших сердцах».

Сталинские дела и мысли сейчас размещены в Интернете. На сайтах можно найти более 400 тысяч страниц речей, писем, статей и прочих материалов из фонда Сталина и Политбюро ЦК КПСС. Распахнулись ворота в сокровищницу идей и замыслов человека, олицетворявшего драматическую эпоху строительства социализма. Сталин руководил страной почти 30 лет. И, как верный солдат на посту, все эти годы он честно и ответственно служил своему народу.

* * *

Конец-конец.

Этим дополнением я заканчиваю и свою журналистскую карьеру. Зачехляю пишущую машинку.

Спасибо за внимание!

26 мая 2013 года

ЭПИЛОГ

Я оставляю в знак памяти о себе семь книжек—сборников очерков о путешествиях по разным странам плюс три книжки о войне. Я расстанусь с фронтовым аккордеоном и современной электропианолой «Ямаха», но порой думаю еще поиграть, даже если ослепну. Боже мой, как несуразна природа! Человек за долгую жизнь овладевает столькими профессиями, широки его знания, богат опыт. И вдруг — никому не нужен. И самое несправедливое: является старуха-смерть и в один миг отнимает у общества его великое богатство. Человека, которого долго обучали читать, писать, творить... И это считается естественным циклом жизни. Нет, это величайшая глупость природы!

Но коль скоро мы не в силах ее исправить, пусть будет как есть. Мне хотелось бы написать правду о счастье, выпавшем на долю нашего поколения. Впрочем, об этом написаны тысячи книг и газетных статей до смутного времени горбачевщины. Одними — талантливо и даже гениально, другими — серо, буднично, как это делается в спешке для газеты. Но все говорит о полнокровной, радостной, веселой жизни миллионов советских людей. Умный человек сможет узнать правду об этой жизни, внимательно присмотревшись к героям популярных советских фильмов.

Говорят, перед смертью человек в одно мгновение видит всю прожитую им жизнь. Возможно. Я уверен, что обязательно увижу свое счастливое детство и отрочество, золотые студенческие годы, веселую, неунывающую жену и выросшего выше меня (в разных смыслах) дорогого сына. Я увижу много хороших красивых русских лиц, услышу бодрые, оптимистические песни, которые вдохновляли наше поколение. Я увижу луга Чувашихи, лесные тропки, дедушкиного мерина Матроса... Я желаю сыну счастливой жизни. Многие радости он уже вкусил. Увидел Новый Свет, поработал дипломатом в Перу, объехал со мной Мексику, учился в университетах в Нью-Йорке и Северной Каролине, был деканом факультета журналистики МГИМО, затем проректором этого престижного института. У него все впереди. Как хорошо, что у нас в семье не было и нет проблемы «отцов и детей». А ведь бывает, что яблоко далеко падает от яблони.

Автор этих строк родился в 1922 году, когда на одной шестой части планеты возникла великая держава — Союз Советских Социалистических Республик. Населявшие его разноразличные народы тесно сплотились ради осуществления вековой мечты — жить вольной,

счастливой жизнью. В течение 70 лет СССР удивлял мир новаторскими идеями, беспримерными темпами экономического развития. Создав новейшую индустрию, советские люди обеспечили свою свободу и независимость. В 40-х годах в жестокой, кровопролитной войне с фашизмом они завоевали великую Победу и приступили к возрождению разрушенной страны. Все эти годы Советский Союз был символом свободы для миллионов угнетенных, их путеводной звездой. Под влиянием Великой Октябрьской революции почти во всех странах появились партии коммунистов.

Во второй половине XX века социализм триумфально шествовал по планете. Да так стремительно, что под его знамена встало втрое больше людей, чем насчитывалось жителей в самом СССР. Путь социализма стали избирать молодые государства третьего мира, освободившиеся от господства колониальных империй. Победы советских людей вдохновляли миллионы его друзей в мире и, напротив, вызывали страх и ненависть в стране его врагов.

Все это происходило на моих глазах, причем вся моя сознательная жизнь была посвящена защите первой на Земле социалистической державы, в годы юности — с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны, а затем — всю жизнь! — на идеологическом фронте в качестве журналиста-международника. И вот, когда трудовая жизнь позади, когда ты на «заслуженном отдыхе» и хотелось бы оставить в покое пишущую машинку, жизнь дала как бы обратный ход. За считанные годы «перестройки» была оплевана полная героики и трагизма советская история, осмеяны мечты, идеалы и кумиры советских людей, заменены лозунги, преданы забвению национальные интересы великой страны.

Нигилистический дух «перестройки» подорвал устои социализма в соседних европейских странах. Враги социализма на Западе, потратившие миллиарды долларов на борьбу с коммунизмом, предстали перед чудом — самоликвидацией социалистического образа жизни в Восточной Европе и с затаенным дыханием ждали, когда подобное случится в Советском Союзе. И вот троица заговорщиков в тиши Беловежской пуши под звон бокалов решилась поправить волю советских народов к единству, подтвержденную на референдуме 17 марта 1991 года. Не дожив года до своего 75-летия, Советский Союз распался на дюжину с лишним удельных княжеств.

То, что не смогли сделать Гитлер, мировой империализм, его ядерная монополия, западные «рыцари плаща и кинжала», почти без шума свершила «перестройка». Что это за всесильное, сокрушающее чудовище?

Не помню, какой период истории России можно было бы оценить аналогичными словами. Наверное, только период Гражданской войны и интервенции, когда враги молодой Советской республики сжимали кольцо удушения вокруг Москвы и от Советов оставался кусочек России. Но и тогда у народа была вера в победу. А когда история повторилась, когда гитлеровцы прорвались к Химкам в 41-м, мы нисколько не сомневались, что разгромим фашистов. Аналогию надо искать в лихолетье «смутных времен» России, может быть, периода татаро-монгольского ига.

Вот ведь на что оказался способным обыкновенный человек по фамилии Горбачев, по имени Михаил, по отцу Сергеевич. Выходит, что достаточно изворотливая личность может повернуть вспять стрелки истории и в считанные годы развалить самое крупное государство в мире. Да, да, самое крупное — и по территории, и по производству нефти и стали, и по горам накопленных атомных бомб.

Каким же могучим демоном надо быть, чтобы совершить такое зло? А может быть, напротив, не очень сильным. Одному человеку не под силу стронуть и пустить под откос целый состав, состоящий из пятнадцати «суверенных» вагонов. Тогда подложили под рельсы огромной силы фугас с клеймом: «Сделано Б. Ельциным». 1991 год. Беловежская пуца. В результате вагоны разлетелись в разные стороны, а машинист локомотива Горбачев вылетел из удобного кресла. Насаждая якобы демократию, рулевой пользовался неограниченной диктаторской властью генсека ЦК партии.

Мне всю сознательную жизнь мечталось, что когда-нибудь во главе государства встанет человек с высшим образованием, интеллигент с большой буквы. И тогда сократятся до минимума и даже исчезнут грубые ошибки, просчеты, издержки в созидании социализма. Их, естественно, не могли избежать вожди с образованием церковно-приходской школы и даже те, кто учился заочно и сдавал экзамены экстерном в университете.

Они пришли! Интеллигенты с красиво завязанными галстуками и умеющие произносить длинные монологи, бойко отвечать на вопросы журналистов. У Горбачева и Ельцина в изобилии природная самовлюбленность и стремление к комфорту. Чрезмерный азарт политического игрока. Их обоих ожидает суровый общественный трибунал.

Пусть за 70 лет советской власти погибли, к сожалению, миллионы людей, порой безвинно и глупо, но большинство жило счастливо, с твердой верой в лучшую жизнь. И она создавалась — год от году, медленно, со скрипом, но строилась. Мы это наблюдали и ощущали. И больше всего нас огорчало не отсутствие материаль-

ных благ, а «пробивные человеки», ломавшие ради собственной выгоды святые принципы социальной справедливости и равенства.

И вдруг перестройщики плюнули нам в лицо: зря прожили жизнь, винтики! Все ваши 70 лет наплевать и растереть! И кошунство это творилось под болтовню о свободе и демократии, под оглушающий визг американского рок-н-ролла. Из лексикона перестройщиков исчезли слова «рабочий» и «колхозник», зато с восхищением произносились: предприниматель, бизнесмен, миллионер, богач, господа. По телевидению мы не слышали, в газетах перестали читать добрые слова о человеке труда, зато елейно воспевались новые буржуи, биржевики, брокеры и заезжие к нам поглазеть отпрыски царской семьи и бывших дворян.

Долой коммунистов, комсомольцев, пионеров! Долой госпредприятия, колхозы, совхозы! Дашь частника и иностранного инвестора! Пустить с молотка землю! Бесстыдное низкопоклонство перед Западом, сдача ему одной позиции за другой ради призрачного обещания подключиться к «цивилизованному миру». Но чем больше оплеывали все 70 лет моей жизни, как и многострадальную судьбу моей Родины, тем энергичнее звучал людской гнев в адрес перестройщиков, растоптавших память миллионов моих соотечественников, пожилых и молодых.

Они, как и я, жили — не тужили. Жизнь не обязательно измеряется отдельной квартирой или дачей, разнообразной едой и деньгами в кармане! Дай Бог прожить нашей жизнью всем русским. Без унижительного поиска работы, без платы за учебу, за прием у врача, без благотворительных похлебок, заморской милостыни, в конце концов, при нормальном 8-часовом рабочем дне, за который боролись наши деды, штурмывая царский Зимний дворец, и о котором стыдливо забыли прорабы «перестройки».

Иногда кажется, что вся прожитая жизнь — радость школьных лет, героика фронтовых будней, золотые студенческие годы, полная открытий и приключений журналистская деятельность, наконец, твоя личная судьба, ставшая частью истории могучей семьи советских народов, — все это не более чем счастливый и фантастический сон. Да нет! Тысячу раз: «Нет!» Не сон! Все это было, было! И об этом я рассказал. Чтобы знали потомки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вострышев Михаил. Москва сталинская: Большая иллюстрированная летопись. М.: Алгоритм, 2008.

Галумов Эраст. Неизвестные «Известия». М.: Изд-во «Известия», 2009.

Долгополов Николай. Главный противник. Тайная война за СССР. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011.

Зиновьева Ольга. Символы сталинской Москвы. М.: Дом ТОНЧУ, 2009.

Кармен Александр. Единственная и неповторимая. Беседы о профессии. М.: МГИМО-Университет, 2011.

Рыжков Николай. Трагедия великой страны. М.: Вече, 2007.

Саттон Э. «Уолл-Стрит и большевицкая революция» / Рус. пер. 1998.

Справка «Современники о И. В. Сталине» 2010 г.

Хасбулатов Руслан. Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. М.: Яуза-пресс, 2011.

КНИГИ В.И.СИЛАНТЬЕВА

Силантьев В. Солнце возвращается Египту. М., 1957.

Силантьев В. Фог рассеивается. М., 1961.

Силантьев В. Осторожно: Неоантиквары. М., 1964.

Силантьев В. Ядовитые пилюли на экспорт. М., 1967.

Силантьев В. Мексиканский Олимп. М., 1968.

Силантьев В. Воздушные разведчики. М., 1983.

Силантьев В. Пробужденная сельва. М., 1983.

Силантьев В. Звездный час Монреаля. М., 1986.

Силантьев В. И один в небе воин. М., 2001.

Силантьев В. Не шадя себя и своих врагов. М., 2010.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Иванович Силантьев родился в 1922 году. Ветеран Великой Отечественной войны. Его журналистская биография началась с августа 1952 года, когда после окончания Института иностранных языков он пришел работать в «Комсомольскую правду». Дебют в «Комсомолке» был плодотворным. В 1956 году газета направляет его корреспондентом в Египет, где тогда грохотали пушки войны из-за Суэцкого канала. Репортажи с места событий легли в ос-

нову первой книжки «Солнце возвращается Египту». Затем редакция газеты посылает его своим корреспондентом в Лондон. Итог этой поездки — книга английских очерков — «Фог» рассеивается.

В 1960 году В. Силантьев переходит на работу в «Известия», выезжает в командировки за рубеж, сначала в качестве собственного корреспондента на Кубе и в Мексике, позже в Канаде, а в последние годы был дважды в длительных командировках в Мехико как собкор «Известий» по Латинской Америке. Им были написаны книги «Осторожно: неоантиквары», в которой разоблачается суть политики неокOLONиализма, «Ядовитые пилюли на экспорт» — о подрывной деятельности западных «радиоголосов», а также «Мексиканский Олимп» и «Звездный час Монреаля» (в соавторстве). Книга «Пробужденная сельва» — очерки о разных странах Латинской Америки, в которых автор побывал неоднократно.

Его перу также принадлежат книги военных воспоминаний — «Воздушные разведчики», «И один в небе воин», «Не щадя себя и своих врагов». Автор посвятил их подвигу героев-летчиков и тяжелой работе авиамехаников, с которыми довелось служить долгие четыре года войны.

Владимир Иванович Силантьев

родился 25 июня 1922 года в Подмоскowie, в поселке Подлипки. Родители русские, родом из малоземельных и крепостных крестьян Владимирской губернии. Отец, как и его товарищи, шабашничал плотником, чаще всего в Подмоскowie. Образование в пределах церковно-приходской школы. Отец и мать молились за счастье, чтобы их дети учились.

Владимир получил среднее десятилетнее образование, как и его брат Анатолий. По комсомольскому призыву брат поступил в военное Артучилище в Ленинграде, участвовал в короткой войне в Финляндии. Во

время Великой Отечественной войны служил на артскладах в Казани. Туда же приехала мать в эвакуацию. Брат закончил службу полковником, доктором технических наук.

Автор в предвоенное время также учился в Ленинграде, в авиатехническом военном училище. В войну служил авиамехаником. Затем окончил Московский институт иностранных языков, переводческий факультет, английское отделение. В 1952 году направлен на работу в «Комсомольскую правду». В 1960 перешел в «Известия». Из 30 без малого лет творческой деятельности половину провел в длительных и коротких загранкомандировках. Как корреспондент «Известий» побывал в более чем в тридцати странах, расположенных в обоих полушариях, исключая один континент — Австралию. В итоге — знакомство с разноразличными народами, их жизнью, бытом, средой обитания — да какой! Представьте раздолья Амазонии, длиннющий Нил или крупнейшее тропическое озеро Виктория! Личные впечатления и выводы из журналистских блокнотов стали богатейшим материалом для подготовки этой книги.

Кроме работы в редакциях и загранкомандировок, автор работал также редактором международного отдела «Недели», заместителем редактора одного из иностранных отделов в «Известиях». В стиле мемуарной литературы автор издал три книги о героях-летчиках, авиамеханиках гвардейского полка, воздушных разведчиках. Его перу также принадлежат несколько политических книг.

ISBN 978-5-7567-0665-9

9 785756 706659